

ISSN 2524-0285

Вестник Донецкого национального университета



НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Б
Гуманитарные
науки

1/2020

**Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.
Серия Б: Гуманитарные науки»**

Ответственный редактор – д-р филос. наук, доц. **Е.В. Андриенко**.

Заместитель ответственного редактора – д-р пед. наук, доц. **Д.А. Чернышев**.

Ответственный секретарь – канд. ист. наук, доц. **В.В. Разумный**.

Члены редколлегии: д-р ист. наук, доц. **В.Л. Агапов**, д-р филос. наук, проф. **Т.А. Андреева**, д-р ист. наук, проф. **А.В. Бредихин**, д-р пед. наук, проф. **А.И. Дзундза**, д-р филос. наук, проф. **Н.Н. Емельянова**, д-р пед. наук, проф. **Е.Г. Евсеева**, д-р ист. наук, проф. **Г.П. Ерхов**, д-р филос. наук, проф. **Е.А. Капичина** (Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского), д-р ист. наук, проф. **А.В. Кияшко** (Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д-р ист. наук, доц. **А.В. Колесник**, д-р пед. наук, проф. **М.Г. Коляда**, д-р ист. наук, проф. **Е.Ф. Кринко** (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д-р филос. наук, проф. **Д.Е. Муза**, д-р ист. наук, проф. **Г.Р. Наумова** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация), д-р ист. наук, проф. **В.Н. Никольский**, д-р пед. наук, проф. **П.В. Плотников**, д-р пед. наук, проф. **Е.И. Скафа**, д-р пед. наук, проф. **О.Ф. Турянская** (Луганский национальный университет им. Т. Шевченко), д-р ист. наук, доц. **Л.Г. Шепко**.

**Editorial Board of the journal “Bulletin of Donetsk National University.
Series B: Humanities”**

Editor-in-Chief – Doctor of Philosophy, Docent **Ye.V. Andrienko**.

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Pedagogy, Docent **D.A. Chernyshev**.

Executive Secretary – Candidate of History, Docent **V.V. Razumnyi**.

Members of the Editorial Board: Doctor of History, Docent **V.L. Agapov**, Doctor of Philosophy, Prof. **T.A. Andreeva**, Doctor of History **A.V. Bredikhin**, Doctor of Pedagogy, Prof. **A.I. Dzundza**, Doctor of Philosophy, Prof. **N.N. Yemelianova**, Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.G. Yevseeva**, Doctor of History, Prof. **G.P. Yerkhov**, Doctor of Philosophy, Prof. **E.A. Kapichina** (Lugansk State Academy of Culture and Arts), Doctor of History, Prof. **A.V. Kiyashko** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of History, Docent **A.V. Kolesnick**, Doctor of Pedagogy, Prof. **M.G. Kolyada**, Doctor of History, Prof. **Ye.F. Krinko** (Institute for Socio-Economic and Humanities Research, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Philosophy, Prof. **D.Ye. Muza**, Doctor of History, Prof. **G.R. Naumova** (Moscow State University M.V. Lomonosov, Russian Federation), Doctor of History, Prof. **V.N. Nikolskiy**, Doctor of Pedagogy, Prof. **P.V. Plotnikov**, Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.I. Skafa**, Doctor of Pedagogy, Prof. **O.F. Turyanskaya** (Lugansk National University), Doctor of History, Docent **L.G. Shepko**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, 83001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33

E-mail: elena_andrienko8@mail.ru, razumnyi.vitalii@yandex.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikB>

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки» включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (приказ МОН ДНР № 1134 от 01.11.2016 г. с изменениями № 122 от 13.02.2018 г.) по следующим группам научных специальностей: 07.00.00 – Исторические науки и археология; 09.00.00 – Философские науки; 13.00.00 – Педагогические науки.

Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Протокол № 5 от 29.05.2020 г.

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Б. Гуманитарные науки

№ 1/2020

СОДЕРЖАНИЕ

История

- Гриб В.К., Колесник А.В.* Ритмы культурогенеза, расселения и землепользования на землях Донбасса в раннем Средневековье 5
- Крыжановская И.И.* «Американская исключительность» во внешней политике администрации Дж. Буша-старшего (1989–1993 гг.) 17
- Кухтин М.М.* Генезис концепции «Древнего общества» в советской исторической науке 22
- Лещенко О.Ю.* К вопросу о культурных влияниях России на Ближнем Востоке: русские учреждения в Иерусалиме, построенные в середине XIX – начале XX вв. 27
- Людоровская Т.Ю.* Культурно-досуговая сфера рабочих семей Донбасса в 20–30-е годы XX в. 36
- Носко К.Г.* Патронаж во французских салонах XVIII в. 44
- Старченко Н.Н.* Организация и структура питания населения города Сталино (1943–1953 гг.) 51
- Тягливая О.А.* Франко-американское сотрудничество в сфере военной промышленности (1974 – 1981 гг.) 57
- Фанталов А.Н., Малязина М.А.* Некоторые замечания к особенностям дворцового переворота 1761 года 61
- Шабельников В.И., Терзи Е.С.* Советская этническая политика и жизнь национальных меньшинств на территории Донбасса в 1920-х – первой половине 1930-х годов 67
- Шульга Д.П.* Меридиональные связи в Китае III в. до н.э. как прелюдия Шелкового пути 77

Философия

- Агаркова А.А.* «Озерные» мотивы русской художественной аквапоэтики культурно-философские ракурсы 86
- Гришанова Е.В.* Становление эстетической мысли в культуре античности 95
- Даренская В.Н.* Южнорусское барокко как мировоззренческий стиль 101
- Мазаненко О.М.* Структурный анализ творческого сознания как эстетического феномена 108
- Миргородский А.А.* Философия права Николая Александровича Бердяева 119

<i>Романенко-Бурлуцкий Я.Л.</i> К вопросу об исчерпаемости антропологического ресурса в контексте философской проблемы «конца времен»	123
<i>Романова А.С.</i> Личностный успех как социокультурный и мировоззренческий феномен	130
<i>Рочняк Е.В.</i> Музыка как отражение жизненного мифа в эпоху новейшего времени	136
<i>Стрельникова Н.И.</i> Духовно-нравственные основания политики в концепции И.А. Ильина	140
<i>Шатохина Н.П.</i> Феномен творческой свободы в контексте метафизического подхода	146

Педагогика

<i>Абраменкова Ю.В.</i> Подготовка учителей математики и информатики к использованию информационно-коммуникационных технологий в их будущей профессиональной деятельности	154
<i>Головинова А.А., Чернышев Д.А.</i> Моделирование процесса организации социально-педагогического партнерства по формированию здорового образа жизни в условиях дошкольного образовательного учреждения	161
<i>Гриздуб Н.В.</i> Педагогические условия формирования культуры безопасной жизнедеятельности студентов в процессе самостоятельной работы	171
<i>Дзундза А.И., Собко О.В.</i> Обоснование методов формирования готовности студентов педагогических колледжей к организации обучения математике младших школьников на основе систематизации и структурирования учебного материала	176
<i>Должикова А.В., Евсеева Е.Г.</i> Обеспечение преемственности в обучении математике между основным средним и высшим профессиональным образованием согласно требованиям государственных образовательных стандартов Донецкой Народной Республики	182
<i>Жуков С.М., Гончарова В.С.</i> Концептуальные основы формирования духовности личности в сфере музыкального искусства	188
<i>Козленко Н.В.</i> Использование инструментов системы дистанционного обучения Moodle в преподавании иностранного языка	194
<i>Кривошеева Г.Л.</i> Непрерывное образование как необходимое условие достижения профессионального долголетия педагога	200
<i>Марченко Г.В.</i> Профессиональная подготовка педагогов как фактор управления качеством образования	210
<i>Мерхелевич Г.В.</i> Методология, принципы и технология разработки двуязычного фразеологического словаря интегрированного типа опорного ресурса для формирования профессиональной среды международного общения	217
<i>Селякова Л.И., Садовенко Н.О.</i> Обучение числовым системам при подготовке будущего учителя математики	224
<i>Чеботарева Е.В.</i> Особенности формирования у студентов вузов навыков перевода (на материале зарубежных художественных фильмов)	230
<i>Яковлева Е.В.</i> Структура и этапы формирования саморегуляции в профессиональной деятельности специалистов по адаптивной физической культуре	235
Правила для авторов	243

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

Series B. Humanities

№ 1/2020

CONTENTS

History

<i>Grib V.K., Kolesnik A.V.</i> Settling and land use systems in Donbass in the second half of the 7-th – the second half of the 10-th centuries	5
<i>Kryzhanovskaya I.I.</i> «American exceptionalism» in foreign policy George H. W. Bush (1989–1993)	17
<i>Kukhtin M.M.</i> Genesis of the concept of “Ancient society” in soviet historical science	22
<i>Leshchenko O.Yu.</i> To the question of cultural influences of Russia in the middle east: russian institutions in jerusalem, built in the middle of XIX – the beginning of XX centuries	27
<i>Lyudorovskaya T.Yu.</i> Cultural and leisure sphere of the working families of Donbass in the 20–30 years of the twentieth century	36
<i>Nosko K.G.</i> Patronage in French salons in XVIII	44
<i>Starchenko N.N.</i> Organization and structure of nutrition of the population of the city of Stalino (1943–1953)	51
<i>Tyaglivaya O.A.</i> Franco-american cooperation in military industry (1974–1981)	57
<i>Fantalov A.N., Malyazina M.A.</i> Some comments on the features of the revolution in 1762	61
<i>Shabelnikov V.I., Terzi E.S.</i> Soviet ethnic policy and life of national minorities in the Donbass territory in the 1920s – the first half of the 1930s	67
<i>Shulga D.P.</i> Meridial relations in China during the III century BC as a prelude of the Silk Road	77

Philosophy

<i>Agarkova A.A.</i> Lake motives of Russian art “aquapoeys”: cultural and philosophical aspects	86
<i>Grishanova Ye.V.</i> The formation of aesthetic thought in the culture of antiquity	95
<i>Darenskaya V.N.</i> The Southern Russian baroque as an ideological style	101
<i>Mazanenko O.M.</i> Structural analysis of creative consciousness as an aesthetic phenomenon	108
<i>Mirgorodskiy A.A.</i> The philosophy of law of Nikolai Berdyaev	119

<i>Romanenko-Burlutskiy J.L.</i> By the question of potencial depletion of anthropological resource in the context of the philosophical problem of the “end of times”	123
<i>Romanova A.S.</i> Personal success as a socially-cultural and worldwiew phenomenon	130
<i>Rochnyak E.V.</i> Music as a reflection of a myth of life in the modern epoch	136
<i>Strelnikova N.I.</i> Spiriyual and moral background of politics in the conception of I.A. Ilyin	140
<i>Shatokhina N.P.</i> The phenomenon of creative freedom in the context of the metaphysical appriach	146

Pedagogy

<i>Abramenkova Iu.V.</i> Preparing teachers of mathematics and informatics for use of information and communication technologies in their future professional activities	154
<i>Golovinova A.A., Chernishev D.A.</i> Modeling the process of organizing a socio-pedagogical partnership for the formation of a healthy lifestyle in the conditions of a preschool institution	161
<i>Grizodub N.V.</i> Pedagogical conditions for forming a culyure of safe life of students in the process of independent work	171
<i>Dzundza A.I., Sobko O.V.</i> Substantiation of methods for forming readiness of students of pedagogical colleges to organizing teaching mathematics of younger schoolchildren on the basis of systematization and structure of educational material	176
<i>Dolzhikova A.V., Evseeva E.G.</i> Securing continuity in teaching mathematics between basic secondary and higher vocational education according to the requirements of state educational standards of the Donetsk People Republic	182
<i>Zhukov S.M., Goncharova V.S.</i> Conceptual bases of formation of spirituality of the personality in the sphere of music art	188
<i>Kozlenko N.V.</i> Application of moodle’s instruments in teaching of foreign languages	194
<i>Krivosheeva G.L.</i> Continuous education as a necessary condition for achieving a professional life of a teacher	200
<i>Marchenko G.V.</i> Teachers’ professional training as a factor of education quality management	210
<i>Merkhelevich G.V.</i> Methodology and key principles of compiling the new-type bilingual dictionary of phrases and word combinations as the gate to international communication environment	217
<i>Selyakova L.I., Sadovenko E.O.</i> Numeral systems teaching into future mathematics teacher training	224
<i>Chebotariova E.V.</i> Peculiarities of the formation of students’ translation skills (on the material of foreign feature films)	230
<i>Yakovleva Ye.V.</i> The structure and stages of the formation of the regulation of the psyche in the professional activities of specialists in adaptive physical education	235
Guidelines for authors	243

ИСТОРИЯ

УДК 94 (477.6):008 «653»

РИТМЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА, РАССЕЛЕНИЯ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ НА ЗЕМЛЯХ ДОНБАССЕ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ¹

© 2020. В.К. Гриб¹, А.В. Колесник²

¹Донецкий Центр Института востоковедения им. А. Крымского

²ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Системы расселения и землепользования населения Донбасса в период раннего средневековья существенно зависели от природно-географических факторов и изменялись в диапазоне от кочевого к полуседлому и оседлому образу жизни. На Северском Донце известны стационарные поселения второй пол. VII–X вв. с оседлым населением. Природно-климатическая обстановка на землях Донбасса в этот период переживала фазу увлажнения и потепления. Пик оптимизации климата приходится на время существование салтово-маяцкой культуры. В дальнейшем наблюдается системное похолодание и иссушение климата. В статье анализируются поселенческие стратегии, практиковавшиеся у населения среднего течения Северского Донца и степного Приазовья во второй половине VII – второй половине X вв.

Ключевые слова: Донбасс, Хазарский каганат, кочевой образ жизни, поселенческие стратегии, аланы, болгары, хазары.

Введение. Формы собственности на землю в средневековый период могут обоснованно обсуждаться благодаря сведениям из письменных документов, а системы расселения – на основе многочисленных археологических данных. Отправной точкой отсчета в понимании образа жизни средневековых кочевников Европейской Степи длительное время была концепция развития системы землепользования, предложенная С.А. Плетневой. Согласно её взглядам, в раннем средневековье происходило последовательное оседание кочевников на землю, само собой подразумевающее эволюцию образа жизни «от кочевий к городам» [2]. Переход к оседлому образу жизни считался цивилизационным маркером мира тюрко-язычных кочевников степной зоны Европы. При анализе землепользования у кочевников раннего средневековья следует понимать, что рассматриваются системы расселения, наступившие в период стабилизации миграционных процессов, после этапа «обретения родины» и прочного освоения новых земель. Этот процесс окончательно оформился в кочевой среде в степях Донецкого края, Северного и Восточного Приазовья в последней четверти VII в. Хронологические рамки данной работы совпадают с эпохой расцвета и падения Хазарии. В рамках данного отрезка времени выделяются условные «хазарский» и «дохазарский» периоды. «Дохазарский» период в свою очередь делится на три хронологических горизонта: 670/680–705; 705–725; 725–740 гг. [3]. История северо-западных областей Хазарии была насыщена различными военными, культурными и политическими коллизиями. Целью работы является определение частного и общего в

¹ Статья входит в цикл исследований эволюции систем расселения и землепользования в Донбассе в древности и средневековье [1].

процессе развития поселенческих стратегий и типов экономики на землях Донбасса в период раннего средневековья.

Историко-культурная ситуация. После стремительного перемещения гуннов и аваров по степному евразийскому коридору, относительная стабилизация этнополитической ситуации в степях Северного Причерноморья установилась к середине VII в., когда на политическую арену Юго-Восточной Европы выдвинулись болгары и хазары. Этому событию предшествовала начавшаяся в 630 г. война между аварами и кутригурами, закончившаяся поражением последних. Несмотря на то, что военные действия разворачивались в основном в Паннонии, они имели далеко идущие последствия и для небольшой части кутригуров, кочевавшими в то время в Северном Причерноморье. При поддержке Византии Кубрат в 30-х годах VII в. объединяет разрозненные огуру-угорские племена и создает Великую Булгарию, узаконив тем самым династию рода Дуло [4].

Основным источником о Древней Булгарии служат, прежде всего, сведения из сочинений византийских авторов Феофана и Никифора [5]. Новое прочтение источника и более взвешенный подход к грамматическому построению древнего текста, тщательный перевод, позволили А.В. Комару аргументировано доказать локализацию этнического домена Великой Булгарии в междуречье Кубани и Дона [6].

После смерти Кубрата, умершего в годы правления Константина II, т.е. между 641 и 668 гг., Великая Булгария распалась на несколько кочевых объединений. Византийский хронист Никифор пишет, что племя Батбаяна, по-видимому, старшего сына Кубрата, осталось в Восточном Приазовье и стало данником хазар, а орда Аспаруха ушла на запад и заняла территорию в Подунавье. Не исключено, что смерть Кубрата наступила в конце 40-х годов VII в. и распад Великой Булгарии приходится на 60-е годы этого века [7]. Об этом косвенно свидетельствуют имеющиеся данные о походе византийского императора Константина в 679 г. против болгар [4]. Этими булгарами могла быть только орда Аспаруха откочевавшая из Восточного Приазовья, форсировавшая русла таких крупных рек как Дон, Днепр и Днестр, пересекая степи Северного Приазовья и Буджака и осевшая сначала в Огле (между Днестром и Дунаем), а затем и на левобережье Дуная. Хорошо известно, что в 656 г. состоялось первое военное столкновение хазар с приазовскими булгарами, в ходе которого последние потерпели поражение. По всей видимости, это поражение болгар в войне с хазарами во второй половине VII в. спровоцировало усиление центробежных процессов в Восточном Приазовье и стало катализатором последующих культурно-исторических коллизий. Именно в 656 г. европейские хазары заявили о себе как о состоявшейся геополитической силе.

Дальнейшее политическое формирование Хазарии как самостоятельного государства связано с распадом Тюркского государства. Во второй половине VI в. хазары попали в орбиту действий тюркютов, что способствовало их скорейшей консолидации. В это время хазары принимают участие в грабительских походах в Закавказье как неотъемлемая часть военно-политического объединения Тюркского каганата. В ходе гражданской войны, развернувшейся между правящими династиями Западнотюркского каганата Дулу и Нушиби, последние были низвергнуты. Тюркский род хазар Ашина, входивший в конфедерацию племен Нушиби, был вынужден бежать на запад. Вполне возможно, что один из членов тюркютского правящего дома присоединился к хазарам и положил, тем самым, начало династии каганов Хазарии. М.И. Артамонов, детально проанализировавший письменные источники, которые освещали ход гражданской войны в Тюркском государстве, пришел к выводу, что историю Хазарии, как самостоятельного каганата, нужно вести начиная с 651 г. [4].

Правящий в Хазарии род Ашина всячески пытался возродить его былое могущество. Стремясь подчинить кочевое население Северо-Западного Прикаспия, хазары нанесли удар по Великой Булгарии Кубрата, который был представителем враждебного рода Дуло. Их задачей было не уничтожение булгар в Восточном Приазовье, а подчинение и включение их в состав каганата с целью получения дани. Те из булгар (орда Аспаруха), которые не приняли условия хазар, или, что вполне возможно, опасались законов родовой мести, откочевали на Дунай, где впоследствии создали новое независимое Болгарское ханство на Дунае. К 70-м годам VII в. власть хазар распространилась не только на Азово-Каспийские степи, но и на все Северное Причерноморье, включая большую часть Крыма. О хазарском присутствии в причерноморских степях говорится в письме царя Иосифа, который пишет, что хазары преследовали отступающую на запад орду Аспаруха до Дуная. «Таким образом, десятилетия около середины VII в. были не только временем возникновения независимого Хазарского государства, но и распространения его власти на большую часть, если не на все протяжение степей Восточной Европы...» [4].

Уже к концу VII в. под властью хазар оказалась территория западного Кавказа и Восточного Приазовья, большая часть степей Северного Причерноморья и Крыма. Основу населения Хазарии составляли тюрки-булгары, ираноязычные аланы, другие тюркютские и угорские племена, в том числе и предки современных венгров. Наиболее ранний, кочевнический этап культуры Хазарского каганата времени тюркюто-хазарского симбиоза отражают памятники «перещепинской культуры» [8]. Количество памятников «перещепинской культуры» конца VII – начала VIII вв. очень мало [9]. Объяснением данной ситуации может быть экстремальная палеоклиматическая обстановка, сложившаяся в середине-конце VII в. в Северном Причерноморье, когда, к примеру, низовья Днестра представляли собой засушливый регион пригодный только для сезонного проживания [10]. Топография погребений второй половины VII в. показывает практически полное их отсутствие в открытой степи и на водоразделах [11]. Арабо-хазарские войны первой половины VIII в. существенно отразились на процессах сложения новой географии Хазарии. Часть аланских племен, оставили обжитые предгорья Северного Кавказа и переселились в бассейн Северского Донца и Дона. Их примеру последовали булгары и савиры, которые вначале мигрировали в лесостепные районы Подончья и Подонья, а затем еще дальше – в Прикамье, где впоследствии была основана Волжская Булгария. Летняя ставка хазарского кагана переместилась в Подонье и заняла степи в междуречье рек Сал и Маныч.

Вторая половина VIII – первая половина IX вв. считается временем расцвета Хазарского каганата. В это время его границы на западе доходили до Днестра, на севере до Заволжских степей, на востоке до Хорезма, включали Крым и степи Северного Кавказа [2]. В это время население Хазарского каганата было полиэтничным. Кроме собственно хазар, на его территории проживали аланы, болгары, савиры, барсилы, угры, печенеги, славяне, евреи и даже небольшая группа выходцев из Средней Азии. Соответственно, и религиозные верования у этих народов были различными. Основная масса тюркоязычного кочевого населения, оставаясь верной религиозным воззрениям своих предков, исповедовала шаманизм и тенгрианство. Христианство получило большее распространение на территориях, которые в географическом отношении были близки к древним центрам православия (Византии и Армении): в Крыму, Восточном Приазовье и на Северном Кавказе. В середине VIII в. в Крыму была образована Готская епархия, которая играла значительную роль в общественно-политической жизни каганата.

Толчком к распространению ислама в Хазарии послужило поражение хазар от войск Мервана ибн Мухаммада в 737 г. и принятие каганом этой веры. Однако свидетельств о широком распространении ислама среди населения Хазарии в VIII в. нет. Только в IX–X вв. исторические источники фиксируют появление в хазарских городах мусульманских общин, основу которых составляли торговцы и ремесленники, а также наемников-мусульман из числа хорезмийцев. По мнению большинства исследователей на территорию Хазарского каганата ислам распространился из Средней Азии. Выявленные в последние годы в Подонье и Подонцовье раннемусульманские могильники (Маяки, Сидорово, Лысогоровка и др.) датируются концом IX – первой половиной X в. [12–13]. Враждебные отношения с христианскими и мусульманскими странами-соседями (прежде всего с Византией и Арабским халифатом), стремление укрепить свои позиции на международной арене привели к тому, что в начале IX в. хазарский царь Обадий объявил иудейскую религию в качестве государственной. С этого времени власть кагана стала номинальной, а все управление государством перешло в руки царя (каган-бека), который руководил как внутренней, так и внешней политикой каганата. Археологические источники подтверждают, что иудаизм простым населением Хазарии воспринят не был. Надгробия с иудейской символикой встречаются в Фанагории [14], но в степи убедительных материальных следов новой религии хазар пока не найдено [15]. Единственным исключением являются исследования мариупольского археолога В.К. Кульбаки, который в разрушенном погребении хазарского времени, обнаружил глиняный горшок с прочерченными знаками в виде креста и фигуры напоминающей один из символов иудаизма – семисвечник [16].

В IX – середине X вв. земли Северного Приазовья входили в состав так называемой Черной Болгарии, которая упоминается в трактате Константина Багрянородного [17]. В работах А.А. Тортики, приведена убедительная аргументация ее локализации именно в степях Северного Приазовья [18]. При этом черным болгарам отводилась роль сугубо гражданского населения, основной задачей которого было продовольственное обеспечение каганата [19]. В IX в. в Северное Причерноморье начинают проникать новые орды кочевников: венгров, огузов и печенегов. Однако основной удар Хазарскому каганату был нанесен в 965 г. ее северным соседом – Киевской Русью. Захватив Саркел, Итиль, Семендер и Таматарху Святославу удалось обратить западные земли каганата в зону влияния Руси [20].

Системы расселения и землепользования. Система расселения и землепользования в пределах Донбасса в период раннего средневековья (до аланской миграции в 40-е гг. VIII в.) определялась кочевой доминантой в образе жизни огуру-булгарских родоплеменных групп и объединений. Для кочевников степей Евразии этого времени был характерен таборный тип кочевания, в рамках которого происходит перманентное перемещение на значительной площади при наличии большой кормовой базы неосвоенных целинных земель. Такой тип кочевания археологически «трудноуловим», так как оставляет после себя очень мало материальных свидетельств, представленных в основном одиночными погребениями и случайными находками отдельных вещей. Отсутствие стабильности, кратковременность летних стоянок, постоянных зимников и родоплеменных могильников существенно замедляло сложение какой-либо культуры в этих объединениях [21].

Кардинальные изменения в процессе расселения и землепользования на территории Донбасса произошли в 40-е гг. VIII в. обусловленные миграцией из предгорий Северного Кавказа оседлых аланских племен. Сложная военно-политическая

обстановка, вызванная внутренними противоречиями в Хазарском каганате и вторжением на Северный Кавказ арабов, вынудила часть аланского населения переселиться в Подонье и занять земли к северу от открытой степной зоны, в основном в среднем течении Северского Донца и нескольких правобережных притоков Дона. Переселившиеся из предгорий Северного Кавказа аланы обрели «новую родину» на землях, близких им по физико-географическим условиям: высокие меловые отроги правого берега рек использовались ими для сооружения городищ, просторные и ровные, нередко с немного наклонной поверхностью, сухие площадки использовались для размещения поселений и могильников. [22]. В бассейне Северского Донца и его притоков концентрируется значительное количество памятников, среди которых выделяется «агломерация городищ» [23], таких как Царино, Теплинское, Святогорское, Татьяновское, Сидоровское, Кировское, Новоселовское, Райгородок [24]. Наиболее исследованными из них является Сидоровское и Царино городища, где кроме фортификационных сооружений, обнаружены остатки полуземлянок, наземных жилищ и хозяйственных построек [25]. Некоторые возникшие в раннем железном веке городища (Святогорское, Татьяновское) имеют небольшую площадь и, по-видимому, использовались в раннем средневековье в качестве временных убежищ населением, проживавшем на расположенных рядом селищах. Причины строительства городищ связаны, по-видимому, не только с политической обстановкой в Юго-Восточной Европе, но и с возможной конфронтацией внутри Хазарского государства. При этом взгляд на городища, как на пограничные пункты, вызывает критику со стороны некоторых исследователей. Основываясь на топографических особенностях расположения городищ, как правило, у бродов и переправ А.А. Тортика предложил рассматривать их как центры, контролирующие передвижения воинских группировок, торговые пути, сезонные перекочевки и скотопробные маршруты [26].

Аланы принесли с собой и сформировавшийся еще на Кавказе оседлый образ жизни и хозяйственный уклад, базировавшийся на развитом земледелии. Оседлая земледельческо-скотоводческая экономика, выработанная в предгорьях Северного Кавказа, хорошо адаптировалась и получила дальнейшее развитие в природно-климатических условиях новой родины. Кроме того, вместе с аланами в Подонцове были импортированы определенные навыки домостроительства, новые виды оружия, более совершенные типы керамики. Важным в этом процессе являлось то, что у алан керамическое, кузнечное и ювелирное производство на тот момент уже приняло характер ремесленного производства. Таким образом, с середины VIII в. бассейн Дона, в том числе и Среднее Подонцове, стал зоной оседлости, земледелия и урбанизации. Аланский анклав Северского Донца и притоков Дона, фактически Донецкая Алания, был структурирован территориально и, вероятно, состоял из крупных административных единиц, отмеченных скоплениями укрепленных поселений-городищ. «Агломерация городищ» раннего средневековья, расположенных в среднем течении Северского Донца, отражает не только наличие здесь крупного политико-административного центра Хазарского каганата, но и особый экономический район с собственной металлургической базой и развитым сельским хозяйством. Основу экономики составляло комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство фермерского типа. Судя по набору сельскохозяйственных орудий, одинаково хорошо были развиты пашенное земледелие и огородничество [27]. Находки плугов сложного типа, включая чересла и лемехи, могут свидетельствовать о распашке участков «тяжелой» почвы на некотором удалении от стационарных поселков возможно в виде так называемых «отхожих полей», о которых упоминает в своем письме хазарский царь Иосиф [28].

Вторую группу поселенческих памятников бассейна Северского Донца составляют неукрепленные поселения. Их расположение зачастую тяготеет к близлежащим городищам, но известны памятники и на некотором удалении от административно-хозяйственных центров региона [29]. Среди находок бросается в глаза большое количество земледельческих орудий труда – лемехов, наральников, кос, что свидетельствует о высоком уровне обработки почвы с использованием пашенного земледелия [30]. Наряду с земледелием одной из основных отраслей сельского хозяйства у «салтовцев» являлось скотоводство. Эти две отрасли хозяйства были взаимосвязаны и дополняли друг друга. Определенную и скорее всего вспомогательную роль играли охота и рыболовство. Процесс оседания кочевников на землю сопровождался развитием ремесел с постепенным переходом к замкнутому производственному циклу. Это, прежде всего, касается черной металлургии и металлообработки, керамического производства, изготовления ювелирных изделий [31].

Пашенное земледелие, развитое огородничество, комплексное (приселищное и отгонное) скотоводство населения Северского Донца – признаки интенсивного сельского хозяйства в рамках экономики аграрного типа. Данных для реконструкции форм землевладения, пока недостаточно, по-видимому, они были типичными для раннеклассового государства того времени. Социальная структура Хазарии была многоуровневой, местная аристократия сохранялась и встраивалась в общую структуру власти [32].

Важнейшим элементом системы землепользования при товарном уровне производства является транспортно-коммуникационная инфраструктура. Она обеспечивает экономические связи производителей и потребителей товаров, цементирует экономику в единое целое. Базовой транспортной артерией населения хазарского времени бассейна Северского Донца оставалась сама река. Узловые участки скотопробных и торговых переправ, как отмечено выше, маркировались крупными укрепленными поселениями – городищами. Таких переправ известно несколько в пределах среднего течения реки: у г. Изюм, сел Богородичное, Маяки, Райгородок [33]. Помимо вероятных торговых путей эти переправы обслуживали сезонные перекочевки стад и отар скота с левого берега на правый, и наоборот. Пойма Северского Донца имеет ширину от 20 до 70 км и отличается богатым травостоем и хорошо приспособлена для зимнего содержания скота при условии создания запасов корма. Левобережная пойма реки фактически являлась круглогодичным пастбищным парком для жителей правобережных поселков и городищ. Такое внутреннее экономическое районирование скотоводческого сектора экономики алано-болгарского населения среднего течения Северского Донца диктовалось особенностями природно-климатической обстановки, наличием по соседству с «агломерацией городищ» богатой природной зоны. В целом, лесостепной экономико-географический район, основная часть Донецкой Алании, функционировал в раннем средневековье как самодостаточная замкнутая экономическая система. Расцвет городищ во вт. пол. IX – перв. пол. X вв. показывает время окончательного сложения экономического базиса и систем землепользования у местного населения Хазарии.

Степная часть Донбасса в это время по-прежнему была заселена в основном оногуро-булгарскими племенами, хозяйственный уклад которых базировался на отгонном (пастушеском) скотоводстве, носившем сезонный характер. Расстояния кочевков между летними и зимними пастбищами были небольшими – от 20 до 80 км. Это давало возможность пастушеским коллективам больше времени проводить среди своих сородичей в стойбищах и поселениях. В то же время археологические

исследования последних лет позволяют предположить и наличие приселищного земледелия. Какой вид хозяйственной деятельности – земледелие или отгонное скотоводство превалировало в жизни раннесредневекового населения степного Приазовья, еще предстоит выяснить. Однако вполне возможно, что кочевание в их жизни было не этапом, как долгое время считалось в отечественной и зарубежной историографии, а одним из постоянно действующих хозяйственных укладов наряду с другими [34]. Не последнюю роль в процессе седентаризации (оседания) степного населения Приазовских степей играли социальные факторы развития общества, экологическая обстановка в степи, благоприятность природной среды.

И.И. Ляпушкин, занимаясь изучением раннесредневековых поселений в Нижнем Подонье, еще в 50-х гг. прошлого века отмечал, что «... одним из основных занятий населения было земледелие» [35]. О развитии земледелия в степной части Северо-Восточного Приазовья в конце VIII – X вв. говорят археологические исследования последних лет, в ходе которых открыты хозяйственные ямы-зернохранилища вместимостью от 100 до 1000 кг зерновых (Безыменное, Бердянское, Широкая балка VI Новоазовский р-н), фрагменты каменных ротационных жерновов (Богдановская балка Старобешевский р-н, Запорожец I Тельмановский р-н, Приморское, Широкая балка II Новоазовский р-н), обломки серпов и кос (Безыменное, Бердянское Новоазовский р-н) [36]. Такая же картина наблюдается и в степном Подонцовье, где в ходе исследований луганского археолога К.И. Красильникова были открыты котлованы строений амбарного типа с зерновыми ямами, позволяющими одновременно хранить от 35 до 60 тонн зерна (Рогалик, Луганская обл.) [37]. В придонных горизонтах ям зафиксированы зерна проса, ячменя, пшеницы, ржи, овса, гороха. Преобладающими злаковыми культурами являлись овес, как основная фуражная, и просо, как основная продовольственная культуры. Причем главным направлением развития зернопроизводства в хозяйстве населения Степного Подонцовья было производство фуражных культур – овса и ячменя, широко применяемых для подкорма скота, особенно лошадей, в зимнее время.

В отличие от бассейна Северского Донца, в Приазовье нет большого количества находок металлических орудий обработки почвы. Однако, найденный на селище у с. Широкино (недалеко от г. Новоазовска) фрагмент ручки амфоры с изображением безползного кривоградильного рала косвенно может свидетельствовать о распространении в этом регионе пашенного земледелия [38].

В степной части Донбасса известны многочисленные памятники, относящиеся к рассматриваемому в статье периоду. В настоящее время на территории Донецкого края и Северо-Восточного Приазовья открыто около одной тысячи памятников VIII – X вв. [39]. Их основная часть относится к структурам поселенческого типа – сезонным (летним или зимним) селищам и кратковременным стоянкам-стойбищам.

Для системы землепользования приморской зоны Северного Приазовья в VIII–X вв. характерна одна яркая особенность. Крупные поселки (круглогодичные или сезонные), как правило, образуют скопления, своеобразные «гнезда», в низовьях рек и балок. При этом заселялись преимущественно мысовидные площадки на правом берегу, чаще всего в устье степных речек или древних балок с источниками пресной воды в их верховьях. Поселения тянутся в широтном направлении вдоль береговой кромки, занимая практически все удобные выходы к воде, которые образовались в результате естественных природных факторов. Данные селища функционировали как в зимнее, так и в летнее время. Зимники, как правило, располагались в поймах рек и в балочных долинах. Защищенные водораздельными плато и террасами, они имели

открытый доступ к пресной воде и к круглогодичной кормовой базе, которая характерна для пойменных лугов (Бердянское – 2, Новоазовский р-н). Летние селища наоборот, занимали возвышенные места и располагались на первых надпойменных террасах, за счет чего обеспечивался постоянный приток свежих воздушных масс, что создавало жителям селища относительно комфортные условия проживания при высоких температурах, а домашним животным спасение от мошкары и гнуса (Бердянское – 1). При этом пастбища могли располагаться как в близлежащей пойме, так и на водораздельном плато, примыкающем к селищам с северной стороны. Не исключено использование в летнее время и такой экологической ниши, как земли приморских лиманов. Характерным примером использования такой природной «ниши» является комплекс археологических памятников у с. Обрыв возле г. Новоазовск [40]. Интенсивное заселение прибрежной морской полосы – закономерный результат адаптации к ресурсному потенциалу местности. В прибрежной зоне наблюдается мозаичность ландшафтов и, в связи с этим, повышенный ресурсный потенциал. Не исключено, что поселения приморской зоны на всем протяжении от устья Дона до р. Берда были связаны единой транспортной магистралью. Значительное количество амфорной тары крымского производства не оставляет сомнений в вовлеченности поселений северного побережья Азовского моря в зону морской торговли [41].

К северу от прибрежной интенсивно заселенной зоны, в среднем и верхнем течении рек и балок, впадающих в Азовское море, располагается относительно широкая полоса (около 20–40 км), занятая преимущественно кратковременными стойбищами. Видимо, это была экономическая зона приморских поселков, укрепленная за аилами для сезонного выпаса скота. Кроме сезонных стойбищ, здесь отмечены и круглогодичные селища. Они занимали первые надпойменные террасы, которые с одной стороны имели пологий спуск к воде, а с обеих сторон были ограничены оврагами или балками (Стыла, Писаная балка, Землянки). В ходе исследований селищ хазарского времени у с. Старая Ласпа, Ляпинская балка, Безыменное, Бердянское, Камышеватая, Раздольное, Обрыв (Донетчина), Благовка, Давыдо-Никольское, Новолимаревка, Петровка (Луганщина) получены данные о жилищах и хозяйственно-бытовых постройках народов Хазарского каганата: юртах, юртообразных постройках, полуземлянках, полуземлянках с каменными стенами, столбовыми конструкциями, амбарах, стойлах и загонах для животных. Из культурных слоев таких поселений происходят обломки и целые жернова ручных мельниц ротационного типа, что отражает использование различных зерновых культур.

Кочевое хозяйство степного населения Хазарского каганата постепенно менялось во времени, при этом системы землепользования отражали изменения в формах скотоводства в связи с ростом оседлости среди кочевого населения. Происходящие в IX в. демографические процессы стали одной из причин интенсификации скотоводства и обусловили закрепления пастбищного парка за отдельными родоплеменными группами. В период расцвета экономики государства в степной зоне в IX–X вв. была выработана специфическая форма интенсивного циклического (сезонного) использования пастбищного парка с вовлечением значительных по площади участков плато. В Северном Приазовье выявлена необычная группа небольших сезонных стойбищ раннего средневековья, расположенных на возвышенных участках степи в районах курганных могильников. Впервые внимание на подобные памятники обратил московский археолог И.В. Волков [42]. Эфемерные (кратковременные) памятники данного типа маркируют сезонные стоянки пастухов, выпасавших скот в основном во время цветения степи в весенний период. В 1975 г. раскопкам было подвергнуто одно

из таких стойбищ у подножья кургана на западной окраине г. Донецка. Судя по составу и количеству найденных на стойбище фрагментов керамики, это было место неоднократных остановок небольшого коллектива. Курганные могильники с остатками весенних пастушеских стоянок находятся в глубине степных массивов на значительном удалении от рек и балок и отражают систему землепользования, в рамках которого все степные пространства были включены в пастбищное хозяйство с сезонным распределением нагрузки. Наиболее возвышенные участки степи отцветают в первую очередь, и в конце июня уже малопригодны для выпаса крупного рогатого скота, сохраняя ценность только для отар коз и овец. Как правило, эти временные стоянки пастухов представлены фрагментами амфорной и лепной керамики IX–X вв.

Отдельно необходимо остановиться на системе сезонных перекочевок отдельных аилов. По-видимому, маршруты перекочевок при отгонном скотоводстве носили меридиональный характер и были распределены между аилами вдоль берегов степных рек и крупных балок. Неукоснительное соблюдение этих маршрутов поддерживало не только стабильность сложившихся межродовых социально-правовых отношений, но и предотвращало пастбищную дигрессию степи. Следы подобных сезонных перемещений вдоль берегов небольших рек и балок фиксируются в степной зоне на протяжении всего периода раннего средневековья. При этом рассеянные на большой площади единичные находки керамики не образуют заметных скоплений. Данный тип памятников, фактически тип землепользования, С.А. Плетнёва назвала «полосой обитания», характерной для деятельности пастухов, перегоняющих стада вдоль водотока в рамках годичного цикла [43].

Протянувшаяся фактически от устья Нижнего Дона цепочка приморских раннесредневековых селищ достигает нижнего течения реки Берда, где резко обрывается. В этом регионе известны только отдельные случайные находки вещей и немногочисленные подкурганые погребения кочевников «суханово-сивашевского» круга, датируемые VI – самым началом VIII в. Отсутствие памятников поселенческого типа эпохи Хазарского каганата в Днепровско-Молочанской низменной степи объясняется, прежде всего, неблагоприятными климатическими условиями [44]. Вторым фактором, повлиявшим на демографическую ситуацию в Молочанской степи, была военно-политическая ситуация, сложившаяся на тот момент в Нижнем Приднепровье. Славяне установили на его берегах свое полное господство. С этим геополитическим фактором пришлось считаться не только Хазарии, но и Византии [45].

Заключение.

1. Этнополитическая ситуация, системы расселения и землепользования, экономическое районирование на землях Донбасса окончательно стабилизируются в середине VIII в. в связи с завершением крупного цикла миграционных процессов раннего средневековья в Волго-Донском междуречье и на Северном Кавказе. Бассейн Среднего Дона и Среднего Подонковья стал зоной оседлости, земледелия и урбанизации на основе аланского анклава – выходцев из предгорий Северного Кавказа. Аланский анклав Северского Донца и притоков Дона, фактически Донецкая Алания, был структурирован территориально и, вероятно, состоял из крупных административных единиц, отмеченных скоплениями укрепленных поселений-городищ. «Агломерация городищ» раннего средневековья, расположенных в среднем течении Северского Донца, отражает не только наличие здесь крупного политико-административного центра Хазарского каганата, но и особый экономический район. Основой экономики Донецкой Алании было пашенное земледелие и приселищное животноводство.

2. Степная часть Донбасса, включающая в себя Донецкий Кряж и степи Северо-Восточного Приазовья, в это время была заселена оногуро-булгарскими племенами. Система землепользования праболгар в VIII–X вв. базировалась на крупных, круглогодичных или сезонных, поселках, которые располагались своеобразными «гнездами» в низовьях рек и балок. В хозяйственном укладе ведущие позиции занимало отгонное (пастушеское) скотоводство, носившее сезонный характер, и приселищное земледелие. Основной задачей последнего было культивирование фуражных культур для подкорма скота.

3. На протяжении трех веков истории раннего средневековья (VIII–X вв.) на землях Донбасса сформировалась комплементарная система земледельческо-скотоводческой экономики, баланс которой во многом зависел от фазы природно-климатической истории и географических факторов (лесостепь: земледелие + скотоводство; степь: скотоводство + земледелие).

4. Формы землепользования на землях Донбасса в раннем средневековье напрямую связаны с формами собственности на землю. Вопрос этот находится в стадии изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колесник А.В. Эволюция системы расселения и землепользования в Донбассе в период с рубежа V–IV до середины III тыс. лет до н. э. // Журнал исторических, политологических и международных исследований. Исторический факультет. Сетевой журнал. – Донецк, 2019. – № 1(68). – С. 38-47. – Режим доступа: <http://donnuhist.ru>.
2. Плетнёва С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // Материалы и исследования по археологии в СССР. – М.: Наука, 1967. – № 42. – 197 с.
3. Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita Antiqua. – Київ: Есе, 1999. – № 2. – С. 111-136.
4. Артамонов М.И. История хазар. – Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1962. – 524 с.
5. Чичуров И.С. Место «Хронографии» Феофана в ранневизантийской историографической традиции (IV – нач. X в.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1981 года. – М.: Наука, 1983. – С. 5-11.
6. Комар О.В. «Кубрат» і «Велика Булгарія»: проблеми джерелознавчого аналізу // Сходознавство. 2001. – Вип. 13-14. – С. 133-155.
7. Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. – Л.: Государственное Социально-экономическое издательство. Ленинградское отделение, 1936. – 138 с.
8. Комар А.В. Перещепинский комплекс в контексте новых основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII вв. // Степи Восточной Европы в эпоху средневековья. – Т. 5. – Донецк: ДонНУ, 2006. – С. 7-244.
9. Комар О.В. Населення степів Північного Причорномор'я VI – початку VIII ст. // Автореф. дис. ... к.і.н. Спеціальність 07.00.04. Археологія. – Київ, 2002. – 20 с.
10. Швец Г.И. Многовековая изменчивость стоков Днепра. – Л.: Гидрометеоздат, 1978. – 84 с.
11. Круглов Е.В. Об отражении палеоклиматических условий в географии и топографии археологических памятников степных кочевников раннехазарского времени // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV Международной конференции, посвященной памяти проф. МГУ Г.А. Федорова-Давыдова, 30 сентября – 3 октября 2008 г. – Азов, 2009. – С. 269-273.
12. Копыл А.Г., Татаринов С.И. Мусульманские элементы в погребальном обряде праболгар Среднедонечья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. – Казань, 1990. – С. 52-71.
13. Швецов М.Л., Кравченко Е.С. Нові матеріали до історії ісламу в Україні // Історія релігії в Україні. Тези повідомлень. Частина 5. – Київ-Львів, 1995. – С. 503-505.
14. Чахидзе В.Н. Фанагория в VI–X веках. – М.: ИД «Триумф Принт», 2012. – 590 с.
15. Флеров В.С., Флерова В.Е. Иудаизм в степной и лесостепной Хазарии: проблема идентификации археологических источников // Хазары, евреи и славяне. – Т. 16. – М.-Иерусалим: Мосты культуры - Гешарим, 2005. – С. 185-206.
16. Кравченко Э.Е., Кульбака В.К. О находке сосуда с граффити в Мариуполе // Археологический альманах. – Донецк: ООО «Лебедь», 2010. – № 21. – С. 389-398.

17. Константин Багрянородный. Об управлении империей / Серия «Древнейшие источники по истории СССР». – М.: Наука, 1991. – 496 с.
18. Тортика А.А. «Черная Булгария» Константина Багрянородного «Об управлении империей» и «черные болгары» «Повести временных лет». Проблемы локализации // Дриновский збірник. – Т. V. – Харків-Софія: Академічне видавництво ім. проф. Марина Дринова, 2012. – С. 23-31.
19. Красильников К.И. К вопросу о правовом статусе населения западных периферий Хазарского каганата // Проблеми та дослідження пам'яток археології Східної України. – Київ: Шлях, 2005. – С. 147-149.
20. Коновалова И.Г. Поход Святослава на восток в контексте борьбы за «хазарское наследство» // Stratum plus. – Санкт Петербург–Кишинев–Одесса–Бухарест: Высшая антропологическая школа, 2000. – № 5. – С. 226-235.
21. Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. – М.: Наука, 1982. – 187 с.
22. Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1998. – 216 с.
23. Колесник А.В. Древности Хазарского каганата // Літопис Донбасу. Краєзнавчий збірник. – Донецьк: Літопис, 2006. – Вип. 14. – С. 23-41.
24. Кравченко Э.Е. Городища среднего течения Северского Донца // Хазарский альманах. Том 3. – Киев-Харьков, 2004. – С. 242-276.
25. Кравченко Э.Е., Давыденко В.В. Сидоровское городище // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. – Донецк: ДонНУ, 2001. – Т. 2. – С. 233-302.
26. Тортика А.А. География и топография городищ СМК Верхнего Подонковья в контексте исторических реконструкций // II Бахчисарайские чтения памяти Е.В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции (Бахчисарай, 3-7 сентября, 2013 г.) – Симферополь: Антиква, 2013. – С. 44-45.
27. Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. – Харьков: Вища школа, 1985. – 147 с.
28. Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. – Л.: АН СССР, 1932. – 104 с.
29. Гриб В.К. Пам'ятки доби середньовіччя // Археологічні пам'ятки Середнього Подонців'я (Донецька область) доби каменю, бронзи та середньовіччя: стоянки, майстерні, поселення. – Краматорськ, 2017. – С. 69-87.
30. Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. – М.: Наука, 1981. – С. 62-75.
31. Плетнева С.А. Хазары. 2-е издание, дополненное. – М.: Наука, 1986. – 88 с.
32. Кравченко Э.Е. Средневековые поселения на территории Донецких степей // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т.2. Памяти Г.А. Федорова-Давыдова. – Казань-Кишинев: Высшая школа антропологии, 2019. – С. 669-690.
33. Флеров В.С. О раннесредневековых кочевьях в Приазовье и на Нижнем Дону. К методике полевых исследований // История и культура средневековых народов степной Евразии. – Барнаул, 2012. – С. 25-28.
34. Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры // Материалы и исследования по археологии в СССР. – № 62. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. – Том I. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 85-150.
35. Гриб В.К. Экологический аспект в культуре народов Хазарии (на примере памятников Северо-Восточного Приазовья) // Палеопочвы. Палеоэкология. Палеоэкономика. Материалы Всероссийской междисциплинарной научной конференции. – Пушкино: Товарищество научных изданий КМК, 2017. – С. 44-48.
36. Красильников К.И., Красильникова Л.И. О зернопроизводстве праболгар салтово-маяцкой культуры в степном Подонковье // Средневековая археология Волго-Уралья: сборник научных трудов к 65-летнему юбилею д.и.н., проф., член-корр. АН РТ Ф.Ш. Хузина. – Казань: Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2016. – С. 28-31.
37. Гриб В.К. Нові матеріали відносно розвитку землеробства у господарській діяльності населення Хазарського каганату // Нові сторінки історії Донбасу: Збірник статей. – Кн. 13/14. – Донецьк: ДонНУ, 2007. – С. 356-363.
38. Гриб В.К. Экофильность народов Хазарии: на примере памятников Северо-Восточного Приазовья // Охрана, восстановление и изучение степных экосистем в XXI веке. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня основания заповедника «Хомутовская степь» (г. Донецк, 24-26 августа 2016 г.) – Донецк: Ноулидж, 2016. – С. 196-202.
39. Плетнева С.А. Саркел и «шелковый путь». – Воронеж: Изд-во ВорГУ, 1996. – 168 с.

39. Кравченко Э.Е. Раннесредневековый комплекс поселения Раздольное на р. Кальмиус в Донбассе // Археологический альманах. – Донецк: ООО «Лебедь», 2001. – № 10. – С. 197-208.
40. Гриб В.К., Швецов М.Л. Жилища и хозяйственные постройки населения Северного Приазовья в эпоху раннего средневековья // Археологические записки. – Ростов-на-Дону, 2017. – Вып. 9. – С. 292-314
41. Колесник А.В. Новые региональные типы памятников археологии Донбасса // Святогірський альманах – 2013. – Донецьк: Донбас, ТОВ «РА «Ваш імідж», 2013. – С. 29-37.
42. Волков И.В. Разведки и раскопки в низовьях Дона // Археологические открытия 1982 года. – М.: Наука, 1984. – С. 112.
43. Плетнёва С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // Материалы и исследования по археологии в СССР. – М.: Наука, 1967. – № 42. – 197 с.
44. Раунер Ю.Л. Динамика экстремумов увлажнения за исторический период // Известия АН СССР: серия географическая. – М., 1981. – № 6. – С. 5-22.
45. Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси: IX – первая половина X в. – М.: Мысль, 1980. – 358 с.

Поступила в редакцию 15.01.2020 г.

SETTLING AND LAND USE SYSTEMS IN DONBASS IN THE SECOND HALF OF THE 7TH – THE SECOND HALF OF THE 10TH CENTURIES

V.K. Grib, A. V.Kolesnik

In the early Middle Ages, the Donbass population's systems of settling and land use significantly depended on natural and geographical factors and varied from nomadic to semi-sedentary and sedentary lifestyle. In the second half of the 7th – the 10th centuries on Seversky Donets, there were stationary settlements with settled population. During this period, the Donbass lands climate was in a phase of humidification and warming. The peak of climate optimization occurs during the existence of the Saltov-Mayaki culture. Later the climate gradually changed to cooling and insiccation. The paper analyzes the settling strategies of the population of the middle reaches of Seversky Donets and the steppe Azov Sea Littoral in the second half of the 7th – second half of the 10th centuries.

Key words: Donbass, Khazar Khaganate, nomadic lifestyle, settling strategies, the Alans, the Bulgarians, the Khazars.

Гриб Владимир Константинович

научный сотрудник Донецкого филиала Института востоковедения им. А. Крымского.
E-mail: vladgrib@mail.ru

Grib Vladimir Konstantinovich

researcher,
Donetsk branch of the Institute of Oriental Studies
named after A. Krymsky.
E-mail: vladgrib@mail.ru

Колесник Александр Викторович

доктор исторических наук, и. о. заведующего кафедрой историографии, источниковедения, археологии и методики преподавания истории, ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: akolesnik2007@mail.ru

Kolesnik Alexander Viktorovich

Doctor of History, Department of Historiography, Source Study, Archeology and Methods of Teaching History,
Donetsk National University.
E-mail: akolesnik2007@mail.ru

УДК 327(73) «1989/1993»

«АМЕРИКАНСКАЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТЬ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. БУША–СТАРШЕГО (1989–1993)

© 2020. *И.И. Крыжановская*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматриваются условия формирования однополярного мира в обстановке окончания «холодной войны». Администрация Дж. Буша-старшего, руководствуясь принципами «американской исключительности», закрепляет за Вашингтоном роль мирового лидера. В «новом мировом порядке», формируемым Соединенными Штатами, международное право отходит на второй план, а предпочтение отдается силовым вариантам решения конфликтов.

Ключевые слова: «американская исключительность», однополярный мир, «новый мировой порядок», региональный конфликт, сверхдержава

Президентство Дж. Буша-старшего началось в обстановке пересмотра двусторонних отношений Соединенных Штатов и Советского Союза, заложенных еще при администрации Р. Рейгана. Противостояние двух сверхдержав на протяжении многих лет создавало видимый силовой и идеологический паритет на международной арене. В условиях биполярной системы эти два мощных государства всеми силами стремились, если не обыграть своего противника, то хотя бы ограничить его в действиях. Ситуация изменилась, когда исчез главный идеологический соперник Вашингтона – Советский Союз – и беспрецедентное глобальное влияние США стало новой проблемой, которую администрация Буша-старшего необходимо было решить в кратчайшие сроки.

Изучая данный период американской истории, ряд отечественных ученых, С.Н. Белевцева, Е.В. Журбей и т.п. раскрывают условия формирования «нового мирового порядка», делая акцент на «исключительном» праве американцев вмешиваться в дела других государств. Особое внимание авторы уделяют войне в Ираке 1991 г., которая на годы обозначила методы разрешения региональных конфликтов в однополярной системе мирового порядка.

В тоже время, зарубежные исследователи З. Бжезинский, Р. Кейган, Г. Киссинджер и т.п. детально анализируют нюансы выстраивания внешней политики при Администрации Дж. Буша-старшего. Ученые подробно исследуют влияние «американской исключительности» на формирования «нового мирового порядка».

Цель статьи: проанализировать роль «американской исключительности» в формировании «нового мирового порядка» президента США Дж.Буша-старшего.

Автор статьи подчеркивает, что «американская исключительность» во внешней политике сформировалась в период правления президента Дж. Буша-старшего, когда США осуществили крупномасштабное военное вмешательство на Ближнем Востоке. Поэтому основное внимание было уделено изучению влияния США в ближневосточном регионе.

Со времен Холодной войны американская легитимность покоилась на нескольких столпах, целиком зависевших от существования коммунистической империи. Наиболее прочным столпом была стратегическая угроза со стороны Советского Союза и понимание того, что только Вашингтон обладал силой, способной

сдерживать «империю зла». С точки зрения большинства американских союзников в Европе и Азии, общепризнанная роль Америки как основной защитницы от советской угрозы предоставляла ей весьма широкий ореол легитимности. Соединенные Штаты гордились тем, что они были «лидером свободного мира» в борьбе с тоталитарным миром [1].

Но не только манихейская борьба времен Холодной войны наделила наиболее «сильную демократическую страну» значительным авторитетом в демократическом лагере. Дж. Буш-старший, продолжая политику Р. Рейгана на международной арене, стал последователем реализации «американской исключительности». Под «американской исключительностью» Вашингтон подразумевал экспорт большей части атрибутов американского общественного устройства – экономическую, социальную и политико-правовую подсистемы, а также элементы американской «духовности». Совершенствуя свои демократические институты, Соединенные Штаты никогда не прекращали распространять свое влияние на другие страны, пребывая в полной уверенности, что, реализуя свои собственные интересы, они якобы соблюдают интересы человечества.

На всем протяжении Холодной войны легитимность американской силы и глобального лидерства в значительной степени казались самоочевидными, причем как американцам, так и европейцам. Подавляющее большинство европейцев, хотя и было недовольно американским господством, тем не менее, считало американское лидерство одновременно необходимым и желательным. Основания легитимности Америки никоим образом не были связаны с созданием Соединенными Штатами Организации Объединенных Наций или тщательным соблюдением международного права, изложенных в Уставе ООН. Вашингтон не считал себя обязанным получать одобрение Совета Безопасности перед войной или в случае угрозы ее начала, а европейцы не ожидали и не требовали от него этого. Когда США ссылались на международное право для оправдания своей политики времен Холодной войны, от военных вмешательств до тайных операций, они утверждали по определению, что это было актом коллективной защиты «свободного мира» от изначально агрессивного международного коммунизма. Наконец, «биполярная» международная система времен Холодной войны обеспечивала то, что можно было бы назвать структурной легитимностью. Примерное равенство этих двух сверхдержав означало, что, несмотря на огромную мощь Америки, она все же осталась ограниченной [2, с. 113-115].

В конце Холодной войны эти столпы американской легитимности рухнули вместе с Берлинской стеной. В новых условиях Вашингтон оказался в условиях военно-стратегического и идеологического преимущества. Перед Соединенными Штатами встала задача: стать главным двигателем западных ценностей и демократии в мире и «сохранить активную роль в качестве единственной глобальной державы» [3].

Именно отсутствие тотальной конфронтации с Советским Союзом сделало мнение США главенствующим в международных отношениях и позволило администрации Дж. Буша-старшего более целенаправленно внедрять «американскую исключительность» без вмешательства своего главного соперника. Для этого Президенту Бушу-старшему предстояло сформулировать концепцию национальных интересов США и объяснить: как их обеспечение – в Европе и Азии – будет направлять американскую политику.

В «новом мировом порядке» Соединенные Штаты видели себя в качестве активного игрока на международной арене, где будут реализовываться их национальные интересы, закрепленные в стратегии национальной безопасности. По

мнению Вашингтона, главными целями должны были стать: во-первых, распространение «победившей» либеральной демократии и ценностей рынка; во-вторых, обеспечение глобальной безопасности. Администрация сорок первого президента продумывала подходы к урегулированию потенциальных межнациональных конфликтов, решению вопросов, связанных с международным правом и соблюдением прав человека. Политический истеблишмент рассматривал варианты использования активного вооруженного вмешательства не только в межгосударственные, но и во внутригосударственные конфликты исходя из собственных «стандартов демократичности» [4, с. 54-55]. «Новый мировой порядок» задумывался как концепция по созданию благоприятной для США инфраструктуры, способствующей распространению растущего влияния Вашингтона после окончания «холодной войны» на длительный период.

Исключительно важную роль в формировании новой внешнеполитической, и в частности региональной, стратегии администрации Дж. Буша-старшего сыграла операция «Буря в пустыне». В первую очередь, военная кампания в Персидском заливе должна была продемонстрировать, что с окончанием Холодной войны именно Вашингтон занял новое место на международной арене и претендует на роль единоличного мирового лидера. Параллельно американское руководство ставило своей целью добиться полного контроля и доминирования Соединенных Штатов в регионе.

События на Ближнем Востоке развивались молниеносно. 2 августа 1990 года иракские войска, в составе 120 тысяч солдат и 350 танков, поддерживаемые своей авиацией, вторглись на территорию Кувейта. По данным военных источников, потери кувейтских военных составили: убитыми 4 200 человек и 12 000 захвачены в плен. А уже к 4 августа военные действия были закончены и Ирак получил контроль над 1/5 частью нефтяных запасов всего земного шара [5].

Также молниеносно отреагировали Соединенные Штаты. Вашингтон задействовал все свои дипломатические возможности, для того, чтобы 6 августа Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию 661 в американской редакции, в которой осуждалось вторжение в Кувейт, и устанавливались экономические санкции в отношении Ирака. Не дожидаясь реакции Ирака, уже 7 августа министр обороны Р.Чейни прибыл в Эр-Рияд, где обсудил вопросы, связанные с размещением американских самолетов на военно-воздушных базах Саудовской Аравии [5]. Так начался подготовительный этап войны в Персидском заливе, носивший название «Щит пустыни», который позволил многонациональной антииракской коалиции сосредоточить значительные военные силы, перебросить на будущий театр военных действий топливо, продовольствие и медикаменты.

На территории Саудовской Аравии был развернут 18-й воздушно-десантный корпус американской армии в составе отборных: 82-й воздушно-десантной, 24-й механизированной и 101-й воздушно-штурмовой дивизии. Одновременно с этими силами на территории Саудовской Аравии разворачивались войска более сорока стран-участниц антииракской коалиции. Наиболее значительные контингенты предоставили Великобритания, Франция, Египет и Сирия. Для американских войск открыли свои военные базы Испания и Италия. Египет разрешил ВВС США использовать воздушное пространство страны и позволил авианосной группе из шести боевых кораблей во главе с атомным авианосцем «Эйзенхауэр» пройти через Суэцкий канал. На кораблях в зоне Персидского залива разместились 70 тыс. морских пехотинцев. А 500 самолетов ВВС США и палубной авиации ВМС отрабатывали учебные задачи по нанесению ударов на всю глубину иракской территории [5].

11 сентября 1990 г. президент Дж. Буш-старший обратился к американскому Конгрессу за одобрением военной операции против Ирака. Он озвучил свое принципиально новое видение мира, складывающегося в новых внешнеполитических условиях. В обращении к конгрессменам президент указал на то, что времена изменились радикально и теперь ни один диктатор в мире не может использовать себе на пользу конфронтацию между Востоком и Западом. Убеждая конгрессменов в необходимости вмешательства в дела Ближнего Востока, Дж.Буш-старший отметил, что «новый мировой порядок» будет свободен от боязни террора и даст возможность установить прочный мир и всеобщую справедливость. «Это будет эра, когда каждая нация с востока и запада, с севера и юга получит возможность расцвета и гармоничной жизни», – утверждал президент США [6].

После объявления С. Хусейна «диктатором» и одобрения со стороны Конгресса США и союзников началась активная фаза войны в Персидском заливе, вошедшая в историю под названием «Буря в пустыне». Военная кампания длилась сорок три дня и включала: воздушное наступление (17 января – 23 февраля) и воздушно-наземную операцию (24–28 февраля).

Пока развивались активные боевые действия в очередном послании к Конгрессу 29 января 1991, американский президент вновь возвратился к идейному обоснованию «нового мирового порядка». Дж.Буш-старший говорил, что уже два столетия Америка борется за свободу и сегодня является мировым лидером на пути к ней. На повестке дня не просто судьба маленькой страны – Ирака, а идея «нового мирового порядка», в котором не будет жестокости, а любая агрессивность будет сталкиваться с коллективным отпором [7, с. 140]. Таким образом, доктрина «нового мирового порядка» Дж. Буша-старшего предполагала активное вооруженное вмешательство не только в межгосударственные, но и во внутригосударственные конфликты. Основанием для этого должно было быть соответствие критерий тех или иных государств или группировок «демократическим стандартам», которые определяли Соединенные Штаты.

Операция «Буря в пустыне» была окончена 28 февраля 1991 г., когда вступил в силу приказ Президента США Дж.Буша-старшего о прекращении огня. В итоге маленькой победоносной войны иракская армия потеряла от 20 до 35 тыс. было убитыми, 100 тыс. – ранеными. Около 60 000 деморализованных иракских солдат было взято в плен американскими военными. Согласно американской статистике, потери США составили – 147 человек и еще 12 пропавших без вести [9].

Победа в иракской войне не только продемонстрировала мощь американской армии и ее союзников, но и способствовала небывалому повышению военно-политического престижа и авторитета США как внутри страны, так и на международной арене. Кроме того, Вашингтон продемонстрировал всему миру модель будущего разрешения кризисов в условиях после окончания Холодной войны. При этом американский президент был убежден, что «если Соединённые Штаты не возглавят этот процесс, то его не возглавит никто» [10].

Таким образом, в начале 90-х годов XX века Соединенные Штаты Америки, ввиду отсутствия на политической главной идеологического соперника СССР, закрепили за собой лидирующие позиции на мировой арене. В основу «нового мирового порядка» легла концепция «американской исключительности», ставшая идейным обоснованием военно-силового варианта урегулирования региональных конфликтов. Упор на «исключительности» в принятии международных решений и распространение в мире демократии американского образца делали многие президенты

США, но с позиции государства-лидера, признанного большинством мирового сообщества, впервые эту политику стала проводить администрация Дж. Буша-старшего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Журбей Е.В. Внешняя политика и внешнеполитический процесс администрации Дж. Буша-старшего. [Электронный ресурс] // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – URL: http://ojkum.ru/arc/2010_04/index.html. (дата обращения 12.08.2019)
2. Кейган Р. О рае и силе: Америка и Европа в новом мировом порядке/ Пер. с англ. А.Смирнов. – М.: Дом интеллектуальной книги; «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – С. 113-115.
3. Nyland W. Settling global priorities // Foreign policy. – N.Y., 1988/1989. – Vol. 73. – P. 40.
4. Буш Дж., Скоукрофт Б. Мир стал другим. Пер. с англ. М.: Международные отношения, 2004. – С. 58.
5. Война в Персидском заливе 1990–1991 гг. («Буря в пустыне»). Часть 1. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.modernarmy.ru/article/122>. (дата обращения 15.10.2019)
6. Bush G. Address bef. the Joint Sess. of the Congress on the Persian Gulf Crisis and the Federal Budget Deficit. 11 Sept. 1990 // Ibid. – P.1219.
7. Bush G. Address bef. the 45th Sess. Of the UN General Assembly. 1 Oct. 1990 // Public Papers of the Presidents of the United States. George Bush. 1990. Book II. Wash., 1991. P. 1330-1331.
8. Кларк Уэсли К. Как победить в современной войне/ Пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. – С. 140.
9. Война в Персидском заливе 1990-1991 гг. («Буря в пустыне»). Часть 1. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.modernarmy.ru/article/122>. (дата обращения 15.10.2019)
10. Huntington S. The third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman; L. University of Oklahoma Press, 1991, PV 11. –P.366.

Поступила в редакцию 20.12.2019 г.

«AMERICAN EXCEPTIONALISM» IN FOREIGN POLICY GEORGE H. W. BUSH (1989-1993)

I.I. Kryzhanovskaya

The article deals with the conditions of formation of a unipolar world after the end of the cold war. The Administration's George. H. W. Bush used principles of «American exceptionalism» to secure the status of a world leader for Washington. In «the new world order» by George. H. W. Bush, international law takes a back seat, and the preference is given to the use of force to resolve conflicts.

Key words: «American Exceptionalism», The Unipolar World, «New World Order», regional conflict, superpower.

Крыжановская Ирина Ивановна

Старший преподаватель кафедры политологии
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: kaf_polit@mail.ru

Kryzhanovskaya Irina Ivanovna

Senior Lecturer of Political Science Chair,
SEE HPE “Donetsk National University”.
E-mail: kaf_polit@mail.ru

УДК 930.1+94(3)

ГЕНЕЗИС КОНЦЕПЦИИ «ДРЕВНЕГО ОБЩЕСТВА» В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

© 2020. *М.М. Кухтин*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена аспектам идейной борьбы в советской исторической науке 1960–1970-х гг., связанным с концепциями «древнего общества» и азиатского способа производства. Официальная версия исторического материализма предполагала упрощенное истолкование ряда исторических реалий и некритическое применение некоторых общих концепций к конкретному эмпирическому материалу. Специалисты по древней и средневековой истории стремились разработать новые концепции, призванные преодолеть данные крайности при сохранении в целом материалистического понимания истории. Теория «древнего общества» представляет собой одну из наиболее удачных инициатив такого рода.

Ключевые слова: азиатский способ производства, «древнее общество», исторический материализм, марксизм, материалистическое понимание истории.

Актуальность темы обусловлена острыми дискуссиями об историческом материализме, развернувшимися сегодня в России и за рубежом. Некоторые ученые отвергают данный подход, сводя его содержание к положениям брежневского истмата. Другие хотят сохранить наследие официальной советской историографии в полном объеме, не желая признавать ее ошибки и упущения. Концепции азиатского способа производства и «древнего общества» помогли многим советским и постсоветским историкам найти более взвешенный подход к проблеме.

Хронологические рамки работы охватывают 1964–1971 гг. – эпоху раннего застоя, характеризовавшуюся известными идеологическими послаблениями. В это время в Советском Союзе шла вторая дискуссия об азиатском способе производства (первая пришла на 1927–1934 гг.) [1, с. 83]. Кроме того, в 1968 г. состоялось программное выступление А. Гуревича в журнале «Вопросы философии» [2], а два года спустя его инициативу продолжили И. Дьяконов и С. Утченко [3]. В 1971 г. вышел сборник научных трудов «Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока» [4], оказавший существенное влияние на дальнейшее обсуждение темы.

Географические рамки исследования охватывают территорию СССР.

Цель работы – объяснить генезис концепции «древнего общества» с учетом конкретно-исторического контекста. Для этого необходимо выполнить следующие задачи:

- охарактеризовать брежневский истмат с методологической и содержательной точек зрения;
- выявить недостатки официальной историографии, на устранение которых претендовала теория «древнего общества»;
- оценить продуктивность нового подхода и его актуальность в современных условиях.

Исследование опирается на труды основателей альтернативной теории, среди которых выделяются А. Гуревич, И. Дьяконов и С. Утченко. Названные ученые, с одной стороны, предложили ряд ценных концептуальных инноваций, с другой – в известном смысле вернулись к истокам материалистического понимания истории, очистив его от некоторых позднейших наслоений.

Официальная советская историография опиралась на ряд четко очерченных методологических и содержательных положений. Любое общество раньше или позже, с теми или иными местными особенностями проходит пять универсальных этапов развития: первобытнообщинный строй, рабовладение, феодализм, капитализм, коммунизм. Каждая из перечисленных формаций имеет один руководящий принцип, определяющий все стороны общественной жизни, все отклонения от него объясняются пережитками предшествующего строя или ростками нового. Культура, политика, природа социальных связей должны однозначно, хотя и не механически, выводиться из экономического базиса. Новый эмпирический материал, в том числе и относящийся к ранее неизвестным науке обществам, должен быть вписан в универсальную пятичленную схему.

Со временем выяснилось, что некоторые докапиталистические общества не находят себе даже примерного соответствия в описанной готовой модели, однако такие трудности, как правило, не рассматривались по существу, а отмечались со ссылкой на «восточный феодализм» и «восточное рабовладение». Официальный истмат стал тормозить развитие общественных наук, что заставило историков искать новые пути, в том числе и с сохранением тех или иных марксистских подходов.

Антиковеды и востоковеды, стремившиеся освободить материалистическое понимание истории от перечисленных недостатков, разработали несколько линий аргументации. Одна из них связана с понятием азиатского способа производства, другая – с концепцией «древнего общества».

Характеризуя историческое развитие советского обществоведения, современный исследователь А.В. Герасимов резонно отмечает: «С конца 1950-х гг. всё более отчетливо стали проявляться слабые стороны «пятичленки». Особенно поспособствовал этому факт признания, что экономической основой древневосточных обществ была эксплуатация общинного крестьянства ...» [1, с. 86].

С этим хорошо согласуется вывод специалиста по философии истории Г.Э. Даниленко: «... древнее и средневековое китайское общество было одновременно патриархальным и общинным, рабовладельческим и, отчасти, феодальным ... И оно было очень далёким от модели развития западных общественных отношений» [5, с. 43]. Иными словами, многие восточные реалии не укладывались в социально-экономические модели, разработанные К. Марксом и Ф. Энгельсом преимущественно на западноевропейском и античном материале.

По мнению Ю.И. Семенова, не каждый тип производственных отношений является одновременно и всемирно-историческим этапом. Некоторые советские ученые пришли к выводу, что при классификации докапиталистических обществ типологический подход предпочтительнее стадийного, что было равносильно признанию поливариантности исторического процесса [1, с. 86-87].

Сторонники новых идей критиковали истмат за абсолютизацию и универсализацию выводов классиков, сделанных, по условиям времени, на достаточно ограниченном историческом материале. Кроме того, в рамках истмата понятие общественно-экономической формации истолковывалось только всемирно-исторически, что в целом ряде случаев шло вразрез с эмпирическими данными. Впрочем, для официального советского обществоведения брежневской эпохи вообще были характерны достаточно заметные спекулятивные тенденции [2, с. 13].

В официальной версии мировой истории не были должным образом разграничены понятия «формация» и «уклад», причем последнее нередко использовалось в неоправданно узком значении.

А. Гуревич выделяет две ключевых характеристики уклада – «структуру производственных отношений» и «способ эксплуатации непосредственных производителей» [2, с. 11]. В рамках одной формации может смениться или сосуществовать целый ряд укладов, причем такая мозаичность жизненных форматов отмечается не только для переходных эпох. Степень унификации общественной жизни, достигнутая при капитализме, не имеет аналогов в предшествующей истории [2, с. 12-15]. «Крайняя живучесть мелкой собственности и мелкого производства, их «разрозненность», атомизация» [3, с. 4] в античном обществе многократно привлекали внимание ученых.

Разнообразие форм общественного устройства, характерное для древности и средневековья, объясняется обилием различных укладов, социальных страт, типов их соотношения и взаимодействия [2, с. 14-15]. Данную точку зрения подкрепляет вывод С. Утченко и И. Дьяконова, писавших, что классовая структура древних обществ не была вполне единообразной (при единстве общего плана), а их традиционная политико-правовая стратификация допускала еще больше вариаций. Они же отмечали, что доиндустриальные, докапиталистические общества в огромной степени зависели от экологии, от конкретных условий окружающей среды [3, с. 17-18], что заставляло их развиваться весьма несходными путями.

Очевидно, что такую мозаичную картину нельзя втиснуть в узкие рамки рабовладельческой модели. К последней А. Гуревич относился с большой долей скепсиса: «Наиболее активную часть населения античных обществ, даже в эпохи наибольшего развития рабовладения, составляли не рабы, а свободные мелкие производители-собственники ... В так называемых рабовладельческих обществах Древнего Востока община земледельцев, а не рабы была материальной основой государства» [2, с. 15]. Анализируя средневековую историю, ученый делает сходные выводы о многоукладности общественных отношений и недопустимости их упрощенного истолкования. Происхождение и конкретно-историческая функция общественного института – разные, несводимые друг к другу вещи [2, с. 16-18], что не всегда учитывалось истматом, тяготевшим к схоластической трактовке «единства исторического и логического». Также советская историография в ряде случаев гипертрофировала имманентные причины общественного развития, недооценивая или даже игнорируя его внешние факторы. Между тем при таком подходе невозможно убедительно объяснить генезис и распространение феодализма [2, с. 20].

А. Гуревич делает вывод, что «механизм движения феодального общества в принципе не может быть сведен к одним экономическим категориям» [2, с. 26]. То же можно сказать и о древности. Иными словами, ученый признает наличие общественных явлений, необъяснимых в терминах исторического материализма (диалектика производительных сил и производственных отношений, детерминация надстройки базисом и т. д.).

С. Утченко и И. Дьяконов пришли к похожим выводам. По мере догматизации советского марксизма классовый подход из инструмента рационального социологического анализа превращался в простой маркер ортодоксальности, из-за чего учащались случаи его неразборчивого, механического применения. Однако социальное неравенство возможно и в обществе с очень незрелой классовой структурой [3, с. 4]. Более того, «классовые отношения (и различия) в древнем обществе всегда затенены, «опутаны» и как бы отодвинуты вглубь традицией и правовыми нормами» [3, с. 5]. По мнению ученых, ленинское определение общественных классов и вытекающие из него следствия, проливая свет на многие ключевые характеристики древних обществ, все же неспособны привести исследователя к их исчерпывающей характеристике.

Авторы концепции полагают, что «не имущественное расслоение, не богатство оказывается, как правило, первоосновой знатности», а как раз наоборот [3, с. 7]. Эту формулировку можно рассматривать как скрытую полемику с некоторыми положениями «Происхождения семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, в ней надстроечное явление рассматривается как ведущее по отношению к базисному. Впрочем, здесь концепция С. Утченко и И. Дьяконова напоминает некоторые идеи А. Грамши. Последний считал, что поздний капитализм выработал достаточно сильный иммунитет к «классическим» пролетарским революциям, что делает достижение культурной гегемонии приоритетной задачей коммунистического движения.

С. Утченко и И. Дьяконов полагают, что предпосылки социальной дифференциации в древних обществах «чрезвычайно разнообразны и специфичны» [3, с. 7], что вполне логично, если не отождествлять ее с образованием классов.

В рассматриваемой концепции выделяются четыре общественных класса. Критериями служат наличие/отсутствие собственности на средства производства и участие/неучастие в производительном труде. Противопоставление рабов и рабовладельцев как оформившихся, обладающих внутренним единством классов признается необоснованным. В древних обществах рабы противостояли свободным, однако это сословно-правовые, а не классовые категории. Кроме того, римские рабы в целом ряде случаев могли владеть средствами производства и даже эксплуатировать чужой труд [3, с. 9-10]. Это можно сравнить с экономической деятельностью русских крепостных крестьян, некоторые из которых были богаче своих хозяев [6, с. 108].

В сословную структуру древних обществ входили полноправные граждане, «царские люди» и рабы. Правовой и производственный показатели дают две разные картины их социальной стратификации, причем ни в первом, ни во втором случае нет строгого соответствия между выделенными стратами и экономическими секторами. Античные и древневосточные общества имели в принципе одинаковую классовую структуру, однако не в смысле единой рабовладельческой формации, как ее видел истмат. Рабы – это не класс, а люди, находящиеся «вне системы» и лишенные вследствие этого социальной и правовой защиты [3, с. 16-17].

В отличие от процитированных авторов, В. Д. Блаватский подчеркивал различия между античностью и древними переднеазиатскими обществами [7, с. 4-5, 11], однако это также заставило его разойтись с истматом, хотя и по иным соображениям. Античные и древневосточные общества, как их описывает В. Д. Блаватский, не могут принадлежать к одной формации, независимо от критериев ее выделения.

В. Н. Никифоров, напротив, высказал ряд принципиальных соображений, хорошо согласующихся с выводами официальной историографии: «... накопленный наукой фактический материал не поддается материалистическому объяснению с позиции признания азиатской формации» [8, с. 38]. По мнению ученого, К. Маркс и Ф. Энгельс в итоге пришли к выводу, что понятие азиатского способа производства не вписывается в их всемирно-историческую концепцию (в ее поздних версиях), и отказались от него. Это спорно, поскольку классики принципиально не придавали своему истолкованию истории вид законченной схемы, хотя, конечно же, настаивали на ряде общих принципов и методов. С другой стороны, можно согласиться с утверждением В.Н. Никифорова, что В.И. Ленин скептически относился к концепции азиатского способа производства. Историк отмечал, что научные представления о древнем обществе могут существенно измениться после обнаружения ранее неизвестных фактов, однако новые теории не смогут в данном специальном вопросе опираться на авторитет классиков марксизма [8, с. 36-38]. Действительно, К. Маркс и Ф. Энгельс

подробно разработали далеко не все свои идеи, относящиеся к обсуждаемой теме. Некоторые важные теоретические вопросы так и остались открытыми.

Брежневский истмат толковал ряд исторических явлений и процессов упрощенно и искаженно, нередко заменяя конкретно-исторический анализ эмпирического материала механическим применением готовых рецептов. Это вызывало закономерную реакцию неприятия у специалистов, не желавших мириться с идеологическим давлением, однако сохранявших материалистическое понимание истории (в марксистской или иной версии). Многие высказанные в рамках обсуждаемой дискуссии идеи актуальны и сегодня. Дальнейший анализ рассмотренных концепций важен для методологического и содержательного уточнения основных категорий исторической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герасимов А. В. Анализ взглядов советской историко-философской науки по проблемам марксистской методологии исторического процесса / А. В. Герасимов // Марксизм и современность: альтернативы XXI века. – Донецк : ГОУВПО «ДонНТУ», 2018. – 83–88 с.
2. Гуревич А. Я. К дискуссии о докапиталистических общественных формациях: формация и уклад / А. Я. Гуревич // Вопросы философии. – 1968. – № 2. – С. 118–129. Цит. по: Гуревич А. Я. История – нескончаемый спор. Медиевистика и скандинавистика: статьи разных лет / А. Я. Гуревич. – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2005. – 889 с. – С. 9–27.
3. Утченко С. Л. Социальная стратификация древнего общества / С. Л. Утченко, И. М. Дьяконов // XIII Международный конгресс исторических наук. – М. : Наука, 1970. – 20 с.
4. Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока : [сб. науч. тр. / отв. ред. Г. Ф. Ким]. – М. : Институт востоковедения АН СССР, 1971. – 190 с.
5. Даниленко Г. Э. О месте азиатского способа производства в формационной теории исторического процесса / Г. Э. Даниленко // Культура и цивилизация. – 2018. – № 1 (7). – С. 42–46.
6. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб, 1994. – 399 с.
7. Блаватский В. Д. Античный мир и древний Восток / В. Д. Блаватский // XIII Международный конгресс исторических наук. – М. : Наука, 1970. – 14 с.
8. Никифоров В. Н. К. Маркс и Ф. Энгельс об азиатском способе производства / В. Н. Никифоров // Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. – М. : Институт востоковедения АН СССР, 1971. – С. 3–44.

Поступила в редакцию 12.12.2019 г.

GENESIS OF THE CONCEPT OF “ANCIENT SOCIETY” IN SOVIET HISTORICAL SCIENCE

M.M. Kukhtin

The article is devoted to those aspects of the ideological struggle in Soviet historical science of the 1960-1970s that are associated with the concepts of “ancient society” and the Asian mode of production. The official version of historical materialism implied a simplified interpretation of a number of historical realities and uncritical application of certain general concepts to specific empirical material. Experts in ancient and medieval history sought to develop new concepts designed to overcome these extremes while maintaining a generally materialistic understanding of history. The theory of “ancient society” is one of the most successful initiatives of this kind.

Key words: Asian mode of production, “ancient society”, historical materialism, Marxism, materialistic understanding of history.

Кухтин Михаил Михайлович.

Кандидат политических наук;
доцент кафедры международных
отношений и внешней политики
исторического факультета ГОУ ВПО
«Донецкий национальный университет».
E-mail: mikhail-kukhtin@yandex.ru.

Kukhtin Mikhail Mikhailovich.

Candidate of Political Science;
Senior Lecturer of the Department of International
Relations and Foreign Policy of the Faculty of
History, SCE HPE “Donetsk National University”.
E-mail: mikhail-kukhtin@yandex.ru.

УДК 327.83[470+571+569.4]"185/191"

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНЫХ ВЛИЯНИЯХ РОССИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: РУССКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В ИЕРУСАЛИМЕ, ПОСТРОЕННЫЕ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

© 2020. *О.Ю. Лещенко*

Донецкий Центр института востоковедения им. А. Крымского

Данная статья отображает религиозно-культурное присутствие Российской империи в Палестине в середине XIX – начале XX вв., определяя место и значение палестинского вопроса в политике России, влияние российской внешней политики на возможную трансформацию межобщинных взаимоотношений Палестины.

Ключевые слова: религиозно-культурное присутствие, культурно-идеологическая среда, внешняя политика, Палестинский вопрос.

Среди наиболее актуальных вопросов современных международных отношений особое место занимает комплекс проблем Ближнего Востока. Основной вектор Восточной политики России в конце XIX – начале XX вв., указывает на то, что Палестина являлась зоной геополитического влияния Российской империи в данный исторический период; об этом свидетельствует религиозно-культурное присутствие великой державы на Святой земле. Выбор данного региона не случаен. Палестина – колыбель трех религий, две из которых сейчас являются мировыми, – на протяжении тысячелетий притягивала умы и сердца ученых, философов, историков.

Разнообразие работ по данной теме поражает своей разносторонностью и актуализацией проблемы. Между тем, может потому, что каждый находил в этом вопросе свою нишу, до сих пор нет ни одной обобщающей фундаментальной работы историко-философского плана по данному региону. Многогранность проблемы определила различие взглядов историков. Большое значение в XX в. уделяли политической истории региона Т. З. Алиев, А. В. Игнатъев, Н. С. Киняпина, В. Б. Луцкий, Л. И. Нарочинская [1–5].

Попытку краткого изложения истории идеолого-религиозных конфликтов Османской империи в конце XIX – начале XX вв. предлагают английские и немецкие исследователи. В работах зарубежных авторов прослеживается влияние позитивистской школы и школы анналов. Среди таких хроник-работ следует отметить Л. Кинроса и Р. Шейдмина [6, 7]. Для историков-марксистов свойственно внимание к экономическим и политическим проблемам. Однако пренебрегать изучением идеологических аспектов, особенно в потенциальных зонах нестабильности, нежелательно.

Нельзя сказать, что в советской историографии отсутствуют работы, посвященные изучению религиозно-идеологической атмосферы Османской империи конца XIX – начала XX вв., но их меньшинство, и это в основном работы конца 80-х начала 90-х годов XX в. [8, 9].

В еврейской историографии проблема представлена более конструктивно. Влияние России на культурно-идеологическую среду Палестины конца XIX – начала XX вв. раскрывают в своих трудах Гершон Бэкон, Израэль Бартадь [10, 11].

В 90-е годы XX в. в российской историографии фактически отсутствовали монографии, касающиеся истории данного региона конца XIX – начала XX вв., при этом наиболее четко и полно отражен политический аспект Восточного вопроса.

Периодическая печать конца XX – начала XXI вв. рассматривает Палестину как зону международного конфликта. Историю региона авторы статей затрагивают отчасти и в связи с интересующими их социально-политическими вопросами. Сионизм рассматривает Е. М. Примаков, проблему еврейской эмиграции – Ш. Черток [12, 13].

Целью данной статьи является отображение религиозно-культурного присутствия Российской империи в Палестине в середине XIX – начале XX вв., определение места и значения Палестинского вопроса в политике России, влияния российской внешней политики на возможную трансформацию межобщинных взаимоотношений Палестины. Для реализации цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- определить внутренние и внешние факторы формирования позиции России в отношении Палестины;

- показать влияние внешней политики Российской империи на трансформацию межобщинных взаимоотношений (христиан, иудеев, мусульман) Палестины.

Изучение данной проблемы предполагает комплексный подход к рассмотрению большого количества исторических источников, метод анализа для более детального рассмотрения исторических явлений и причин их возникновения, синтез полученных при анализе фактов для получения общей картины происходившего.

Научная новизна исследования обусловлена отсутствием работ по данному комплексу вопросов, хотя отдельные аспекты данной проблематики затрагивались в большей или меньшей степени в исследованиях российских и зарубежных авторов.

К концу XIX в. Россия заняла на Святой Земле твердые геополитические позиции. Правда, задачи светской политики царского правительства не всегда совпадали с представлениями Церкви о целях её присутствия на Святой Земле, а непростые отношения, сложившиеся между консульской службой в Иерусалиме и Духовной миссией, мешали более эффективному продвижению российских интересов. Несмотря на это, Россия смогла завоевать высокий авторитет среди православного арабского населения Палестины. Арабы считали её защитницей своих интересов перед лицом османских властей. Просветительская деятельность Императорского православного палестинского общества (ИППО) способствовала приобщению арабов к русской культуре, таким образом, Россия оказывала значительное влияние на развитие национального самосознания арабов Палестины [14].

После принятия хатти-хумаюма 1856 г., который предоставлял возможность иностранцам владеть недвижимостью и землей в Османской империи, европейские державы поспешили воспользоваться сложившейся ситуацией и усилить свое влияние на Ближнем Востоке территориальным присутствием.

Период XIX в. с 1856 г. в истории города Иерусалима ознаменовался постройкой как внутри, так и за пределами Старых стен, многочисленных зданий и учреждений религиозного и светского характера. Активная застройка продолжалась вплоть до начала XX в. Постройку вели в основном великие державы, при этом строительство щедро финансировалось. Исследование проникновения Европейских держав в Палестину и их деятельности в Иерусалиме, указывает на то, что наряду с консульствами, церкви служили основными проводниками влияния этих стран. Европейцы основали в городе различные учебные заведения, больницы, гостиницы для паломников, приюты, и, в конце концов, данные учреждения превращались в опорные пункты их государственных интересов и проводников политического влияния.

К концу XIX в. присутствие Европейских держав на Святой Земле становится все более заметным. Проникновение Европейских держав лишь усилило религиозно-

этнический контраст Иерусалима, который еще до начала XIX в. представлял собою мозаику плацдармов различных религиозных общин Палестины [15].

В Иерусалиме в середине XIX – начале XX вв. существовало большое число районов, и каждый из них имел свой центр, вокруг которого были сосредоточены жилые дома. Эти центры носили историко-религиозный характер. Армянские, коптские кварталы перемежывались с мусульманскими, еврейские кварталы располагались в южной части Старого города (рис. 1). Из карты застройки Старого города видно, что еврейские общины вели застройку на юге, на севере и северо-западе концентрируются христианские учреждения, мусульмане ведут застройку в центральной части Иерусалима. Таким образом, мы наблюдаем секторную застройку города: еврейские, мусульманские и христианские кварталы не смешиваются, что наглядно иллюстрирует поляризацию межобщинных отношений Палестины в середине XIX – начале XX вв.

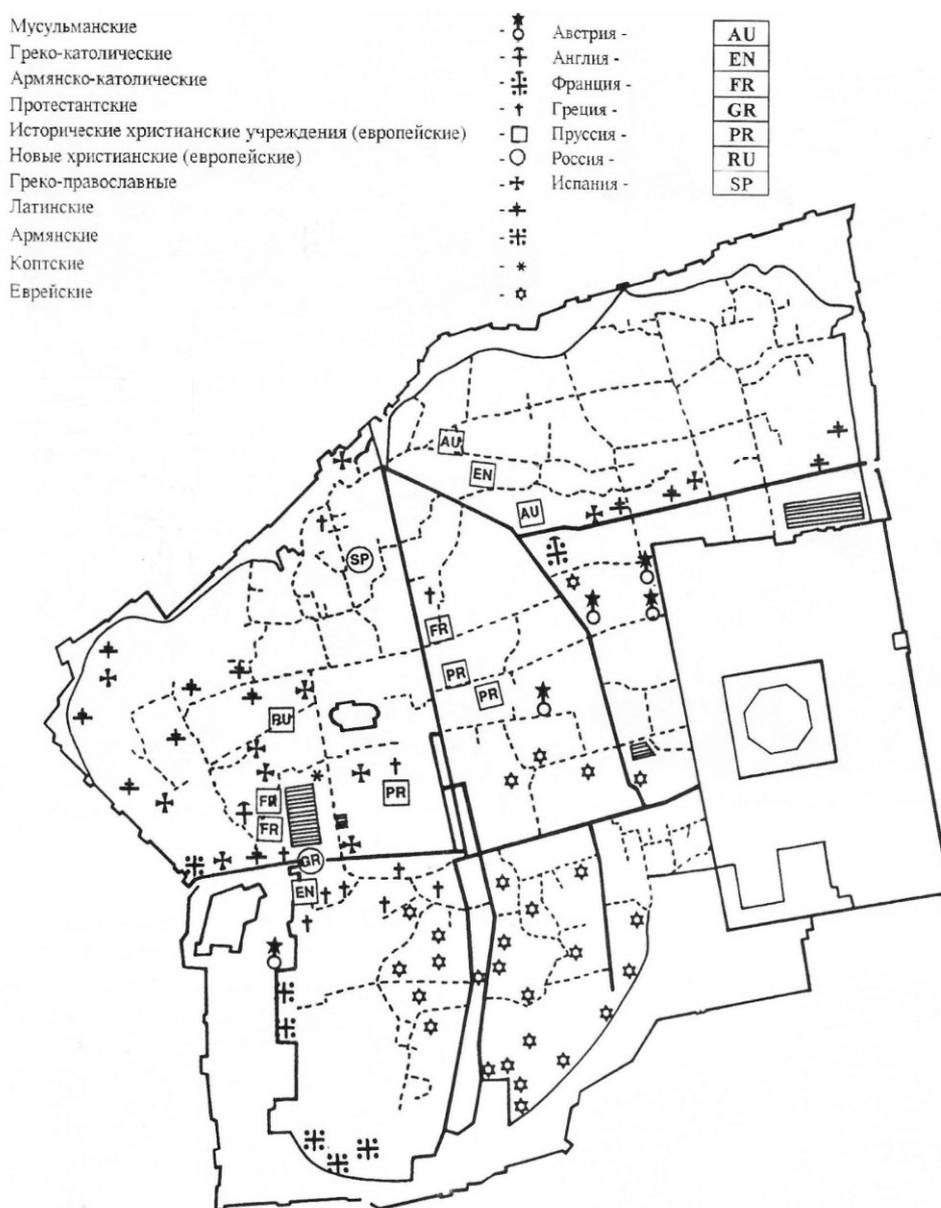


Рис. 1. Карта новых учреждений, построенных в Старом городе Иерусалима до начала Первой мировой войны (составлена по Й. Бен-Арье)

Православные греки, армяне (григорианцы) и католики и представляли собой три важнейшие христианские общины Иерусалима конца XIX в. Все они имели права владения на определенные части церкви Гроба Господня. «В этом подземном храме мне нравится смешение языков. В разных углах среди русских и арабов наталкиваешься на своеобразных по одеянию греческих, армянских, абиссинских, сирийских и коптских монахов», – писал И. П. Ювачев во время своего паломничества в Палестину [16, с. 214].

Развитие Иерусалима в середине XIX – начале XX вв. как современного города, строительство и благоустройство новых районов за пределами древней городской стены обуславливались конкуренцией между христианскими державами, стремлением каждой из них занять как можно более заметное место в Святом городе. Россия, пожалуй, вышла победительницей в этом соперничестве.

В 50-х годах XIX в. неподалеку от северо-западного угла стены Старого города был возведен большой комплекс Русских построек для размещения и обслуживания паломников с величественным белокаменным Троицким собором в центре, построенным в византийском стиле. Здесь могли разместиться около тысячи паломников одновременно, но уже в скором времени этого оказалось недостаточно, так как к концу века на пасхальные праздники в Иерусалим стекалось до семи тысяч русских богомольцев. Для Западной церкви эти цифры были недостижимы. Сумма российских вложений в Палестине в недвижимость может быть оценена в 3 млн. рублей. Российские земельные владения были самыми обширными из всех представительниц Запада: ей принадлежало 12 участков в Иерусалиме, 10 участков на Елеонской горе, помимо этого – территории в деревне Силоам, Кедронской долине, в Вифлееме, Хевроне, Иудейской пустыне, Иерихоне, Галилее, Хайфе, Яффе. Накануне Первой мировой войны России принадлежало 11 церквей (из них 6 в Иерусалиме), 17 гостиниц (8 в Иерусалиме), 7 монастырей (2 в Иерусалиме), наряду с этим была создана сеть русских школ в районах Иерусалима и в Галилее [17]. Одним из первых земельных приобретений Российской империи в Иерусалиме в 1858 г. был незастроенный участок к юго-западу от храма Гроба Господня. [18, с. 539]. К 1895 году на этом месте была построена церковь, освященная в 1896 г. [18, с. 82].

Скупкой земель в Палестине занимались Русская духовная миссия, Палестинский комитет, Палестинская комиссия, российское генконсульство, ИППО. Главы русских представительств в Святой Земле видели в этом простой и надежный путь усиления русского присутствия на Ближнем Востоке. Правительство Османской империи в свою очередь старалось извлечь максимальную выгоду из продажи земельных участков иностранцам, поэтому цены на землю для этих категорий были завышены в несколько раз. Однако главы Русской духовной миссии находили конструктивный выход из сложившейся ситуации. Архимандрит Антонин (Капустин), заложивший своей финансовой деятельностью ядро «Русской Палестины», поручал скупку земель драгоману Миссии Я. Е. Халеби – турецкому подданному. «Состоя с лишком 30-ти лет на службе драгоманом при Иерусалимской Духовной Миссии в ведомстве Российского Святейшего Синода, я исполнял усердно и честно все те трудные поручения, которые возлагал на меня мой начальник, покойный Отец Архимандрит Антонин. Трудно представить какие затруднения я встречал при покупке земель. Все земли были куплены на мое имя, как турецкого подданного, имеющего право приобретения земель, и за незначительную сумму. Одно время находился под гневом местной турецкой власти, которая за услуги, оказанные мной русской духовной Миссии, заставила меня

во время последней войны немедленно оставить Иерусалим», – пишет Я. Е. Халеби в прошении 23 ноября 1894 г. [19, с. 85].

В результате деятельности Отца Антонина, занимавшего пост главы Русской духовной миссии в Иерусалиме с 1866 по 1894 годы, было оставлено наследие: шесть земельных участков в Иерусалиме и окрестностях на общую сумму 189 473 франка [19, с. 239]. «И вот он (архимандрит Антонин), по примеру западных христиан, решил завести в разных местах Святой Земли русские владения... Благодаря чистой благотворительности, в короткое время он скупил множество клочков земли в разных углах Палестины. Куда ни придешь – к Мамврийскому дубу, в Иерихон, в Яффу, в Горнюю, всюду встретишь заботливое насаждение о. Антонина... Он устроил место на Елеоне» [16, с. 210]. Большинство участков Антонином (Капустиным) было приобретено в период с 1871 по 1882 годы. На всех купленных территориях почти сразу же разворачивалось строительство.

Российские представители возвели величественные здания в районе А-Тур на Масличной горе. Среди них были церковь, Русский Вознесенский монастырь с высокой колокольней в русском стиле, освященный в 1886 г., и гостиница для паломников. В Гефсиманском саду в 1885–1888 гг. была построена церковь Марии Магдалины с семью куполами в стиле московских церквей. Были основаны церковь (1883 г.) и монастырь (1898 г.) в Эйн-Керем, в русских документах описывается как селение Горняя. В послании Св. Синода иерусалимскому патриарху читаем: «...Начальником нашей духовной Миссии в Иерусалиме Архимандритом Антонином создаются святыя храмы в следующих местах Иерусалимской Патриаршей области: в селении, называемом Горняя, на святой горе Елеонской и в Ионии» [19, с. 200-201].

Сооружая новые здания на купленных участках, русские представители стремились отобразить величие своей державы в постройках монументального плана. В окрестностях церквей нередко находились гостиницы для паломников, здания больниц, лавки. Таким образом, российские участки имели вид небольших городков внутри города Иерусалима. Показательным является факт создания «Русского сада» в Гефсимании и его поддержание усилиями монахов [18, с. 471-472].

Благодаря присутствию особого направления внешней политики России по усилению своего влияния на Святой Земле и Ближнем Востоке, российские представители вели активное строительство и за пределами Старого города.

После окончания Крымской войны, в 1857–1860 гг. к северо-западу от Старого города, недалеко от христианского квартала, где греко-православная община была самой большой из всех христианских общин, были куплены участки земли, на которых было возведено Русское подворье. Данная территория представляла собой самую крупную недвижимость России в Палестине. Постройки, возведенные на ней, стали прочным основанием для всех последующих приобретений, – ядром «Нового Иерусалима» [18, с. 223]. Для того чтобы удовлетворить растущие потребности паломников в жилье, в 1860 г. началось возведение большой гостиницы, а в 1864 г. было завершено строительство основного комплекса зданий на этой территории. Он включал в себя: здание русского консульства, кафедральный собор Святой Троицы с десятью куполами, двухэтажное здание больницы, дворец русской религиозной миссии и епископа и три приюта для паломников. Комплекс Русского подворья являлся самым значительным из всех проектов, построенных за стенами Иерусалима. Многочисленные путешественники, посетившие Иерусалим в эту эпоху, описывали Русское подворье в качестве небольшого города, окруженного стеной, с запирающимися на ночь воротами. «Также и православный царь России купил у султана очень большой участок, на

расстоянии тридцати локтей от города, и построил вокруг него высокую и красивую стену, а внутри крепкие каменные дворы и башни, цветочные клумбы, молельные дома, бани, улицы и рынки. Невозможно и представить, сколько денег ушло на это строительство. Нет счету! Было там тысяча пятьсот работников. Начали строительство в 1857–1856 годах, и до сих пор оно не завершено. А называется этот город «Новый Иерусалим» Посылает он туда своих единоверцев и поселяются они жить в нем» [20, с. 32].

Анализ строительства, осуществляемого русскими представителями в середине XIX – начале XX вв., указывает на его религиозный характер. Целью возводимых ими зданий был прием многочисленных паломников и создание для Русской церкви опорных пунктов в Иерусалиме. Избранные для постройки места обычно были связаны с какой-либо историко-христианской традицией: Русский Вознесенский монастырь построен на Елеонской горе, с которой вознесся Иисус Христос, церковь Марии Магдалины была сооружена в Гефсиманском саду, где молился перед арестом Иисус, возле Мамврийского дуба Аврааму явился Господь в виде трех ангелов. Только участок Русского подворья не был связан с событиями Нового и Ветхого заветов. Вероятнее всего он был избран для строительства вследствие удобного расположения на вершине холма и плоского рельефа, тем более, что строительство комплекса подобных размеров в пределах Старого города было невозможно. Дополнительно удобно было его расположение на дороге Иерусалим – Яффа. «За огромную цену мы имеем около 6 тыс. квадратных сажень на Мейдаме, единственной возвышенной плоскости над Иерусалимом. Место это – конечно лучшее место над городом. Отстоит оно от Яффских ворот на двести только шагов, лежит на одинаковой высоте с Иерусалимом, через что мы избегаем неудобных подъемов и спусков, крайне затруднительных для паломников наших, между которыми много людей старых и слабосильных; – возвышенно и потому здорово; прилегает к Наплузской дороге и отстоит в нескольких только шагах от большой Яффской, и, наконец, господствует над целою окрестностью, что, кроме бесподобного вида на город, Елеонскую гору и Заиорданье – дает нам возможность расположить постройки наши на месте, бросающемся в глаза каждому, сюда прибывающему, и вполне соответствующем как достоинству имени Русского, так и требованиям положения нашего здесь, как делателей позднейших», – читаем в донесении В. И. Доргобужина – российского консула в Иерусалиме князю А. Б. Лобанову-Ростовскому от 8 февраля 1859 г. [18, с. 223-224].

Как видно из выше сказанного, Миссия вела строительство вблизи христианских кварталов и на местах, связанных с религиозной традицией. Близость к Старому городу была важна для христианского населения Иерусалима, поэтому они, прежде всего греко-православные и армяне, селились к западу от городских стен, вблизи Яффских ворот. Построенные здания располагались параллельно району проживания христиан внутри стен. В конце XIX в. в эти районы переехали европейские консульства, которые раньше располагались на территории Старого города.

Анализ расселения христиан за пределами Старого города показывает, что наиболее важным фактором в определении их места жительства были близость к Старому городу и большим дорогам. Они вели строительство на юго-западе, западе и северо-западе, вблизи стен и на выходивших из города дорогах, так как на юге и востоке рост территории Иерусалима ограничивался крутыми склонами котловин Кедрон и Гееном, а на северо-востоке вели строительство мусульмане (рис. 2).

Если Европейские державы оказывали значительное культурно-религиозное влияние на христианское население Палестины, то этого нельзя сказать о еврейском населении. Это происходило потому, что еврейские общины не поддерживали прямой

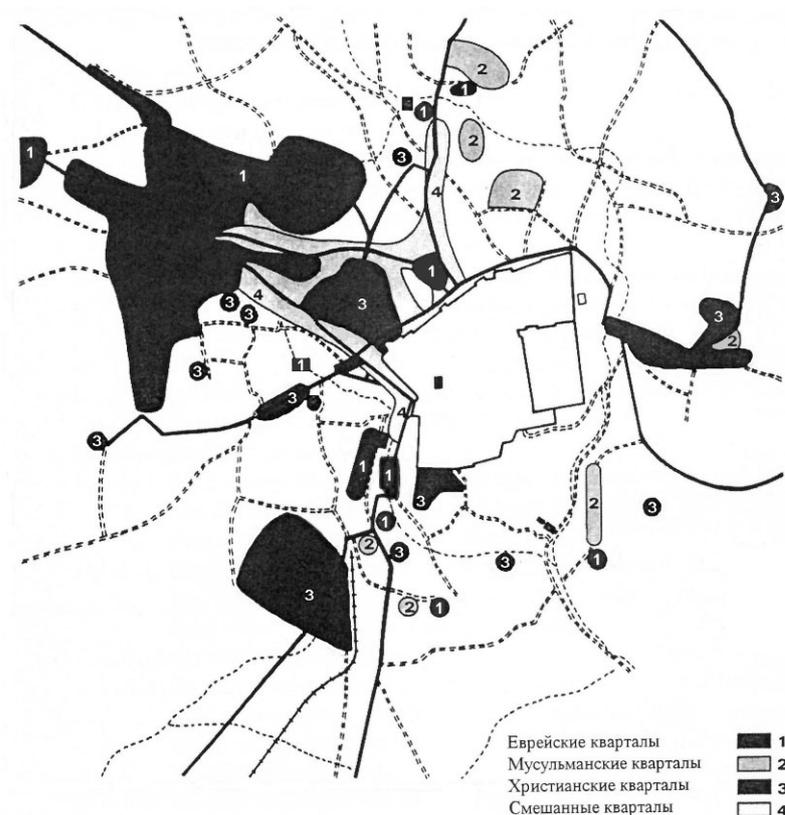


Рис. 2. Карта застроенных участков Иерусалима (за пределами стен) до начала Первой мировой войны (составлена по Й. Бен-Арье)

целенаправленной связи с европейскими учреждениями, а развивались параллельно. Ретроспективный взгляд показывает, что евреи, вновь прибывшие в Палестину и, в Святой город, не вели обширного стабильного строительства в Иерусалиме. Сионистское движение с самого начала не проявляло интереса к развитию Иерусалима, в отличие от Европейских держав, по двум причинам. Одна из причин состоит в нежелании иметь ничего общего со старым ишувом. Другая – заключалась в самой концепции основателя сионизма Теодора Герцля, который предложил полностью отделить Старый Иерусалим от современного, так как видел столицей будущего государства не многоликий город, каким являлся Иерусалим в конце XIX в., а общественный и культурный центр еврейского народа. Старому городу отводилось место международного центра с религиозными, научными, благотворительными учреждениями [11, с. 109]. Разделение территорий Старого и Нового Иерусалима должно было привести к тому, что священные места трех религий оказались бы вне пределов еврейского государства. Подобное положение вещей сгладило бы столкновение политических интересов евреев с интересами европейских стран и Османской империи. Однако интересы великих держав оказались более глобальны, чем могли себе предположить сионисты. Результатом присутствия Европейских держав в середине XIX – начале XX вв. явился выросший накануне Первой войны новый город, который превысил по своей площади Старый Иерусалим [18, с. 75]. При этом он приобрел черты Старого города, что выразилось в разделении его территории между представителями трех религиозных общин.

Тот факт, что Иерусалим являлся священным городом для приверженцев трех религий, определил структуру его застройки, которая не была нарушена во второй половине XIX – начале XX вв., несмотря на перемены, происходившие в нем на протяжении XIX в. Немаловажным фактором в данной ситуации, одной из предпосылок этого явления был политико-экономический интерес Европейских держав к территории Османской империи.

Таким образом, после Крымской войны внимание России к Восточному вопросу усилилось, наряду с этим возрос религиозный фактор в её внешней политике. В конце XIX – начале XX вв. можно говорить о существовании религиозного направления во внешней политике государства, которое встречало горячую поддержку со стороны царской семьи. Российская империя, ослабленная войнами, внешний долг которой к концу XIX в. значительно возрос, была лишена возможности конкурировать с великими державами в экономической колонизации Турции; однако у неё были ярко выраженные политические интересы в Османской империи. Имея с конца XVIII в. на территории Турции объект религиозного покровительства – православные общины, держава под предлогом защиты единоверцев могла вмешиваться во внутривосточные дела Османской империи и оказывать на правительство значительное влияние. В отличие от России, Великобритания и Германия не имели к середине XIX в. такого объекта покровительства.

В середине XIX в. Россия избирает именно путь идеологического проникновения в Палестину и к концу XIX в. занимает первое место по культурно-религиозному присутствию на Святой Земле. Благодаря действиям многочисленных представительств империи: Русской духовной миссии, Императорского православного палестинского общества, Палестинского комитета, Палестинской комиссии, генерального консульства в Иерусалиме, ей удастся занять твердые позиции в Палестине. Она смогла завоевать высокий авторитет среди православного арабского населения.

Застройка за пределами Старого города религиозного характера, производимая Россией в данный период, привлекала на данные территории не только паломников, но и православных христиан Палестины, которые старались селиться поблизости основных церквей и монастырей. За Старыми стенами вели застройку и мусульмане. Данное явление привело к приобретению Новым Иерусалимом черт Старого города, основной из которых было наличие святынь трех религий на его территории. Это в свою очередь исключило возможность отделения Нового Иерусалима как культурно-политического центра будущего еврейского государства от Старого города и сделало его беспокойным в этно-религиозном плане городом.

Мы рассмотрели лишь отдельные вопросы культурного влияния России на возможную трансформацию межобщинных взаимоотношений Палестины в середине XIX – начале XX вв., определив место Палестинского вопроса в её внешней политике. Принимая во внимание низкий процент научных трудов, освещающих Восточный вектор внешней политики России, особенно в направлении Палестины, следует отметить необходимость дальнейшего изучения данной проблемы. Результаты исследования будут полезны при популяризации идей мирного сосуществования народов, исповедующих различные религии, для принятия превентивных действий и недопущения формирования, радикально опасных для общества идей на самой ранней их стадии – стадии зарождения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиев Т. З. Турция в период правления младотурок (1908-1918). – М.: Наука, 1972. – 388 с.

2. Игнатъев А. В. Внешняя политика России в 1905-1907 гг. / Под ред. А. Л. Нарочинского. – М.: Наука, 1986. – 300 с.
3. Киняпина Н. С. Внешняя политика России второй половины XIX в. – М.: Высш. школа, 1974. – 280 с.
4. Луцкий В. Б. Новая история арабских стран. – М.: Наука, 1965. – 372 с.
5. Нарочинская Л. И. Россия и отмена нейтрализации Черного моря 1856-1871 / Под ред. О.В. Орлика. – М.: Наука, 1989. – 222 с.
6. Кинрос Л. Расцвет и упадок Османской империи. – М.: Международные отношения, 1999. – 696 с.
7. Шейдмин Р. Летописи еврейского народа. – М.: Международные отношения, 1997. – 288 с.
8. Дулина Н. А. Танзимат и Мустафа Рашид-паша. – М.: Наука, 1984. – 189 с.
9. Тодорова М. Н. Англия, Россия и танзимат. – М.: Наука, 1983. – 184 с.
10. Бэкон Г. Положение евреев в России после разделов Польши / Главы из истории и культуры евреев Восточной Европы. – Тель-Авив: ОУИ, 1995. – Ч. 6. – С. 178-308.
11. Бартадь И. Иерусалим в конце османской эпохи: между обновлением и застоём. – Тель-Авив: ОУИ, 1998. – 198 с.
12. Примаков Е. М. Проблемы Палестины в XX в.: истоки, эволюция, перспективы // Палестинский сборник. – Л.: Наука, 1981. – Вып. 27. – С. 3-23.
13. Черток Ш. Конец российского еврейства? // Новое Русское Слово. – 1994. – Вып. 2. – С. 27-38.
14. Дмитриевский А. А. Императорское православное палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882-1907) . – СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1907. – 380 с.
15. Бен-Арье Й. Географическое «открытие» Страны Израиля / Иерусалим в веках. – Тель-Авив: ОУИ, 1998. – Ч. 9. – С. 115-134.
16. Ювачев И. П. Паломничество в Палестину // Исторический вестник. – 1902. – Ноябрь. – С. 209-250.
17. Сводный каталог русской недвижимости в Святой Земле: Список земельных участков и построек в Иудейской пустыне и Иерихоне, Галилее, Хайфе, Яффе. // Приход: Православный экономический вестник: Ежемесячный журнал. – 2007. – № 9. – С. 54-59.
18. Россия в Святой Земле. Документы и материалы: в 2 т. – М.: Международные отношения, 2000. – Т. 1. – 744 с.
19. Россия в Святой Земле. Документы и материалы: в 2 т. – М.: Международные отношения, 2000. – Т. 2. – 664 с.
20. Райшпер М. Шеарей Йерушалаим. – Иерусалим: [Б. и.], 1866. – 78 с.

Поступила в редакцию 20.02.2020 г.

TO THE QUESTION OF CULTURAL INFLUENCES OF RUSSIA IN THE MIDDLE EAST: RUSSIAN INSTITUTIONS IN JERUSALEM, BUILT IN THE MIDDLE OF XIX – THE BEGINNING OF XX CENTURIES

O.Yu. Leshchenko

This article reflects the religious and cultural presence of the Russian Empire in Palestine in the middle of the 19th and beginning of the 20th centuries, determining the place and importance of the Palestinian question in Russian politics, the influence of Russian foreign policies on the possible transformation of Palestinian intercommunal relations.

Key words: religious and cultural presence, cultural and ideological environment, foreign policy, Palestinian question.

Лещенко Оксана Юрьевна

Научный сотрудник, Донецкий Центр института востоковедения им. А. Крымского.
E-mail: okcanalech@mail.ru.

Leshchenko Oksana Yurievna

Researcher, Donetsk Center of the Institute of Oriental Studies A. Krymsky.
E-mail: okcanalech@mail.ru.

УДК 94 (477,6)“1920/30”

КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВАЯ СФЕРА РАБОЧИХ СЕМЕЙ ДОНБАССА В 20–30-е ГОДЫ XX в.

© 2020. *Т.Ю. Людоровская*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматривается досуговая сфера и вне рабочее время проведение семей Донбасса в 1920–1930-е гг. Характеризуются особенности этих мероприятий в регионе. Благодаря архивным материалам и прочим видам источников прослеживается трансформация представлений об отдыхе и досуге, анализируется усиление вмешательства государства в культурно-досуговую сферу населения. Рассматриваются основные методы и формы досуговой сферы, поскольку и эта сторона жизни рабочих семей Донбасса являлась инструментом идеологического воспитания и формирования мировоззрения рабочих. Наблюдается тенденция к переходу от индивидуального отдыха к коллективному.

Ключевые слова: досуг, семья, рабочие клубы.

Вне рабочее время (или досуг) всегда ассоциируется со сферой личного, с элементами независимости и самостоятельности. Поскольку объем, структура и содержание досуга являются показателями культурных ориентиров населения и во многом влияют на его ментальные представления и поведенческие реакции, в 20–30-е гг. XX в. у правительства УССР возник вопрос о регулировании досуга косвенным, но вполне цивилизованным путем – посредством законодательства о продолжительности рабочего дня. В числе первых нормативных актов большевистского правительства был Декрет о восьмичасовом рабочем дне и в 1922 г. – Кодекс законов о труде УССР. И все же эти документы представляют собой своеобразный механизм управления частной жизнью, что наиболее отчетливо проявляется при рассмотрении феномена свободного времени молодых рабочих семей Донбасса в 20–30-х гг. XX в.

Культурные преобразования, начавшиеся сразу с установлением советской власти, дали толчок появлению культурного досуга у жителей Донбасса, поскольку на территории края до 20-х гг. XX в. практически не было культурных учреждений. Несомненный интерес представляет собой региональный опыт реализации государственной политики в области развития культуры и досуга среди семей трудящихся Донбасса в 1920–1930-е гг. Изучаемая тема актуальна по причине того, что досуговая сфера рабочих семей в рассматриваемый период на территории нашего края только зарождалась, поэтому важно рассмотреть ее возникновение и особенности развития. Цель исследования предполагает анализ семейного досуга рабочих в Донбассе и его развития в течение 1920–30-х гг.

Такая тема, как досуговая политика в 1920–1930 гг. как в целом СССР, так и Донецкого региона, на данный момент находится на начальном этапе изучения и еще не получила форм системного исследования. Но, несмотря на это, существует ряд отдельных научных разработок, которые затрагивают некоторые аспекты данного вопроса, что позволяет их определенным образом сгруппировать и обобщить.

Основываясь на анализе литературы, периодических изданий, а также диссертационных исследованиях, можно выделить два основных периода в изучении историографии проблемы. Первый период – советский (1917–1991 гг.), когда актуальным становится вопрос, связанный с особенностями советского семейного быта

и нравственными нормами в среде рабочих Донбасса. При чем, научные разработки до 1980-х гг. либо опирались на марксистско-ленинские подходы, либо направлялись приоритетами холодной войны. Отсюда следует, что эти и другие подходы не позволяли критически описывать противоречия советской политики в отношении семьи и культурно-досуговой сферы. Второй период – современный (с 1991 г. – по настоящее время), когда изменяются направления государственной досуговой политики при необходимости оказания социальной поддержки семьям на государственном уровне.

При изучении историографии досуга рабочих семей в Донбассе нельзя не учитывать научные разработки, посвященные исследованиям развития семейных отношений в СССР и УССР, т.е. общие работы по данной проблематике. Однако авторы обобщающих работ, посвященных рабочим Донецкого региона, не уделяли должного внимания досугу других групп населения.

Современные ученые также обращают внимание на развитие клубных и музейных учреждений, спортивного движения в регионе и тому подобное. Так, работа А.Ф. Сурового освещает развитие отдельных культурных учреждений, поэтому не дает системного представления об изменениях в сфере культурно-досугового строительства Донбасса [1]. Среди работ, так или иначе касающихся данной тематики, можно выделить работы С.Л. Андросовой «Культурные процессы в Донбассе в 20–30-е гг. XX в.» [2], Е.В. Стяжкиной «Пересічна людина Донбасу на початку 1920-х років: У пошуках слова, простора і часу» [3], А.М. Михненко «Актуальні питання розвитку соціально-культурної сфери Донбасу у другій половині 1920-х – 1930-і роки» [4]. Среди общих работ, лишь косвенно затрагивающих данную проблему, можно выделить: Историю рабочих Донбасса: В 2 т. [5]; Л.А. Васильевой «О праздновании некоторых религиозных и гражданских праздников в семьях донецких рабочих в первой трети XX в.» [6]; О.И. Кокорской «Соціальний розвиток міст Донбасу (друга половина 20-х – 30 роки XX ст.)» [7].

Монография А.Н. Мовчан «Повсякденне життя робітників УРСР. 1920-ті рр.» [8] посвящена истории повседневной жизни рабочих на рубеже эпох – в первое десятилетие советской власти. Показана динамика изменений в их быту в связи с переходом от политики военного коммунизма к новой экономической политике. Рассматривается широкий комплекс вопросов, связанных с жизнью наемных работников, проблема трудоустройства, условия труда и взаимоотношения в трудовых коллективах, уровень медицинского обеспечения и других видов социального страхования, жилищные условия, доходы и расходы рабочих семей, характер их питания. Показаны способы приспособления рабочих к новым условиям жизни и их протестные действия. Однако данное исследование не рассматривает специфику семейной политики и досуга Донбасса в указанный период.

Источниковая база исследования: журнал «КультСО» [9], журнал «Просвещение Донбасса» [10] – один из старейших периодических изданий края, который освещал вопросы просвещения, образования, развития культуры и досуга рабочих Донбасса. Среди работ исследователей, которые занимались данной проблематикой, можно выделить статьи Л.С. Трубниковой [11], И.Ю. Хюрениной [12] и др. Статья «Развлекательная культура рабочих Донбасса (конец XIX – начало XX вв.)», авторами которой являются В.В. Гончаров и В.В. Койнаш, описывает обстановку, в которой оказалась культура и досуг на начало XX в., что явилось предпосылками к культурному и досуговому строительству [13].

Важным статистическим источником для изучения досуга населения являются бюджеты семей Донбасса 1930-х гг. Они хранятся в фонде Р-920 Государственного

архива ДНР. Кроме того, бюджеты рабочих семей Донбасса 1920-х гг. публиковались и в статистических сборниках [14].

В исследовании были использованы материалы газет и журналов «Диктатура труда», «Кочегарка», «Комсомолец Донбасса» и другие. Отметим, что периодические издания 1920-х годов имеют значительный интерес для исследователя, так как местные рабкоры публиковали немало критической информации, которая освещала актуальные аспекты тогдашней жизни. Поскольку в 1920-е гг. цензура еще не установила тотальный контроль над прессой, поэтому публикации в местных газетах часто отражали действительное положение вещей. В частности, на страницах газет можно было узнать о массовом распространении пьянства среди рабочих, участие в азартных играх и т. п.

Введенные восьмичасовой рабочий день для лиц старше 18 лет и шестичасовой для несовершеннолетних (а для 14–16-летних и вообще четырехчасовой) могли стать гарантией наличия у населения в целом, и прежде всего у молодых рабочих, 16–18 часов, не занятых производственным трудом. Сокращение величины рабочего дня создавало реальные возможности не только для увеличения объема досуга, но формально для расширения приватного пространства. Однако повседневность, даже у молодых людей, наполнена не только производительным трудом, продолжительность которого подвергается правовому регулированию, но и сном, домашней работой, общественной деятельностью, исполнением религиозных обрядов. За вычетом затрат на эти структурные элементы свободного времени, у молодых рабочих в начале 1920-х гг. оставалось примерно 4,5 часа в день [15]. Тратились они следующим образом: бездеятельный отдых занимал 0,5 часа; «самовоспитание», включавшее чтение книг и газет, занятия в кружках, посещение лекций, выставок, музеев – 1,9 часа; «развлечения» (около 20 видов) – 1,5 часа [16].

Условия жизни рабочих семей Донбасса в 1920–1930-х гг. повлияли на развитие досуга и культуры. Для обслуживания культурных нужд рабочих и их семей в Донбассе в данный период было начато обширное клубное строительство: в 1923 г. в городах и рабочих поселках края действовало 127 рабочих клубов, а в 1925 г. – уже более 200. Членами клуба была примерно треть рабочих [17, с. 131]. В клубах демонстрировали спектакли и концерты, проводили вечера самодеятельности, устраивали детские утренники и вечера молодежи. Еще одним видом досуга при клубах стали семейные вечера, которые помогали трудящимся преодолевать отсталость, замкнутость и отчужденность, воспитывали умение правильно вести себя в семье и обществе. Наблюдалось увеличение членов клуба среди женского населения. Это было обусловлено тем, что все чаще мужчины брали своих жен для совместного времяпрепровождения в клубах: «Вон рабочий и работница под ручку идут» [18, с. 28]. В течении трех месяцев в 1928 г. (январь-февраль-март) спектакли и концерты были проведены 179 клубами, семейные вечера были организованы в течении трех указанных месяцев 132 клубами, детские утренники были организованы 115 клубами [19, с. 127]. Большинство таких мероприятий организовывались собственными силами рабочих либо местными рабочими кружками, и проводились преимущественно бесплатно.

В марте 1925 г. на V Донецком губернском съезде профсоюзов было принято решение о строительстве клубов-театров, которые позже получили название «Дворцы культуры». В первую очередь, таковые были построены на 8 крупнейших рудниках – Горловском, Щербиновском, Краснотворческом (Рутченково), Петровском, Брянском, Енакиевском, Гришинском и Рыковском. За сезон 1926–1927 гг. построено 12 дворцов культуры. Ядром дворцов культуры являлся театр, молодые супружеские пары часто

посещали спектакли: «Зала преогромная. Народу рабочего целая тысяча... Третий звонок. Занавес открыт. Идет пьеса из рабочей жизни. Артисты-рабочие, артистки-рабочие. Играют хорошо» [18, с. 28]. Чаще всего такие спектакли демонстрировали борьбу рабочего класса и всех трудящихся за социалистическую перестройку хозяйства, за индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства, новый быт и культуру. Значительным достижением театрального и музыкального творчества масс было возникновение в исследуемый период рабочих оперных студий и музыкально-драматических коллективов, которыми были представлены такие постановки, как «Князь Игорь», «Евгений Онегин», «Фауст» [20, с. 123–126]. Известно, что такие мероприятия посещали семьями.

Чтение как вид досуга в начале 1920-х гг. было характерно для части рабочей молодежи, втянутой в общественную жизнь, и, естественно, читавшей в основном книги политического характера. Комсомольские активисты считали, что этот вид литературы больше соответствует времени. Уже весной 1922 г. XI съезд РКП(б) отметил возрастание «разлагающего мелкобуржуазного влияния» на подрастающее поколение бульварной литературы. Одновременно съезд партии большевиков поставил задачу создать «литературу для рабоче-крестьянской молодежи, которая могла бы быть противопоставлена влиянию на юношество со стороны нарождающейся бульварной литературы и содействовать коммунистическому воспитанию юношеских масс» [21].

Таким образом, столь традиционная форма досуга, как чтение, превращалось в сферу политической борьбы. В качестве метода большевики использовали прием, уже испробованный в антирелигиозной пропаганде – наполнение привычной формы (в данном случае литературной) новым идейно окрашенным содержанием. При этом действовал традиционный механизм, нормализующее решение властной или высшей идеологической структуры перемещалось вниз, таким образом, постепенно внедряясь в ментальность как повседневная норма.

Значительно менее болезненно проходил процесс приобщения молодого поколения в новых социальных условиях к типично городскому виду досуга, а, следовательно, определенной социально-культурной норме – к кино. У рабочих семей появилась возможность смотреть кинофильмы, поскольку быстрыми темпами развивалась киносеть региона. Большой популярностью пользовались среди трудящихся киносеансы. Специальных кинотеатров в Донбассе в исследуемый период было немного, однако кинопередвижки работали даже в самых маленьких населенных пунктах, картины демонстрировали в клубах. По инициативе комсомольцев в 1925 г. был построен летний кинотеатр в г. Снежном, работали кинотеатры также в г. Мариуполе. Количество киноустановок в крае выросло со 159 в 1925 г. до 821 в 1933 г. В 1939 году, например, было закончено строительство кинотеатра им. Т.Г. Шевченко в г. Сталино, который был одним из первых в Советском Союзе многозальных кинотеатров. По вечерам семьи рабочих посещали кинотеатры и клубы для просмотра различных кинолент: «Свечерело. Звезды загорелись. Свежий ветерок повевает со стороны сада, рабочие пошли в кино. Кино помещается в большом зале театра, на тысячу с лишним человек. Тут же рабочий буфет...» [16, с.28]. Рабочие семьи также могли проводить свой досуг за прослушиванием радио: «Верно, радио у них на славу. В саду, около вновь строящегося большого театра на тысячу с лишним человек установлены две мачты по 45 метров, тут же антенна натянута. Громкоговоритель орет здорово, передавая концерты и речи» [16, с.42]. Первые советские художественные фильмы – «Чудотворец», «Дипломатическая тайна», «Дворец и крепость», появившиеся в 1923–1924 гг., создали серьезную конкуренцию

западным и дореволюционным. Особой популярностью пользовался фильм режиссера И. Перестиани по сценарию Бляхина «Красные дьяволята».

Еще одним положительным достижением развития досуга рабочих семей Донбасса становится негласная борьба с пьянством. В мае 1921 г. на X Всероссийской конференции РКП(б) В.И. Ленин заявлял, что «...в отличие от капиталистических стран, которые пускают в ход такие вещи, как водку и прочий дурман, мы этого не допустим, как бы они не были выгодны для торговли, но они ведут нас назад к капитализму...» [23]. В марте 1922 г. на XI съезде РКП(б) Лениным вообще был поставлен вопрос о категорическом недопущении «торговли сивухой» ни в частном, ни в государственном порядке. В определенной мере это можно истолковать как объявление трезвости законом повседневной жизни.

Безалкогольный досуг сознательных пролетариев должен был стать антиподом практик повседневной жизни высших слоев царской России. Декрет правительства «О воспрещении изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ». Он в определенной мере подтверждал «сухой закон» 1914 г. Кроме того, по инициативе Ленина в план ГОЭЛРО было внесено дополнение следующего содержания: «Запрещение алкоголя должно быть проведено и далее в жизнь, как безусловно вредного для здоровья населения» [21, с. 25].

Борьбой со злоупотреблением спиртным лишь изредка занимались отдельные партийные и комсомольские организации, принимая директивы почти анекдотического характера: «Губком РКСМ постановил: к перерегистрации (к февралю 1921 г.) все члены губкома должны бросить пить, для рядовых комсомольцев – срок до 1 апреля» [24, с. 25]. Предпринимались попытки проведения общественных судов над пьяницами. Но все же это были отдельные факты, лишний раз подтверждающие ориентацию большевиков на быстрое изживание фактов злоупотребления алкоголем.

В реальности все было наоборот. Несмотря на то, что в стране действовал сухой закон, введенный еще в 1914 г. и фактически подтвержденный большевиками в 1919 г., население Донбасса, как и всей страны в целом, вовсе не собиралось отказываться от спиртных напитков. Кое-кому даже в период гражданской войны, по воспоминаниям Ю.П. Анненкова, удавалось, «расшибившись в доску», достать аптечный спирт. В отсутствие свободной продажи водки процветало самогонование. Кроме того, рабочие активно употребляли одеколон, политуру, лак, денатурат [13, с. 28].

Известно, что ранее среди трудящихся Донбасса наблюдалось всеобщее и ежедневное пьянство, поскольку таким образом рабочие отдыхали после тяжелого трудового дня, что пагубно влияло на взаимоотношения в семье [13, с. 25–26]. Нельзя сказать, что пьянство в 1920–1930-х гг. искоренилось совсем, но ощущались позитивные тенденции к этому: «Раньше, до революции, у нас среди рабочих были страшные грубости... кулачные бои, пьянство, матерщина. Хамье кругом, да пьяные рожи пахабные песни поют. А теперь, погляди-ка вон как ходят, гуляют, по порядку» [18, с. 28].

Что касается культурно-досуговой деятельности отдельных предприятий, то еще для середины 1930-х гг. типичной была жалоба рабочих на то, что, например, на СевдонГРЭС нет клуба, чтобы обсудить какой-то вопрос не выделено места. Но к концу 1930-х гг. культурно-бытовое обслуживание рабочих Донбасса значительно улучшилось. Согласно отчету по системе «Донэнерго», в 1938-1939 гг. для рабочих были организовано 58 выступлений хорового коллектива, продемонстрировано 30 кинокартин, создано 2 красных уголка и библиотека (4 799 книг), проведены 8 лекций на разные темы [22].

На предприятиях «Донэнерго» выпускались газеты «Даешь ток» – многотиражка ЗуГРЭС (до 1931 г. – «Строитель ЗуГРЭС»), «За непрерывный ток» – газета Алмазно-Марьевского сетевого района. В начале 1930-х годов по инициативе комсомольцев Зуевской ГРЭС было принято решение разбить в Скальной балке парк культуры и отдыха, выстроить в нем различные павильоны, танцплощадку и аттракционы. К 1935 г. парк был построен и стал любимым местом отдыха жителей поселка [22]. В 1939 г. в г. Зугрэсе началось строительство Дворца культуры, которое был приостановлено в связи с началом войны.

В рабочих клубах также проводились лекции (которые, впрочем, не пользовались популярностью), концерты областных и республиканских филармоний, самодеятельных коллективов, вечера танцев. При клубах действовали различные кружки: драматический, кройки и шитья, кружок духовых инструментов, самодеятельная группа и др.

Тем не менее, можно констатировать, что 1920–1930-е годы были периодом усиления контроля государства над культурно-досуговой сферой жизни рабочих семей. С этой целью была создана разветвленная система культурно-образовательных учреждений: клубы, красные уголки, библиотеки, кинотеатры, музеи, парки культуры и отдыха и тому подобное. Через эти культурные учреждения государство пыталось воспитывать работников в коммунистическом духе. Для этого в клубах вводились кружки ленинизма, безбожников и т. п. В репертуар самодеятельных театров включали идеологически окрашенные постановки, библиотеки комплектовали литературой политического направления, парки культуры и отдыха оформляли соответствующей символикой и скульптурами. Все эти меры должны были помогать партии и правительству воплощать в реальную жизнь соответствующую политику.

Однако в 1920-е гг. проведение идеологического воспитания населения через культурные учреждения наталкивалось на материальные трудности. Из-за нехватки финансирования невозможно было предоставить клубам соответствующее оборудование, обеспечить их квалифицированными кадрами. Все это отталкивало население от клубов, посещаемость этих заведений было небольшим.

Больше всего простое население интересовалось массовыми формами организации досуга: кинопостановками и театральными представлениями. В 1920-е годы, особенно во времена НЭПа, государству было сложно контролировать репертуары этих массовых зрелищ. Часть партийцев сознательно шла на такой шаг, чтобы не отпугнуть население от культурных мероприятий. Но уже в конце 1920-х и в 1930-е годы все формы массового досуга подверглись жесткому контролю. Цензура проверяла идеологическую направленность театральных репертуаров и кинопостановок. Из библиотек были изъяты все книги, которые каким-то образом мешали сталинской политике. Ликвидации также подлежали и произведения репрессированных художников [2, с. 18].

Следует признать, что бесспорным достижением советской власти было возведение за достаточно короткий срок большого количества культурных учреждений. Так, уже в 1940 г. в регионе насчитывалось 2063 библиотеки, количество книг в которых только за 1937–1938-е гг. удвоилось. В Донбассе также действовали более 2 000 клубных учреждений, насчитывалось 835 киноустановок [2, с. 15]. Это приобщило обычных людей к культурным ценностям. Были предложены альтернативные уличным развлечениям формы проведения досуга. Однако государству не удалось сразу, как это иногда отмечалось в отчетах различных учреждений, существенно повысить культурный уровень населения.

В 1920–1930 гг. в досуге рабочих семей Донбасса происходят позитивные изменения, этому способствовало строительство клубов, дворцов культуры, кинотеатров. Все чаще семейные пары проводят свой досуг вместе, просматривая спектакли, слушая радио, посещая семейные вечера и т.п. В этот период как раз и проходит приобщение рабочего класса Донбасса к образованию и просвещению, что оказало позитивное влияние не только на развитие досуга, но и на развитие культуры в Донбассе в целом. Полностью меняется направленность культурных учреждений, они становятся более ориентированы на рабочих – шахтеров и металлургов, энергетиков. Выявлено, что большинство культурных учреждений работало в патриотическом духе.

Таким образом, проанализировав основные источники и литературу, в развитии культурно-досуговых процессов Донбасса 1920–1930-х гг. можно выделить два основных периода: первый – годы НЭПа, когда контроль за досуговой деятельностью и повседневной жизни населения региона был умеренным; второй период – становления культурно-досуговой сферы Донбасса был связан со сворачиванием НЭПа и усилением режима личной власти И.В. Сталина, что сказалось на всех сферах жизни региона. Досуг и повседневный отдых рабочих семей Донбасса в 20–30-е гг. XX в. стал претерпевать некоторые изменения: четко прослеживается тенденция перехода от индивидуального отдыха к коллективному, поскольку массовость проводимых мероприятий способствовала не только консолидации общества, но и повышению производительности труда. Все перечисленные методы и способы культурно-досуговой деятельности государства в конце концов были направлены на формирование нового общественного сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Суровий А.Ф. Профспілки і робітничі клуби Донбасу (1920-і роки) / А.Ф. Суровий // Історія України: Маловідомі імена, події, факти. Вип.18. – К. - Донецьк, 2001. – С. 245-251.
2. Андросова С.Л. Культурні процеси в Донбасі в 20-30-ті рр. XX ст. [Текст]. Автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Андросова Світлана Леонідівна. – Донецьк, 2010. – 19 с.
3. Стяжкіна О.В. Пересічна людина Донбасу на початку 1920-х років: У пошуках слова, простора і часу / О. В. Стяжкіна // Нові сторінки історії Донбасу. – Кн. 13/14. – Донецьк, 2007. – С. 78-79.
4. Михненко А.М. «Актуальні питання розвитку соціально-культурної сфери Донбасу у другій половині 1920-х – 1930- і роки / А.М. Михненко // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. – 2002. – Вип. XIV. – 154 с.
5. История рабочих Донбасса: В 2 т. / Редкол.: Ю.Ю. Кондуфор (гл. ред.) и др.; АН УССР; Ин-т истории. – К.: Наук. думка, 1981. – Т. 1. – 326 с.
6. Васильева Л.А. О праздновании некоторых религиозных и гражданских праздников в семьях донецких рабочих в первой трети XX в. / Л.А. Васильева // Летопись Донбасса: краевед. сб. – Вып. 4-5. – Ч. 1. – Донецк, 1997. – С. 60-62.
7. Кокорська О. І. Соціальний розвиток міст Донбасу (друга половина 20-х - 30 роки XX ст.): Автореф. дис. на здоб. наук. ступ. канд. іст. наук (07.00.02) / Київ. ун-т ім. Т. Шевченка. – К., 1995. – 21 с.
8. Мовчан О. М. Повсякденне життя робітників УСРР. 1920-ті рр. / О.М. Мовчан. К.: Інститут історії України НАН України, 2011. – 312 с.
9. «КультСО». – 1934 – № 11; 1935 – № 27, № 29.
10. «Просвещение Донбасса». – 1924. – № 5-6.
11. Трубникова Л.С. Культурные процессы в 20-30 гг. / Л.С. Трубникова // Новые страницы в истории Донбасса: сб. статей. – Донецк: Донбасс, 1992. – С. 70-90;
12. Хюренина И.Ю. Культурные процессы и формирование общественного сознания при сталинизме / И.Ю.Хюренина // Новые страницы в истории Донбасса: сб. статей – Донецк: Донбасс, 1997. – С. 102-113.
13. Гончаров В.В. Развлекательная культура рабочих Донбасса (конец XIX – начало XX вв.) / В.В. Гончаров, В. В. Койнаш. // Наука. Релігія. Суспільство. – Донецк, 2013. – № 1. – С. 24-27.
14. Государственный архив ДНР. Ф. Р-920. Областной совет профсоюзов г. Донецка, Донецкой обл. 4747 ед. хр. (1932-1937).

15. Кодекс законов о труде РСФСР и УССР 1922 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/Labour/Law/kodex_22.htm
16. Струмилин С. Г. Рабочее время в промышленности СССР (1897–1935 гг.) // Проблемы экономики труда: Избранные соч. в 5 т. Т. III. М., 1964. – С. 229.
17. Курдюмова Е.А. Донбасс на подъеме (1921–1925 гг.): Исторический очерк / Е.А. Курдюмова – Донецк: Донбасс, 1976. – 143 с.
18. Нечунаев К.Е. В гостях у донбассовцев. Записки избача-крестьянина / К.Е. Нечунаев. – М.: Типо-Литограф., 1927. – 55 с.
19. Либерман Л.В. Труд и быт горняков Донбасса прежде и теперь / Л.В. Либерман. – М.: Мосполиграф, 1929. – 135 с.
20. Даниленко В.М. Рабочий класс и культурная революция на Украине / В.М. Даниленко. – К.: Наукова думка, 1986. – 215 с.
21. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы // Нева, Издательско-торговый дом «Летний Сад». – Санкт-Петербург, 1999. – 220 с.
22. «ДОНБАССЭНЕРГО»: Настоящее прошлое/ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://de.com.ua/uploads/0/2419-Book%20Present%20Past.pdf>
23. Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55 т. (издание пятое) Т. 43. Март-июнь 1921 / В.И. Ленин. – М.: Изд-во политической литературы, 1970. – 575 с.
24. Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии: от военного коммунизма к большому стилю / Н.Б. Лебина. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 482 с.

Поступила в редакцию 10.01.2020 г.

CULTURAL AND LEISURE SPHERE OF THE WORKING FAMILIES OF DONBASS IN THE 20–30 YEARS OF THE TWENTIETH CENTURY

T. Yu. Lyudorovskaya

The article discusses the leisure sphere and extra-working time of the families of Donbass in the 1920-1930-th. The features of these events in the region are characterized. Thanks to archival materials and other types of sources, the transformation of ideas about leisure and leisure is traced, and the strengthening of state intervention in the cultural and leisure sphere of the population is analyzed. The main methods and forms of the leisure sphere are considered, since this side of the life of the working families of Donbass was an instrument of ideological education and the formation of the worldview of workers. There is a tendency towards a transition from individual to collective leisure.

Key words: leisure, family, work clubs.

Людоровская Татьяна Юрьевна.

Кандидат исторических наук;
доцент кафедры отечественной и региональной
истории исторического факультета ГОУ ВПО
«Донецкий национальный университет».
E-mail: t.ludorov@mail.ru.

Lyudorovskaya Tatyana Yurievna.

Candidate of Historical Sciences;
Associate Professor of the Department
of National and Regional History of the
Faculty of History,
SEE HPE “Donetsk National University”.
E-mail: t.ludorov@mail.ru.

УДК 930.85(44)

ПАТРОНАЖ ВО ФРАНЦУЗСКИХ САЛОНАХ XVIII в.

© 2020. *К.Г. Носко*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена характеристике патрон-клиентских отношений во французских салонах XVIII в. Проанализированы мотивы, характер и механизмы взаимодействия патрона и клиента. Отмечена ведущая роль хозяина (хозяйки) салона в системе патронажных взаимосвязей.

Ключевые слова: салон, Франция, Просвещение, патрон-клиентские отношения.

Французский салон как неофициальное сообщество, объединяющее людей с разными социальными статусами, являлся пространством для поиска выгодных знакомств. Речь идет об установлении в рамках салонной локальной сети патрон-клиентских отношений. В силу особенностей политической системы Франции XVIII в. клиентелизм воспринимался как один из основных способов достижения личных целей. Французский дипломат маркиз де Бомбелль, описывая свое посещение летом загородных резиденций представителей высшего света Франции, когда светская жизнь перемещалась из столицы в провинцию, указывал: «Поездка по селам, расположенным недалеко от Парижа, – обязанность, которую следует выполнять; дело действительно утомительное, но необходимое для тех, кто вершит свою судьбу» [4, с. 159].

Начиная с XIX в., исследовательское сообщество проявляет высокий интерес к изучению французской салонной культуры. Акцентируется внимание на социальном, культурном, гендерном аспектах деятельности салонов (Э. Дешанель [9], Ф. Фейе де Конше [10], Л. Николардо [20], Р. Пикард [21], М. Гужи-Франсуа [11]). При этом специальных работ, посвященных отношениям патернализма/клиентелизма в рамках салонов Франции, до настоящего времени немного. В частности, в общих чертах этой проблемы касались Ж. Кальве [6], Б. Кравери [8], А. Лилти [13].

Источниковая база исследования представлена мемуарами и письмами хозяев салонов и их гостей (маркизы дю Деффан [7], А. Морелле [17], Мармонтеля [14], Ш.Ж.Ф Эно [12], аббата де Берни [16], Ж.-Ж. Руссо [2]).

Исходя из всего вышесказанного, цель данной статьи – охарактеризовать патрон-клиентские отношения во французских салонах XVIII в.

Отношения «патрон-клиент» как отношения личные, частные основаны на разнице социальных статусов, неравенстве в обладании ресурсами, а также взаимовыгоде и взаимозависимости. В этих отношениях одна из сторон – патрон – оказывает другой стороне – клиенту – покровительство, открывая доступ к ресурсам и гарантируя защиту, при этом получая взамен лояльность и услуги [5, с. 72].

В процессе поиска покровителей, от которых в большей степени зависел литературный успех, а, следовательно, материальный достаток, и обеспечения социального самоопределения, французские салоны являлись важным ресурсом для писателей. В качестве меценатов выступали влиятельные гости и хозяева салонов.

Наиболее распространенным видом помощи была финансовая поддержка (от всевозможных «подарков» и «презентов» до назначения пожизненного денежного содержания). Так, писатели Тома и Морелле, а также философ д'Аламбер получили от

хозяйки одного из парижских салонов, мадам Жоффрен, пожизненную ренту в размере 1 200, 1 200 и 2 300 ливров соответственно [18, с. 30-31, 33].

К помощи покровителей прибегали также в случае необходимости защиты и посредничества. В частности, французский философ Ж.-Ж. Руссо получил должность секретаря при французском поселе в Венеции благодаря стараниям мадам де Безанваль, хозяйки салона, который он регулярно посещал [2, с. 278].

Характерной чертой патрон-клиентских отношений является предоставление взаимных услуг друг другу, оказываемых, как правило, на добровольных началах. При этом существовали социальные механизмы контроля за исполнением личных обязательств. Отказ клиента от выполнения определенных услуг для патрона имел репутационные, материальные или политические риски. Так, нежелание Ж.-Ж. Руссо сопровождать мадам д'Эпине в Женеву стало одной из главных причин разрыва их отношений. Намекая на ближайшее окружение хозяйки салона, Жан-Жак в своих мемуарах отмечал: «Мои враги, быть может, ждали этой жертвы, погубившей мою репутацию, и сумели извлечь из нее выгоду: в результате их усилий я лишился уважения общества» [2, с. 434].

Посещение салонов и поиск влиятельных покровителей становится фактически обязанностью людей, которые стремились реализовать свои профессиональные амбиции. В этом отношении наглядным примером может служить Франсуа Иоаким Пьер де Берни и его молниеносная карьера. Благодаря своей красоте, блестящему уму, рассудительности, богатой фантазии, неустанной живости он получил доступ в парижские салоны [16, с. 33]. Качества светского человека, приумноженные литературным талантом, сделали его «модным» в высшем французском обществе. Сам господин де Берни в своих мемуарах, вспоминая тот период своей жизни, пишет: «Я там стал тем, кого называют в свете любимчиком. Нужно было заранее позаботиться о том, чтобы пригласить меня на ужин» [16, с. 36]. Ж.-Ж. Руссо отмечал: «Молодой человек со сносной наружностью, являющийся в Париж и привлекающий к себе внимание талантами, может быть уверен в хорошем приеме» [2, с. 268].

Уже в двадцать лет де Берни посещал общества влиятельных французских государственных деятелей: Ж.-Б. Кольбера, маркиза де Торси (государственный секретарь по иностранным делам 1696–1715 гг.), М. де Полиньяка (кардинал, дипломат, член Французской академии), А. Ф. д'Агессо (адвокат, генеральный прокурор Парижского парламента, член Французской академии) [16, с. 35].

Первый его успех на пути продвижения по карьерной лестнице связан с посещением салона в отеле де Бранка. Там он нашел влиятельных покровителей в лице хозяев. Используя их поддержку, Франсуа Иоаким Пьер де Берни становится претендентом в члены Французской академии [12, с. 208]. Однако в это же время салон мадам де Тансен выдвинул свою кандидатуру на вакантное место. В конечном итоге в двадцать девять лет Пьер де Берни избирается во Французскую академию благодаря помощи «хороших компаний Парижа и Версаля» [16, с. 88].

Имея большие политические амбиции и опасаясь за свою литературную репутацию, Пьер де Берни редко принимал участие в заседаниях академии, называя ее «смехотворным пространством». Более того, слишком тесная взаимосвязь с писателями являлась для него «источником опасности», который необходимо избегать [16, с. 91]. Следует отметить, что Пьер де Берни противился своему причислению к сообществу писателей: «это игра для меня, а не работа. В глубине души, я мало ценил свои произведения» [16, с. 37]. Поэтические произведения, легко и охотно воспринимаемые французским высшим обществом, скорее были призваны создать репутацию

блестящего и незаурядного ума их автора, которую впоследствии можно было использовать для вхождения в «свет» (в частности, для посещения салонов) с целью удовлетворения личных амбиций посредством протекционных связей. Пьер де Берни вообще не считал литературное творчество серьезным делом, напротив пытался постепенно приучить французское общество к восприятию его как умного человека, единственными занятиями которого были история, политика и мораль. Человека, способного решать важнейшие социо-политические вопросы [16, с. 125].

Став членом Французской академии, он продолжал посещать парижские салоны в поисках влиятельных покровителей. Так, во время ужина у мадам д'Аржанталь, он познакомился с герцогиней де Роган, связь с которой, по существующим во французском высшем обществе обычаям, придала ему большую известность [12, с. 209]. Кроме того, герцогиня познакомила его с господином д'Аржансоном, известным французским государственным деятелем, в лице которого он получил влиятельного друга.

Однако судьбоносным для Пьера де Берни оказалось посещение салона графини д'Эстрад, где он познакомился с маркизой де Помпадур. Достаточно подробно он описывает в своих мемуарах первые встречи с маркизой, которая, по его заверению, неоднократно приглашала посетить ее общество и получала отказ. Только сообщение о том, что она являлась фавориткой Людовика XV, побудило Пьера де Берни согласиться на ее предложение о дружбе [16, с. 110]. Конечно, очень амбициозный и решительный Пьер де Берни лукавит, когда говорит о том, что не знал о статусе мадам де Помпадур, что долго сомневался и советовался с друзьями, прежде чем завязать с ней дружеские отношения. Вообще он упорно настаивает и неоднократно замечает, что посещал салоны высшего общества с целью поиска друзей, а не покровителей. Протекционизм же вызывает у него только пренебрежение [16, с. 36]. Вероятнее всего, это связано с тем, что он хотел объяснить свой карьерный рост только личными заслугами, а не светскими связями. Хотя, в ходе описания своих посещений общества маркизы де Помпадур, в которое входил узкий круг лиц, в том числе и король Людовик XV, Пьер де Берни указывает, что решил только ее одну, своего друга, использовать для карьеры [16, с. 118].

Современники отмечают, что именно благодаря протекции мадам де Помпадур, Пьер де Берни был назначен послом Франции в Венецию (1752–1755 гг.), вернувшись стал членом Королевского совета (1757 г.), затем государственным секретарем по иностранным делам (1757-1758 гг.) и в конечном итоге получил шляпу кардинала (1769 г.) [12, с. 209-210], [19, с. 95, 200].

Президент Парижского парламента Ш.-Ж.-Ф. Эно указывает: «Его желания увеличивались, а надежды возрастали пропорционально росту влияния его протектрисы» [12, с. 209]. Образумить и умерить его политические амбиции пытался граф д'Аржансон, который, узнав о планах Пьера де Берни войти в состав Королевского совета после окончания дипломатической миссии в Венеции, заметил: «Вы спешите; необходимо иметь опыт, чтобы получать места по признанию общественности и сделать их стабильными». Также граф д'Аржансон посоветовал ему получить дипломатический опыт, прежде чем претендовать на высокие государственные должности [12, с. 209]. Таким образом, используя салоны для поиска выгодных знакомств, Пьер де Берни нашел влиятельного покровителя в лице фаворитки короля, мадам де Помпадур, и благодаря ей фактически за десять лет добился наивысшего успеха в построении своей политической карьеры.

Нередко протекция патрона была направлена не только на конкретного человека (родственника или «идейного соратника»), но и распространялась (самовольно или по

просьбе) на членов его семьи или его друзей. В таком случае имя клиента служило рекомендацией для оказания услуг. Например, французский писатель А. Морелле в своих мемуарах указывает, что благодаря Ж. Неккеру, хозяину салона, который он усердно посещал, его брат, Жан-Франсуа, получил выгодную должность в управлении Доменами. Более того, Неккер продолжал «поручаться» за него, даже несмотря на то, что он перестал посещать его салон [17, с. 162].

Заинтересованность клиента в патронате объясняется стремлением к получению материальной выгоды и защиты. Покровитель преследует другие цели. По мнению М.Н. Афанасьева, обеспечивая доступ к более широким рынкам ресурсов, патрон подтверждает свой авторитет и влияние [1, с. 45].

Во Франции XVIII в. патронаж являлся средством формирования репутации светского человека. Особенно это было актуально для представителей материально обеспеченной и политически бесправной буржуазии, стремящихся получить доступ в высшее французское общество. Ярким примером в этом отношении является Жак Неккер. В виду широкого распространения обычая протезирования в салонной культуре, богатый швейцарский финансист и его супруга открыли в особняке Леблан на улице де Клеры салон. Салонные встречи проводились регулярно, каждую пятницу. По свидетельству аббата Морелле выбор дня был продиктован необходимостью избежать конкуренции с «понедельниками и средами мадам Жоффрен, вторниками Гельвеция, четвергами и воскресеньями барона Гольбаха». За помощью в организации и проведении встреч Сюзанна Неккер, жена Жака Неккера, обратилась к известным французским писателям Мармонтелю, Рейналю и Морелле. Эта тройка составила основу литературного общества [17, с. 154].

Ведущая роль в салоне была отведена хозяйке дома – Сюзанне Неккер. Жак же предстал в образе ее благородного и просвещенного супруга. Это позволило скрыть от широкой общественности его реальные политические цели и амбиции. Однако ближайшее окружение Неккеров адекватно и прагматично оценивало их действия. Мармонтель, например, указывает в своих мемуарах, что главной заботой С. Неккер всегда была политическая карьера ее мужа [14, с. 15].

Со временем под влиянием репутации салона, созданной писателями и философами, состав его гостей расширяется за счет включения влиятельных политических и общественных деятелей, а также иностранных дипломатов. Таким образом, салон выходил на качественно новый уровень, позволявший его хозяевам реализовывать более серьезные задачи. Неккеры отвергали однополярную политическую ориентацию, отдавая предпочтение ситуативным союзам с представителями разных политических групп. Так, активными участниками салонных встреч стали маркиза дю Деффан, Ж. де Леспинас, мадам Жоффрен, маркиза де Ла Ферте-Эмболь, герцогиня Люксембургская, графиня де Буффле, супруги Бово [17, с. 154]. Использование всего комплекса светских и политических связей в конечном итоге позволило Ж. Неккеру занять пост директора финансов во французском государстве. По свидетельству де Монтбаррей, определяющую роль в его назначении сыграла герцогиня д'Энвилль, приближенная к влиятельному министру Людовика XVI графу де Морепа [15, с. 41]. Таким образом, богатому женевскому банкиру, кальвинисту Жаку Неккеру удалось не только интегрироваться в высшее общество, переняв нормы, обычаи и способ жизни французской аристократии, но и занять высокую должность во французском государстве, возглавив финансовое ведомство. Будучи чужим для французов как по национальному, так и по религиозному признакам, он фактически достиг вершины карьерной лестницы в абсолютистском государстве.

Помимо патронажа во французских салонах XVIII в. широкое распространение получило посредничество, т.е. содействие в достижении определенных целей. Посредник имел разветвленную сеть каналов коммуникаций, т.е. связей с людьми либо непосредственно владеющих ресурсами, либо имеющих выход на тех, кто ими владел. То есть посредник, как и патрон, тоже владел ресурсами, в качестве которых выступали стратегические контакты. По мнению Дж. Бойссвейна, для успешной деятельности, посреднику, помимо разветвленной системы каналов коммуникаций необходимо соответствовать нескольким ключевым характеристикам:

1. Занимать «центральное положение», которое определялось наличием собственной территории для встреч, осведомленностью о важных событиях.
2. Быть доступным в любое время, что продиктовано важностью решаемых вопросов.
3. Иметь желание и природную склонность к занятию данной деятельностью [3, с. 147-148].

Всем вышеперечисленным критериям соответствовали хозяева французских салонов. Они, как правило, и выступали в качестве посредников. При этом они преследовали несколько целей: психологическое удовлетворение, материальное или иного рода вознаграждение, и самое главное демонстрация своего влияния в обществе, что повышало престиж салона.

Так, в июле 1767 г. маркиза дю Деффан, отстаивая интересы шевалье д'Олана, обратилась за помощью к герцогу де Шуазелю, ее дальнему родственнику и гостю ее салонных встреч. Маркиза просила герцога, одновременно занимавшего пост государственного секретаря по военным делам и государственного секретаря по иностранным делам, назначить компенсации служащим генералам в связи с отменой их жалования. По прошествии времени она получила положительный ответ по этому делу от высокопоставленного чиновника [7, с. 128].

Социальные статусы патрон, клиент, посредник могли меняться в зависимости от ситуации. Так, в деле, связанном с назначением компенсаций служащим генералам, хозяйка одного из самых известных французских салонов второй половины XVIII в. выступала в роли посредника между шевалье д'Оланом и герцогом де Шуазелем. Кроме того, подобные функции она также выполняла после отставки последнего и ссылки его в Шантлу. При этом в деле о назначении пенсии мадам дю Деффан, сама маркиза имела уже другой статус. Осенью 1763 года она обратилась к герцогу де Шуазелю с просьбой выступить с ходатайством перед королем о назначении ей пенсии (финансового содержания). В связи с первостепенной значимостью вопроса, связанного с материальным обеспечением «светского образа жизни», мадам дю Деффан проявляла чрезмерную настойчивость в этом деле. В ответ герцог де Шуазель отправил ей письмо: «Я вам советую набраться терпения; то, чего мы хотим от Двора не делается за один день; нужно, чтобы королева поговорила с королем, она это сделает. Господин де Сен-Флорантен настроен хорошо; необходимо, чтобы он поработал с королем. Возможно это не произойдет скоро, наберитесь терпения, не терзайте себя, положитесь на друзей» [7, с. 11]. Этим письмом герцог де Шуазель попытался успокоить маркизу дю Деффан, заверив, что он сделает все от него возможное для удовлетворения ее просьбы.

В последствии, к делу подключилась герцогиня де Шуазель, супруга государственного секретаря, которую связывали тесные дружеские отношения с мадам дю Деффан. Она стала пристально следить за продвижением дела и информировать маркизу. Кроме того, будучи представленной при Дворе, герцогиня де Шуазель решила также подействовать. «Я придумала убедить поговорить с королевой господина де Ла

Ланса» (врач королевы). При этом она добавила: «Это моя первая интрига при Дворе». Однако из-за недомогания королевы господин де Ла Ланс не смог осуществить ее пожелание. В конечном итоге усилия супругов де Шуазель имели положительный результат. Маркизе дю Деффан была назначена пенсия в размере 2 тысяч экю [7, с. 13]. Итак, в деле о назначении пенсии маркиза дю Деффан имела статус клиента, обратившись за помощью в содействии к посреднику в лице известного герцога де Шуазеля. Он, в свою очередь, обладал более широким кругом возможностей, будучи королевским министром, влиял на короля, который в данной ситуации выступил в роли патрона.

Таким образом, в рамках французских салонов XVIII в. окончательно оформилась и утвердилась модель патрон-клиентских отношений. Основу ее составляла локальная (в рамках отдельного салона) сеть межличностных отношений, целью которых являлось получение финансовой, политической, репутационной выгоды. Это имело первостепенное значение для писателей, философов, ученых и артистов из третьего сословия, поскольку в XVIII в. они еще не имели четко обозначенного социального статуса и стабильного дохода. Главная роль в осуществлении протекционных функций принадлежала хозяевам салонов, которые их использовали в качестве инструмента собственного влияния в области политики, литературы, философии, музыки и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. / М.Н. Афанасьев. – М.: Изд-во Центра конституц. исслед. МОНФ, 1997. – 301 с.
2. Руссо Ж.-Ж. Исповедь. Прогулки одинокого мечтателя / Пер. с фр. М. Розанова, Д. Горбова. – М.: Изд-во худ. литературы, 1949. – 705 с.
3. Boissevain J. Friends of friends: networks, manipulators and coalitions. – Oxford: Blackwell, 1978. – 285 p.
4. Bombelles M. Journal: En 3 tt/ Par J. Grassion, F. Durif. – Т. 2 – Genève: Droz, 1982. – 306 p.
5. Burke P. History and social theory. – Cambridge: Polity Press, 1992. – 198 p.
6. Calvet J. Les salons de marguerite de Navarre (1492-1549) à Suzanne Necker (1740-1794). – Québec: La Plume d'Oie Edition, 2000. – 256 p.
7. Correspondance complète de Mme du Deffand avec la duchesse de Choiseul, l'abbé Barthélemy et M. Craufurt: En 2 tt. – Т. 1. – Paris: Michel Lévy frères, 1866. – 461 p.
8. Craveri B. L'Age de la conversation. – Paris: Gallimard, 2002. – 496 p.
9. Deschanel E. Histoire de la conversation. – Paris: M. Lévy, 1857. – 223 p.
10. Feuillet de Conches F.-S. Les salons de conversation au dix-huitième siècle. – Paris: Charavay frères éditeurs, 1882. – 227 p.
11. Gougy-François M. Les Grands salons féminins. – Paris: Debresse, 1965. – 190 p.
12. Hénault Ch.J.F. Mémoires/ Par M. le baron de Vigan. – Paris: E. Dentu, 1855. – 436 p.
13. Lilti A. Le Monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. – Paris: Fayard, 2005. – 568 p.
14. Mémoires de Marmontel: En 3 tt/ Par M. Tourneux. – Т. 3. – Genève: Slatkine reprints, 1967. – 377 p.
15. Mémoires de Montbarrey// Egret J. Necker, ministre de Louis XVI. – Paris: Champion, 1975. – 478 p.
16. Mémoires et lettres de François-Joachim de Pierre cardinal de Bernis (1715-1758): En 2 tt/ Par F. Masson. – Т. 1. – Paris: Société d'éditions littéraires et artistiques, 1903. – 478 p.
17. Morellet A. Mémoires sur le dix-huitième siècle et sur la Révolution française: En 2 tt/ Par M. Lémontey. – Т. 1. – Paris: a la librairie française de Ladvocat, 1821. – 472 p.
18. Morellet M. Portrait de madame Geoffrin// Eloges de madame Geoffrin/ Par MM. Morellet, Thomas, D'Alembert. – Paris: H. Nicolle, 1812 – P. 3-74.
19. Mouffle d'Angerville B.-F.-J. Vie privée de Louis XV ou Principaux événements, particularités et anecdotes de son regne: En 4 tt. – Т. 3 – Londres: John Peter Lyton, 1784. – 431 p.
20. Nicolardot L. Les Cours et les salons au XVIIIe siècle. – Paris: Dentu, 1879. – 319 p.
21. Picard R. Les Salons littéraires et la société française (1610-1789). – New York: Brentano's, 1943. – 361 p.

Поступила в редакцию 15.01.2020 г.

PATRONAGE IN FRENCH SALONS IN XVIII

K.G. Nosko

The article is devoted to the characterization of patron-client relations in the French salons of the XVIII century. The motives, the nature and mechanisms of interaction between client and patron are analyzed. The leading role of the owner (mistress) of the salon in the system of patronage relationships is noted.

Key words: salon, France, Age of Enlightenment, patron-client relations.

Носко Карина Геннадьевна

Старший преподаватель кафедры всемирной истории ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: karina-psyol@yandex.ru

Nosko Karina Gennadiyвна

Senior Lecter of the Chair of World History, SEI HPE “Donetsk National University”.

E-mail: karina-psyol@yandex.ru

УДК 94:572.023(477.62)«1943/1953»

ОРГАНИЗАЦИЯ И СТРУКТУРА ПИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА СТАЛИНО (1943–1953 гг.)

© 2020. *Н.Н. Старченко*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье на основе архивных и опубликованных документов рассматриваются особенности питания населения города Сталино в 1943–1953 гг. Проанализирован пищевой рацион горожан, выяснено из каких источников население обеспечивалось продуктами питания, какие блюда были наиболее употребляемыми и любимыми.

Ключевые слова: население, продовольственное обеспечение, потребительский спрос, торговля, продовольственный кризис.

Питание является повседневной потребностью людей, одним из показателей материального благополучия и важным элементом качества жизни населения. Поэтому тема, посвященная особенностям повседневного питания населения города Сталино в 1943–1953 гг. является актуальной и на сегодняшний день представляет не только научный интерес, но и имеет практическое значение.

Данное исследование посвящено одному из регионов СССР – Донбассу, а именно областному центру этого региона – городу Сталино. В рассматриваемый период здесь были расположены крупнейшие шахты страны, а также промышленные предприятия тяжелой, легкой и пищевой промышленности.

Цель работы – проанализировать особенности и изменения повседневного питания населения г. Сталино в 1943–1953 гг., проследить, как материальное благосостояние горожан влияло на потребительский спрос на те или иные продукты питания, выяснить из каких источников население обеспечивалось продовольствием, какие блюда были наиболее потребляемы.

Хронологические рамки исследования определяются сентябрем 1943 г. – мартом 1953 г. В сентябре 1943 г. Донбасс был освобожден Красной Армией от немецко-фашистских захватчиков, после чего на освобожденной территории развернулось восстановление разрушенного фашистами в годы оккупации народного хозяйства. Со смертью Сталина в марте 1953 г. завершилась целая эпоха в истории СССР, и страна вступила в новый этап своего развития, который характеризовался проведением реформ в области промышленности, сельского хозяйства, торговли и т.д.

В советской историографии, в общем контексте изучения истории УССР, данная проблема нашла отображение на страницах таких изданий, как – «История рабочих Донбасса» [1], «История Украинской ССР» [2], «Робітничий клас Української РСР (1946–1970 рр.)» В. Романцова [3]. Среди множества работ советских историков можно выделить коллективные монографии Л.А. Гордона и Е.В. Клопова [4], Л.А. Гордона, Е.В. Клопова и Л.А. Оникова [5].

Комплексному исследованию социально-бытовых проблем советской повседневности, в которых рассматривались вопросы питания населения в РСФСР, имеющие много общего с Донбассом, внесли российские ученые О.Ю. Зубкова [6], Н.М. Козлова [7], Н.Б. Лебина [8], М.Н. Федченко [9].

Вопросы питания населения Донбасса нашли отражение в работах А.В. Броваря [10], М.С. Герасимовой [11], К.В. Кузиной [12], А.А. Саржана [13]. В своем

большинстве вышеотмеченные труды касаются вопросов питания населения фрагментарно, посредством исследований семейных бюджетов и материального достатка, а также анализа семейных доходов и расходов, однако данный вопрос отдельно на примере города Сталино в 1943–1953 гг. не рассматривался.

Источником для написания статьи стали как уже опубликованные документы, так и документы из фондов Государственного архива Донецкой Народной Республики, впервые введенные в научное пользование.

Великая Отечественная война существенно ухудшила материальное положение людей. На месте боев, на территории Донбасса, находившейся в течение двух лет под временной оккупацией немецко-фашистских захватчиков, – повсюду остались руины и пепелища, разрушенные жилые здания, больницы и магазины, школы, институты и культурно-просветительные учреждения. В городе Сталино и его окрестностях было нарушено электро-, водо- и теплоснабжение. Люди похудели от недоедания, были плохо одеты и обуты. После освобождения в сентябре 1943 г. Донбасса, вместе с кризисом жилищно-коммунального хозяйства, появился и продовольственный кризис.

Мероприятия, по упорядочиванию системы и структуры питания шахтерских городов и сел Донбасса, начали проводиться властью почти сразу же после освобождения этого региона от немецкой оккупации. Пищевая и легкая промышленности, производившие продукцию для нужд армии во время Великой Отечественной войны, начала выпускать ее для населения. Еще в годы войны снабжение городского народонаселения продуктами питания и промышленными товарами первой необходимости стало нормированным. Ежесуточная потребность в снабжении жителей города Сталино хлебом до войны составляла 280 т, или в среднем на душу населения 550 г. По данным на 1 декабря 1944 г. ежедневная потребность в хлебе составляла 142 т, или 460 г на душу в день, мяса-рыбы – 1 530 г в месяц, жиров – 480 г, сахара – 325 г, крупы – 423 г. Из расчета на одного трудящегося норма потребления хлеба в день составляла 650 г, мяса-рыбы – 3 870 г в месяц, жиров – 900 г, сахара – 600 г, круп – 800 г [14]. При этом достаточно часто случались перебои в обеспечении населения хлебом, крупяными изделиями и другими продуктами питания. Но, стоит отметить, что постепенно нормы снабжения повышались, был расширен ассортимент выдаваемых по карточкам продуктов. В указанный период полностью отоваривались продовольственные карточки по установленным нормам угольщикам, металлургам, оборонной и электропромышленности. Одновременно разворачивалась государственная открытая или так называемая коммерческая торговля по повышенным ценам, что поспособствовало снижению рыночных цен.

В структуре советской торговли различалась государственная, кооперативная, коммерческая торговля (до реформы 1947 г.), торговля на колхозных рынках. Цены на рынках были выше, чем государственные в среднем в 1,5 раза. Пай продуктов, приобретенных в государственных магазинах и на рынках, делился приблизительно поровну. В госмагазинах покупали хлеб, сахар, кондитерские изделия, рыбу и мясо; на рынке – картофель и другие овощи, фрукты, молоко и яйца. Обитавшему на окраинах города населению, потребности в еде помогало решать личное подсобное хозяйство.

Трагические последствия для послевоенной жизни населения Донбасса имел голод 1946–1947 гг., который стал следствием засухи и неурожая, а также государственной политики в сфере хлебазаготовки и распределения продуктов. В условиях стихийного бедствия ситуация с продовольствием в регионе настолько обострилась, что местная власть вынуждена была принимать чрезвычайные меры. По данным профессора А.А. Саржана в Сталинской области с октября 1946 г. на 60 %

были уменьшены фонды муки, которые предусматривались для сельского населения. Кроме того, сняты из пайкового обеспечения хлебом не работающие городские жители; уменьшена до 250 г норма выдачи хлеба всем иждивенцам, которые проживали в городах и рабочих поселках и т.д. [13].

В 1946 г. было принято ряд постановлений, существенно сокративших количество населения, находившегося на нормированном снабжении, а также были повышены пайковые цены. Правда, при этом снижались коммерческие цены, хотя это и не могло улучшить ситуацию. Вследствие этого стоимость основных продовольственных продуктов для городского населения выросла. В частности, стоимость 1 кг черного хлеба повысилась с 1 руб. до 3 руб. 40 коп., стоимость 1 кг мяса выросла с 14 до 30 руб., сахара – с 5,5 руб. до 15 руб., сливочного масла – с 28 до 66 руб., молока – с 2,5 руб. до 8 руб. При этом минимальная заработная плата в 1946 г. составляла 300 руб., а средняя – 475 руб., следовательно, на основные продукты питания тратилась почти половина минимальной зарплаты. Если к такой продовольственной корзине добавить другие продукты широкого потребления (крупы, овощи, яйца, сладости, фрукты и т.д.), то можно сделать вывод о несоответствии размеров заработной платы даже минимальным потребностям человека в полноценном питании, не говоря уже о других потребностях. Правда, для категорий рабочих и служащих со средней оплатой труда, одновременно с едиными ценами, устанавливались так называемые «хлебные дотации» в среднем около 110 руб. на месяц, но эти средства не решали общую проблему доходов [15].

Горожане были недовольны сокращением продовольственного пайка, выдаваемого по карточкам, дороговизной продуктов, запрещением свободной торговли хлебом, лишением их права пользования участками колхозной земли.

В результате хронического недоедания уже в январе в 1947 г. люди стали умирать от голода. И до сегодняшнего дня нет точных подсчетов жертв голода 1946–1947 гг. Врачей заставляли умалчивать истинную причину смертности диагнозами желудочно-кишечных заболеваний. В секретной переписке властей часто упоминалась «дистрофия», то есть истощение [9]. Лишь по косвенным показателям можно предположить, что количество смертельных случаев на почве голода было немалым.

После перенесенного голода продовольственная ситуация начала постепенно налаживаться. Постановлением об отмене карточек на продовольственные и промышленные товары и переходе к продаже их в порядке открытой торговли по единым государственным розничным ценам Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли 14 декабря 1947 г. [2]. Определенной стабилизации ситуации на внутреннем рынке и улучшению покупательской способности граждан способствовала и денежная реформа 1947 г., а также ежегодные снижения цен, практикуемые с 1948 г. Но основой этих мероприятий, была не столько экономическая возможность, сколько пропагандистская целесообразность. Снижения цен были несущественными, они не покрывали инфляцию. Но, тем не менее, моральная выгода от этих мероприятий была огромной – она придавала людям уверенности в собственном будущем, способствовал позитивной оценке государственной политики.

Следует отметить, что значительная часть товарооборота розничной сети приходилась на кооперативную торговлю. Совет Министров СССР постановлением от 9 ноября 1946 г. «О развертывании кооперативной торговли в городах и поселках продовольствием и промышленными товарами и об увеличении производства продовольствия и товаров широкого потребления кооперативными предприятиями» обязал кооперативные организации улучшить торговлю среди городского и сельского населения. В свою очередь соответствующие задачи были поставлены перед

потребительской кооперацией республики постановлением Совета Министров УССР от 25 декабря 1947 г. «Об увеличении закупок и завоза потребительской кооперацией сельскохозяйственных продуктов для торговли в городах, рабочих центрах и районных центрах УССР». В третьем году послевоенной пятилетки на Украине в товарообороте городской торговли продовольственными товарами удельный вес кооперации приблизился к 10 % [2].

Очевидные успехи были достигнуты в общественном питании. Воссоздавалась его материально-техническая база. В республике, и в городе Сталино в частности, значительно расширилась сеть столовых и буфетов. Необходимо подчеркнуть, что восстановление сети предприятий общественного питания проходило в основном за счет буфетов и закусовых, так как именно под них чаще всего можно было приспособить выделенные для общепита небольшие площади.

На шахтах, заводах, фабриках, на транспорте и предприятиях связи столовые и буфеты работали с учетом рабочих смен. Тем не менее, общественное питание недостаточно удовлетворяло потребности горожан. Часто рабочие и служащие жаловались, что качество питания в столовых предприятий низкое, отсутствует ассортимент блюд, очень мало блюд из нефондовых продуктов [16]. Например, в Исполком Городского Совета депутатов трудящихся 8 апреля 1950 г. поступила анонимная жалоба, в которой утверждалось, что на Путиловском поселке г. Сталино заведующий столовой № 2 треста Столовых и Ресторанов совместно с заведующей производства той же столовой на протяжении ряда месяцев творят беззаконие, грубо нарушают правила советской торговли, занимаются расхищением продуктов, обвешиванием. Горторготделом немедленно была организована проверка работы столовой № 2, в результате которой были установлены грубые нарушения правил советской торговли, антисанитарное состояние кухни, подсобных цехов, большие обвесы и нарушения в технологии приготовления пищи [17]. Необходимо отметить, что такие случаи были не единичны.

В последующие годы питание большей части горожан несколько улучшилось. Их рацион стал более разнообразен, вырос спрос на продукты высшего качества. Этому способствовали, в первую очередь, объективные факторы (более урожайные годы), а также некоторые субъективные, в частности, расширение системы общественного питания и организация на предприятиях подсобных хозяйств.

Однако реальностью повседневной жизни населения Сталино оставался дефицит продовольствия, очереди за хлебом и другими продуктами. Это повлекло распространение специфических советских способов приобретения товаров: спекуляции, торговли «из-под прилавка», «через черный ход» и т.п.

В 1949 г. в товарообороте продовольственных товаров 13,5 % приходилось на хлеб и хлебобулочные изделия, 8,8 % – на водку, на мясо – лишь 4,6 %. Низким был уровень покупки овощей и фруктов – 1,7 %, рыбы – 2 %, картофеля – 1,0 %, яиц – 0,26 % от общего товарооборота [13].

Анализируя семейные бюджеты различных представителей рабочего класса, можно проследить покупательскую способность населения Донбасса, соответственно и жителей Сталино. Согласно данным М.С. Герасимовой в достаточно благополучном (по сравнению с 40-ми гг.) 1952 г. в среднем из всех средств, которые тратились семьей в течение одного квартала, 40–45 % шло на покупку продуктов питания. На одного члена семьи в среднем в течение месяца приходилось 15–20 кг хлеба и мучных изделий, приблизительно 10 кг картофеля, 4–7 л молока, 2–7 шт. яиц, 2–3 кг мяса и мясопродуктов, 2 кг сахара и кондитерских изделий [11].

Анализ структуры расходов свидетельствует об улучшении питания. Но, даже в сравнении с нормами того времени, объемы потребления определенных продуктов были значительно ниже установленного уровня.

Среди блюд, которые употребляли в пищу жители города были: борщ, различные супы, каши, вареная тыква с пшеном, хлеб, свежие и консервированные овощи и фрукты. Мясо потребляли мало. В выходные и праздничные дни пекли пироги с картофелем, яблоками, варили вареники с картофелем, вишней, реже – с творогом. Часто на столе появлялся вареный или жареный картофель с солеными огурцами и капустой. Иногда на свином сале или подсолнечном масле жарили яичницу [9, с. 12]. Из напитков употреблялись компот, молоко, чай. Среди спиртных напитков преобладали водка, самогон, вино.

К концу 1940-х – началу 1950-х годов возрос спрос на кондитерские изделия. В связи с этим был расширен ассортимент изделий и увеличено количество выпускаемой продукции. В 1949 году Сталинская кондитерская фабрика выпустила 128 сортов, из них карамели – 65 сортов, драже – 7, конфет – 36, бисквита – 10, пряников – 10, расширив, по сравнению с 1948 годом, ассортимент на 47 сортов. Выпущено новых сортов карамели – 24, драже – 4, конфет – 14, бисквита – 3, пряников – 3. Праздничный ассортимент выпущен в количестве 45 тонн, в том числе первомайский – 17,2 тонны, октябрьский – 21,08 тонны и новогодний – 6,76 тонн [18].

В 1953 году в семьях промышленных рабочих, потреблялось в среднем на одного семьянина (в килограммах): хлебопродуктов – 165,0, мяса – 38,0; масла животного – 4,7; молока и молочных продуктов – 88,0; рыбы и рыбопродуктов – 10,0; сахара – 20,5; кондитерских изделий – 9,5 [9, с. 14]. Эти данные свидетельствуют об улучшении питания рабочих. В то же время отставание в потреблении некоторых ценных продуктов от необходимого рациона оставалось весьма значительным: по мясу – более чем вдвое, молоку и молочным продуктам – примерно в пять раз, рыбе и рыбопродуктам – почти в два раза. На питание у рабочих, составляющих основную массу среди населения Сталино, уходило до половины заработка, что свидетельствует о невысоком жизненном уровне этой категории населения.

Таким образом, анализ уровня обеспеченности людей продовольствием позволил сделать вывод о наличии в городе Сталино в первые послевоенные годы острого продовольственного кризиса. Кризис проявлялся в нехватке продуктов, очередях за хлебом, голоде 1946–1947 годов, спекуляции и в специфическом советском феномене приобретения товаров «из-под прилавка» или «через черный ход», что свидетельствует о низком показателе качества жизни среди горожан. Партийное руководство рядом постановлений пыталось улучшить работу торговых предприятий. В начале 1950-х гг., система питания населения улучшилась, пища стала разнообразней, увеличился ассортимент и качество товара. В пищевом рационе имелись все продукты, но по уровню и составу питания это были средние показатели. Хотелось бы отметить положительный характер изменений: росло потребление яиц, мяса и сала, рыбы, сахара, кондитерских изделий, молока и молочных продуктов, однако, продуктов животноводства потреблялось еще недостаточно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История рабочих Донбасса. В 2-х т. – Т. 2: Рабочие Донбасса в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму / Глав. ред. Ю.Ю. Кондуфор. – К.: Наукова думка, 1981. – 432 с.
2. История Украинской ССР. В 10 т. – Т. 9: Украинская ССР в период построения развитого социалистического общества (1945 – начало 60-х годов). / Глав. ред. Ю.Ю. Кондуфор. – К.: Наукова думка, 1985. – 583 с.

3. Романцов В. Робітничий клас Української РСР (1946-1970 рр.). – К., 1972. – 219 с.
4. Гордон Л.А., Клопов Э.В. Человек после работы. Социальные проблемы быта и вне рабочего времени / Л.А.Гордон, Э.В.Клопов. – М.: Наука, 1972. – 368 с.
5. Гордон Л.А., Клопов Э.В., Оников Л.А. Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра / Л.А.Гордон, Э.В.Клопов, Л.А.Оников. – М.: «Знание», 1977. – 160 с.
6. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945–1953. – М.: РОССПЭН, 1999. – 229 с.
7. Козлова Н.Н. Советские люди (сцены из истории). – М.: Издательство «Европа», 2005. – 527 с.
8. Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2015. – 488 с.
9. Федченко М.Н. Повседневная жизнь советского человека (1945-1992 гг.): Монография. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2009. – 231 с.
10. Бровар О. В. Вугільна промисловість Донбасу у 40–60-х рр. ХХ ст.: проблеми соціального розвитку [Текст]: монографія / О. В. Бровар. – Донецьк: Юго-Восток, 2009. – 364 с.
11. Герасимова М.С. Повсякденне життя населення Донбасу в 1945-1953 рр.: Автореф. ... дис. канд. іст. наук. – Донецьк, 2007. – 20 с.
12. Кузіна К.В. Динаміка життєвого рівня населення шахтарських міст Донбасу (1950-1980-ті роки) / К.В. Кузіна // Нові сторінки історії Донбасу: Зб. ст. Кн.17-18. – Донецьк, 2009. – С. 200-213.
13. Саржан А.О. Повсякденне життя населення Донбасу у повоєнні роки (друга половина 1940-х – початок 1950-х років) // Історичні і політологічні дослідження. – Донецьк, 2013. – № 4(54). – С. 188-196.
14. Государственный Архив Донецкой Народной Республики (далее ГА ДНР). – Ф. 18, оп. 5, д. 328, л. 7.
15. Касьянова Н.М., Дубкова Ю.С. Рівень життя населення Донбасу в 1945-1955 рр. // Історичні і політологічні дослідження. – Донецьк, 2011. – № 1-2(47-48). – С. 148-149.
16. ГА ДНР. – Ф. 18, оп. 5, д. 266, л. 123.
17. ГА ДНР. – Ф. 18, оп. 10, д. 32, л. 53.
18. ГА ДНР. – Ф. Р-4249, оп. 2, д. 5013, л. 1.

Поступила в редакцию 20.12.2019 г.

ORGANIZATION AND STRUCTURE OF NUTRITION OF THE POPULATION OF THE CITY OF STALINO (1943–1953)

N.N. Starchenko

The article based on archival and published documents discusses the nutritional habits of the population of the city of Stalino in 1943-1953. Analyzed the diet of citizens and found out from what sources the population was provided with food, which dishes were the most used and loved ones.

Key words: population, food supply, consumer demand, trading, food crisis.

Старченко Наталья Николаевна

Аспирант кафедры России и славянских народов
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: starchenko.natalya@mail.ru

Starchenko Natalya Nikolaevna

Graduate Student of the Chair of Russia and the Slavic
Peoples, SEI HPE “Donetsk National University”.
E-mail: starchenko.natalya@mail.ru

УДК 327.44:94) (73+71

ФРАНКО-АМЕРИКАНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (1974–1981 гг.)

© 2020. *О.А. Тягливая*

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия»

В статье проведен анализ взаимодействия Франции с США в военно-промышленной отрасли. Автором были рассмотрены военно-политические доктрины обеих стран, определены точки соприкосновений и расхождений между ними, а также отмечены основные проекты научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в сфере военной промышленности.

Ключевые слова: Франция, США, оборона, доктрина, Североатлантический Альянс, военно-промышленное сотрудничество.

Межгосударственные отношения включают в себя несколько составляющих, отражающих различные направления сотрудничества. Для реализации политики в области обороны государства весьма часто прибегают к различным формам взаимодействия в военной сфере. Для этого предприятия, занятые в военном производстве, вступают в контакты с зарубежными фирмами, аналогичного профиля. Учитывая важность поддержания обороноспособности государства, такое взаимодействие чаще всего является объектом внимания правительства. Всё это делает актуальным изучение особенностей взаимодействия Франции и США в военно-промышленной области.

Франция и США традиционно являются сильными в военном отношении государствами, значительная часть экономики этих стран занята в производстве оружия, боеприпасов, амуниции и т. д. Военная политика этих стран оказывает влияние на весь комплекс международных отношений и на урегулирование многих острых конфликтов в мире. Особый интерес представляет развитие военно-промышленного сотрудничества между Францией и США в период истории, наступивший после нефтяного кризиса и продолжавшийся до начала 80-х гг. прошлого столетия, когда к власти во Франции пришёл социалист Ф. Миттеран.

В данной работе автор ставит цель исследования той части экономического взаимодействия Франции и США, которая касалась военной области. Это даст возможность более глубоко проследить зависимость активности взаимодействия Франции и США в экономической сфере от состояния политических отношений.

На современном этапе, несмотря на актуальность темы, не проводилось отдельного исследования, посвященного данной проблеме. В то же время некоторые аспекты экономического франко-американского взаимодействия были затронуты в работах М.Ц. Арзаканяна [1], В.Н. Васютинского [2], И.А. Колоскова [3], Ю.М. Мельникова [4], В.П. Славерова [5] и А.О. Сороко-Цюпы [6].

Промышленный кризис, охвативший Францию в 1970-х гг. заставил президента Жискара д'Эстена в определенной мере отступить от внешнеполитических установок де Голля [7]. Одним из важнейших последствий изменения курса Франции на международной арене стало сближение с США.

На взгляд автора, важно отметить, что одновременно произошла смена военной доктрины Франции. Автором и идеологом новой военно-политической концепции в 1976 году стал военачальник Г. Мери. Был выдвинут принцип «диалог вместо

конфронтации». Доктрина опиралась на идею «расширенной неприкосновенной территории», и подразумевала активное взаимодействие с НАТО в сфере безопасности. Вышеуказанная зона ответственности, с точки зрения автора концепции, охватывала собой всё геополитическое пространство, на которое распространяется контроль Североатлантического Альянса. Мы можем сделать вывод, что Франция с началом президентства Жискара д'Эстена заявляет о своей готовности вести тесное сотрудничество с НАТО, однако не торопился брать на себя обязательства в отношении всех сфер сотрудничества с блоком. Кроме того, большее внимание стало уделяться развитию обычных вооружений, созданию французских сил быстрого реагирования [8].

В то же время в 1974 году в США провозглашается новая военная концепция, известная как «Доктрина Шлессинджера». Министр обороны США Дж. Шлессинджер обосновал собственную идею «ограниченной ядерной воны». Суть её состояла в том, чтобы наносить массированные бомбардировки по промышленным и военным объектам противника. Данную доктрину лидеры Штатов сочли как наиболее перспективную [9].

Соединённые Штаты и НАТО делали большую ставку на европейские страны, предоставляющие им территории для расположения ракетных комплексов. Основным показателем гонки вооружений в странах НАТО служит непрерывный рост их военных расходов. Так, если в 1970 году эти страны затратили на военные цели 103 млрд. долларов, а в 1972 году – 115 млрд., то в 1974 году они израсходовали уже около 132 млрд. долларов. Несмотря на проявления недовольства среди участников НАТО, Пентагон требует от своих партнеров по блоку усиления гонки вооружений, повышения их военных потенциалов. С этой целью в Вашингтоне даже была выдвинута концепция так называемого «зрелого партнерства», предусматривающая увеличение военных и финансовых усилий западноевропейских союзников США. Эти требования отчетливо прозвучали и на заседаниях высших руководящих органов Североатлантического союза в декабре 1974 года. В ходе этих заседаний высшие военные чины категорически выступили против проектов пересмотра военных бюджетов в сторону уменьшения, о которых говорили, ссылаясь на резкое обострение экономических трудностей, представители Великобритании, Италии, Бельгии и Франции, хотя последняя не состояла в блоке. Более того, на заседании Еврогруппы НАТО, куда входили десять западноевропейских стран блока, в том числе и Франция, в качестве партнера, под американским давлением были утверждены планы усиления в 1975 году армий этих стран дополнительным количеством оружия и боевой техники. Одновременно намечено провести обширные работы по модернизации имеющегося в войсках вооружения [10].

Как следствие совместного создания новых, более сложных и эффективных образцов оружия и боевой техники стран НАТО и Франции, повлек за собой расширение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Военно-промышленное сотрудничество приобрело различные формы. Прежде всего, к ним относятся: организация производства вооружения по лицензиям; оказание взаимного технического содействия в процессе производства; координация в области распределения заказов готовой продукции, разработка общих программ научно-исследовательских работ в военной сфере; совместное производство отдельных образцов вооружения; обмен технической документацией и другие. Например, США заключили двусторонние соглашения «о взаимном обмене патентными правами и технической информацией в целях обороны» с ФРГ, Великобританией, Бельгией, Нидерландами, Данией, Норвегией, Турцией и другими странами. В рамках этого

соглашения подписано свыше 100 договоров об обмене секретной военно-технической информацией.

Так, в документах, где содержится информация сотрудничества двух стран в сфере ядерных вооружений, приводятся следующие факты:

- первый шаг Франция сделала в декабре 1969 года, когда министерство обороны обратилось к пентагону с просьбой о помощи в развитии программы баллистических ракет;

- ключевым моментом стал февраль 1970 года, когда состоялась встреча Никсона и Помпиду. Президенты с полной уверенностью обсуждали возможность «ядерного сотрудничества», после чего решение Никсона откликнуться на просьбу Франции было само собой разумеющимся;

- отражая внутренние противоречия в правительстве США, в 1971 году администрация Никсона принимает решение оказать «минимальную» помощь: помимо помощи в обеспечении ядерной безопасности и поставок вычислительной техники, Соединенные Штаты помогали усовершенствовать существующие ракеты, избегая создания новых.

- французы высоко ценили помощь США в усовершенствовании ядерных технологий (работы с двигательными установками, контроль качества, надежность), однако на протяжении 1972 и начала 1973 года они начали требовать больше информации, включая технологии «миниатюризации», так называемый «физический пакет» и технологию по запуску ракет из подводного судна. Франция стремилась войти в новое поколение баллистических технологий.

- для того чтобы усовершенствовать французские технологии, в 1973 году министр обороны Робер Геллей дважды тайно встретился с высокопоставленными лицами США. В их число входили американский советник по вопросам госбезопасности США Генри Киссинджер и министр обороны Джеймс Шлесинджер [11]. Предметом обсуждения была возможность осуществления «рекомендаций посредством критики». По словам Г. Киссинджера, это бы позволило Вашингтону критиковать действия Франции и таким образом направлять их. Желая манипулировать Францией для проведения своей европейской политики, Киссинджер планировал вызвать у Р. Геллея интерес к процессу проведения консультаций.

Таким образом, автор считает, что не смотря на ряд противоречивых вопросов, не решенных еще со времен де Голля, Франция и США налаживают политические отношения с приходом к власти В. Ж. д'Эстена, основной вектор деятельности которого был направлен на улучшение взаимоотношений с Соединёнными Штатами, НАТО, Великобританией. Суть налаживания внешнеполитического диалога состояла в том, чтобы, не теряя политической самостоятельности, быть партнером государств, являвшихся ключевыми игроками на международной арене. Естественно, стоит учитывать, что подобное сотрудничество в военно-промышленной сфере проходило не вполне гладко: велась борьба за долю прибыли, владение информацией, новейшими технологиями, из-за которой часто возникали противоречия, не позволявшие достичь согласованных решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арзаканян М. Ц. Политическая история Франции XX века : учеб. пособие / М. Ц. Арзаканян. – М.: Высш. шк. – 2003. – 157 с.
2. Васютинский В. Н. Основные направления деятельности французской дипломатии в Европе в годы президентства Ж. Помпиду (1969–1974 гг.) : автореф. дис. канд. ист. наук / В.Н. Васютинский – Москва, 16 с.

3. Колосков И. А. Внешняя политика Пятой республики. Эволюция основных направлений и тенденций 1958–1972 гг. / И. А. Колосков – М.: Наука, 1976. – 302 с.
4. Мельников Ю. М. Сила и бессилие: внешняя политика Вашингтона, 1945–1982 / Ю. М. Мельников. – М.: Политиздат, 1983. – 368 с.
5. Славенов В. П. Очерки внешней политики Франции (1961-1986 гг.) / В.П. Славенов. – М.: Международные отношения, 1986. – 316 с.
6. Сороко-Цюпа А.О. Внешняя политика и ядерная стратегия Франции в годы Пятой республики: эволюция и взаимосвязь. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / А.О. Сороко-Цюпа. – М., 1989. – 512 с.
7. Хозин И. Стратегия «гибкого реагирования» (По взглядам военных специалистов НАТО) / И. Хозин // Зарубежное военное обозрение. – 1977. – № 4. – С. 3-10.
8. Батюк В.И., Мазинг В.А. Проблема европейской оборонной интеграции и США. / В.И. Батюк, В.А. Мазинг // США-Канада. Экономика, политика, культура. – 2002. – № 7. – С. 47-60.
9. Burr William. The French Bomb, with Secret U.S. Help National Security. / Archive Electronic Briefing Book / W.Burr. – No. 346. – May 26, 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nsarchive.gwu.edu/nukevault/ebb346/index.htm>
10. Нарочницкая Е.А. Франция: проблема внешнеполитической ориентации в буржуазных кругах страны (80-е годы). / Е.А. Нарочницкая // Новая и новейшая история. – 1986. – № 2. – С. 18-23.
11. Шадурский В.Г. / Внешняя политика Франции (1945–2002): Учеб. Пособие/ / В.Г. Шадурский. – Мн.: БГУ, 2004. – 175 с.

Поступила в редакцию 14.12.2019 г.

FRANCO-AMERICAN COOPERATION IN MILITARY INDUSTRY (1974–1981)

О.А. Tyaglivaya

The article analyzed France's interaction with the United States in the military-industrial industry. The author reviewed the military-political doctrines of both countries, identified points of contact and differences between them, and noted the main projects of research and development in the field of military industry.

Key words: France, USA, defense, doctrine, North Atlantic Alliance, military-industrial cooperation.

Тягливая Ольга Александровна
Преподаватель кафедры теории и истории
государства и права
ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия».
E-mail: 08olga08.donnu@gmail.com

Tyaglivaya Olga Aleksandrovna
Teacher of the Department of Theory and History of
the State and Law,
SEI HPE "Donbass Law Academy".
E-mail: 08olga08.donnu@gmail.com

УДК 930.1

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ОСОБЕННОСТЯМ ДВОРЦОВОГО ПЕРЕВОРОТА 1762 ГОДА

© 2020. А.Н. Фанталов¹, М.А. Малязина²

¹ГБУ ДПО Санкт-Петербургская академия последипломного образования

²ФГОЦ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

Целью настоящей статьи является выявление специфических особенностей переворота 1762 года в России. Для достижения данной цели использовались историко-типологический метод и метод фреймового анализа. Выводами статьи является ревизия некоторых аспектов научных представлений о социально-политической ситуации и потестарных отношениях в России накануне прихода Екатерины II к власти.

Ключевые слова: Россия, переворот, социально-политическая ситуация, типологический и фреймовый анализ.

Среди дворцовых переворотов России XVIII – начала XIX веков, переворот 1762 года занимает особое место. По сравнению со сходными с ним событиями: переворота 1740 г. (низложение регентство Э. Бирена), переворота 1741 года (приход к власти Елизаветы Петровны), переворота 1801 года (свержение Павла I и воцарение Александра I) свержение Петра его супругой Екатериной отличается по следующим параметрам.

1. Переворот растянулся по времени и основные его события происходили днем.

2. Переворот произвела супруга русского императора, не имевшая никаких самостоятельных прав на престол.

По п. 1. События развивались следующим образом.

Один из участников заговора, капитан Пассек был арестован по доносу. Княгиня Е. Дашкова немедленно разбудила фаворита Екатерины А. Орлова, и тот отправился за Екатериной в Петергоф (где та проживала отдельно от супруга Петра III).

Рано утром 28 июня (9 июля) 1762 года по приезде в Петербург Екатерина вместе с другими участниками заговора начала поднимать верные ей гвардейские полки. Полки вышли из казарм и присягнули на верность Екатерине. Вместе с ними присягу дали Сенат и Синод (был арестован принц Георг Голштинский – дядя императора) [4].

Далее гвардия выступила в сторону Петергофа. Тем временем император Петр III утром 28 июня (9 июля) 1762 года, двинулся из Ораниенбаума в Петергоф, где должен был состояться торжественный обед в честь тезоименитства императора. Предполагалось, что Екатерина встретит мужа. Теперь стало известно, что она бежала в Петербург и подняла мятеж. Канцлер Воронцов, бывший при императоре, предложил отправиться в Петербург для овладения ситуацией и, получив соответствующее разрешение, отправился в столицу, но был там арестован и присягнул Екатерине вместе со всеми.

Петр III первоначально принял решение обороняться в ораниенбаумской учебной крепости Петерштадт. Однако, посчитав, что она не пригодна для настоящей войны, император отдал распоряжение голштинским войскам, расквартированным в Ораниенбауме, чтобы они немедленно явились в Петергоф с артиллерией [4].

Присутствовавший на петергофском совете фельдмаршал Миних предложил императору немедленно отправиться в Кронштадт, взять его под контроль и, опираясь

на эту базу держать под угрозой мятежный Петербург, одновременно установив связь с русской армией, находившейся в Пруссии. Две императорские галеры отправились в Кронштадт (около 10 часов вечера), однако тот был уже взят присланным Екатериной вице-адмиралом Талызиным и галеры были отогнаны. Император вернулся в Петергоф

Миних предложил плыть к Ревелю, куда уже подходили голштинские войска, заранее вызванные императором в Россию. Однако Петр отказался от борьбы и стал дожидаться Екатерину, отослав голштинское войско обратно в Ораниенбаум. Армия Екатерины (якобы в количестве 20 тысяч человек) двигалась по направлению к Петергофу. Вскоре император был арестован, а через некоторое время и ораниенбаумские голштинцы разоружены генерал-поручиков В.И. Суворовым

Мы видим в описание данных событий существенные отличия от удавшихся переворотов 1741, 1742 и 1801 годов. Эти перевороты происходили ночью, в них были задействованы по 200–300 участников, смена власти происходила быстро. Регент Эрнст Бирен и его сыновья были арестованы ночью (главнокомандующим Минихом), представители Брауншвейгской династии (Иоанн Антонович, его мать регентша Анна Леопольдовна и ее супруг принц Антон) и их министры, были арестованы гренадерами Елизаветы Петровны ночью. Император Павел I был убит в Инженерном замке ночью и императором был провозглашен Александр I.

Во всех случаях события происходили в ночные часы (когда не работает государственный аппарат) и в очень сжатые по времени сроки. Допустимо утверждать, что события происходили по одному сценарному фрейму [5].

Известно, что всякая задержка в осуществлении своих планов вредит заговорщикам и чревата их гибелью. Их оружием является внезапность, все остальное – легитимность (пусть даже относительная), административный и военный аппарат обычно поддерживают текущих правителей и (после определенной задержки) выступают против заговорщиков.

В случае переворота 1762 года мы видим, что супруга Петра III Екатерина начала собирать своих гвардейских сторонников в утренние часы, утром же ей присягнули Сенат и Синод, затем уже днем, она в 18 часов выступила в поход на Петергоф и Ораниенбаум [4].

При этом численность ее войск обычно считают под 20 тысяч человек. Видимо, историки исходят из общей численности расквартированных на тот момент в Санкт-Петербурге солдат (преимущественно, гвардейских). Коль скоро полки присягнули Екатерине – значит, они все и вышли под знаменами против Петра.

Следует отметить, что военнослужащие обычно крайне негативно относятся к перемене присяги (именно «переприсяга» побудила гвардейские полки выступить против Николая I в поддержку законного императора Константина в 1825 году).

Таким образом, не принимается во внимание неизбежный организационный хаос среди мятежных войск, массовое пьянство (солдат обычно поили вином во время переворотов). В подобной атмосфере в поход могла выступить лишь небольшая часть войск. Их боеспособность в столкновении с верными императору Петру I (которому они давали присягу) войсками была сомнительна.

Напомним, что в Ораниенбауме находилось около трех с половиной тысяч «голштинских войск» (правда, вооружены было чуть более половины).

Войска заночевали на полдороге, так что авангард Екатерины прибыл в Ораниенбаум только в 5 часов утра следующего дня [4], а в Ораниенбаум для ареста Петра и разоружение голштинцев – еще позже. В течение суток от Екатерины и ее войска в Петербурге не имели сообщений.

И здесь мы сталкиваемся со второй проблемой – легитимации переворота. Во всех трех перечисленных нами эпизодах – переворотах 1741, 1742, 1801 годов легитимность либо находилась на стороне заговорщиков (Брауншвейгского семейства и Елизаветы Петровны, соответственно). Либо при устранении императора Павла Александр I становился законным наследником.

В случае же переворота Екатерины ничего подобного не наблюдается. Немецкая принцесса свергает своего супруга, законного государя Петра, внука высокопочитаемого императора Петра. И ей присягают войска, вельможи, церковь.

Еще надо учесть репутацию Екатерины (известную хотя бы в придворных, военных и церковных кругах). К тому же, сам факт того, что неверная жена пытается свергнуть собственного мужа, должен был шокировать «верхи» и «низы» все еще достаточно патриархальной России.

Что, кстати и произошло в действительности – после переворота 1762 года в Петербурге и Москве волновались гвардейские и армейские полки, а затем России появились десятки самозванцев, выдававших себя за Петра (самым известным был, естественно, Емельян Пугачев). Случай беспрецедентный в российской истории.

Обычно, объясняя массовый переход столичных войск и администрации на сторону мятежников (среди которых изначально почти не было сколько-нибудь влиятельных представителей российской аристократии и высшего офицерства) утверждают о крайне негативном отношении к Петру в российском обществе.

Следует, в этой связи, указать, что данный монарх правил 25 декабря 1761 (5 января 1762) – 28 июня (9 июля) 1762 – то есть полгода. За это время завоевать столь дурную репутацию можно только какими-то чудовищными преступлениями, которых Петр не совершал. Напротив, его отличали веселость и добродушие – качества, которые обычно нравятся в высших руководителях.

Утверждается также, что Петр был ленив и неспособен к государственным делам. Правда, сами по себе эти качества редко толкают на попытку мятежа (по крайней мере, в стабильной внутривнутриполитической ситуации).

Однако вопреки данному утверждению, известно, что за полгода своего правления, император утвердил около двухсот законов, среди них: упразднил Канцелярию тайных розыскных дел; создал Государственный банк; прекратил преследование старообрядцев.

Все эти законы показывали разумный подход к делу государственного управления. Некоторую потерю популярности (в среде духовенства) принес закон о секуляризации монастырских земель. Зато наиболее известный закон – «Манифест о вольности дворянства» (18 февраля (1 марта) 1762 года). В исторической литературе принято критиковать этот документ как освобождающий дворянское сословие от обязанностей при сохранении его привилегий. Однако ситуация была не столь однозначной. Численность представителей дворянского сословия значительно превышала количество офицерских званий и чиновных должностей, так что многие дворяне вынуждены были в течение всей жизни нести службу в рядовом и унтер-офицерском составе.

Как бы то ни было, «Манифест о вольности дворянства» был встречен российской элитой исключительно положительно, в среде петербургского дворянства говорилось о надобности поставить императору Петру «статую из золота». Так что законодательная деятельность императора также не могла быть причиной столь отрицательного отношения.

Второй причиной (или даже первой) непопулярности называют переход Россией в Семилетней войне из лагеря союзников на сторону Пруссии и возвращение занятой русскими войсками Восточной Пруссии Фридриху II.

Здесь надо рассмотреть общий дипломатический контекст. Ядро антипрусской коалиции (Австрия, Россия, Франция) в Семилетнюю войну сложилось на базе австро-российских и австро-французских соглашений.

Франко-русские отношения были значительно более «пунктирные» (их упрочению мешали дипломатические трения в предыдущие десятилетия и явная разнонаправленность французской и российской политики со времен Петра I).

Причины вступления России в войну с Пруссией имели достаточно сложный характер [1]. Изначально российская армия должна была выполнять вспомогательные функции, территориальных аннексий за счет прусского королевства не предполагалось.

Однако по мере успехов относительных русских войск росли и политические амбиции правительства Елизаветы Петровны. Удачно воспользовавшись отвлечением основных прусских армий на западе и юге, Россия заняла Восточную Пруссию и удерживала ее большую часть войны.

Первоначально данную область предполагалось передать Речи Посполитой (и ее саксонскому королю, противнику Пруссии), разменяв ее на Курляндию и ряд польских пограничных с Россией владений (получая контроль за частью приграничной речной системы и балтийско-черноморской торговлей).

При этом правительство Франции было резко против такого размена, так что вопрос обсуждался преимущественно на двусторонних австро-российских переговорах [1]. То есть Восточную Пруссию и не собирались присоединять к Российской империи (хотя в отдельные периоды в среде руководства России мог появляться подобный соблазн).

Таким образом, в возвращении данной территории Фридриху не было чего-то противоестественного (и, кстати, де факто Восточная Пруссия была передана Фридриху именно при Екатерине) [1]. Разумеется, оно, в значительной мере обесмысливало результаты войны для России – но ведь и сам смысл участия в ней был малопонятен даже для министров императрицы Елизаветы (Конференция при высочайшем дворе).

Конечно, могло возникнуть раздражение в среде военных, ибо военные обычно не любят, когда вчерашний враг становится союзником, а союзник – противником. Но, в целом, военные действия за время правления Петра не велись русской армией активно.

В вину Петру историки ставят запланированную им войну с Данией, говоря о ее бессмысленности. Якобы бунт гвардейцев, поддержавших претензии Екатерины был, в значительной мере, вызван их нежеланием идти на эту войну.

Но, обычно, новая война в среде офицерства популярна – они получают возможность получить чины, награды и продвинуться вверх по социальной лестнице.

К тому же, намеченная война с Данией была не совсем бессмысленной – предполагалось расширение личного владения Петра – Голштинии с присоединением к нему Шлезвига, Голштиния была отнюдь не «безделицей». По своему экономическому значению она не намного уступала Восточной Пруссии (особенно при присоединении Шлезвига), а по политико-экономическому – намного превосходила ее. Достаточно сказать, что в конце XIX века Германия построила через эти земли канал соединяющий Балтийское и Черное моря.

Голштинию, вскоре после прихода к власти, Екатерина передала Дании.

И сама война с Данией представлялась вполне посильной. Русская армия имела опыт боевых действий в Семилетней войне, на данном театре военных действий она превосходила датскую в 2,5–3 раза. А базой для ведения успешных военных действий должна была служить та же Пруссия (в данной ситуации Фридрих ни в чем не мог отказать Петру III).

Итак, мы видим, что две группы обвинений – недееспособность государя во внутренней и, соответственно – внешней политике не имеют под собой достаточных для внезапного и массового перехода столичных верхов на сторону заговорщиков. Остается третье – инкриминирование Петру III политики подчинения национальных интересов России интересам немецко-голландским.

Относительно ложности тезиса о «бессмысленности для России войны с Данией» мы уже отмечали выше. Но проникновение голландцев в Россию действительно имело место, причем задолго до описываемых событий.

Знаменитый путешественник Адам Олеарий, будучи на службе у герцога Шлезвиг-Гольштейна Фридриха III в 1633–1635 гг. совершил посольство к царю Михаилу Романову и иранскому шаху Сефи I. В 1635–1639 гг. посольство (с активным участием Олеария) было повторено.

Данный факт мог бы послужить свидетельством раннего интереса готторпской династии, правившей Гольштейном к России. В 1724 году голландский герцог Карл Фридрих (который стал в Санкт-Петербурге на некоторое время членом Верховного тайного совета) женился на Анне Петровне – дочери Петра I и Екатерины.

Любопытно, что в 1727 году к сестре Анны Петровны – Елизавете Петровне посватался другой голландский готторпский принц – Карл Август (однако последний умер в разгар приготовлений к свадьбе).

Александр Меншиков временно отстранил «голландскую партию» и Карл Фридрих вместе с Анной Петровной уехали в Гольштейн, где последняя родила сына Карла Петра Ульриха (будущего императора Петра III), который в 1742 году прибыл в Санкт-Петербург в качестве наследника императрицы Елизаветы Петровны. [3].

В то же время, «голландская партия» в ближайшие после Северной войны годы имела серьезное влияние в Швеции.

В 1751 году Адольф Фридрих, еще один представитель голландского готторпского династии стал шведским королем (благодаря усилиям Елизаветы Петровны). Голландцы утвердились на шведском троне до начала 19 века.

После своего восшествия на российский престол Петр вызвал из Гольштейна своих родственников (в частности своего дядю Георга Гольштейн-Готторпского, которого он сделал российским фельдмаршалом). Кроме того, из Гольштейна были вызваны дополнительные войска [2].

Кстати, судьба «оранienбаумских» голландцев была весьма печальной. После переворота они были посажены по приказу Екатерины на корабли, якобы с целью возвращения в Гольштейн. Однако, еще не миновав Кронштадт, корабли начали тонуть. Адмирал И.Л. Талызин запросил Петербург – оказывать ли им помощь? В результате все голландские солдаты и офицеры (более 1 500 человек!) погибли [2].

Итак, на основании вышеизложенного, можно сделать следующий вывод. Поскольку в истории России уже был период «немецкого засилья» (в правление Анны Иоанновны) в столице могли возникнуть опасения повторения «бируновщины» (тем более что Петр вернул из ссылки опальных Э. Бирена, А. Остермана и ряд других деятелей времен Анны Иоанновны). Поэтому высшие сановники Российской империи и не приняли мер к пресечению заговора Екатерины и ее достаточно узкого круга сторонников. Данное обстоятельство и является ключевым в формировании столь специфического характера столь «странного» переворота 1762 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов, М.Ю. Семилетняя война и российская дипломатия в 1756-1763 гг. – М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2014. – 570 с.

2. Егоров В. Голштинские войска и дворцовый переворот 1762 года. – М.: Фонд «Русские Витязи», 2016. – 120 с.
3. Морохин А. В. «Не ведаю, каково вам там жить»: к истории пребывания цесаревны Анны Петровны в Германии (1727—1728). // Меншиковские чтения. — 2014. — № 5 (12). — С. 147—159.
4. Рюльер К. К. История и анекдоты о революции в России в 1762 году // Россия XVIII в. глазами иностранцев / Под. ред. Ю. А. Лимонова. – Л.: Лениздат, 1989. –С. 261-312. – Серия «Библиотека "Страницы истории Отечества"».
5. Фанталов А.Н., Малязина М.А. Виды и функции фреймов // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаём будущее сборник статей XIII Международной научно-практической конференции: в 3 частях. – 2017. – С. 18-20.

Поступила в редакцию 15.12.2019 г.

SOME COMMENTS ON THE FEATURES OF THE REVOLUTION IN 1762

A.N. Fantalov, M.A. Malyazina

The purpose of this article is to identify the specific features of the revolution in 1762 in Russia. The typological and frame analysis methods were used to achieve this goal. The conclusions of this article are revision of some aspects of perceptions about the socio-political situation and potestarian relations in Russia at the moment Catherine II's enthronement.

Key words: Russia, revolution, socio-political situation, typological. frame analysis method, potestarian.

Фанталов Алексей Николаевич

Кандидат культурологи, доцент;
ГБУ ДПО «Санкт-Петербургская академия
последипломного образования».
E-mail: fantalov@mail.com

Fantalov Aleksey Nikolaevich

Candidate in Culture Studies, Docent;
Sankt-Peterburg Academy of Postgraduate education.
E-mail: fantalov@mail.com

Малязина Маргарита Александровна

ФГОУ ВО «Российский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена».
E-mail: malyzinamaggi@gmail.com

Malyazina Margarita Aleksandrovna

Russian State Pedagogical University named A.I. Gertsen
E-mail: malyzinamaggi@gmail.com

УДК 727.15:342.724(477.6)

СОВЕТСКАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ЖИЗНЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ НА ТЕРРИТОРИИ ДОНБАССА В 1920-х – первой половине 1930-х гг.

© 2020. В. И. Шабельников¹, Е. С. Терзи²

¹ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

²ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия»

Статья посвящается изучению наиболее актуальных вопросов советской этнической политики и повседневной жизни национальных меньшинств, проживающих на территории Донбасса в условиях НЭПа и коллективизации сельского хозяйства. В исследовании проанализированы мероприятия, проводимые центральными и местными органами советской власти по решению проблем самоуправления национальных меньшинств, развития их хозяйственной и культурной деятельности. Важное внимание уделено также образованию национально-административных единиц, достижениям национальных меньшинств и последствиям украинизации в Донецком регионе.

Ключевые слова: национальная политика, украинизация, национальные меньшинства, этнос, национально-культурная автономия, районирование, национальные районы, национальные сельсоветы, хозяйственная деятельность.

Донбасс исторически сложился как многонациональный индустриально развитый регион, где наряду с коренными народами компактно проживают этнические меньшинства, сохранившие свои хозяйственные и культурные традиции и внесшие весомый вклад в развитие Донецкого края.

В период 1920–1930-х гг. в регионе, как и во всей стране, происходили большие перемены, вызванные новой экономической и национальной политикой советской власти, индустриализацией и коллективизацией, что существенным образом изменило этносоциальную ситуацию. Это во многом предопределило политику правового, экономического и культурного обеспечения потребностей национальных меньшинств, рост их национального самосознания.

Задачи восстановления истории национальных меньшинств на территории Донбасса в обозначенный период требует глубокого и объективного исследования.

Учитывая важность и малоизученность этнических проблем, историки и правоведы, начиная с 90-х годов XX ст., опубликовали ряд научных работ, в которых рассматриваются различные аспекты национальных процессов в Донбассе.

Одними из первых исследователей данной проблемы в Донбассе были: И. И. Мартычук и О. В. Обыденова [1, 2], которые систематизировали обширный материал в рамках изучения истории национальных меньшинств региона, достаточно глубоко и всесторонне подвергли анализу законодательные акты и другие документы, регламентирующие жизнь наиболее многочисленных этносов, вопросы взаимоотношений между ними и государством, их роль и место в новом административно-территориальном устройстве и управлении важнейшими социально-экономическими, политическими и культурными процессами.

Развитию отдельных национальных меньшинств Донбасса посвящены работы Н. Г. Малярчук, Е. Ю. Сучковой, Т.И. Месич [3–5], в которых исследуются проблемы участия наиболее многочисленных этносов региона в социально-экономической,

общественно-политической и культурной жизни, акцентируется внимание на неоднозначной национальной политике советской власти.

Тема национальных процессов в Донбассе нашла отражение в диссертациях Л. Д. Наседкиной [6], Н. А. Терентьевой [7], Л. Д. Якубовой [8], В. И. Шабельникова [9], в которых освещается формирование этнонационального состава в Украине, в том числе и в Донбассе, участие отдельных национальных групп в хозяйственной и культурной деятельности, принципы и суть процессов этнокультурного взаимодействия. Большинство авторов при этом обращали внимание в основном лишь на национально-культурные процессы.

Опираясь на архивные и другие материалы, автор статьи предпринял попытку проанализировать отдельные вопросы советской национальной политики, социально-экономической и культурной жизни наиболее многочисленных этнических групп Донбасса в 1920-х – первой половине 1930-х гг. в соответствии с критериями исторической правдивости и объективности.

Со времен интенсивного развития промышленности в Донбассе в конце XIX – начале XX века, а затем в 1920–1930-х гг., очень сильно менялся национальный состав населения в результате притока крестьян, выходцев из России, Украины, Белоруссии и других регионов. Благодаря индустриализации, Донецкий край за короткое время стал многонациональным. По итогам переписи 1926 года в Донбассе проживали представители 50-ти национальностей и народностей, в том числе 26,1 % русских, 64,1 % украинцев. Среди других национальностей наиболее многочисленными были греки (3 % от всего населения), немцы (2,2 %), евреи (1,9 %), остальные – татары, белорусы, поляки и др. [10].

Миграционное перемещение представителей национальных меньшинств имело неравномерный характер на территории региона. В городах и промышленных центрах проживали в основном русские (до 64 %) от всего населения и татары (до 2,8 %). Наиболее урбанизированными были евреи (90 %) и поляки (85 %). В сельской местности, особенно в Мариупольском округе, проживали греки, болгары и немцы. Наибольший процент сельского населения Донбасса составляли греки (83 %) и немцы (87 %) [11].

После установления советской власти в России и провозглашения права на самоопределение усилились надежды национальных меньшинств на национальное возрождение. Действительно уже в первой половине 1920-х годов была предпринята в целом удачная попытка советской власти соблюсти интересы и права национальных меньшинств.

Благодаря новой экономической политике, принятой в марте 1921 г., удалось уже к 1925 г. выйти из кризиса, поднять экономику страны, материальный уровень жизни населения. Успехи в восстановлении экономики позволили руководству СССР и УССР приступить к предоставлению определенных прав национальным меньшинствам.

Стремясь заручиться поддержкой нерусского населения с целью расширения социальной опоры на окраинных территориях, партия большевиков на XII съезде в апреле 1923 г. провозгласила новую межнациональную политику, которая должна была осуществляться двумя путями: коренизацией и созданием национально-территориальных органов самоуправления в местах компактного проживания этнических меньшинств [12].

В июне 1923 г. ЦК КП(б)У в свою очередь объявил о начале украинизации, возложив ответственность за ее проведение на Комиссию Политбюро ЦК КП(б)У и Центральную Комиссию при Совете Народных Комиссаров УССР. Важнейшая роль в

осуществлении украинизации отводилась комиссариату просвещения УССР. При нем в начале 1924 г. был основан Совет национальных меньшинств с немецким, польским, еврейским, болгарским, греческим, армянским и молдавским национальным бюро, а при окружных отделах народного просвещения работали их представительства [13].

Политика украинизации предполагала подготовку и воспитание кадров коренных национальностей, их выдвижение на различные должности в партийные, советские и хозяйственные органы, обучение, издание литературы, газет и журналов на родном языке, развитие национальных языков и культур.

Считается, что в Украине украинизация развернулась после принятия декрета ВУЦИК и СНК УССР от 1 августа 1923 г. «О мерах обеспечения равноправия языков и о содействии развитию украинского языка» [14], который провозглашал равноправие языков всех национальностей Украины и возможность их использования в качестве средства общения и делопроизводства на съездах, заседаниях советов, конференциях и в других сферах общественно-политической жизни.

С целью реализации планов украинизации и национального районирования в центре и на местах были созданы специальные государственные и партийные органы, которые должны были заниматься делами национальных меньшинств. Так, 29 апреля 1924 г. вместо Отдела национальных меньшинств НКВД УССР, который существовал с 1922 г., была учреждена Центральная комиссия по делам национальных меньшинств (ЦКНМ) при ВУЦИК, в задачу которой входило обеспечение и защита прав всех этнических общностей республики, привлечение их к советскому строительству, равноправия языков. В округах и районах эту работу призваны были выполнять национальные комиссии, бюро и секции при партийных комитетах и исполкомах местных советов [15].

В течение 1924–1930-х гг. в Артемовском, Мариупольском и Сталинском округах существовали бюро национальных меньшинств, а в Луганском и Старобельском округах действовали уполномоченные по делам национальных меньшинств. В соответствии с постановлением ВУЦИК и СНК УССР от 29 августа 1924 г. «О выделении национальных районов и сельсоветов» [16] начался интенсивный процесс формирования национально-территориальных образований. Наряду с общим административно-территориальным районированием стали создаваться национальные районы и сельсоветы. Первым в Донбассе согласно постановлению ВУЦИК и СНК УССР от 30 апреля 1925 г. «Об изменениях в административно-территориальном делении Донецкой губернии» был образован Люксембургский район в Мариупольском округе с преобладающим немецким населением, который состоял из 9 сельсоветов и насчитывал 18790 человек, из которых немцы составляли 81,3 % [17].

Немецкие села выделялись культурой ведения хозяйства с преобладанием интенсивных методов, были наиболее благоустроены и служили примером для других национальных меньшинств. В каждом немецком хозяйстве в среднем имелось 1–2 лошади и 1–3 коровы, высокая культура земледелия и ощутимые результаты в нем. Перерабатывающая промышленность немецких колоний на территории Донецкой области во второй половине 1920-х гг. была представлена 5 паровыми и 29 ветряными мельницами, восемью маслобойнями [18].

В Луганском округе в 1926 г. было 35 немецких колоний, 5 хуторов и одна деревня с общей численностью населения 7 175 чел., из них немцев – 5 342 чел. Только в Краснолучском районе колонисты имели 22 696 десятин земли и занимались исключительно сельским хозяйством. Землеобеспеченность колонистов доходила до 4,5 десятин на человека, что по тем временам было немало. В Старобельском округе в

колонии Киндергейм Новоайдарского района степень обеспеченности землей доходила до 40 десятин на человека, что позволяло даже передавать излишки земли в аренду населению соседних сел [19].

Население немецких колоний сохраняло культурную и языковую самобытность. В Луганском округе на 1 января 1924 г. в 19 школах обучение проводилось на немецком и русском языках, а в двух школах – только на немецком. Делопроизводство в национальных немецких сельсоветах, созданных в 1926 г., велось на немецком и русском языках.

В 1927–1928 учебном году в Донбассе работали 33 школы с немецким и русским языком обучения и 5 школ с немецким языком обучения [20]. Однако уже в 1929 г. началось разрушение социально-экономических и культурных основ этнической самобытности немцев и других национальных меньшинств, многолетних традиций культурного ведения сельского хозяйства. Примером подобного изменения национальной политики советской власти может служить немецкий Люксембургский национальный район. В 1929 г. здесь, как и повсюду в стране, началась массовая коллективизация. К февралю 1930 г. в колхозы района были объединены лишь 122 хозяйства (4,4 % от общего числа крестьянских дворов), а уже к марту 1930 г. путем насилия власти смогли коллективизировать 58 %, а в декабре 1930 г. – 76 % хозяйств. В ходе коллективизации осуществлялось «раскулачивание» зажиточных крестьян, которому подверглись 166 индивидуальных хозяйств. В середине 1931 г. в колхозах состояло уже 2 844 хозяйства (95,5 % от их общего числа) [21], что привело к дезорганизации и падению продуктивности индивидуальных хозяйств колонистов.

Коллективизация затронула и общественно-политическую жизнь. Целые группы немцев, как и греков, евреев признавались «классово-чуждыми элементами» лишь только потому что они были зажиточными. По этой причине для них устанавливали чрезмерные налоги и лишали избирательных прав, выводили из национальных советов, выселяли как кулаков, подвергали репрессиям.

Реакцией на политику сплошной коллективизации, угрозу депортаций и репрессий, стала вынужденная эмиграция из Донбасса, прежде всего немцев, в США и Канаду. Многие крестьяне прекращали вести хозяйство, продавали свое имущество и инвентарь.

С определенными трудностями проходил процесс выделения русских национальных образований. Продолжительное время проблемы русского населения как национального меньшинства в Украине не стояли и были подняты лишь с началом районирования во второй половине 1920-х гг.

Русское население Донбасса в те годы было вторым по численности этносом после украинцев и почти равномерно распределялось между городом и селом. Национальным меньшинством русские стали считаться в 1926 г., когда ЦКНМ обязала всеокружные комиссии провести работу по выявлению компактных групп русского населения для выделения национальных административно-территориальных единиц. Было установлено, что абсолютное большинство русских проживало на территории Луганского округа. Однако проблема удовлетворения их жизненно важных потребностей была частично решена лишь в 1927 году. Тогда на территории Луганского округа были образованы три русских национальных района: Петропавловский (28 714 чел., из них 76 % – русские), Сорокинский (31 274 чел., из них 77 % – русские), Старо-Луганский (30 034 чел., из них 89 % – русские). Кроме того, на территории Донбасса были сформированы также 94 русских сельских и 39 поселковых советов [22].

Особенностью социальной структуры русского населения Донбасса было преимущество промышленных рабочих, тогда как в целом по Украине среди русских преобладали крестьяне. Русские составляли основную часть профессиональных кадров в горнодобывающей, металлургической и строительной отраслях. Итоги переписи рабочих кадров 1929 г. показали, что русские составляли 61,9 % горнорабочих, а родным русским языком признали 74,5 % [23].

Несмотря на политику украинизации, уровень обеспечения национально-культурных потребностей русского населения Донбасса был значительно выше, чем у других нацменьшинств. Русский язык был доминирующим в образовании, прессе, театре, литературе, культурно-массовой работе. В начале 1930-х гг. в связи с началом сворачивания украинизации русскому населению были возвращены все прежние преимущества в сфере культуры и образования.

Компактное проживание и наличие больших сел греческого населения стали основанием для образования в 1928 г. трех греческих национальных районов: Мангушского с населением 19 956 чел., из них 89 % греков, в том числе 4 греческих сельских совета; Сартанского с населением 19 097 чел., из них 97 % греков, в том числе 4 греческих сельских совета Мариупольского округа и Велико-Янисольского района Сталинского округа с населением 32940 чел., из них 58 % греков, в том числе 6 греческих сельских советов [24].

В мае 1931 г. греки в составе руководящих органов греческих районов составляли около 30 %, сельских советов – 40 %. При их активном участии в греческих селах была проведена массовая коллективизация. В Старобешевском районе, например, было создано три сельскохозяйственные артели. Весной 1931 г. здесь было завершена сплошная коллективизация. В районе вступило в колхозы 90 % крестьянских хозяйств, а численность колхозов в конце 1933 г. возросла до 6 [25].

В Старобешевском районе была создана первая в СССР женская тракторная бригада, которую возглавила гречанка Паша Ангелина. За успехи в работе избиралась депутатом Верховного Совета СССР, дважды награждалась званием Героя социалистического труда [26].

Однако достижения в реализации планов коллективизации греческих крестьян имели и негативную сторону. Документы обследования греческих сельсоветов в 1927–1932 гг. в Мариупольском округе дают основание констатировать факты их нежизнеспособности и бесперспективности в том виде, в каком они существовали в то время, беспомощности в советской административной системе, в которой они выполняли роль послушных органов действующей власти. Поэтому национальное самоуправление греков, как и других национальных меньшинств, прекратило свое существование так же быстро, как и возникло. Дезорганизующую роль при этом сыграли также насильственная коллективизация, ликвидация кулачества в греческих селах, которая приобрела трагические последствия, лишение прав, доходившее во многих советах до одной пятой части населения, выселение крестьян, составившее одну десятую часть греческого населения [27].

Вместе с тем, следует отметить ряд положительных достижений в реализации национально-культурных и просветительских интересов греков. В 1928 г. в Донбассе работали 10 греческих школ, в 1931 г. был открыт греческий педагогический техникум, в крупных селах работали библиотеки. Процесс национально-культурного возрождения сказался также на развитии национальной прессы, литературы, искусства. С 1930 г. стала выходить национальная газета «Коллективистис». В 1932 г. в Мариуполе было создано греческое издательство, которое приступило к выпуску периодики,

художественной и публицистической литературы на греческом языке, вокруг которого объединились греческие писатели и поэты – Г. Костоправ, А. Шапур, Л. Кирьяков и др. В 1933 г. в Мариуполе начал работать греческий театр, сумевший за короткое время собрать труппу и создать свой репертуар [28].

С начала 1920-х гг. наблюдается постепенное возрождение еврейских колоний, которые в годы гражданской войны пережили ужасы погромов и грабежей. Благодаря государственной поддержке в середине 20-х гг. в Мариупольском округе стали возникать 7 еврейские земледельческие колонии [29].

С целью привлечения еврейского населения к производительному, в первую очередь земледельческому труду, 29 августа 1924 г. при президиуме Совета национальностей ЦИК СССР был создан Комитет по земельному устройству еврейских трудящихся (Комзет) [30], что диктовалось массовым обнищанием евреев в результате реквизиций имущества в годы гражданской войны. Комзет имел свое отделение со специальным аппаратом при ЦИК УССР. Уже в 1924 г. он приступил к созданию новых еврейских поселений (колоний), куда на необрабатываемые свободные земли переселяли еврейскую местечковую бедноту. На территории Мариупольского округа было образовано 7 еврейских земледельческих колоний с общей численностью 3 200 чел., а затем их численность возросла в три раза. В 1925 г. там же был образован Затишьевский сельский Совет, где евреи составляли 65,9 % всего населения [31].

19 мая 1926 г. ВУЦИК и СНК УССР приняли постановление «Об улучшении положения трудящихся евреев» [32], в соответствии с которым безработные евреи в городах и городках должны были привлекаться к полезному производительному труду, особенно в промышленности Донбасса. С этой целью планировалось переселить в Донбасс часть евреев из Правобережной Украины.

В 1927–1930 гг. этой работой занимались Сталинское и Луганское окружные бюро национальных меньшинств (ОБНМ). Первая группа евреев, прибывших в Донбасс из Правобережной Украины, была распределена на предприятиях тяжелой промышленности. Из числа безработных евреев Луганского округа в 1928 г. были образованы кооперативные артели сапожников, торговцев, портных. В 1929 г. в Мариупольском округе функционировали три потребительских и три сельскохозяйственных кооператива, четыре артели, одна коммуна, шесть товариществ по совместной обработке земли. В 1930 г. на базе еврейской земледельческой колонии в селе Затишье был создан колхоз «Коминтерн», который объединял около трехсот трудоспособных жителей [33]. Со временем колхоз окреп, выросла его материально-техническая база, колхозники стали зажиточнее, появились новые дома, фермы, магазины. Однако политика руководства страны по изъятию зерна любой ценой подорвала экономику колхоза. Еврейское земледелие в Донбассе в конце 1930-х гг. прекратило свое существование и больше не возрождалось.

Более успешно шел процесс в сфере образования и культурной жизни евреев. В 1920-е гг. впервые в своей истории они добились права получения беспрепятственного получения образования. В 1923 г. в Донбассе работало 16 еврейских школ, наибольшая их часть находилась в Мариупольском округе, в результате чего росло число русскоязычных евреев. В конце 1920-х гг. более половины евреев Донбасса своим родным языком считали русский и менее половины (48 %) – идиш.

Начиная с 1924 г. открывались клубы, сельские дома, дома-читальни, в которых работа проводилась на еврейском языке. В 1925 г. в Сталинском округе действовали еврейский рабочий клуб и два красных уголка, в Артемовском округе – четыре еврейских клуба, в Луганске – один еврейский клуб [34].

В начале 1930-х гг. начался процесс постепенного сворачивания школьного и профессионального образования на родном языке. В 1938 г. еврейские школы в Донбассе, как и в других регионах Украины, были реорганизованы в обычные русскоязычные школы. Усилились репрессии против иудейского духовенства и деятелей культуры. Закрылись синагоги в гг. Сталино, Луганске, Артемовске, а их религиозные общины фактически перешли на нелегальное положение.

Разумеется, что начальный этап украинизации, который приходится на 1920-е гг., несмотря на некоторые негативные явления, в целом характеризовался ростом доверия неукраинского населения к основным мерам государства в сфере национальной политики, расширением его представительства в органах местного самоуправления, о чем свидетельствует формирование национальных административно-территориальных единиц. Многочисленные статистические материалы дают представление о численном росте национальных районов и сельсоветов. Уже к 1930 г. в Донбассе было сформировано 7 крупных национальных районов, 209 национальных сельских и поселковых советов со своими языками, традициями и укладом жизни (см. таблицу).

Таблица

Сравнительные данные о количестве национальных районов, сельских и поселковых советов на территории Донбасса и Украины по этническим группам [35]

Годы	Территория	Национальные районы				Национальные сельские и поселковые советы						
		Русские	Немцы	Греческие	Всего	Русские	Немцы	Греческие	Еврейские	Болгарские	Молдавские	Всего
1925	Донбасс	–	1	–	1	–	38	–	1	–	–	39
	Украина (всего)	–	7	–	7	162	98	8	33	25	62	388
1927	Донбасс	–	1	1	2	133	59	8	1	–	–	201
	Украина (всего)	8	7	1	16	287	237	30	55	37	58	704
1931	Донбасс	3	1	3	7	133	59	30	4	1	1	228
	Украина (всего)	8	7	3	18	372	254	30	156	45	58	915

Из таблицы видно, что, начиная с 1925 г. на территории Украины и Донбасса шел интенсивный процесс формирования национальных территориальных единиц. Верхняя хронологическая черта таблицы (1931 г.) выбрана потому, что именно тогда была максимальная численность национальных административно-территориальных единиц. Наибольшее количество национальных образований были русскими, численность которых за 5 лет увеличилась на Украине в 2,6 раза. В Донбассе процесс выделения национальных районов, сельских и поселковых советов среди русского населения начался позже, чем среди других национальных меньшинств, которые на территории Украины уже были в 1925 г. Как показали исследования, это объясняется прежде всего неопределенностью правового статуса русского населения в первой половине 1920-х гг., а также высоким уровнем обеспечения его культурных потребностей по сравнению с другими этносами.

Следует отметить, что уже в начале 1930-х гг. советская национальная политика в отношении этнических меньшинств стала резко меняться, что было прежде всего связано с утверждением тоталитарной системы власти и началом сворачивания

украинизации. Осторожность и тактичность в подходах к национальным проблемам сменилась на недоверчивость и подозрительность в межнациональных отношениях, командно-административные методы управления. Понятие «национальное меньшинство» постепенно перестало употребляться, национальные районы и национальные сельсоветы стали исчезать из числа административно-территориальных образований.

В начале 1930-х гг. в результате реформ административной системы управления был практически разрушен ЦКНМ и его местный аппарат. В Сталинском округе, например, из 12 нацменработников ОБНМ после реорганизации округов лишь 5 остались на прежнем месте работы [36]. Уже в 1932 г. в связи с образованием Донецкой области было изменено административно-территориальное деление, в результате чего были ликвидированы и присоединены к Мариупольскому городскому совету Сартанский и Мангушский греческие районы [37]. В 1933 г. началось сворачивание украинизации в сфере языка и культуры национальных меньшинств под предлогом их защиты. Начали закрываться национальные учебные и культурно-просветительские учреждения, книжные издания, газеты. Стали осуществляться гонения на представителей национальных меньшинств.

До конца 1930-х гг. все национальные районы и сельсоветы были упразднены и присоединены к обычным, в результате чего немецкое население, а в ряде случаев и греческое, оказались в них в меньшинстве по отношению к общей численности населения.

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы.

Во-первых, развитие национально-политических процессов в Донбассе проходило противоречиво. Если 1920-е гг. характеризовались в основном позитивным опытом разрешения проблем национальных меньшинств, то уже с начала 1930-х гг. накопленный опыт стал сворачиваться, все чаще проявлялись надуманные обвинения людей в национализме, неуважения к традициям и обычаям, нарушения законности.

Во-вторых, возможности решения проблем этнических меньшинств в форме образования национальных административно-территориальных единиц были реализованы лишь частично и на короткое время. Советская власть изначально не рассматривала национальные районы как органы национальной автономии. Им отводилась лишь роль самоуправляемых территорий под жестким контролем партийных и советских органов и уже в начале 1930-х гг. начался процесс ликвидации государственных институтов, деятельность которых ранее направлялась на возрождение национальных меньшинств.

В-третьих, процесс сворачивания национальных административных единиц был ускорен коллективизацией земледельческих хозяйств национальных меньшинств, что привело к их упадку, ликвидации достижений в земледелии и животноводстве, снижению уровня жизни, росту эмиграционных настроений среди немцев, евреев других представителей этнических групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мартинчук І. І. Національно-культурне будівництво серед етнічних меншин Донеччини (20-ті – поч. 30-х рр. ХХ ст.): дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / І. І. Мартинчук. – Донецьк, 1998. – 192 с.;
2. Обидьнова О. В. Національні меншини Донбасу в 20–30-ті роки ХХ ст.: дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / О. В. Обидьнова. – Донецьк, 2002. – 176 с.
3. Малярчук Н. Г. Росіяни в Донбасі (20–30 рр. ХХ ст.): дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Н. Г. Малярчук. – Донецьк, 2006. – 198 с.;
4. Сучкова О. Ю. Євреї в Донбасі (20–30-ті роки ХХ ст.): автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / О. Ю. Сучкова. – Донецьк, 2005. – 20 с.;

5. Месіч Т. І. Політичне, соціально-економічне та культурне становище німців Поволжя та Донбасу (1917–1929 рр.): дис. ... канд. іст. наук: 07.00.02 / Т. І. Месіч. – Донецьк, 2009. – 27 с.
6. Наседкина Л. Д. Социально-политическая, экономическая и культурная жизнь греческого населения Украины 20-х – начала 30-х гг. / Л. Д. Наседкина: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Л. Д. Наседкина. – К. : Институт истории, 1993. – 238 с.
7. Терентьева Н. А. Греки в Украине: экономическая и культурно-просветительская деятельность (XVII–XX в.) / Н. А. Терентьева. – К. : Аквилон-Прес, 1999. – 351 с.
8. Якубова Л. Д. Етнічні меншини УСРР і влада: динаміка соціально-економічних, політичних і культурних перетворень (1921–1935 рр.): дис. ... д-ра іст. наук: 07.00.01 / Л. Д. Якубова. – Київ, 2007. – 572 с.
9. Шабельников В. І. Реформування адміністративно-територіального устрою України (1917 – червень 1941 рр.): дис. ... д-ра іст. наук: 07.00.01 / В. І. Шабельников. – Донецьк, 2012. – 452 с.
10. ЦДАВО України. – Ф. 413. – Оп. 1. – Д. 453. – Л. 42.
11. ЦДАВО України. – Ф. 413. – Оп. 1. – Д. 382. – Л. 41.
12. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1954. Изд. восьмое. – Т. 2. – М., 1970. – С. 716–717.
13. Отчет ЦКК КП(б) Украины и НК РКИ УССР за период с VII по VIII партконференцию КП(б)У (апрель 1923 – апрель 1924 гг.). – Харьков, 1924. – 112 с.
14. Збірник узаконень ра розпоряджень робітничо-селянського уряду за 1923 рік. – Харків, 1923. – № 29. Арт. 435.
15. ЦДАВО України. – Ф. 413. – Оп. 1. – Д. 50. – Л. 72.
16. ЦДАГО України. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 53. – Л. 95, 96.
17. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Украины (СУ УССР). – 1925. – № 4. – Ст. 177. – С. 344.
18. ГА ДНР. – Ф. р.-2. – Оп. 1. – Д. 288. – Л. 14.
19. Кравченко В. Немецкие колонии на Луганщине / В. Кравченко // Жизнь Луганска. – 1999. – № 6. – С. 9.
20. Нагорняк Т. Л. Некоторые аспекты художественной литературы Донбасса в русле государственной политики «коренизации» / Т. Л. Нагорняк // Новые страницы в истории Донбасса: Сб. Кн. 5. – Донецк : ДонНУ, 1997. – С. 115.
21. ЦДАВО України. – Ф. 413. Оп. 1. – Д. 91, 95, 168, 259, 400.
22. ЦДАВО України. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 699. – Л. 155.
23. Демура Ю. М. Лекции по Отечественной истории / Ю. М. Демура. – Донецк, 2015. – Тема 8 (Электронный ресурс).
24. ГА ДНР. – Ф. р.-2. – Оп. 1. – Д. 371. – Л. 4.
25. Наседкина Л. Д. Грецькі національні сільради та райони в Україні (друга половина 20–30-ті роки ХХ ст.) / Л. Д. Наседкина // Український історичний журнал – 1992. – № 7–8. – С. 69–70.
26. Історія міст і сіл Української РСР: в 26 т. – Донецька область. – К., 1970. – С. 778.
27. ЦДАВО України. – Ф. 413. – Оп. 1. – Д. 463. – Л. 16–26, 108–112; Д. 250. – Л. 62; Д. 399. – Л. 37; Д. 56. – Л. 31–35.
28. Литературный Донбасс. – 1934. – № 11–12. – С. 110–112.
29. ЦДАВО України. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 1813. – Л. 66.
30. Госархив Российской Федерации. – Ф. р-7541. – Оп. 2. – Ед. хранения 1484. – Д. 1484.
31. Беренштейн Л. Е. Евреи и политические процессы в СССР (20–80-е гг.) ХХ ст.) / Л. Е. Беренштейн. – К., 1997. – С. 37.
32. Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України. – 1926. – № 27–28. – Ст. 234. – С. 431–435.
33. Еврейские земледельческие колонии Юга Украины и Крыма. – http://www.evkol.nm.ru/colony_ekaterinoslav.htm/
34. Сучкова Е. Ю. Евреи в Донбассе (20–30-е годы ХХ в.). – автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Донецк, 2005. – 20 с.
35. Таблица составлена на материалах: ЦДАВО України. – Ф. 413. – Оп. 1. – 382. – Л. 41.; ГА ДНР. – Ф. р.-2. – Оп. 1. – Д. 371. – Л. 4; Ф. р-2109. – Оп. 1. – Д. 310. –Л. 1–2; Національні меншини в Україні. 1920–1930-ті роки. Іст. картогр. атлас. / Упоряд. М. І. Панчук та ін. – К. : Четверта Хвиля, 1995. – С. 17–36, 42–49, 67–78, 93–94.
36. ЦДАВО України. – Ф. 413. – Оп. 1. – Д. 488. – Л. 16.
37. ГА ДНР. – Ф.р-2109. – Оп. 1. – Д. 310. – Л. 1–2.

Поступила в редакцию 10.02.2020 г.

**SOVIET ETHNIC POLICY AND LIFE OF NATIONAL MINORITIES IN THE DONBASS
TERRITORY IN THE 1920s – the first half of the 1930s**

V.I. Shabelnikov, E.S. Terzi

The article is devoted to the study of the most pressing issues of the Soviet ethnic policy and the daily life of national minorities living on the territory of Donbass under the NEP and the collectivization of agriculture. The study analyzed the activities carried out by central and local Soviet authorities to address the problems of self-government of national minorities, the development of their economic and cultural activities. Important attention is also paid to the formation of national administrative units, the achievements of national minorities and the consequences of Ukrainization in the Donetsk region.

Key words: national policy, Ukrainization, national minorities, ethnos, national-cultural autonomy, zoning, national districts, national village councils, economic activity.

Шабельников Виктор Ильич

Доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры истории России и
славянских народов ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет».
E-mail: Shabelnikov36@mail.ru

Shabelnikov Victor Ilych

Doctor of historical sciences, Full Professor
Professor of the Chair of Russia's History and
History of Slavonic Peoples,
Donetsk National University.
E-mail: Shabelnikov36@mail.ru

Терзи Елена Станиславовна

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры юриспруденции
ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
E-mail: andrey.terzi@mail.ru

Terzi Elena Stanislavovna

Candidate of historical sciences,
Associate Professor of the department of Jurisprudence,
Donbass Agrarian Academy.
E-mail: andrey.terzi@mail.ru

УДК 902/904 (516)

МЕРИДИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ В КИТАЕ III в. ДО Н.Э. КАК ПРЕЛЮДИЯ ШЁЛКОВОГО ПУТИ

© 2020. *Д.П. Шульга*

*ФГБОУ ВПО «Новосибирский национальный исследовательский университет»;
Сибирский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ*

Настоящая статья вводит в научный оборот малоизвестные в русскоязычной науке артефакты из центрального и южного Китая, имеющие явные параллели в скифо-сибирском зверином стиле. Подобные находки позволяют авторам выдвинуть ряд обоснованных предположений о сложении меридиональных торговых маршрутов накануне формирования Шёлкового пути.

Ключевые слова: царство Чу, скифоидные культуры, Шёлковый путь, межрегиональная коммуникация, «звериный стиль».

Введение. Взаимодействие центров цивилизации с «варварской» периферией само по себе заслуживает пристального внимания [23, с. 119–121]. Мир ранних кочевников Евразии еще до образования магистралей Шёлкового пути играл важнейшую роль в коммуникации Черноморско-Средиземноморского региона [11, с. 33–50], Паннонской низменности [26, с. 298–302], Китая [31, с. 88–93], Средней Азии [1, с. 330–331], Урала [18, с. 130–135] и Южной Сибири [25, с. 116–121]. Конечно, нельзя сказать, что все части огромного ареала расселения культур скифо-сибирского круга имеют одинаково богатое отражение в источниках. В Причерноморье имеются и археологические [17, с. 60–70], и письменные [16, с. 292–300], и нумизматические источники [29, с. 213–217], а также надписи на сосудах [3, с. 240–250]. Это позволяет реконструировать не только масштабы и формы межкультурной коммуникации [12, с. 190], но и вопросы социальной [13, с. 21–30], религиозной [5, с. 200] и политической [9, с. 360] жизни кочевников. История Средней Азии во II тыс. до н.э. также нашла отражение в нарративных материалах [20, с. 344]. К сожалению, Южная Сибирь и Урал мало могут подобным похвастаться, так что исследование местных торговых контактов имеет существенную специфику [29, с. 271–279].

Впрочем, наименее известной отечественным ученым является часть скифоидных культур, носители которых проживали на территории современной КНР (хотя исследования в этой области активно ведутся [10]). Между тем именно здесь, на стыке оседлого и кочевого миров, появлялись интереснейшие формы взаимодействия, нашедшие отражение и в письменных источниках, и в объектах материальной культуры. До сих пор практически неизвестным для специалистов оставался тот факт, что южное царство Чу, несмотря на кажущуюся удалённость от степного пояса, вело с таковым активный культурный обмен. Исследованию данного феномена межкультурной коммуникации, ставшего одной из предпосылок сложения Шёлкового пути, мы и посвящаем настоящую статью.

В ходе выполнения поставленных задач применялись специализированные методы истории, источниковедения, этнографии, археологии. При выработке единой методологии и методики реконструкций материальной и духовной культуры на основе широкого круга источников использовались: 1) общетеоретические основы отечественной археологической науки (В.В. Генинг и др.); 2) элементы структуралистского подхода к культуре любого общества как к системе взаимосвязанных и взаимодействующих

элементов, обладающих предметным и семантическим значением (К. Леви-Стросс, Ю.М. Лотман); 3) общее представление о соотношении «базиса» и «надстройки» в рамках марксистской науки в её современном состоянии. Важную роль в исследовании играет понятие археологической культуры, которая понимается как совокупность материальных памятников, которые относятся к одной территории и эпохе и имеют общие черты. При этом авторы считают весьма условной возможность сопоставления археологических культур Южной Сибири и Северного Китая с «этнонимами» и политонимами древнекитайских письменных источников. Это распространённый подход при изучении ранних номадов Азии [7, с. 67–75] и Европы [24, с. 21–30]. Проводимая нами классификация артефактов по материалу, способу обработки, форме, орнаменту, выделение и исследование типов древних вещей вполне соответствует сравнительно-типологическому методу. Кроме этого, в своем исследовании мы используем результаты естественнонаучных методов (например, химический анализ стекла). В силу особенностей источниковой базы, авторам чаще приходится полагаться на относительную, а не абсолютную хронологию. Впрочем, наработки китайской и отечественной школ археологии [27, с. 144] позволяют датировать артефакты в комплексах с точностью до десятилетий (при наличии хронологических маркёров).

Основная часть. Исследуя предметы китайского импорта в Южной Сибири, такие как ткани и бронзовые зеркала, можно заметить, что они демонстрируют выраженные черты южно-китайского стиля. Конечно, это вызывает вопросы из-за географической удаленности. Впрочем, весьма вероятно, что на позднем этапе Чжаньго между Чу и Южной Сибирью существовали культурные контакты. Более того, можно предположить, что они были двусторонними. В погребении № 2 могильника Ваншаньшачжун в Цзянлине (уезд городского округа Цзинчжоу в провинции Хубэй) была обнаружена подставка для лампы. Основание данного артефакта довольно нетипично, так как оформлено в виде двугорбого верблюда, наездник на котором держит в руках столб. Известно, что верблюдов в Чу не держали, стало быть происхождение такого бактриана следует отнести к региону Внутренней Монголии (до Хуанхэ), Центрального Казахстана или Южной Сибири, где животное было одомашнено весьма рано. Мы можем сделать вывод, что верблюды в Китае были известны по крайней мере с Восточной Чжоу (хотя бы на уровне изображений). Это подтверждает и «Оставленные писания Чжоу» (逸周书, I в. н.э.), где говорится, что во времена второго чжоуского государя Чэн-вана северные инородцы приносили в дар верблюдов: «На севере в окрестностях горы Кунтун¹, в Бактрии, в Яркенде, в землях баоху², дайчжай³, сюнну, лоуфаней, юэчжей, цянли⁴, дунху, жунов и ди [и иных иноземцев] были по повелению получены верблюды, ослы, лошади и добрые луки». Стоит отметить реалистичность изображения верблюда, что показывает «привычность» образа этого животного для южных китайцев. Для сравнения вспомним, что не очень типичный для Восточной Азии лев в Японии и Китае выглядит фантастично, приобретает черты дракона, собаки и других существ. При этом чуждому изображению верблюда еще далеко по реалистичности до, например, танских образцов. Облик бактриана, хотя в основном правдоподобен, в деталях несколько отклоняется от истины. Одежда наездника древним мастером практически не показана. К счастью, у фигурки хорошо

¹ Совр. г. Пинлян, пров. Ганьсу

² Досл. «леопардовых варваров».

³ Одно из образований «северных ди» или жунов, так как иероглиф代 подчас синонимичен 戎

⁴ Одно из образований «северных ди», с которыми, вероятно, связано омофонное название породы лошадей в Древнем Китае (纤维).

выполнены черты лица – оно широкое, с весьма заметными щеками. Этот тип лица характерен для североазиатского типа монголоидов (рис. 1–6). У наездника волосы на передней части головы выбриты. Похожие по композиции вещи встречаются в рамках скифоидной культуры янлан на территории современного Нинся-Хуэйского автономного района (рис. 1–5). Этому же есть параллели на западе Центральной равнины. В могильнике Жуцзячжуан (г. Баоцзи в пров. Шэньси, КНР) обнаружена статуэтка с подобной причёской (передняя часть головы выбрита, а волосы на затылке собраны и уложены). Очень близкий аналог мы находим в Таэрпо (городской округ Сяньян в провинции Шэньси, КНР). В погребении M28075 (последняя треть III в. до н.э.) были обнаружены две керамические статуэтки всадников без доспеха (рис. 1–5). У наездника плоское лицо, длинный высокий нос, на голове шапка специфической формы, одежда запахнута налево (характерная черта инородцев в Китае), на ногах короткие штаны. Обут конник в высокие сапоги, свойственные скифоидным «варварам» Северного Китая. Это часто встречается в образах древних кочевников на севере Китая. [30, с. 970–975].

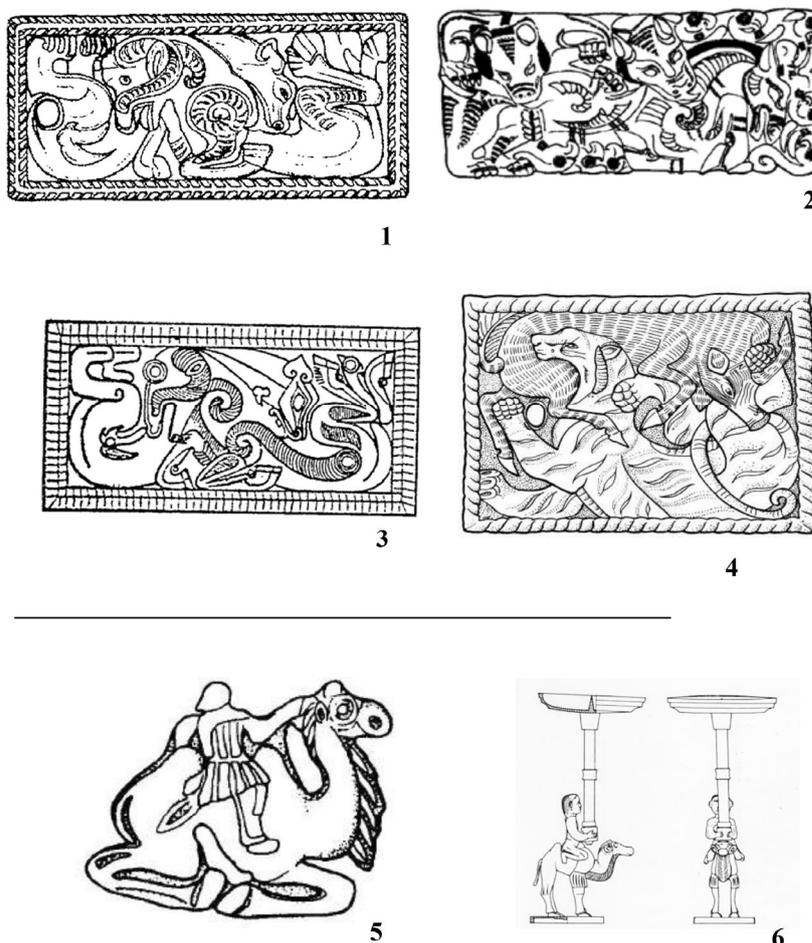


Рис. 1. Сцены терзания на бляхах из Китая (1–4) и изображения верблюдов с наездниками (5–6): 1 – раннеханьское погребение в селе Сюфэнцунь (уезд Ушань, город центрального подчинения Чунцин); 2 – погребение Шицзышань (городской округ Сюйчжоу в провинции Цзянсу); 3 – погребении правителя Наньюэ (г. Гуанчжоу, эпоха Западной Хань); 4 – могильник Сигоупань скифоидной общности Таохунбала (север сомона Джунгар АР Внутренняя Монголия); 5 – могильник Чжанцзецунь скифоидной культуры Янлан (село Цаомяо уезда Пэнъян Нинся-Хуэйского автономного района); 6 – погребение № 2 могильника Ваншаньшачжун в Цзянлине (уезд городского округа Цзинчжоу в провинции Хубэй) (1, 2, 3, 6 по: Чэнь Цзяньвэнь, 2010, с. 940–947; 5 по: Гэн Чжицян и др., 2002, с. 15–20; 4 по: Bunker, 1997, с. 51).

По нашему мнению, в контактах по линии север-юг играли общности цянов и жунов. Понимание термина «жун» обычно весьма общее, может трактоваться как «народы северо-запада». Например, в Вертограде полководца в главе «Западные жуны» читаем: «Народы, населяющие запад, имеют смелый и агрессивный нрав, они алчны; некоторые из них живут в укрепленных городах, другие предпочитают дикую жизнь; корма в их землях не хватает, но много золота и серебра. Таким образом, эти люди от природы наделены огромным мужеством, их очень трудно одолеть. К западу от пустыни обитает масса различных племён и народов, край тот обширен, местность труднопроходима. Привыкшие к постоянной войне, жуны не сдаются в плен, у них мятежное сердце, так что мы должны ждать, пока они не подвергнутся внешнему вторжению, следует иметь с ними дело в дни их внутренних противоречий» [31, с. 119]. Впрочем, в других письменных источниках есть указания и на более конкретную интерпретацию данного «этнонима». Так или иначе, уже в период Чуны многие жуны мигрировали на Центральную равнину Китая, селясь рядом с хуася (китайцами). Они тесно связаны со странами Уаксии в Центральных равнинах. Прочсть про это можно в разделе «Шестнадцатый год Чжао-гуна» комментария «Цзо Чжуань» (ок. IV в. до н.э.), где говорится о том, как Чу и Ци пользовались внутренними разладами во владениях «варваров». В разделе «Четвёртый год Ай-гуна» говорится, что чусцы не знали страха, при походах на север за одну ночь были способны атаковать царства Лян и Хо⁵, окружали варварские владения Маньши⁶, одолевали иноземцев, заставляя тех искать спасения у Цзинь. Маньши, как указывает раздел «Цзо Чжуань» под названием «Шестой год Чэн-гуна», были населены одной из ветвей инородцами «жунмань», у которых был город. Скорее всего следует считать, что «жунмани» были особой группой среди южных инородцев мань⁷ [30, с. 985–989]. Таким образом, можно говорить о том, что взаимодействие происходило не только между оседлыми царствами и «варварами», но и различными группами последних, вплоть до слияния изначально далёких по языку и культуре инородцев между собой.

На финальной стадии периода Чжаньго Чу имело контакты не только со скотоводами севера и северо-запада Китая, но и с цивилизациями Передней Азии и Индии (очевидно, по морю). «Западное» натриево-известковое стекло, которое отличается от китайского свинцово-висмутового, было обнаружено в Чу, что является ярким примером становления в III в. до н.э. зачатков «морского Шёлкового пути». Можно даже говорить о том, что большая часть стекла в Чу именно импортная. Подобная ситуация складывается со второй пол. IV в. до н.э. Доказательством тому служит погребение Хоугудуй-1 (уезд провинциального подчинения Гуши провинции Хэнань) и гробница князя И из надела Цзэн (уезд Суйсянь городского округа Суйчжоу провинции Хубэй). Стекло, обнаруженное в этих двух захоронениях представляет собой натриево-известковое стекло, изготовление которого связывается с мастерскими Передней или Центральной Азии. Что касается того, как натриево-кальциевое стекло было ввезено в Китай, то возможны два варианта. Во-первых, с юга по морю, во-

⁵ Юг совр. Шаньси

⁶ Располагалось на территории совр. уезда Жуян пров. Хэнань.

⁷ «Вертоград полководца» говорит о мань следующее: «Южные народы многочисленны, и их натуру невозможно изменить. Они постоянно образуют союзы племён, преследуя общие интересы. Как только исчезает польза от их союзов, они нападают друг на друга. Они проживают в пещерах горы И. Есть те, которые собираются вместе. Есть те, которые рассредоточиваются повсюду – на западе до хребта Куньлунь, на востоке до морей. Рядом с морем имеется множество редких товаров, поэтому они жадные и искусные в войне. Весной и летом они часто заболевают. Именно это время подходит для нападения на них. Они не смогут долго сопротивляться» (пер. Шульги Д.П.).

вторых, с северо-запада через Западный край. В погребениях Цзюньбакэ VII в. до н.э. (уезд Луньтай, Синьцзян) найдены стеклянные бусы, очень напоминающие аналоги из Ирана. Таким образом, есть основания полагать, что это импорт из Передней Азии на территорию современного СУАР. В период Восточной Чжоу южный путь по морю не был единственным способом проникновения западных изделий в Китай. Северо-западные маршруты также играли определенную роль [34]. Это доказывают, например, нефритовые изделия, найденные в гробнице князя И из надела Цзэн показывают, так как они очень похожи по химическому составу на нефрит, произведенный в Хотане [30, с. 978–985].

Наличие меридиональных контактов между степями Евразии и долиной Янцзы на закате периода Чжаньго и в эпоху ранних империй имеет даже более характерные подтверждения. Примером тому может служить гребень с изображением копытного грифона из погребения Шуйхудэ III в. до н.э. на севере пров. Хубэй (рис. 2–1). Задние ноги фантастического животного запрокинуты назад, что является «визитной карточкой» скифского искусства (рис. 3). И это отнюдь не единственная подобная находка. Деталь головного убора из района Линьцзы (городской округ Цзыбо провинции Шаньдун) (рис. 2–4), датируемая периодом Чжаньго, дает нам представление, что уже в IV–III вв.

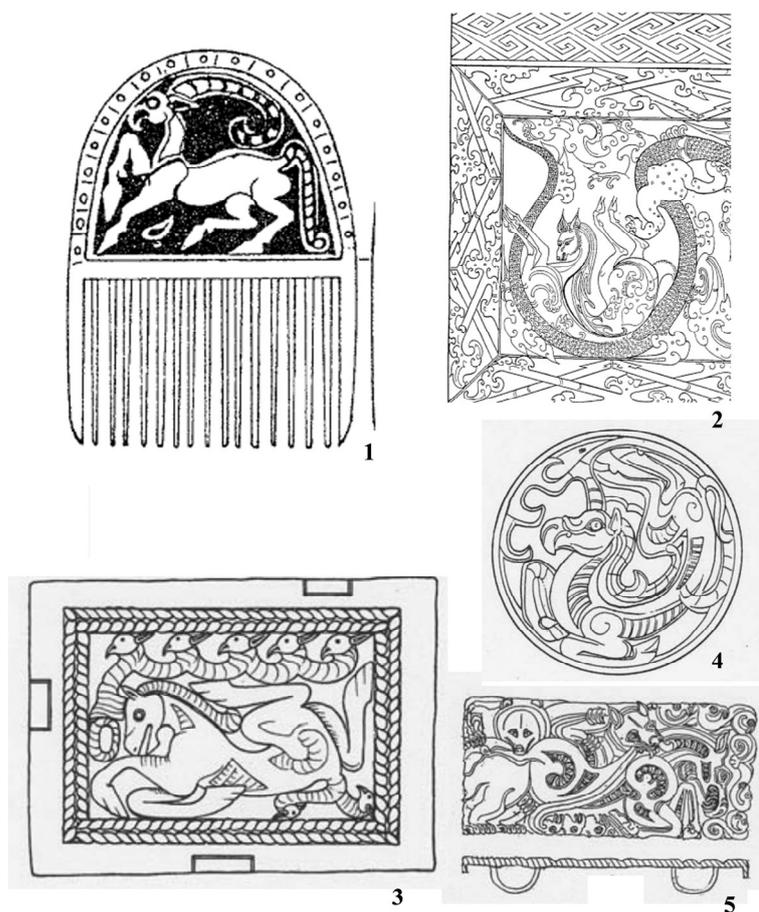
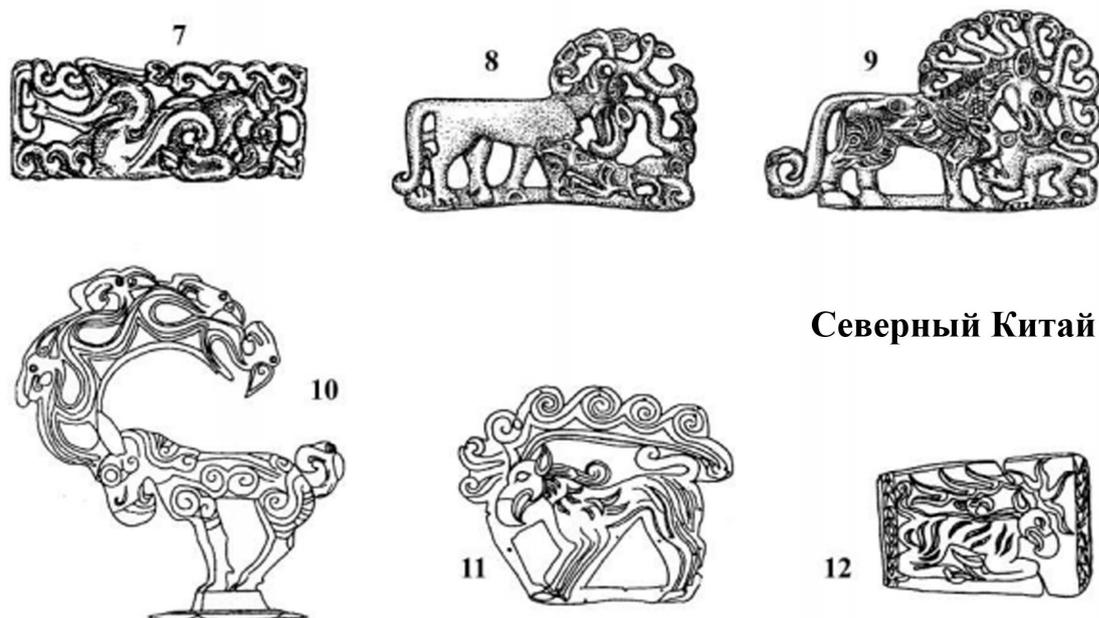


Рис. 2. Копытные грифоны центрального и Южного Китая IV–III вв. до н. э.: 1 – гребень из погребения Шуйхудэ III в. до н.э. на севере пров. Хубэй; 2 – роспись гроба из западноханьского погребения №1 могильника Мавандуй (г. Чанша); 3 – декорированная бляха из погребения Гунцзян (северный пригород г. Сиань); 4 – деталь головного убора из района Линьцзы (городской округ Цзыбо провинции Шаньдун); 5 – декорированная бляха из западноханьского погребения Саньдяньцунь (восточный пригород г. Сиань) [30, с. 938–948].



Алтай



Северный Китай

Дунхэйгоу (Синьцзян)

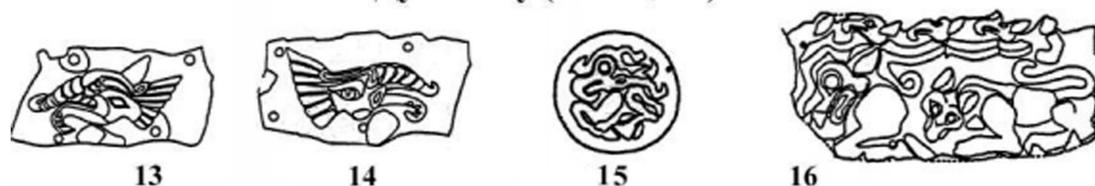


Рис. 3. Копытные грифоны Саяно-Алтая, Северного Китая и Синьцзяна IV–III вв. до н. э.: 1 – Ак-Алаха-3; 2, 5 – Пазырык-2; Верх- Кальджин-2; 4 – Локоть-4а; 6 – Катанда; 7 – Монголия, случ. находка; 8 – Северный Китай, случ. находка; 9 – Забайкалье (?), случ. находка; 10–12 – Северный Китай (Налиньгаоту, Сигоупань). (1, 3 – по: Полосьмак, 2001, рис. 151; 2, 5 – по: Руденко, 1953, рис. 82, 83; 4 – по: Шульга П.И., 2003, рис. 36; 6 – по: Руденко, 1960, рис. 151; 7–9 – по: Богданов, 2006, табл. XL, 5; LIV, 1, 4; 10–12 – по: Ковалёв, 1999, рис. 2. – 1–3; 13–16 – по: Шульга П.И., 2010).

Центральный Китай воспринял и активно использовал не просто «северные мотивы», но и сложившиеся образы. находка в Линьцзы даёт еще одно подтверждение меридиональных связей, которые оставляли следы на всём протяжении.

Еще один проникший в Поднебесную сюжет искусства ранних кочевников – сцены терзания. Как и в предыдущем случае, ранние экземпляры происходят из Центрального Китая. Декорированные бляхи из погребений Гунцзян (северный пригород г. Сиань, второй пол. III в. до н.э.) и Саньдяньцунь (восточный пригород г. Сиань, нач. II в. до н.э.) ознаменовали распространение сцен терзания за пределами расселения скифоидных кочевников (рис. 2–3, 5). Меньше чем через столетие похожие вещи оказываются на территории г. Гуанчжоу в погребении правителя Наньюэ (рис. 1–3). На территории бывшего Чу есть еще несколько аналогий из раннеханьских погребений. Первая – на позолоченной бронзовой пряжке, найденной в погребении в селе Сюфэнцунь (город центрального подчинения Чунцин, уезд Ушань) (рис. 1–1). Вторая – в захоронении Шицзышань (городской округ Сюйчжоу в провинции Цзянсу). Если рассматривать истоки данной изобразительной традиции, то их можно без труда обнаружить, например, в могильнике Сигоупань скифоидной общности таохунбала во Внутренней Монголии (рис. 1–4), которое предположительно относится к IV в. до н. э.

Куда более отдалённая аналогия «языку звериных образов» происходит из западноханьского погребения №1 могильника Мавандуй (г. Чанша). На левой стороне росписи гроба на третьем уровне композиции есть изображение копытного. Окружающий облачный орнамент и техника исполнения здесь чисто китайская, но вывернутый зад выдает северное влияние (рис. 2–2). Следует учесть, что данный образец не позднее, чем находки из восточного пригорода Сианя или Гуанчжоу. Очевидно, что полное повторение и частичное заимствование сосуществовали. Включение скифо-сибирского искусства в художественный стиль эпохи Хань показывает, что, по крайней мере, в Западной Хань ремесленники активно использовали мотивы «степной» изобразительной традиции. Хотя можно говорить и о роли культуры хунну в этих процессах, очевидно, что культуры Южного Китая и Южной Сибири поддерживали контакт уже как минимум с III в. до н.э. Подобные находки тем более интересны, что на постсоветском пространстве звериный стиль пристально изучается как по материалам Азиатской части скифского мира [35, с. 101–113], так и по артефактам Причерноморья [15, с. 170–180].

Заключение. В результате можно сделать ряд выводов. *Во-первых*, в IV–III вв. до н.э. территория современных провинций Хунань, Хубэй, Чжэцзян (частично Цзянсу, Цзянси, Аньхой и Фуцзянь), т.е. царство Чу, находилось на перекрёстке торговых путей, благодаря чему сюда, например, проникало стекло по морю и хотанский нефрит скифоидных культур по суше. *Во-вторых*, представители скифоидных культур с севера Поднебесной и земледельцы восточного течения Янцзы с юга имели довольно чётки представления друг о друге, что подтверждается артефактами, оформленными в зверином стиле. Статус проникавших на юг северян сложно установить, однако вполне оправданным ввиду высокой мобильности кочевников выглядит предположение о роли торговцев и наёмников. *В-третьих*, скифо-сибирское искусство оказывало влияние не только на Северный (где это очевидно по находкам из чжуншаньских гробниц), но и на Южный Китай. *В-четвёртых*, этнокультурная картина окружающих «хуася» народов была куда сложнее, чем предполагалось ранее. На основе «варварских» государств (пусть и непрочных) возникали общности, где уживались не китайские народы, весьма далёкие друг от друга экономически и лингвистически. *В-пятых*, можно утверждать, что такие активные меридиональные связи послужили интеграции Китая, его объединению в мультикультурную империю и сложения Шёлкового пути.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амиров М. К. Находка ахеменидской мебельной фурнитуры в сакском погребении Семиречья / М. К. Амиров, Е. Ш. Сейткалиев // *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology*. – 2017. – № 3. – С. 329–334.
2. Bunker E.C. Ancient bronzes of the Eastern Eurasian Steppes / E.C. Bunker. – New York: Arthur M. Sackler Foundation, 1997. – 373 с.
3. Безруков А. В. Особенности керамического импорта у кочевников Прикубанья и Волго-Камья во II в. до н. э. – II в. н. э. / А. В. Безруков, В. В. Улитин // *Stratum plus*. – 2017. – № 3. – С. 239–257.
4. Богданов Е. С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция) / Е.С. Богданов. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2006. – 240 с.
5. Вдовченков Е. В. Кочевнические жертвенно-поминальные комплексы («странные комплексы») III—I вв. до н. э.: социальная интерпретация явления / Е.В. Вдовченков // *Stratum plus*. – 2016. – № 3. – С. 197–215.
6. Гэн Чжицян. Нинся Пэнъян сянь Чжанцзецунь чунцю чжаньго муди / Гэн Чжицян, Фань Цзюнь, Ду Липин, Ян Нинго, Чэнь Фэнцзюан. Могильник Чжанцзецунь в уезде Пэнъян периода Чуньцю-Чжаньго // *Каогу*. – 2002. – № 8. – С. 14–24.
7. Иванов С. С. К проблеме культурного разрыва на рубеже сакского и усуньского периодов в Притяньшанье / С. С. Иванов // *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology*. – 2016. – № 3. – С. 67–86
8. Ковалёв А. А. О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V–III веках до н.э. / А.А. Ковалёв // *Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий*. – Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1999. – С. 75–82.
9. Козлов С. А. «Скипетроносцы» скифской элиты / С.А. Козлов // *Stratum plus*. – 2016. – № 3. – С. 351–368.
10. Комиссаров С. А. Культура Чауху – центральная культура скифской эпохи на территории Синьцзяна (КНР) / С.А. Комиссаров // *TERRA SCYTHICA материалы Международного симпозиума*. – Новосибирск: ИАЭТ РАН. – 2011. – С. 121–129.
11. Копылов В. П. К вопросу о причинах дестабилизации ситуации в устьевой области реки Танаис в третьей четверти IV – первой трети III вв. до н. э. / В. П. Копылов, А. Н. Коваленко // *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology*. – 2016. – № 3. – С. 33–54.
12. Кузнецова Е. В. Торговые связи Фанагории в IV–III вв. до н. э. по разным категориям амфорного материала: проблема соотношения / Е. В. Кузнецова // *Stratum plus*. – 2014. – № 3. – С. 187–194.
13. Кузнецова Т. М. Скифские цари и номархи – «держатели котлов» / Т. М. Кузнецова // *Stratum plus*. – 2018. – № 3. – С. 17–56.
14. Лаптева М. Ю. Археология Ионии начала XXI в. в диалоге и конфликте с нарративной традицией / М. Ю. Лаптева // *Stratum plus*. – 2017. – № 3. – С. 381–390.
15. Лифантий О. В. Орнитоморфные изображения на золотых аппликативных украшениях одежды скифов / О. В. Лифантий // *Stratum plus*. – 2015. – № 3. – С. 167–182.
16. Мышкин В. Н. В поисках торгового «пути Геродота»: северопричерноморский импорт из кочевнических погребений скифского времени в Заволжье и на Южном Урале, переправы через Волгу и «Московская дорога» / В. Н. Мышкин // *Stratum plus*. – 2018. – № 3. – С. 291–310.
17. Очир-Горяева М. А. Планиграфия курганов как источник по семейно-родовой и социальной иерархии скифов Северного Причерноморья / М. А. Очир-Горяева // *Stratum plus*. – 2018. – № 3. – С. 57–86.
18. Переводчикова Е. В. Искусство раннесакского времени Южного Урала и его восточные параллели / Е. В. Переводчикова, А. Д. Таиров // *Stratum plus*. – 2015. – № 3. – С. 121–141.
19. Полосьмак Н.В. Всадники Укока / Н.В. Полосьмак. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс. 2001. – 336 с.
20. Ртвеладзе Э. В. Посольства к Александру Македонскому в Бактры и Мараканду царей левобережного и правобережного Хорезма Фарасмана и Фратаферна / Э.В. Ртвеладзе // *Stratum plus*. – 2016. – № 3. – С. 343–349.
21. Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время / С. И. Руденко. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с.
22. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время / С. И. Руденко. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 350 с.
23. Савельев О. К. Римский импорт I в. н. э. в Тире и некоторые вопросы римско-варварских контактов в Северо-Западном Причерноморье / О. К. Савельев // *Stratum plus*. – 2017. – № 4. – С. 119–134.

24. Скрипкин А. С. Гибель Скифии. Сарматский фактор / А. С. Скрипкин // *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology*. – 2016. – № 3. – С. 17–31.
25. Топал Д. А. Грифовые кинжалы Евразии: восточные параллели одной причерноморской традиции / Д.А. Топал // *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology*. – 2017. – № 3 – С. 113-130.
26. Тот Ф. М. Зооморфный псалий скифского времени из рога козули с поселения в Среднем Потисье в Венгрии / Ф. М. Тот // *Stratum plus*. – 2015. – № 3. – С. 297–306.
27. Хельмут-Крамбергер А. Хронология и распространение золотых нашивных бляшек в раннескифское время (VIII–VII вв. до н. э.) / А. Хельмут-Крамбергер // *Stratum plus*. – 2015. – № 3. – С. 143–166.
28. Черных Е. М. На перекрестке речных путей: об особенностях функционирования ананьинского городища у д. Зуевы Ключи в Нижнем Прикамье / Е. М. Черных // *Stratum plus*. – 2018. – № 3. – С. 267–290.
29. Чореф М. М. Сикли Ахеменидов из округа Неаполя Скифского / М. М. Чореф // *Stratum plus*. – 2017. – № 3. – С. 213–221.
30. Чэнь Цзяньвэнь. Лунь Чжунго юй гудай Наньсиболия цзяньдэ вэньхуа ходун / Чэнь Цзяньвэнь Обсуждение культурного обмена Китая и Южной Сибири в древности // Сборник конференции к 80-летию Чжан Гуанда. – Тайбэй: АО Синьвэньфэн чубань. 2010. – С. 961–964.
31. Шульга Д. П. «Вертоград полководца» Чжугэ Ляна на стыке дисциплин : монография // Д. П. Шульга, А. А. Мерзликин. – Новосибирск: Омега-принт, 2016. – 147 с.
32. Шульга П. И. Этнокультурная ситуация на востоке скифского мира в III в. до н. э. / П. И. Шульга // *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology*. – 2016. – № 3. – С. 87–98.
33. Шульга П. И. Могильник скифского времени Локоть-4а / П. И. Шульга. – Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2003. – 204 с.
34. Шульга П. И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. Погребальные комплексы. Хронология и периодизация / П. И. Шульга. – Барнаул: Изд-во Алтайского государственного технического университета, 2010. – 238 с.
35. Яблонский Л. Т. Звериный стиль ранних кочевников Приаралья в контексте их исторического развития / Л. Т. Яблонский // *Stratum plus*. – 2015. – № 3. – С. 101–119.

Поступила в редакцию 10.01.2020 г.

MERIDIAL RELATIONS IN CHINA DURING THE III CENTURY BC AS A PRELUDE OF THE SILK ROAD

D.P. Shulga

This article introduces into scientific parlance the artifacts from central and southern China that are little known in Russian science and have clear parallels in the Scythian-Siberian animal style. Such findings allow the Russian-Taipei team of authors to put forward a number of reasonable assumptions about the evolvement of the meridional trade routes on the eve of the formation of the Silk Road.

Key words: kingdom of Chu, Scythian cultures, Silk Road, interregional communication, «animal style».

Шульга Даниил Петрович.

Кандидат исторических наук;
старший преподаватель кафедры Востоковедения,
ФГБОУ ВО «Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет».
E-mail: alkaddafa@gmail. ru.

Shulga Daniil Petrovich.

Candidate of Historical Sciences.
Novosibirsk State University.
Senior lecturer of Oriental studies Department.
E-mail: alkaddafa@gmail. ru.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 351.85 (477)

«ОЗЕРНЫЕ» МОТИВЫ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АКВАПОЭТИКИ: КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКИЕ РАКУРСЫ

© 2020. А.А. Агаркова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматриваются особенности претворения «озерной» образной темы в русской этноментальной картине мира в контексте ретрансляции (преемственности) русского культурного кода. Выявляется мифопоэтическая природа образа-символа. Материалом исследования, в частности, выступают произведения А. Лядова («Волшебное озеро») и И. Левитана («Озеро. Русь») в их характерной импрессионистической стилистической «оправе» на фоне воцарения культурных доминант русского Серебряного века. Показана специфика национальной импрессионистической манеры. Сделан вывод о встречающихся (визуально-живописных и музыкально-слуховых) путях очередной художественно-исторической рефлексии образа Руси-России периода «канунов и ожиданий» в архитектонике основных доминант национального культурного кода.

Ключевые слова: озерный образ, аквапоэтика, русская природная символика, культурный код, живописная и музыкальная импрессионистическая стилистика

«...Озеро-сердце, а Русь, как звезда.

В глубь его смотрит всегда!...»

Н. Клюев («Сердце единорога»)

Не секрет, что образ родной ойкумены не в малой степени создается и транслируется через оформление своей семиосферы, важной частью которой является создаваемая межпоколенческой культурной памятью система природной символики. Созидающие его многочисленные культурные тексты – как воплощение данного этноментального культурного кода – считываются (интерпретируются) современниками и потомками. Проблема исторической преемственности (ретрансляции) культурных кодов мировосприятия, куда в виде строительного материала всегда органически встроены особенности местной мифоархаики, житейской повседневности, художественно-исторического, религиозного и фольклорного опыта, оказывается особо актуальной на нынешнем этапе «пост-культуры», в условиях тотального расшатывания всей пирамиды коллективных идентичностей.

Это особенно важно и для современной педагогической практики, учитывая драматическую деформацию универсальных, вневременных опор культуры: все большее лишение новыми поколениями чувства укорененности, привязанности к *своему месту*: обжитому, защищенному жизненным опытом и судьбами многих поколений. Новый индивидуум (или, как отмечает А. Дугин: дивидуум – «разделенный» – с характерной разорванностью и фрагментарностью Я) цивилизации досуга (и «чувственной» суперсистемы – по П. Сорокину), подобно кочевнику, ищущий лишь личного комфорта и все новых благ, не отягощенный неутилитарными духовными потребностями, легко заменяющий мышление «поиском информации» – стремительно воцаряется в мире. Поэтому, в образовательной гуманитаристике столь значимо *образовывание* индивидуально-личностного мировосприятия в извечном треугольнике: человек-природа-культура. Семиосфера отечественного образования на

всех его этапах должна естественным образом включать многообразную этнокультурную палитру (когда, по словам Б.Окуджавы: «гимн цветку может стать гимном Родине»).

В отечественной научной гуманитаристике рассмотрение феноменологии символизации «матушки-природы» многогранно: в разномасштабном (национальном, региональном, городском и пр.) социокультурном дискурсе; с точки зрения разностилевого исторического отражения трансформации культурных идентичностей; в геопозитическом (геософском), фольклорном и художественно-эстетическом преломлении и пр. [1, с. 3-6]. В числе бесспорно значимой зарубежной классики данной темы отметим также работы Г.Башляра: «Вода и грезы» [2], «Психоанализ огня», «Поэтика пространства» и др.

Целью данной работы является рассмотрение «озерной» образной темы в отечественной этноментальной картине мира в разновидности художественной палитре.

Это, на наш взгляд, может быть использовано в художественно-образовательной практике в пограничье (и синэстезии) разных дисциплинарных содержательно-смысловых контентов (литературы, музыки, изобразительного искусства и т.п.). Указанная тема, еще недостаточно представленная, на наш взгляд, в отечественной гуманитаристике, будет затронута в общекультурном ракурсе на примере музыкального и живописного импрессионистических опусов А. Лядова и И. Левитана. При всей своей кажущейся незначительности и побочности в ней, на наш взгляд, по своему просматриваются пути переинтонирования русского образа на знаковом культурно-историческом перекрестке русской классики и модерна (эпохи «концов и начал», «канунов и надежд»).

У каждого народа – свой творимый строй (картина) сущего, своя особая культурно-символическая архитектоника первостихий (земли, воды, огня, воздуха) в оптике мифологического, профанно-обыденного, фольклорного или художественного мировидения. В кругу природного ряда символической палитры, отражающей русский культурный код – знакомые по большей части символы и знаки. В их числе: Степь (Русское Поле), Русский Лес, Русская река («Волга Матушка», «Дон Батюшка»), Земля-Мать, Путь-Дорога («Русь-Тройка»), Береза, Русский Медведь и пр.

Время может укрупнять, ценностно усиливать одни из них, параллельно умаяя, обесцвечивая или низводя до положения стереотипов и затертых штампов – другие. Символ, как отмечает А. Флиэр: «всегда обусловлен контекстом его употребления», собирая «как наиболее значимые, так и наиболее распространенные, часто встречающиеся феномены» [7, с. 53], оформляя узнаваемый, обжитой мир исконно *своих* символических образов. Только в этом, надстраиваемом над реальным, целостно-завершенным символическом мире человек и может расположиться, ощущать свою защищенность.

Как известно, символ – реликт архаических стадий развития мира, являясь «дорожной картой» вхождения человека в сверхбиологическую (социокультурную) форму существования. Символ, лежащий в основе социокультурной коммуникации, выполняющий самоидентифицирующую роль (в территориальном, социальном, идеологическом и пр. измерениях) и означающий способность и потребность человека к созданию, восприятию и декодировке предельно свернутых смыслообразов, является репрезентацией культурно-значимых ценностей и смыслов, формой саморефлексии культуры. В свою очередь, культурный код, по справедливому замечанию одного из исследователей, предстает в виде «понятийной сетки, с помощью которой носитель языка категоризирует, структурирует и оценивает окружающий мир и свой

собственный внутренний мир» [8, с. 97]. Именно он дает возможность к пониманию глубинного содержания происходящих и ожидаемых явлений и событий. «Натурфилософский» (и аквапоэтический, в частности) символический компонент занимает значимую роль в каждом отечественном культурном коде.

Конечно, в любой этнокультуре вода как один из первоэлементов мира, обладает широким спектром символических значений. Здесь: водный поток как необратимое течение времени (потери и забвения), водные глубины как неизведанное, таинственное лоно, остановка у текущей воды как состояние неопределенности, саморефлексии и выбора, омовение как снятие внешнего, постороннего и готовность вхождения (возвращения) к своему сообществу, вкушение воды из источника как внутреннее изменение и пр. Источник жизни, символизирующий очищение души и здоровья, мудрость и знание, она издавна восхищает человеческое сознание свойствами растворять в себе, обтекать любые препятствия и вновь воссоединяться, разрушая любую неприступную твердь. В свою очередь, Г. Башляр в знаковом культурно-философском исследовании говорил о «глубинном материнстве вод» и «гидрирующей психике» [2, с. 34]. Не секрет, что в мифопоэтике поглощение водой знаменует возвращение в первоначальное хаотическое состояние, с возможностью последующего возрождения. Вода, таким образом, разделяя циклы времен (как в тютчевских строках о «Последнем катаклизме»: «все зримое опять покроют воды и Божий лик изобразится в них») символизирует начало и конец сущего. Можно упомянуть и ее разное сезонно-временное восприятие (в природной круговерти): осенние воды, вешние, зимне-снежные метаморфозы – излюбленный мотив в художественной образности едва ли не всех эпох и стилей.

Амбивалентная, как и всякая другая из первостихий, воплощение женского начала и Низа мироздания (космоса), она совмещает мягкость и непреодолимую силу, будучи и самым дешевым и самым дорогим из напитков, которую человек боготворит, когда испытывает жажду и с легкостью выплескивает, когда ее утолит. Вода и разрушает и устанавливает границы, становится предпосылкой появления городов и цивилизаций («речные цивилизации»), а также техногенного разрушения вековых малых ойкумен и традиционных устоев. Даже пресловутый «стакан воды» как символ одинокой старости, не говоря уже о набивших оскомину «философско-житейских» рассуждениях о «наполовину полном или наполовину пустом» его собрате – характерный пример образно-символического «увлажнения» культурно-смыслового дома человека.

В кругу русской этноментальной природной символики, и «аквапоэтики» в частности, озерные мотивы воцарились уже давно, став неотъемлемым элементом отечественного мифотворчества. Таковы, к примеру, мотивы оводненности русского жизненного пространства как антитезы арабской опустыненности или характерной для русской ментальной природы чувственной «увлажненности» души («психеи» – по Гераклиту) в трудной борьбе «огненного» и «влажного» ее компонентов, рационального и интуитивного, движения «вверх» и «вниз».

Озеро, озерцо, озерки в отечественной топонимике; озера «голубые» (карстовые), соленые (Баскунчак), «озеро лотосов» (Волгоградская область), озерная цепь (Селигер), озера с северным сиянием (Сейдоозеро на Кольском полуострове)... – таково «многоозерье» русской природы.

Осмысливая метафизический мотив изоморфности микро- и макрокосма, Г. Башляр пишет: «Еще до всякой культуры мир лихорадочно грезил. Выходя из земли, мифы разверзали озера для того, чтобы земля, очами озер, гляделась в небо /.../ Мифы

сразу же находили человеческие голоса, грезящие о мире своих грез. /.../ Человек был словом этого макроантропоса – чудовищного тела земли» [2, с. 9].

Понятно, что озерные мотивы присутствуют в ментальных картинах мира многих народов, фигурируя в разных культурных обрамлениях (как, к примеру, Финляндия – «страна 1000 озер» или Шотландия с ее вереницей суровых северных озер). Своя геопоэтика этого образа складывается и у «ушибленного ширью» нашего соотечественника. Русский космо-психо-логос (Г. Гачев) рождает разные культурно-географические его модели, разную «метафизику», разное смысловое наполнение: степные озера (с открытостью внешних границ и отсутствием защиты), лесные (обращенные вглубь, пространственную глубину, лес-укрытие) и горные (холодные, ледникового происхождения, часто без всякой жизни на фоне фантастических пейзажей). Озера естественного происхождения («чаши с водой») и антропогенного (как результат преобразующей деятельности человека и «покорения природы»), наконец, затерянные в глуши и словно бы «одомашненные»: сожительствующие с крестьянскими поселениями и угодьями.

Озерные образы давно вплетены в отечественную художественно-поэтическую образность: от Г. Державина, где озеро ассоциируется со старостью – «озеро сткляно, утихнув от бурь...» («4 возраста») до поэтики Серебряного века (у Ф. Сологуба, М. Кузмина, А. Ахматовой, В. Хлебникова, Н. Клюева) и Бронзового века (А. Вознесенский «Озеро» и др.).

Оркестровое «Волшебное озеро» А. Лядова и «Лебединое озеро» П. Чайковского («наше все» в балете), «Озеро надежды» и «Гляжу в озера синие» (в отечественной массовой песне), «У озера» (знаковый фильм С. Герасимова о судьбе Байкала) – лишь немногие из историко-стилевых интерпретаций образа. А упомянутое «Лебединое» Чайковского – еще и образец вторичной семантизации в массовом советском сознании (как характерный телевизионный знак ухода очередного партийного вождя в последнее советское десятилетие). Даже уж совсем далекий от мифо-, гео- или арт-поэтики знаменитый советский напиток «Байкал» – наш ответ «их пепси-коле» – тоже (своей «настоящостью») легко встраивается в общий отечественный этноментальный культурный контекст.

Одну из ипостасей Руси – Святую Русь (в противовес Руси греховной, смутной, жестокой) – воплощает образ невидимого града Китежа на озере Светлояр с его потусторонним колокольным звоном, русской Атлантиды, отсылая к общемировому культурному архетипу-инварианту о затонувшем городе, соборе (старообрядческая легенда, запечатлевшая образ «исконной», «потерянной» Руси). Как проявление подобной иерофании в отечественном космосе – сакрализации своего пространства – укоренилась и традиция посвящения Образа Богородицы *рассеянным* локусам православной Руси (Владимирская, Казанская, Тихвинская, Смоленская ...).

Народным и художественным сознанием опозитизированы разные водные ипостаси: река – ручей – пруд – озеро – болото – омут... В отличие от образа реки-артерии («голубые дороги») с ее течением, протяженностью («издалека долго течет река...»), разветвлением на притоки и непостоянством-изменчивостью («нельзя дважды войти в одну реку»), итоговым впадением в море-океан, мифопоэтика озера как ничто иное воплощает пассивную умиротворенность водной женской стихии. Обозримость взором и завершенность, олицетворение русской глубинки в пространственно-территориальном и экзистенциальном измерении («Господи, это же ты! Вижу как будто впервые *озеро красоты русской периферии*» – у А. Вознесенского). В озерной глади (как опрокинутом голубом небе) в большинстве своем царит тишина, статика и

неподвижность (мотив «остановившегося» времени). Но, оно же и место превращений: моря – в озеро, озера – в болото, «золотых рыбок в золото», а лебедей – в девушек (опера «Садко» Н.Римского-Корсакова) и т.п. Озера образуют свои знаковые точки ориентации в собираемом взором путника ландшафте-пространстве.

Своеобразная интровертность образа, связанного с лирикой и созерцательностью (мотив «спящих вод»), естественно воплощалась в малых художественных формах, музыкальных и живописных миниатюрах. Давно признанная романтичность образа (не случайно ироничное название плеяды английских поэтов во главе с У.Водсвортом «лейкистами» или «озерной школой») влекла характерное наращивание дальнейшего близкого и устойчивого семантического ряда: озеро, лебедь, ночь, звезды, лес, чаша...

«Озеро – огромное спокойное око, – пишет Башляр, – вбирает в себе весь мир и творит из него мир» [2, с. 54]. «Глазовое озеро» прорисовывается позже в футуристическом словотворчестве В. Хлебникова. Озерно-лесная поэтика в отечественной картине мира исторически и ментально связана с мотивами отшельничества (монахи-староверы), чистоты и уединения (озеро как прибежище), военно-партизанских троп (с так и не прибранными шрамами-воронками, подобно Топоозеру в Карелии). Таким образом, здесь тоже по-своему отражается русский культурный код с его нерасторжимым единством сакрального (св. София, Вера) и героического (св. Георгий, защита, отвоевание). Поэтому, и военно-событийный ряд, связанный с образами Чудского и Ладожского озер неизменно столь значим в историко-патриотической символике Руси-России.

Как известно, русский культурный код включен в теллурический цивилизационный тип («цивилизация суши») с его историческим освоением территорий по берегам озер и рек. Это предполагает движение вглубь (в противовес талассократическому европейскому типу: с экспансивным движением вширь, к открытым морям и океанам) сопровождаемое внутренним единением в борьбе со сложной географией, непредсказуемым климатом и со стихией леса, у которого приходилось отвоевывать под пашню земли. Русская цивилизация с ее пространственно-территориальным разбросом селений, патриархальным общинным коллективизмом и неизбыточной мистической верой в сильное надличностное начало – цивилизация Деметры (именно отношения с Землей-Матушкой определяют сущность отечественной этнонациональной культуры). Знакомые каждому патриархальные мотивы (лишь с иллюзией сельской идиллии): нива, жнивье с расположенным неподалеку озером или рекой – оформляются в нормативный архетипический пейзаж русского коллективного сознания, равно как и три логоса: сакральный, воинский, крестьянский (троичная функциональная модель, «индоевропейский культурный код» – согласно концепции Жоржа Дюмезиля). Русский парадокс миролюбия и воинственности.

Связываемая с образом со-зерцательность (спокойное «зерцало» озерной глади) может быть прочитана и как потребность взглядывания и саморефлексии. Г. Башляр цитирует старинного автора Лессия, который связывал водные образы (озер, рек, наводнений) в сновидениях с особенностями психики флегматиков (так называемых «слизистых») [2, с. 20].

Зеркало (зеркальность) – свойство нашего воображения (как промежуточная инстанция между объективным и субъективным, «*l'imaginaire*», по словам Ж. Дюрана) и когда его не было, как предмета, им служила поверхность воды. В.Соловьев, характеризуя водную символику, отмечал: «Этот текучий элемент есть связь Неба и Земли, и такое его значение наглядно является в картине затихшего моря, отражающего в себе синеву и сияние небес. Еще яснее этот характер водной красоты в гладком зеркале озера или реки» [6, с. 74]

Русские озерные образы неизменно ассоциировались с тайной, заповедными местами, волшебством («там чудеса, там...») и всем сонмом пограничной – лесной и земноводной – мифофольклорной «нечисти» (Русалка, Леший, Водяной). Эстетическая амбивалентность, связанная с переживанием возвышенного чувства «при-родины» (Г. Гачев): и страх, и восторг («сладкий ужас»), возводит образ к другим этого же культурно-символического ряда – степь, лес, гора. Не случайно, архетипические мотивы тайны, чего-то исконного («старины глубокой»), первозданного страха, изначально присущие метапоэтике этого образа в современном, жаждущем сенсаций, масскультовом сознании легко конвертируются (профанируются) шоумейкерами в рассказы «очевидцев» о допотопных чудовищах и монстрах (вроде озера Лох-Несс в Шотландии).

Метафизика первостихий Воды и Огня в русской традиции обрела свои культурно-стилистические модальности. В музыкальном художественном контексте первый символ был в значительной степени сопряжен с фольклорно-сказочной поэтикой (таковы, в первую очередь, оперно-симфонические образы Н. Римского-Корсакова). Второй – символ Огня – будет активирован в высокой фазе художественного модерна в культурном обрамлении воцарившейся эзотерики, идей «очистительной катастрофы мира», теургии и мистерии (прежде всего, скрябинские манифестации «божественной игры» и богоборчества). Исходное шестизвучие «прометеева аккорда», из которого развертывается все звуковое пространство «Поэмы Огня» направляет игру воображения к мифообразу предмирного, дремлющего Хаоса, «космического тумана» в преддверии ожидаемой теургии.

Сказочная поэтика Ильмень-озера из «Садко» Римского-Корсакова (1897 г.) вплетена в общий «былинный» культурно-стилистический контекст оперы (как «условно-уставный сказ или распев» - по словам самого композитора). Не является тайной, что признанный «аквамаринист» создал разные ипостаси морской и озерно-речной водной стихии в разном же этнокультурном обрамлении (от томного покачивания волн в ориенталистской «Песне индийского гостя» до их сурово-северных накатов в «варяжской»).

«Озерная эпика» Римского-Корсакова исторически сменяется импрессионистским живописанием его ученика А. Лядова. Оркестровая миниатюра «Волшебное озеро» (сам он в шутку признавался, что не выносит музыки, длящейся более 5 минут) – великолепная иллюстрация к тому, как музыкальное восприятие активизирует внутренние представления, весь опыт и запас хранимых в слушательской памяти знакомых звуковых образов «Золотого века». Последнее предоставляет возможность улавливать в единичном и особенном очертания инварианта, оценивая создаваемые автором затейливые кружева ассоциаций в историческом диапазоне от музыкальных находок М. Глинки к новациям «кучкистов» и П. Чайковского уже в новом культурном контексте. Лядовское «Озеро» (1909 г.) было создано как часть своего рода оркестрового триптиха (наряду с «Бабой Ягой» и «Кикиморой») и, в свою очередь, воспринимается уже с учетом фольклорно-сказочных модернистских находок пришедшего на смену Серебряного века (прежде всего – авангардной неорархаики Ф. Стравинского). Так осуществляется саморефлексия нахождения в макротексте *своей* культуры, когда коннотации меняются, а смысловое ядро сохраняется.

Музыка как признанная душа-психея, мистерия-тайна – изначально важный носитель знания о целостности мира, где уже (как в современную постмодернистскую реальность) нередка практика и полного отсутствия звучания. «Музыкальное озеро», по словам самого автора: «картинно, чисто, со звездами и таинственностью в глубине. А

главное – без людей, их просьб и жалоб – одна мертвая природа, холодная, злая, но фантастичная, как в сказке» [1, с. 88]. Сладкий ужас-оцепенение и зловещее очарование. «Мертвое», обезлюдненное озеро, между тем, пронизано «русским духом», в нем подспудно ощущается какое-то народное лукавство, озорство и недомолвки. Это далеко от рафинированной импрессионистской музыкальной аквапоэтики К. Дебюсси и М. Равеля, по большей части лишенной значимой культурно-этнической определенности.

Исходная квинта и сложная вязь повторяющихся (рассредоточенных) микротем и микромотивов («волны», «звезд», «бликов», «всплесков», «водной ряби» и так далее) создают эффект расширяющегося, все обволакивающего пространства (метафизического «пространства созерцания»). Воплощение многомерного физического пространства в звуковых образах, которое и ранее по своему решалось композиторами разных эпох (например, «антифонными» эффектами в религиозных литургиях) станет одной из задач в дальнейших экспериментах авангардной музыки XX в. (Ч. Айвза, Д. Лигети, Дж. Кейджа и др.).

С замкнутой концентрической формой (АВСВ*А*) вкупе с пряной гармонией и новаторской оркестровкой, обилием соскальзываний и взаимопереходов (иллюзии превращений: сполохов, загадочных шевелений и неведомых шагов) возникает особая русская манера импрессионистического музыкально-живописного «развеществления» с характерным освобождением от власти мирского, профанного (исчисляемого) времени и выходом в сакральный пространственно-временной континуум. Раскрывая специфику различных этноментальных картин мира Г. Гачев, в частности, замечал, что если для одних народов важнее время (таковы, к примеру, немцы), то для других – все же пространство (русские) [5]. Воображение бесконечно достраивает образ, возводя единичное ко всеобщему, рождая «дивное звуковое чудо» (Б. Асафьев). «Простое лесное русское озеро и в своей незаметности и тишине особенно красивое, - отмечает ученый, – надо было почувствовать, сколько жизней и сколько изменений красок, светотеней, воздуха происходило в непрестанно изменчивой тиши и в кажущейся неподвижности!» [1, с. 88].

Знаменательно, что в экспериментальном (стереоскопическом) мультфильме советского периода И.П. Иванова-Вано «Волшебное озеро» (1979 г.) будет осуществлена попытка визуализации озерной образности Лядова в «общерусской» фольклоризированной стилистике (с привлечением материала и других музыкальных картин его упоминавшейся выше «трилогии»).

Импрессионистическая стилистика по-своему сближает музыкальный шедевр А. Лядова и последнее (казалось бы, тематически совсем не «волшебное») пейзажное полотно И. Левитана. В целом, сами варианты-интерпретации озерных образов на протяжении его недолгого творческого пути кажутся бесчисленными. «На озере (Тверская губерния)» (1893), «Озеро. Серый день», «Озеро. Сарай у лесной опушки» (1898), «Последние лучи. Озеро» (1898), «Озеро в лесу», «Озеро. Вечер», наконец: «Над вечным покоем» – далеко не полный ряд работ, навеянных этим смысловым содержанием.

И все же главное и последнее (считающееся, тем не менее, неоконченным) произведение позднего Левитана - «Озеро. Русь» (1899 г.), пейзажная «песня без слов», – по словам современников, – с привычным левитановским безлюдьем. В уже упомянутой импрессионистической стилистике художником воссоздан целостный, лирико-эпический образ Руси: озеро, крестьянские избы, белая колокольня, осеннее многоцветье желтой нивы и зеленого луга, отраженных в воде облаков. «Бесхитростное

красноречие» природы. Еще ранее (1889 г.) в «Пустыннике» М. Нестерова был превосходно отражен русский культурный универсум с «чарующим ужасом сверхъестественного» и умиротворенным благовестом Святой Руси (пейзажным фоном так же выступала зеркальная гладь северного озера).

Импрессионистическую технику позднего Левитана отличает не только излюбленная для этой стилистики игра света и воды, но и желание уловить меняющееся состояние атмосферы, подвижность воздуха, вибрации света (Так называемые «плэнерные» эффекты). Обращает на себя внимание эскизная манера фиксации настроений и динамичный (работа «чистыми» красками) мазок мастера, «звучность» и передаваемая именно цветом глубина («цветопись»). Присутствует ощущение некоторой фрагментарности композиции, не сочиненной, не заданной автором, а как бы рожденной случайностью выбора ракурса. И все же русское «впечатление» (*impression*) – от души, а не от «оптики» глаза, когда природа – выступает лишь поводом к миротолкованию. Как показывают исследования, русский импрессионизм исподволь уже рождался в недрах реализма от все более усиливавшегося «недовольства старой формой» (И. Левитан).

Целостный лирико-эпический образ Руси-России («чисто русский стиль пейзажа» - по словам А. Бенуа) в последней картине Левитана оказался знаковым: совмещением импрессионистической стилистики и монументализацией образа-архетипа. В дальнейшем, образ будет уже «рассыпан» в полиморфном семантическом поле пейзажного жанра Серебряного века: в мистическом пантеизме, эзотерике и театрализованно-декоративной архаике Н. Рериха, в мажорных пейзажных «симфониях» К. Юона и ретроспективных стилизациях «мирискусственников»...

Сама же импрессионистическая живописная манера в полной мере будет воплощена в творчестве В. Серова, К. Коровина и И. Грабаря.

В свою очередь, рожденная скорее как полушутливая импровизация и «каприз художника», музыкальная миниатюра А. Лядова, конечно же, никак не претендует на эпохальное подытоживание. Но в ней по-своему синтезированы открытые отечественной классикой Золотого века мотивы русской сказки, программной звукописи, народного мелоса, даже отзвуков колокольности, столь значимых для отечественной художественной поэтики. Уже не было места масштабным драматическим полотнам («народным драмам») в духе М. Мусоргского, сказочно-былинному эпосу Н. Римского-Корсакова и А. Бородина. Рассматриваемые озерные картины композитора и художника пришлись на «стыковое» время, межпоколенческий культурно-исторический перекресток в поисках новых форм и мотивов художественного самовыражения национальной культурной идентичности (и в преддверии грядущих социальных катастроф). Переосмысление своей культурной идентичности в новой модернистской стилистике через очередную саморефлексию своей подлинности, истоков, толщу народного корневища.

Конечно, современная масскультурная реальность все более подвергает отечественную семиосферу дальнейшему испытанию, десакрализуя и профанируя образность своего этнокультурного кода, в том числе и его озерный мотив. Об этом говорит как обилие модного сериального кинематографического материала с симбиозом мистики, любовной лирики и детектива («Колдовское озеро», 2018 г., «Мертвое озеро» 2019 г. и так далее), так и пейзажно-изобразительной продукции (со знакомым «попурри»: «лес-озеро-лебеди-церковь...», «Русь-Тройка» и т.п.) с трудно различимыми гранями между китчем, наивом (“*naïve art*”) и постмодернистской иронией (издевкой). А китч (с его эклектикой, ретроспекцией и серийностью), как

известно, легко ускользая от четких определений, используя любые материалы и «пародируя катарсис» (Т.Адорно), параллельно существует в любой культуре.

Таким образом, рассмотрение этнонациональной символики в разных художественно-стилевых контекстах позволяет глубже понять логику отечественного и общемирового культурно-исторического процесса, роль и метаморфозы символики своего культурного кода. В целом, исследования архетипических основ и стилистических метаморфоз русского «пейзажного видения» - в его разновидности художественной поэтике - остается неисчерпанным и столь же перспективным для последующей разработки в отечественной гуманитаристике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асафьев Б.В. О русской природе и русской музыке / Б.В.Асафьев Избранные труды. В 5 т. Т.4. – М., 1955.
2. Башляр Г. Вода и грезы / Г.Башляр. – М., 1998.
3. Бугаев В.И. Символы славянского искусства XX в. / В.И.Бугаев // Вестник славянских культур. – 2018. – Т. 1(47).
4. Букина Н.В. Культ воды как элемент пространства культуры / Н.В.Букина // Вестник УГУ. – 2008. – № 4.
5. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос / Г. Гачев. – М.: Академический проект, 2007.
6. Соловьев В.С. Красота в природе / В.С. Соловьев. Соч.в 2-х т. («Филос.наследие»). Т. 2 – М.. 1990.
7. Флиэр А.Я. О природе культурного символа / А.Я.Флиэр // Вестник МГУКИ. – 2016. – № 1 (69). – С. 52-56.
8. Степанова Н.И. Коды культуры: семиотический и культурологический аспекты / Н.И.Степанова // Идеи идеалы. – 2012. – № 1 (11). – Т.2.
9. Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических символов / А.Ханзен-Леве. – СПб, 2013.

Поступила в редакцию 12.02.2020 г.

LAKE MOTIVES OF RUSSIAN ART “AQUAPOETICS”: CULTURAL AND PHILOSOPHICAL ASPECTS

A.A. Agarkova

The article discusses the features of the implementation of the “lake” figurative theme in the national ethnocultural picture of the world in the context of the relay (continuity) of the Russian cultural code. The research material is the works of A.Lyadov (“Magic lake”) and I.Levitan (“Lake. Russian”) in their impressionistic style frame against the background of the accession of cultural dominants of Russian Silver Age. The specificity of the Russian impressionistic manner is shown. The conclusion is made about the opposite (visual-pictorial and musical-auditory) ways of the next artistic and historical reflection of the image of Russian of the period of “eve and expectations” in the architectonics of the main dominant of the Russian cultural code.

Key words: lake image, aquapoetics, Russian natural symbolism, cultural code, pictorial and musical impressionistic stylistics

Агаркова Анна Алексеевна

кандидат культурологии, доцент; доцент кафедры мировой и отечественной культуры ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
e-mail: agarkova.anna3710@gmail.com

Agarkova Anna Alekseevna

Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of Department of World and Domestic Culture, SEI HPE«Donetsk National University»
e-mail: agarkova.anna3710@gmail.com

УДК 17.022.1“652”

СТАНОВЛЕНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В КУЛЬТУРЕ АНТИЧНОСТИ

© 2020. *Е.В. Гришанова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье проанализированы особенности эстетической мысли эпохи Античности. Выделены основные философские подходы к трактовке красоты как эстетической категории. Сделан вывод о том, что в именно эпоху Античности были заложены фундаментальные основания для становления и развития последующей эстетики современной цивилизации.

Ключевые слова: эстетическая мысль, античная культура, прекрасное, искусство, художественное творчество.

*Культура – это, прежде всего, единство
художественного стиля во всех жизненных
проявлениях народа.*

Фридрих Ницше

Эстетическая мысль эпохи Античности является важнейшим аспектом социокультурного развития не только Европы, но и всей современной цивилизации. Античная культура представляла собой культуру государств, которые сформировались с III тыс. до н.э. по V век н.э. Прежде всего, это древнегреческая культура, представляющая собой важный этап развития художественного творчества. Именно в эту эпоху началось философское осмысление эстетических категорий и искусства как общественного феномена, многими мыслителями были высказаны базовые для последующих столетий идеи о существовании культуры как особого вида социально-антропологического бытия, отличающегося от природного мира.

Культурно-историческое бытие искусства, проблема эстетического идеала Античности всегда привлекали внимание теоретиков и историков культуры. Философская классика (И. Кант, Г. Гегель, М. Хайдеггер) особое внимание уделяла рассмотрению и анализу эстетического идеала как конститутивному элементу любого типа культуры. В советской научной литературе этой проблеме посвящены фундаментальные работы: В.Е. Давидович («Теория идеала», 1983), О.В. Лармин («Эстетический идеал и современность», 1964), Н.А. Ястребова («Формирование эстетического идеала и искусство», 1976). Среди зарубежных авторов следует выделить работу Э. Панофски («Смысл и толкование изобразительного искусства», 1999). Существенный вклад в концептуализацию проблемы стадийности и исторического единства в развитии художественного сознания разных эпох внес Г. Гегель. В работах А.Ф. Лосева и П. Флоренского была эксплицирована категория красоты, раскрыто ее культурно-историческое содержание на разных этапах развития греческого искусства эпохи античности, прослежена смена эстетических взглядов у теоретиков и практиков искусства. Эстетические и когнитивные ориентации античного искусства прослеживались как в собственно философских работах (В.П. Бранский («Искусство и философия. Роль философии в формировании и восприятии художественного произведения на примере истории живописи», 1999), М.С. Каган («Идеи эстетического воспитания», 1973; «Философия культуры», 1996), Ф.Х. Кессиди («Проблемы античной культуры», 1986). Вместе с тем во всем массиве научной литературы по интересующей

нас проблеме практически отсутствуют работы, исследующие влияние выводов философского сознания на художественную практику античной эпохи. Как правило, философские установки художественного сознания анализируются сами по себе, а изобразительные особенности ваяния и живописи рассматриваются сами по себе: вне сопоставления тех и других друг с другом. Вопрос о том, как воздействуют философские рассуждения таких великих философов, как Пифагор, Сократ, Платон, Аристотель, на эстетику как таковую оказывается не проясненным

Целью данной работы является выявления базовых особенностей развития эстетической мысли эпохи Античности как основного фактора, определившего эстетическое мировоззрение современной западной цивилизации.

Мировоззренческие корни античной эстетики являются мифологические представления. В античный период произошел расцвет и последующее падение рабовладельческого строя, которое явилось одним из наиболее ярких выражений культуры Древнего Мира. Первоначальный этап развития культуры складывался из элементов и уровней различных типов – природно-божественного и социального, магического и эстетического. Миф в силу своей вещественности весьма сильно нуждался в выражении в форме искусства. Мифология стала древнейшим историческим типом мировоззрения, «в котором различные представления о природе, обществе, человеке и его мышлении увязаны в единую образную картину мира, сочетающую в себе реальность и фантазию, естественное и сверхъестественное, мысль и эмоции» [5, с. 377].

Сам миф создавал воображаемую реальность, духовное инобытие, означавшее интуитивный поиск абсолютного смысла жизни. Через миф и ритуал происходила духовная инсценировка реального жизненного бытия. Миф означал наивное, эмоциональное восприятие и осознание мира. Первое мифосознание человека раскрепощало воображение и фантазию людей. Через миф происходила первичная эстетизация быта, как в реально-предметном, так и в духовном измерении. В первом случае – человек видел и осознавал всю красоту природы, принципы формообразования, и позже уже применяет их. В другом случае – вел интуитивный поиск единства и гармонии природно-божественного бытия. Игровая ситуация ритуала (с его единством музыкальной, мировоззренческой и зрелищно-танцевальной сторон) создавала ощущение свободы, полноты жизни, единства со всем сущим. Действительность антропоморфизмуется, то есть происходит как будто иллюзорное мифологическое «достраивание» бытия. Формируется эстетическая «обертка» всех элементов жизни.

Развитие античной эстетической мысли часто рассматривают как путь от натурфилософской, космологической эстетики (ранняя классика) к антропологической эстетике, эйдологической (высокая классика – V в. до н.э.) и, наконец, к эстетике позднего, эллинистического этапа. Древнегреческая культура была основана на двуединстве аполлонического начала, то есть чего-то светлого, рационального, что бы утверждало значимость умопостигаемого сущего, и дионисийского, то есть темного, мистически-иррационального, связанного с культом бога Диониса и Деметры, учением орфиков). Это учение возникло в VI веке до н. э. и носило эзотерический характер. Известный специалист по античной философии и, в частности, эстетике А.Ф. Лосев утверждал, что орфизм «никак не моложе Гомера» [4, с. 708]. Изначально орфизм воспринимался как просто народный культ и осмеивался различными философскими школами, но впоследствии его элементы использовались неоплатонизмом для создания собственной систематизированной космологии. Считалось, что орфизм стал

прообразом более поздних монотеистических религий, а, конкретнее, христианства, поскольку ознаменовал собой переход от многобожия к поклонению Единому Богу. Учение орфиков пришло в упадок еще в Античности, оставив после себя очень небольшое количество свидетельств.

Греки ставили на первый план наиболее значимые проблемы эстетики того времени. К ним относились: сущность творческого процесса, природа искусства, теория эстетического воспитания, а также отношение эстетического сознания к действительности. Они стали важным звеном в расшифровке анализа эстетических категорий. В космологической эстетике в представлении греков Космос пятеричен, иными словами, он состоит из пяти элементов (огонь, земля, эфир, вода и воздух). При этом Космос как природное бытие ограничен, чувственно материален и структурно и ритмически оформлен. Он олицетворял собой абсолютную красоту. Космологизмом являлось наглядно-чувственное, интуитивное представление Космоса. Фундаментом таких космологических эстетических теорий стали идеи милетских философов – Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена.

Изначально в греческой философии было важным само понимание Космоса, мира, а также внутренней сущности природы, ее первоначал. Поэтому не удивительно, что таких мыслителей, как Фалес, Анаксимандра, Анаксимена, позже уже и пифагорейцев, а также Гераклита стали называть «физиками». Именно дискуссии между «физиками» и «лириками» «показали несостоятельность и тех, и других на монопольное обладание истиной, так и необходимость более целостного развития культуры, взаимодействия науки и искусства, развития естественной науки о человеке в его индивидуальном и социальном измерениях» [1, с. 10]. «Физики» акцентировали свое внимание на характере мифологии, религиозном культе и языческих верованиях. А греческая мифология, по своей сути, была религией природы, которая строилась вокруг базового вопроса о том, «как произошел мир». Основным же отличием философского мировоззрения от мифологии являлось высокая роль разума, присущая философскому мировоззрению: если миф опирался лишь на эмоции и чувства, то философия – уже на логику и доказательство (ведь чувства могут быть обманчивы). Что касается сравнения философии и религии, то здесь следует указать, прежде всего, то, что философия характеризуется допустимостью свободомыслия: можно было оставаться философом, при этом критикуя любые авторитетные, в том числе, и религиозно-догматические идеи, в то время как в религии этого не допускалось.

Фалес являлся основателем милетской школы, один из самых первых выдающихся греческих ученых и философов. Фалес оставил большое научное и философское наследие. Он допускал наличие множества богов, считал центром вселенной Землю и представлял ее в виде плоского диска, покоящегося на воде. Мыслитель считал, что мир возник из единого первоначала и возвращается в него периодически (что наводит на мысль о параллелях между философией Фалеса и идеями китайского даосизма). Позже Аристотель, говоря о работах Фалеса, акцентирует внимание не на них самих, а подчеркивает отдельные косвенные сведения, связанные с данными работами. Главным достижением Анаксимандра (ученика Фалеса) стало то, что он первым вывел закон сохранения материи и доказал, что все вещи состоят из микроскопических элементов. Анаксимандр первым выдвинул идею о происхождении человека в результате эволюции от других животных, чем предвосхитил учение Ч. Дарвина. Говоря об Анаксимене, ученике Анаксимандра, нельзя ни сказать о том, что в своем изучении он впервые выдвигает идею о том, что все вещества на Земле – результат различной концентрации воздуха, считая, что воздух, сжимаясь,

превращается сначала в воду, затем в ил, а затем уже в почву, камень и т.д.). Также он проводил параллели между душой человека, которую он называл «психэ» и воздухом, которую он называл «пневмой», то есть «душой космоса».

Особое место в философско-эстетической мысли Античности и связанных с ней космологических воззрениях, занимает пифагорейская школа. У пифагорейцев математическое (астрономическое) познание было неотделимо от религиозно-мистического. Пифагорейцы первопричиной всего сущего считали число (всю окружающую действительность, все происходящее можно свести к числу и измерить с помощью числа) и выступали за познание мира через число. Пифагорейцы считали, что в школе система знаний должна включать систему о числах (арифметику), учение о фигурах (геометрию), учение о строении мира (астрономию) и учение о гармонии и теории музыки (музыку). Данная система, которая была заложена Пифагором, впоследствии просуществовала не одно тысячелетие. Пифагорейцы также являлись первооткрывателями числовых закономерностей музыки, то есть интервалов, ладов, а также определяли, что высота звука зависит от длины и частоты колебаний струны. Пифагорейцы в своем творчестве подражали музыке, чтобы настраивать души людей на позитивное состояние. Они впервые рассуждают о катарсической и воспитательной роли искусства (музыки). Пифагором был создан свод морально-этических правил, в котором излагались основы правильного образа жизни и пути к божественной мудрости. С годами они переписывались, и ученики Пифагора постоянно дополняли их все новыми правилами.

У Гераклита в основе сущего лежало первовещество – «вечно живой Огонь» (Божественный огонь, или Логос (Слово) Мира). Он считал, что суровая закономерность мира сочетается с изменчивостью сущего («все течет, все изменяется»). Ученый первым вывел закон единства и борьбы противоположностей – ключевой закон диалектики, который стал одним из наиболее весомых философских открытий у мыслителя. Гераклит признавал относительность окружающего мира, он считал, что в разных ситуациях один и тот же поступок человека может быть и хорошим, и плохим. Для Гераклита космос являлся произведением искусства, над которым можно было творить, и которое можно было изучать вечно. Именно ему должно было подражать все человеческое. Важным в космосе, а также человеческих отношениях он считал гармонию, которая должна балансировать в человеке и быть наивысшим ее благом. Поддержание гармонии в искусстве являлось важным фактором существования мыслителя. Гераклит считал, что эстетическая мысль греков не принижала роли художника-творца. Он высказывался о том, что «подражая природе, греческое искусство создавало произведения, в которых стройность и внутренняя согласованность частей превосходили прекрасное и гармоничное в самой природе» [2, с. 151].

На смену космологическим философско-эстетическим концепциям приходят антропологические, которые на первое место ставят бытие человека. При этом человек сам задает законы объективной действительности, а также устанавливает ценность их для себя. Сократ стремился заставить человека размышлять над простыми вещами. Добродетелью он считал человеческое знание, а этику он представлял, как этику индивидуальной моральной ответственности. Важным для мыслителя является то, что может принести человеку благо, и в числе этого он выделял добро и красоту. В красоте он видел человеческий разум, считая, что прекрасным может быть человек не только снаружи, но и внутри. Сократ ставил проблему отличия реального и идеального, прекрасной вещи и прекрасного самого по себе. Искусство он рассматривал в двояком аспекте: первообраз (красота как смысл) – образ и идеал–реальность. В контексте

своего принципа «Познай самого себя» Сократ ставил задачу понять сущность человека через его деятельность. Он считал, что в основании деятельности людей лежат всеобщие идеальные понятия, для обнаружения которых разрабатывает диалектический вопросно-ответный метод майевтики (метод, при котором собеседник сам смог бы найти истину). Мыслитель также рассматривает проблему духовной красоты, подчеркивая при этом тесную связь этики и эстетики, а также нравственного и прекрасного.

Философско-эстетические идеи Платона, как идеи его учителя Сократа, обогатили духовную культуру всего человечества. Мыслитель полагал, что красота должна постигаться не чувствами, а именно человеческим разумом. Между религией и идеализмом философии Платона существовала нерасторжимая связь. В этой связи была особенность, которая сообщала ей характер воззрения чисто античного, древнегреческого. Считалось, что религиозные источники платоновской философии неотделимы от мифологии. Мыслителю было свойственно мистическое понимание сущности художественного творчества, а конкретнее, момент творения, которое он называл состоянием экстатического умоисступления, одержимости. Мир искусства для Платона являлся миром «теней», из этого следовала низкая познавательная оценка искусства: оно обманчиво и препятствует подлинному познанию. Мыслитель полагал, что главную роль в искусстве занимала все-таки воспитательная функция, в которой мыслитель выделял поэзию и музыку.

Одним из величайших древнегреческих мыслителей был Аристотель, ученик Платона и учитель Александра Македонского. Идеи Аристотеля оказали беспрецедентное влияние на философскую и научную мысль Европейской цивилизации. Мыслитель считал, что цель человека заключается в счастье, которое достигается добродетельной жизнью, размышлением и обучением. Он утверждал, что прекрасное – это совершенная в своем роде вещь. Аристотель высоко оценивал познавательные возможности искусства, которые, как он считал, носят именно философский характер и являются более важными, чем история. Аристотель предпринял попытку классификации многообразия видов искусств. Им были выделены подражательные (миметические) и дополняющие (природу) виды. Философ разграничивал их на доставляющие чувственное удовольствие (музыка, живопись) и умственные подвиды (поэзия). Аристотель считал, что *мимесис* означал подражание чему-либо. В античной эстетике это считался основной принцип творческой деятельности художника. Теория Аристотеля включала в себя адекватное отражение действительности, деятельность творческого воображения, и идеализацию действительности. Как говорил мыслитель, «целью мимесиса в искусстве является приобретение знания и возбуждение чувства удовольствия от воспроизведения, созерцания и познания предмета» [3, с. 91]. Философ размышлял о компенсаторной роли искусства, выделяя в нем создание желанного образа жизни, указывающего путь к счастью, а также о воспитательной роли искусства, проводя связь искусства с моральным самосовершенствованием. Также Аристотель поднимал вопрос о неповторимости художественного произведения и о наличии у человека врожденных художественных способностей.

Таким образом, в Античности культура и искусство как ее неотъемлемый элемент, впервые стали объектами философской рефлексии. Культура понималась как существующая, в первую очередь, для того, чтобы удовлетворять художественные потребности людей, а также формировать ощущение эстетического удовольствия. Многие мыслители античного периода становились правдоискателями идей об

совершенной красоте, которая стала одним вечных философско-эстетических проблем человечества. Последующие поколения стремились к поискам истины и справедливости, а также к более разумной и совершенной жизни. В данную эпоху, по сравнению с другими древневосточными цивилизациями, был сделан принципиально важный шаг вперед относительно положения человека в обществе, осмысление художественного творчества. Иными словами, произошло формирование первой гуманистической традиции. Главное ее отличие состояло не только в степени влияния на народы Древнего Мира, но и в том, что сама культура Древней Греции никогда не забывалась и повлияла на развитие культуры Европы, а также всего западного мира в дальнейшем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Естественнонаучная картина мира: учебное пособие / [Е. В. Андриенко и др.]; под ред. Е.В. Андриенко. – Донецк: ФЛП Мезина В.В., 2018. – 420 с.
2. Кессиди Ф.Х. Философские и эстетические взгляды Гераклита Эфесского. 2500 лет со дня рождения. – М.: Изд-во АХ, 1963. – 164 с.
3. Краткий словарь по эстетике: Кн. для учителя / Под ред М. Ф. Овсянникова. М.: Просвещение, 1983. – 223 с.
4. Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян / Сост. А. А. Тахо-Годи; общ. Ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. – М.: Мысль, 1996. – 975 с.
5. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

Поступила в редакцию 25.03.2020 г.

THE FORMATION OF AESTHETIC THOUGHT IN THE CULTURE OF ANTIQUITY

Ye. V. Grishanova

In the article the main features of aesthetic thought of the Antiquity have been analyzed. The main philosophical approaches to the interpretation of beauty as an aesthetic category have been highlighted. It has been concluded that in the era of Antiquity the fundamental foundations were laid for the formation and development of the subsequent aesthetics of modern civilization.

Key words: aesthetic thought, ancient culture, beautiful, art, art creation.

Гришанова Екатерина Валерьевна

Кандидат философских наук;
кафедра философии
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
e-mail: katyushka.0312@mail. ru

Grishanova Yekaterina Valeriyevna

Candidate of philosophical sciences;
the Chair of Philosophy,
SEI HPE «Donetsk National University».
e-mail: katyushka.0312@mail. ru

УДК 130.2: 477

ЮЖНОРУССКОЕ БАРОККО КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ СТИЛЬ

© 2020. В.Н. Даренская

ГОУ ЛНР «Луганский национальный университет им. Т. Шевченко»

Статья посвящена исследованию культуры южнорусского барокко как мировоззренческого феномена и актуального источника духовного опыта для современного человека. Показана специфика базовых бытийных смыслов («образа мироздания») в южнорусской барочной культуре. Показано, что ценность барочного мировоззрения состоит в глубоком видении дисгармоничности мира, катастрофичности и парадоксальности бытия. Показан процесс мировоззренческой рецепции традиционной культуры в культуре барокко на основе синтеза с западноевропейскими культурными влияниями. Культура «казацкого барокко» рассматривается как важный источник формирования ментальности эпохи Просвещения.

Ключевые слова: южнорусская культура, барокко, мировоззрение, стиль, декоративность.

Барокко обычно определяется как общеевропейский художественный стиль XVI–XVIII столетий, который был основан в Италии. Барокко стало первым универсальным художественным направлением, который распространился во всех видах искусства – в частности, архитектурном поэтическом, изобразительном, музыкальном, театральном. Именно поэтому, как отмечают исследователи, хотя «стилистические формы барокко специфические», но «ему присущ особый синтез искусств, при котором архитектура, скульптура и монументальная живопись выступали в гармоничном единстве» [1, с. 149]. Культуру гетманской эпохи XVII–XVIII ст., сутки южно-русского (украинского) барокко принято считать второй «золотой эпохой» развития культуры в этом регионе. Авторитетные исследователи украинской культуры (Д. Антонович, Д. Чижевский, П.О. Билецкий, А. Макаров, В. Цвиркун, М. В. Ольховик, Е.В. Титар и др.), определяя основные культурные эпохи, которые были наиболее значимыми для формирования нашего культурно-исторического типа, наряду со средневековой культурой Древней Руси выделяют и культуру «казацкого барокко». В частности, Д. Чижевский пришел к выводу о том, что «украинский культурный тип в большой степени формировался под влиянием барокко» [11, с. 216]; а современные авторы делают вывод о существовании «барочного универсализма» как одного из высших достижений отечественной культуры [9]. Очевидно, актуальность дальнейшего исследования этой ключевой эпохи истории нашей культуры именно в мировоззренческом контексте.

Целью данной статьи является системное определение культуротворческой специфики южнорусского барокко как мировоззренческого стиля. Отдельными задачами в рамках этой цели является анализ ключевых символов и барочковых образов человека.

Термин «барокко» пришел в европейское искусствоведение не сразу. Сначала жаргонное слово «барокко» использовалось португальскими моряками для обозначения бракованных жемчужин неправильной, искаженной формы. Но уже в середине XVI века это слово появилось в разговорном итальянском языке как синоним всего грубого, фальшивого, неуклюжего. Поэтому сначала, как отмечают исследователи, «сам термин «барокко» распространился в эту эпоху как уничижительный эпитет, применявшийся к вычурного искусства прежних времен: причудливого, полного внутренних

противоречий, чужого строгим канонам классицизма» [4, с. 27]. Первым, кто использовал слово «барокко» для обозначения художественного стиля, был искусствовед Генрих Вельфлин. В книге «Ренессанс и Барокко», которую он выпустил в свет в 1888 году в Риме, Вельфлин определял барокко как наивысшую, критическую стадию развития любого художественного стиля: первой стадией являлась архаика, второй – классика, третьей – барокко. Поэтому «в трудах швейцарских и немецких искусствоведов Якоба Буркгардта, Генриха Вельфлина, Корнелиуса Гурлита в течение второй половины XIX века уже очерчивается видение барокко как самобытного стиля, для которого характерен динамический поиск символов, метафор и аллегорий; стиля, который культивирует скрытые контрасты и парадоксы, смелую художественную игру. Барокко оказывается альтернативой сдержанного и взвешенного искусства Ренессанса или Просвещения с культом нормы, симметрии, эстетической целесообразности» [4, с. 27].

В XVII веке барокко распространился в большинстве европейских стран, этот стиль занимал господствующие позиции в культуре Италии, Испании, Фландрии, Германии, Польше, Украине, России. Причем в одних странах подражали итальянским первоисточникам, в других – восприняли лишь отдельные, наиболее подходящие господствующим вкусам и художественным традициям особенности стиля. Эту черту отмечают и исследователи, утверждая, что «формы барокко, Ренессанса и других стилей по-разному проявлялись в различных странах, в соответствии с традициями их культурного развития» [10, с. 90]. Развитие культуры барокко на территориях Украины было связано с особенностями национального менталитета. Барокко во всех странах породило свои национальные школы, поэтому мы можем говорить о виртуозности и гедонизме итальянского барокко, драматизме испанского, мистицизме немецкого, романтизме французского, метафизичности английского и, наконец, героическом духе русского барокко. Но если в столицах, в первую очередь, в Петербурге, русское барокко было напрямую связано с работой западных мастеров и шедевры северного русского барокко общеизвестны (Петро-Павловский собор в Петербурге, шатры башен Московского Кремля и т.д.); то южнорусское барокко на землях Украины имело больше местного колорита и было теснее связано с влияниями ближайших стран Европы, в первую очередь, Польши.

Стиль барокко характеризуется аффектированной динамикой, патетикой, ему свойственны театральность, иллюзионизм, столкновение фантазии и реальности, широкое использование антитез, гипербол, сложных метафор, стремление к экзотике и необыкновенности. Также к важнейшим чертам барокко можно отнести подчеркнутую торжественность, пышная декоративность и экспрессию, грандиозность, интенсивность чувств, пристрастие к эффектным зрелищам, поскольку «в отличие от искусства Возрождения, основанного на чувстве меры, ясности и изящества, главными чертами барокко были зрелищность, великолепие, аллегоричность» [3, с. 128]. Также стоит отметить, что все эти характерные черты, в частности, проявлялись и в портрете эпохи барокко, поскольку «психология человека барокко была полна контрастов. Добро и зло в ней были рядом. Лица тех далеких людей достаточно близки между собой выражением сдержанного величия и успокоенных страстей, передают характеры этих разных людей без погружения в глубины их душ, однако и без обязательной в европейском искусстве внешней маски, как сильных личностей, как этого и требовало время» [8, с. 223].

В мировоззренческом плане барокко – это переход от эпохи Возрождения к новому мировосприятию, мышлению и типу творчества. В истории западноевропейской культуры барокко пришло на смену Возрождению, отрицая известной мере его

духовные открытия, мироощущение и миропонимание. Гармонично-уравновешенные, спокойные и гармонические формы Ренессанса, которые питались из чистого источника греко-римской античности, уже не удовлетворяли вкусам состоятельных высших слоев общества. Для героически-трагической, роскошной и громкой жизни эпохи барокко нужны были более величественно-пышные, богатые и выразительные формы архитектуры, пропитанные пафосом, величием, сверхъестественной декоративностью. Прежней сдержанной красоте здесь противопоставляют силу, уравновешенному спокойствию – стремительное движение, вместо гармонии – здесь доминирует неистовая борьба. Именно эти потребности могло удовлетворить новое художественное направление – барокко, «которому присущи пафос и высокопарная патетика, безграничная фантазия и мистика, глубокий интерес художников к внутреннему миру человека и материальному миру вещей. В нем сосуществовали образы античной мифологии и Библии, драматизм, аллегория и эмблематика» [1, с. 149].

Свою роль в формировании своеобразного барочного мировоззрения сыграли и естественнонаучные открытия XV–XVII вв., это «и переворот в астрономии, совершенный Коперником, Галилеем, Кеплером, и открытия в математике, физике, естествознании. В результате видимое стало представляться обманчивым (земля видится плоской, а на самом деле она имеет форму шара и т.д.), происходит необратимый психологический надлом – основа будущего стиля барокко» [13, с. 3]. Барочная культура – это своеобразная реакция на ренессансное мировоззрение, основанное на безграничной вере в разумность и логичность мира, его гармоничность, в то, что человек является мерой вещей. Мировоззрение XVII в. несет в себе ощущение трагической противоречивости человека и мира, в котором человек занимает вовсе не центральное место, а подчинен среде, обществу, государству. Характерные черты действительности вызывают у мастеров барокко как восхищение, так и большую печаль, беспокойство, попытку совместить противоположности. Поэтому реалистическое мировоззрение для барочного сознания нехарактерно. Мир в большинстве произведений предстает полным мистики, гипербол, темных метафор, трудно разгадываемых аллюзий, чрезмерно эмоциональных состояний, а порой и просто фантазмагорическим. Сознание того времени тяготеет к тайне и чудесам. Барочное мировоззрение связано с углубленным видением дисгармоничности и сложности мира, открытием катастрофичности и парадоксальности бытия, его непреодолимой конфликтности, с драматической метафизикой человеческой жизни как арены действия антагонистических сил, художественным усвоением динамизма всего существующего.

Для барочного мировоззрения также характерен взгляд на человека и мир как на огромный Театр-бурный и противоречивый, в то же время патетический и драматический. Это же отмечают и исследователи, что к “базовым составляющим барочного культурного кода залечивают метафору” мир-это театр (*theatrum mundi*). Театральные зрелища не только подражали окружающий мир – они раскрывали видение человеком барокко видимого мира как театра, где каждый человек является актером, что играет отведенную ей роль на сцене жизни согласно воле скрытого режиссера – Бога, а по окончании спектакля возвращается за кулисы, снимает чужое наряд и отходит в настоящий, реальный мир» [4, с. 28]. Формирование и распространение культуры барокко знаменовало утверждение взгляда на жизнь как на драму. «Каждое мгновение жизни – шаг к смерти», – утверждал император Тит в трагедии Корнелия «Тит и Береника». А если это так, то надо приукрасить каждое мгновение жизни, сделать ее не только духовно, но и чувственно насыщенной. Поэтому трагизм барочного мировосприятия органично переплетался с гедонизмом.

Рационалистам и прагматикам последующих эпох была непонятной такая склонность к колебаниям между жизнелюбием и аскетизмом – одна из определяющих черт барочного мировоззрения. Земное и духовное, грешное и святое, переплетены в этой культуре, составили яркий узор, который привлекал контрастностью и якобы ненормированной эстетической свободой.

На украинских землях европейское барокко приобретает свои специфические черты. Эта специфика формирования украинского барокко заключается в том, что научным и интеллектуальным центром в этот период становится Киево-Могилянская академия, первый восточнославянский университет, в котором был заложен теоретический фундамент поэтики барокко. Следует попутно заметить, что характер европейской барочной культуры был обусловлен «не только ее духовными основами; он зависел от социального фундамента больше, чем в случаях с другими культурными формами. Культуру барокко нельзя представить без определенных центров и центров; она связана с дворами князей и магнатов, центрами церковной организации, высшими школами, которые имели преимущественно духовный характер, и частично с малыми частными кругами духовно заинтересованных людей» [12, с. 81]. Философским системам профессоров Киево-Могилянской академии был присущ сложный синтез европейских социальных течений (гуманизма, Реформации, раннего просвещения) и автохтонной (то есть украинской) культуры, которая была основана на традициях княжеского периода. Основные мировоззренческие принципы этой яркой эпохи отразились в трудах профессоров Киево-Могилянской академии Феофана Прокоповича, Стефана Яворского, Григория Конисского. Центральным объектом барочной философии, эстетики и искусства была совершенный человек или «героическая личность». Поскольку, по мнению киево-могилянцев, человеческая душа состоит из трех частей – «животной, человеческой и Божественной», и эта расколотость души обрекает человека на бесконечные метания, сомнения и размышления, то жизненным определением «героической личности» является достижение разумного компромисса между импульсами каждой из трех составляющих души. Каждый может выбирать то, что ему ближе: или здоровье и силу, или почести, уважение, почтение и богатство, или же духовные добродетели и высшее блаженство – путь к Богу, но пытаться к уравниванию этих трех элементов. Главное – всегда побеждать страсти и сильные эмоции (аффекты), ведь истинная добродетель находится в золотой середине, и именно поиски этой середины заставляют человека вступать в конфликт с самим собой, порождают внутренний дискомфорт и раздвоенность. Именно эта двойственность по отношению к жизненным ценностям, эти вечные бросания между самоограничением и жизнелюбием отразились в мировоззрении и эстетических устремлениях человека эпохи барокко.

Уже в конце XVII в., преимущественно в Киеве и его окрестностях появились яркие новостройки, отмечены чертами стиля барокко, но их живописность и декоративность отличает их от западноевропейского барокко, поскольку «украинское барокко развивалось под влиянием норм архитектурной эстетики, с одной стороны, европейского барокко, с другой – народной. Вместе с тем оно является звеном в развитии общеевропейской архитектуры, составляя одну из национальных школ этого большого стиля» [5, с. 22-23]. Ведь эти новые формы украинской архитектуры возникли на основе древних традиций народной деревянной и древнерусской храмовой архитектуры.

Стиль архитектурного барокко предполагает большое количество украшений снаружи и внутри здания, сложность архитектурной конструкции, разработку сложных пространственных ансамблей, отличаются богатством декора. Пространственные

решения барочных сооружений чрезвычайно сложные, в планах преобладают криволинейные очертания. Стены зданий изгибаются, из них будто вырастают карнизы, фронтоны, пилястры, окна окаймлены наличниками разнообразных форм, ниши украшены статуями. Общее впечатление пышности и богатства дополнялось скульптурой, росписью, мраморной и бронзовой отделкой и тому подобное. Декоративные идеи и возможности барокко были близки к национальному украинскому искусству, которому присуща живописность композиции, гармония зданий с окружающей природой. Как метко отмечают исследователи, «декоративные украшения вносят в архитектуру украинского барокко элемент высокой поэтичности, одухотворяют ее формы. Они очень красноречивы, иногда риторические и многословны» [6, с. 216]. Барокко имело синтетический характер, охватив все сферы духовной культуры – архитектуру, литературу, изобразительное и прикладное искусство, музыку, театр. Это был универсальный стиль, особенности которого закономерно и глубоко оказались во многих звеньях духовной жизни общества. Поэтому справедливо мнение исследователей, которые утверждали, что южнорусское «барокко вобрало в себя весь богатый опыт европейского искусства, причудливо объединив его с собственными эстетическими принципами, пониманием прекрасного» [5, с. 10].

Сохраняя главные особенности западноевропейского барокко (изображение бурной действия, контрасты, символы и аллегории, широкое применение декоративных отделок; в литературе – стремление поразить читателя пышным, красочным стилем, патетичность), украинское барокко имело свои неповторимые черты. К особенностям украинского барокко можно отнести, во-первых, решающее влияние на формирование украинского барокко народного искусства, народных эстетических вкусов и идеалов, что привело к использованию традиций отечественного народного искусства с характерными признаками европейского барокко. Это отмечали и исследователи, утверждая, что для барокко характерно «внешний блеск, парадность, декоративность. В Украине наряду с “высоким”, аристократическим барокко существовало народное – мещанское, крестьянское, казачье» [7, с. 54]. Все это, в свою очередь, определяло многоцветие, контрастность, живописность, основанная на народной основе декоративность и главное – невиданная изобретательность форм. Поэтому исследователи отмечают, что «декоративность составляет одну из самых примечательных признаков украинского художественного мышления. И если бы барокко не имело бы никаких других заслуг перед украинским искусством, оно все равно заняло бы почетное место в его истории лишь потому, что именно ему суждено было наиболее полно передать присущий украинскому национальному характеру тяга к праздничности, поэтичности, вкус ярких красок, обильного растительного орнамента» [6, с. 211].

В отличие от западноевропейского, южнорусское барокко – не аристократический стиль. Если и есть в нем определенные элитарные мотивы, то только в литературе, а все другие виды барочного искусства имеют непосредственную связь с народным творчеством и народным сознанием. Как отмечают исследователи, «стиль барокко... на Украине благодаря особенностям ее исторической судьбы вылился в формы, во многом отличные от западноевропейских. В большей или меньшей степени памятники украинского барокко создавались на почве народной эстетики, что и определило их своеобразие. Вместе с тем украинское искусство XVII-XVIII вв. развивалось в плотном взаимодействии не только с искусством стран центральной Европы – западных соседей Украины, но и с искусством Русского государства, балканских народов и, в определенной мере, искусством стран ислама. Эти разнообразные художественные связи придали ему неповторимость» [2, с. 6].

По сравнению с Западной Европой стиль барокко на Украине распространился со значительным опозданием, в Украину он пришел на сто лет позже. Образцы стиля барокко приходили на украинские земли из Западной Европы, главным образом из Германии, Польши, Италии (именно здесь этот стиль и возник после Ренессанса) и Российской империи. Немецкие мастера (главным образом художники и граверы) прибывали через польские земли, а итальянские мастера барокко (в первую очередь архитекторы и маляры) прибывали в Украину несколькими путями: в основном через земли австрийской короны (куда входили также земли северной Италии) суше, также и морским путем через Крым и древние генуэзские колонии. Но лучшие итальянские архитекторы прибывали из Санкт-Петербурга. Высшее сословие зажиточной казацкой старшины создавали другие художественные вкусы и художественные потребности, ставили новые требования к искусству: изысканный стиль барокко как нельзя лучше выражал духовные интересы украинской казацкой старшины и духовенства, их стремление к рафинированной аристократичности. Известно немало выдающихся произведений архитектуры (преимущественно это были здания монастырей и церквей) и живописи, созданных на заказ казацкой старшины. Это же отмечают и исследователи, что «несколько десятилетий – незначительный хронологический отрезок времени, – заполненные чрезвычайным воодушевлением, величавые храмы – свидетели той поры, в которых достигнуто с могучей художественной силой, как в памятниках Киевской Руси, архитектурно-художественного синтеза, где живопись – росписи и празднично-красочные иконостасы и скульптура – наполняет и раскрывает архитектурный образ. С этого времени были созданы самые прекрасные иконостасы» [8, с. 173].

В этот период в южнорусских землях появились новые города, значительное развитие получили образование, книгопечатание, зародилась профессиональная музыка, популярностью пользовался школьный театр, а искусство и архитектура украинского барокко не уступали европейским образцам. Здесь «определилось два течения: первое было плотно связано с Петербургом, его художественными новостями, второе имело “архаичный”, подчеркнуто локальный характер. Заказ украинских меценатов... нередко выполняли архитекторы-иностранцы, работавшие в России» [2, с. 100]. Основывая монастыри, церкви, строя административные помещения, казацкая старшина имела в виду прежде всего достижения своих личных или сословных целей, но сохранившийся в этих памятниках дух народа дошел до нас как великое наследие.

Заключение. Подытоживая проведенный анализ поставленной проблемы, можно сделать следующие обобщающие выводы. Барокко как мировоззренческий стиль максимально соответствовал украинской ментальности с ее противоречивыми чертами – внешним спокойным достоинством и благородством, особой любовью к разукрашиванию, и вместе с тем, с внутренней дисгармонией и взволнованностью. Искусству барокко пришлось воплотить присущие украинскому национальному характеру противоположные начала: оптимистичность, которая выражалась в наклоне к торжественности, поэтичности, страсти к ярким цветам, густых растительных орнаментов, но вместе с тем, склонность к печали, грусти, оттенок легкой задумчивости и даже растерянности. Основными чертами художественного мышления этой эпохи стали метафоричность и «мудрая чувственность», которые выразились в особой декоративности, которая стала основой художественного мира «казацкого барокко». Изобилие отделки и декорирования выражало уверенность человека барокко в том, что человек появляется на этот свет для того, чтобы приумножить красоту этого Божьего мира. Кроме того, красота и роскошь мира материального – это не что иное, как отблеск красоты и совершенства рая.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Бароко // Мистецтво України: Енциклопедія. Т. 1. – К.: Укр. енциклопедія ім. М. Бажана, 1995. – С. 148-152.
2. Білецький П. О. Українське мистецтво другої половини XVII – XVIII століть. – К.: Мистецтво, 1981. – 192 с.
3. Дормидонтова В. В. История садово-парковых стилей. – М.: Архитектура, 2003. – 356 с.
4. Ісіченко І. Бароко – мистецький стиль і література доби // Дивослово. – 2010. – № 10. – С. 25-33.
5. Логвин Г. Н. Українське барокко в контексті європейського мистецтва // Українське бароко та європейський контекст. – К.: Наук. думка, 1991. – С. 20-31.
6. Макаров А. М. Світло українського бароко. – К.: Мистецтво, 1994. – 296 с.
7. Малий словник історії України. – К.: Либідь, 1997. – 312 с.
8. Овсійчук В. Класицизм і романтизм в українському мистецтві. – К.: Дніпро, 2001. – 346 с.
9. Ольховик М.В. „Бароковий універсалізм” в українському художньому мисленні. Автореф. дис. на здоб. наук. ст. канд. філос. наук. зі спец. „Естетика”. – КНУ ім. Т.Шевченка, 2005. – 16 с.
10. Свенціцька В. І. Український живопис XVI – XVII й XVIII ст. у контексті візантійських мистецьких традицій та західноєвропейського барокко // Українське бароко та європейський контекст. – К.: Наук. думка, 1991. – С. 87-99.
11. Чижевський Д. Сімнадцяте сторіччя в духовній історії України // Хроніка '2000. Український культурологічний альманах. – Вип. 37-38. – С. 202-216.
12. Чижевський Д. Слов'янське бароко // Слово і час. – 2004. – № 10. – С. 77-91.
13. Шкаруба Л. «Искусство неистовое, буйное, неумеренное»: художественное мышление барокко // Всесвітня література та культура в навчальних закладах України. – 2010. – № 6. – С. 3-11

Поступила в редакцію 08.02.2020 г.

THE SOUTHERN RUSSIAN BAROQUE AS AN IDEOLOGICAL STYLE

V.N. Darenskaya

The article is devoted to the investigation of South Russian barocco culture as a subject of philosophical reflection. The phenomenon of South Russian barocco culture analyses as a source of existential experience for contemporary man. The specific of constituting basic worldview senses and symbols in this culture (in particular, disharmony and paradoxality of being) are demonstrated here. South Russian barocco culture is viewed as a process of worldview transformation and as the grounds for creating of the mental type of age of enlightenment. The specific of constituting basic worldview images of South Russian barocco culture are demonstrated here.

Key words: barocco, South Russian culture, worldview, style, decorative.

Даренская Вера Николаевна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и социологии
ГОУ ЛНР «Луганский национальный
университет им. Т.Шевченко»
e-mail: darenskiy1972@rambler.ru

Darenskaya Vera Nikolaevna

Candidat of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Chair of Philosophy and
sociology, SCE LPR “Lugansk National University
named after T. Shevchenko”
e-mail: darenskiy1972@rambler.ru

УДК 18.159.95

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ТВОРЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ КАК ЭСТЕТИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА

© 2020. *О.М. Мазаненко*

ГОУК «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»

В статье предпринимается попытка представить структурный анализ творческого сознания с учетом межпредметных концептуальных научных взглядов в области философии, эстетики, психологии. Обоснована целесообразность включения в анализ психологического, деятельностного и экзистенциального компонентов творческого сознания как эстетического феномена. Автор приводит данные рационального истолкования и эмпирического исследования, психологического и деятельностного структурных уровней и приходит к выводу, что экзистенциальный уровень сознания не операционализируем, не схватываем объективно, его возможно только принять, описать и понять.

Ключевые слова: творческое сознание как эстетический феномен, психологическая структура, деятельностный компонент, экзистенциальный уровень.

Современное понимание творческого сознания как эстетического феномена целесообразно осуществлять с позиции целостного научного представления об идеях и разработках философов и ученых. Важно не упустить из вида то, что творческое сознание включает психофизиологические акты, разворачивающиеся в деятельности, в качестве квинтэссенции которой мы усматриваем те динамичные чувственные феномены переживаний, которые позволяют творцу ощущать себя субъектом со своей психологической реальностью в художественно-эстетическом творчестве. Далее предпримем попытку представить структурный анализ творческого сознания с учетом межпредметных концептуальных научных взглядов, включив в него психологический, деятельностный и экзистенциальный компоненты.

Опираясь на исследования С. Бондаренко, И. Павлова, В. Ротенберга, А. Ухтомского, в качестве основных физиологических детерминант творческого сознания можно выделить уравновешенность нервных процессов возбуждения и торможения, сформированность профессионально-художественных доминант, сенсорная открытость и сензитивность восприятия внешних раздражителей. Знания физиологических основ дают основание выяснить психический структурный уровень творческого сознания, а также психологические субъективные механизмы протекания творческого акта [17, с. 151].

На сегодня сформировалась отдельная отрасль знаний – психология творчества, на которую огромное влияние оказали, психоаналитическая теория З.Фрейда, аналитическая психология К. Юнга, индивидуальная психология А. Адлера, теория экономии энергии Ранка и Сакса, трансперсональной психологии С. Грофа и др., ключевым положением которых являются представления о ведущей роли бессознательного как движущей силе творческого сознания. В философской мысли оформилась концепция интуитивизма, а в эстетике для обозначения феномена бессознательной духовной способности полного слияния творца с объектом его творчества используют термин «эстетическая интуиция» (А. Шопенгауэр, А. Бергсон, Н. Лосский) [16, с. 67].

Заслуга ученых состоит в обозначении и исследовании (хотя часто в большей мере на мистифицированном уровне) целого ряда проблем творчества. Пожалуй, не

один из современных исследователей творческого сознания не обходит сферу бессознательного, в частности интуиции, инсайта, иррациональной чувственности творца, творческого подъема, вдохновения, транса, духовного откровения, которые обладают способностью перевода бессознательного на сознательный уровень, в пределах которого становится возможным рационализация, рефлексия и вербализация глубинного смысла бессознательных впечатлений и образов. И здесь уже речь пойдет о когнитивном плане, включающем ощущения, восприятия, мышление, воображение, память и внимание, а также об аффективной сфере.

Проблема ощущений относится к традиционным философским проблемам. Так, Демокрит ощущения понимал как единственный источник истины. Идею «непосредственного принятия» предмета с помощью органов чувств отстаивали Сенека, Марк Аврелий. Гоббс, Ламетри, Дидро, Гольбах, Гельвеций в традициях рационализма и эмпиризма центральной проблемой философии видят решение вопроса об интерпретации ощущений. В психологии ощущения трактуются как чувственное отображение отдельных свойств предметов и явлений объективной реальности, которая существует независимо от сознания, и появляется в ощущениях в момент воздействия на органы чувств. Не смотря на уверенную позицию рефлекторности ощущений как исходных единиц сознания, сложившуюся, прежде всего, под влиянием исследований И. Павлова, В. Бехтерева можно утверждать, что некоторые закономерности ощущений нельзя вписать в рамки ни отражательной, ни рефлекторной парадигмы. Речь идет о синестезии которую ряд авторов рассматривают как идею межчувственных связей, целостности и гармоничности человеческой чувственности (А. Баумгартен, Л. Выготский, Б. Галеев, Г. Гегель, М. Горький, Э. Ильенков, И. Кант, Л. Толстой, Л. Фейербах) [16].

Синестезию чаще всего связывают с межчувственными переносами, а в качестве примеров приводят литературно-поэтические, музыкально-цветовые образы, зрительно-слуховые комбинации, а также окрашенное переживание чисел, дней недели, периодов суток, времен года, возрастных этапов жизни. Так, у К. Бальмонта находим описание звуков как цветовых оттенков: «Флейты звук зорево-голубой, режущий свист, как ослепительно-белая нить, закручивается вокруг горла». О. Скрыбин приходит к мысли о синтетичности искусства, где музыкальная тональность отражается в определенных цветах. На этой идее построено создание симфонической поэмы «Прометей». К «синестетикам» можно отнести поэтов, художников, музыкантов, писателей, творчество которых достаточно разнопланово: В. Кандинский, Л. Толстой, М. Цветаева, В. Набоков, Б. Пастернак, А. Вознесенский и другие [1, с. 126].

Мы разделяем взгляд Б. Галеева на синестезию как сущностное свойство художественного сознания выносить художника за пределы воспринимаемого, которое помогает достраивать целостную эстетическую картину художественного произведения недостающими красками, звуками, запахами и др. Такой воссозданный эстетический образ далее включается в индивидуальную картину мира, формирует ценностное отношение к творческому процессу, художественному произведению, а также к себе как к личности творческой, созидающей. Анализ синестезии позволил продемонстрировать, что ощущение, понимаемое как отражение или рефлекс может приобрести новый смысл, поместившись в измерение сознания как эстетического феномена [8, с. 74].

Если об ощущениях говорят как об отражении отдельных свойств предметов и явлений действительности, то восприятие принято трактовать как целостностную субъективную картину мира, возникшую в результате отражения действительности.

Ощущения и восприятия являются фундаментом для создания новых образов и представлений. В связи с этим, особое значение для творческого сознания художника приобретают сензитивность восприятия; острота перцептивных процессов, наблюдательность; способность замечать скрытое, неявное; нестандартность восприятия; способность выходить за рамки привычного видения.

Для Г. Мерло-Понти восприятие является феноменом, в котором осуществляется жизненная связь человека с миром. Опираясь на материал психологии (синтез гештальтпсихологии с бихевиоризмом), мыслитель объясняет «тотальный контакт» человека с миром, который осуществляется всей «поверхностью нашего бытия» именно через восприятие [13, с. 60]. Е. Капичина, анализируя гуссерлевскую концепцию, отмечает, что эстетическое восприятие, с одной стороны, предполагает выявление сущности воспринимаемого предмета или смысла произведения, а с другой – осознание самого акта переживания воспринимающего сознания. Иначе говоря, выделяется восприятие и воспринимаемое как интенциональный акт и интенциональный предмет, как ноэсис и ноэма, т.е. сами акты сознания и смысл этих актов. Отметим, что большинство феноменологов (Р. Ингарден, М. Дюфренн, Н. Гартман, Г. Мерсман, А. Лосев, Г. Шпет и др.) придают проблеме восприятия ключевое значение. Восприятие в контексте феноменолого-эстетической теории играет сущностную гилетически-ноэтическую роль в структуре переживаний сознания личности [7, с. 29].

Творческое сознание как эстетический феномен включает рациональный компонент мышления. Важно различать критическое мышление, направленное на проверку предлагаемых вариантов с целью определения возможных областей их применения и творческое мышление, результат которого связан с открытием принципиально нового или усовершенствованного варианта решения задачи.

Любопытна кубическая модель интеллекта Дж. Гилфорда, в структуру которой включено конвергентное мышление (идет по одному руслу и находит одно решение, проявляется в алгоритмичных конструктах, функциях, схемах, системах, паттернах) и дивергентное, творческое мышление (позволяет увидеть вариации в решения проблемы, обычно дает неожиданные решения, проявляется в подвижности, пластичности и оригинальности) [16, с. 74].

Дивергентное, собственно, творческое мышление тесно связано с воображением. Творческое воображение, в отличие от репродуктивного, воссоздающего использует специфические приемы создания новых творческих образов. Реализуя творческий замысел, художник прибегает к аналогиям, акцентированиям преувеличениям или преуменьшениям, а также приемам аглютинации и типизации. Л.С. Выготский подчеркивает, что воображение трансформирует ранее собранные впечатления в новые, доселе не существовавшие образы [2, с. 35]. Благодаря творческому воображению возникают принципиально новые объекты, образы, идеи, которые не имеют пока прообразов в реальной действительности, хотя и опираются на элементы реального мира.

Следующим когнитивным процессом, включенным в структуру творческого сознания является память. Эффективной комбинацией характеристик развитой памяти для творческой личности являются скорость запоминания и высокая прочность ассоциативных связей. Особую роль в творческом сознании как эстетическом феномене играет эмоциональная и образная память.

В структуру творческого сознания входит процесс внимания. Д. Бротбент считает, что та информация, на которую оно не направлено, игнорируется и до сознания не доходит. Учитывая то, что сенсорная информация от органов чувств поступает по нескольким каналам, внимание трактуется как избирательный фильтр, который

включается в момент обнаружения и распознавания, дополняясь информацией из памяти. Система, в которой движется информация, имеет некое «узкое место», в котором внимание, опираясь на определенные физические характеристики (громкость звукового сигнала, высота голоса), выбирает какое сообщение обрабатывать [16, с. 185].

Помимо когнитивной сферы творческого сознания, важной его составляющей является аффективная сфера личности. Нами было обнаружено, что в риторике исследователей часто происходит подмена понятий аффект, эмоция, чувство. Для нас дифференциация этих понятий принципиальна.

Итак, аффект понимается как ситуативная психическая реакция на стимул, мобилизующая психо-физическую витальную силу субъекта. Другими словами, аффект – это живость (*liveliness*), которая получила «толчок» или «стимул». Стимул воздействует на субъективную психо-физическую витальную энергию и приводит ее в движение через сознательное или бессознательное восприятие значимости стимула для поддержания витальности. Аффекты, безусловно связаны с жизнью, но как отмечает А. Лэнгле, в отличие от эмоций они не персональны. Он отмечает, что благодаря эмоциям человек из просто существующего превращается в живущего. Если эмоции не включены в измерения экзистенциональной позиции, то они поверхностны, не содержат искренности, и больше напоминают аффект – то, что можно обозначить как эмоции ради эмоций. Истинные эмоции всегда указывают на ценности, которые важны для реализации человеческой свободы, ответственности, для постановки цели, обретения смысла в конкретной ситуации и в жизни в целом [10, с. 132].

Высшей формой развития эмоций выступают *чувства*. Чувство – это более сложное, чем эмоции, отношение личности к тому, что она познает и делает, к объекту своих потребностей. Чувства устойчивы, длительны, социально обусловлены и представляют собой высший продукт культурно-эмоционального развития человека. Особым видом чувств выступают *эстетические чувства*, которые возникают и развиваются при восприятии и создании человеком произведений искусства, картин природы и т.д. Эстетические чувства как продукт культурного развития человека являются показателем социальной зрелости человека. В чувствах, связанных с художественным творчеством, помимо эстетического наслаждения, может отражаться сложная гамма отношений как к чему-то прекрасному или безобразному, трагическому или комическому, возвышенному или пошлому, изящному или грубому [19, с. 68].

В творчестве художника особенно важными является доступ к эмоционально-чувственным переживаниям, без которых субъективные переживания часто описываются как отсутствие вдохновения, творческий ступор, застой, кризис и т.д. В таком случае в попытках продолжать творчество начинают доминировать аффекты как автоматическое поведение, в котором отсутствует выбор и принятие решения. А. Дамасио подчеркивает, что эмоции и чувства мы как бы «приглашаем». Человек открывает себя внутренне для эмоций и чувств, тем самым проявляет интерес к тому движению, которое он обнаруживает внутри себя, связанное с принятием решений и свободой [10, с.132]. В связи с изложенным, аффекты мы будем рассматривать как компонент психологического структурного уровня творческого сознания, а эмоции и чувства отнесем к экзистенциональному.

Итак, к психологическому уровню душевных способностей к художественному творчеству были отнесены физиологические, интуитивные, когнитивные и аффективные процессы. Следуя риторике В. Лекторского, их можно рассматривать как элементы или звенья отражения окружающей действительности и ориентации во внешнем мире. Эти звенья, заключенные внутри человеческого «Я» определяют

характер активности человека [8, с. 74]. Трансцендентность творческого сознания как эстетического феномена состоит в выведении психологических составляющих на следующий уровень творческого сознания – деятельностный. Здесь на первый план выступает потребностно-мотивационная составляющая сознания, целеполагание, последовательно разворачивающиеся этапы творческого сознания в процессе создания художественного произведения. Это предметно-ориентированный, практико-деятельностный уровень творческого сознания, ядром которого являются профессиональные знания, умения и навыки. Здесь важны этические правила и социальные навыки. Деятельностный уровень анализа позволяет переместить фокус внимания от субъективно-психической системы к деятельностно-материальной как воплощению замысла художника в эстетическом продукте.

Анализ философских, эстетических и психологических концепций творческого сознания позволил определить, что в деятельностный уровень могут быть отнесены влечения, потребности, мотивация, уровень развития способностей (одаренность, талант, гениальность), креативность, знания, умения, навыки. Остановимся на одном из горизонтов анализа деятельностного уровня творческого сознания, представленном в трудах исследователей как изучение этапов, стадий, шагов творческого акта. Чтобы понять, каким образом сознание художника разворачивалось в процессе создания произведения, нужно, по словам Л. Толстого, воспроизвести весь творческий процесс от начала до конца [18, с. 26].

Так, Б. Лезин считает, что сознание художника последовательно разворачивается в трех стадиях творчества – труда, бессознательной работы и вдохновения. Рибо называет такие стадии творчества: зарождение, вынашивание, появление на свет и окончательная отделка. Г. Уоллес определяет стадии подготовки, инкубации, озарения и проверки. Очевидно, что во всех названных стадийальных представлениях о творчестве прослеживается объединяющая идея об участии сознательного и бессознательного начала. Интуиция запускает работу бессознательного, в котором зреет и оформляется идея, которая затем в гипотетическом виде поступает в сознание, что переживается творцом как озарение, инсайт. Затем наступает реализация идеи, осуществление задуманного, проверка, что в описаниях авторов чаще всего выглядит менее творческим, в большей мере представлено как механическая производственная деятельность.

Все попытки структурировать художественное творчество, Б. Кроче называет «эстетической астрологией» с присущими ей тенденциями навязывания «золотого сечения» и нивелирования индивидуального. Он предлагает опираться на эстетику чувственной природы сознания: впечатление, которое перерастает в вдохновение; выражение, которое продуцируется в замысел, эстетическое наслаждение и перевод на тот язык, который позволяет исполнить задуманное. Многие авторы не признают разделения творчества на этапы, усиливая понимание целостности, неделимости и текучести творческого сознания (М. Вертгеймер (1945); Ж. Адамар (1945); J.E. Eidhoven, W.E. Vinacke (1952); Д. Кэмпбелл (1960); W.E. Chiselin (1963); T. Amabile (1966); J. W. Getzels, M. Csikszentmihalyi (1976); D.K. Simonton (1988); Т. Любарт (2003) [4, с. 92].

Нам видится, что все попытки структурировать творчество подчинены эстетическому стремлению человека к гармонии, однако мы также придерживаемся позиции целостности, безоперациональности процесса художественного творчества. И несмотря на то, что ни одна из теорий не видится нам удовлетворительной, нельзя считать все попытки создать стройные системы этапов творчества бесполезными. Они

позволяют увидеть тенденции переживаний и продвижения собственного творчества как уникального эстетического опыта познания действительности, рефлексии и самосознания своего участия в универсальном процессе человеческого культуротворчества. Это попытка придать чувствам, которые являются центром художественного творчества некое рациональное звено, организацию и осмысление.

Так, И. Кант пишет, что поэзия есть игра чувств, в которую рассудок вносит систему: поэтическое творчество есть игра чувства, руководимая рассудком, красноречие – дело рассудка, оживляемого чувством. Это ясно осознавал и крупнейший писатель XX столетия Томас Манн, который создал цикл статей и очерков “О себе и собственном творчестве (1906–1954)”. Манн пытается пролить свет на то, как формируется замысел и ход его воплощения в процессе творчества в законченное художественное произведение. Писатель приходит к выводу, что произведение искусства и есть тот развернутый во времени и пространстве, зафиксированный в языке данного вида искусства процесс творчества, который одновременно демонстрирует и “что” в нем содержится и “как”; оно создается, тем самым возбуждая у читателя, зрителя процесс сотворчества, необходимый для эстетического восприятия любого произведения искусства [16, с. 268].

Не смотря на несостоятельность привязки творчества к определению его этапов, произведенный анализ позволил выделить ряд принципиальных позиций, относительно деятельностного компонента творческого сознания. Творчество начинается и завершается спонтанно, для его осуществления необходимо движение сознания от интуитивного проблеска идеи через осознание, представление и планирование к активной созидательной, создающей новое деятельности. Затем это еще более широкий план социального взаимодействия с реципиентами и после переход во внутренний план, но уже нового порядка, экзистенциальной позиции анализа, принятия. Следующий акт творчества, повторяя направление движения и развития творческого сознания, не может копировать, повторять предыдущий, так как он опирается на новый опыт, уникальные переживания, состояния. Здесь особо следует выделить феномен трансцендентности творческого сознания – перехода из внутреннего плана во внешний и обратно. Если не состоится переход во вне, то творческая деятельность превращается в прожект. Если же сознание творца не перенесет его из внешнего, социально-ориентированного плана во внутренний план переживаний, анализа и принятия по поводу свершившегося результата творчества, то сложно будет говорить о становлении, развитии творца, получении им нового опыта творчества, непрерывного движения как существования, экзистенциальной позиции творца.

Такой исследовательский путь разворачивает нас к экзистенциальному уровню анализа творческого сознания как эстетического феномена, в который мы склонны относить эмоции, чувства, как было отмечено ранее, а также переживания, ценности, смыслы, опыт.

Опираясь на концепцию О. Больнова, отметим, что переживания экзистенциального уровня не обнаруживаются в предыдущих феноменах психологической и деятельностной структур. Достичь уровня сознания «самобытия» художник может только внутренне проживая весь путь опыта, который в каждом творческом акте неповторим и уникален. Подлинное творчество по Новалису лежит в бесконечности внутреннего «я» как чувства, противостоящего системности разума. Экзистенциальный уровень сознания в сопряжении, на стыке, в совпадении или противостоянии человека и мира, а потому этот уровень наделен культурноантропологическим, социокультурным значением. А потому творческое

сознание сконцентрировано на фундаментальных проблемах бытия, общих знаниях о человеческой природе [21, с. 108].

В центр экзистенциального уровня творческого сознания помещен феномен «переживания», который является ключевым для феноменологии и экзистенциализма, однако имеет некоторые отличия в трактовке. По Э. Гуссерлю, сознание есть наш опыт в переживаниях, феномен. Причем важность приобретает опыт не столько как философская категория, а опыт конкретного человека. Примечательно то, что опыт принято понимать как процесс. Но если задаться целью описать этот процесс как деятельность сознающего субъекта, то мы приходим, собственно к описанию переживаний. Переживания интенциональны и могут состоять из пассивной чувственности (гиле), духовной активности (ноэзис) и смыслового компонента (ноэма) [3, с. 28]. На наш взгляд, эти позиции подтверждают правомочность выделения в структурном анализе творческого сознания психологической, деятельностной и экзистенциальной составляющей.

В экзистенциальной философии внимание мыслителей сосредоточено на тех событиях, которые переживаются как экзистенциальный опыт и затем осознаются как таинство бытия. Очевидно, что такие переживания случаются значительно реже. Для нас важно понять, какие переживания, связанные с творчеством можно отнести к экзистенциальному опыту. В данном контексте интерес для нас представляют взгляды позднего Ж.-П. Сартра.

В своих незавершенных размышлениях о Флобере он устраняет понятие «сознание», заменив его на «переживание». Такой ход он предпринимает для усиления позиции существования человека как присутствующего в своем опыте и с самим собой, понимающего мир и себя, и в более широком горизонте – принимающего радикальное решение о своем способе быть в мире. Мыслитель пишет: "Введение понятия переживания есть усилие сохранить это «присутствие с-собой», которое кажется мне обязательным для существования всякого психического факта, присутствие в то же время столь непрозрачное, столь слепое для самого себя, что оно есть также «отсутствие себя»». В этом смысле экзистенции являются предпосылкой, условием и основой рефлексивной и рациональной деятельности сознания человека, обеспечивают единство человеческого опыта и конституируют «имманентное», «предварительное» единство человеческой жизнедеятельности [15, с. 98].

Здесь важной выступает мысль о дорефлексивности и иррациональности экзистенциальных переживаний. Мерло-Понти определяет экзистенцию как бытие, которое «существует, понимая». Экзистенциальные переживания творческого сознания как эстетического феномена в духе идей Мерло-Понти, выглядят как онтологически первичные по отношению к рацио. Это нерациональный, нерелексивный способ постижения, а вернее понимания бытия и себя через специфическое движение, раскрытие и явление миру собственной субъективности в художественном произведении.

Нередко, включаясь в понимание экзистенциального, мыслители употребляют в артикуляции термин «таинство». Так, у М. Пруста таинство переживаний описаны как поглощающие чувства, состояния, которые выглядят как «параллельная реальность», не связанная с рациональной стороной жизни. Образы, чувства, впечатления, идеи, воспоминания, сновидения – вот тот иррациональный опыт, который Пруст воспроизводит не вдаваясь в рефлексивную реконструкцию событий, как-бы предлагая увидеть в чистом виде, заново, это то, что М. Мамардашвили называет «живым опытом», путешествием в себя, следованием по вехам своего жизненного опыта [11,

с. 21]. Такое путешествие спонтанно, уникально в том плане, что возможно только здесь и сейчас и только у конкретного человека. Оно быстротечно и непостижимо, а потому, по мнению Г. Марселя является ничем иным, как таинством. Он отмечает, что «...есть некая часть нашего существа, которая иногда становится нам доступной силою каких-то странных и, возможно, не совсем осмысленных нами обстоятельств. Ключ дается нам на мгновение. Через несколько минут дверь вновь закрывается, ключ исчезает» [12, с. 133].

Таинство экзистенциальных переживаний неизменно сопровождается атрибутом непостижимости. Речь идет о невозможности объяснения причинно-следственных связей некоторого опыта человека в терминах рациональных когнитивных схем или в границах каких-либо согласованных мнений. К такому сложному, многомерному опыту относятся творчество, и особенно творчество в сфере искусства. Так, все попытки понять движение творческого сознания в процессе создания художественного произведения показали, что описанию и выведению закономерностей (и то относительно) могут быть подвергнуты только моменты воплощения замысла. А вот зарождение идеи, инсайты – это те таинства, к пониманию которых, по-видимому, человечество еще не готово. Обращение к таинству экзистенциального опыта всегда разворачивает исследователя к категории смыслов, которые в современных исследованиях отечественных ученых, прежде всего философов, психологов зачастую рассматриваются как универсальные механизмы работы сознания.

Согласно концепции А. Леонтьева, субстратом сознания выступает система его значений, данных в единстве с личностными смыслами и чувственной тканью [9, с. 112]. У В. Зинченко сознание выглядит как взаимодействие биодинамической ткани движения, действия и чувственную ткань образов с одной стороны, и как значение и смысл – с другой. Т. Буякис предлагает рассматривать смыслы как становление самопонимания как новый опыт коммуникации с самим собой [4, с. 92].

Л. Выготский, описывая творчество художника, отмечает, что тот буквально переживает смысл мгновений, открывающихся в нем, осознавая полноту жизни. Анализ автобиографических описаний творческих людей указывает, что наиболее сильно переживаются моменты, которые сложно поддаются рационализации, а именно: инсайты, зарождение идей, вдохновение. Таким образом, смысл творчества в первую очередь переживается, осуществляясь в нем, а не привносится извне в качестве некоей максимы или формулы [2, с. 25]. Подтверждение данному тезису находим в риторике В. Франкла Он подчеркивает, что смысл может быть выстрадан и достигается в переживании. Смысл это знание-переживание, или как его называет В. Франкл «живое знание» [19, с. 68].

В. Знаков экзистенциальный уровень творческого сознания называет особым «органом бытия», включающим собственный разум, интуицию, совесть, чувство, голос, зрение, слух собственного бытия. Он находится в непрерывном контакте с глубинами нашей жизни, которые в большей степени доступны самопониманию, чем самопознанию. Такое самопонимание, с одной стороны, характеризуется меньшей осознанностью, но с другой – более явным субъективным ощущением глубины, невысказанности и потенциальных возможностей развития собственного Я» [5, с. 65].

Смыслы появляются в сознании как синкретические представления, которые не поддаются аналитическому расчленению на звуковые, цветовые, пространственные, тактильные, эстетические и т.д. Любопытно, что Дж. Гибсон для определения такой целостности смысла использует термин «ощущаемый смысл». В нем сначала происходит надстройка сенсорного уровня, который предполагает ощущения разной модальности. Затем подключается психосемантический уровень, на котором смыслы

представлены в вербальных и знаковых формах, в форме символов, образов, символических действий и т.д. Это уровень предметной деятельности. Далее эти смыслы вплетаются в представления о таинстве бытия, переходя на экзистенциальный уровень [9, с. 168]. В концепции Гибсона мы еще раз нашли подтверждение правильности определенного нами структурного анализа творческого сознания.

Очевидно, что экзистенциальный уровень творческого сознания это наиболее сложная область постижения, в отличие от психологической и деятельностной составляющей не может быть подвержен рациональному объяснению и эмпирическому исследованию. Однако непостижимость не означает принципиальной невозможности понимания. Для нас ключевой позицией является то, что творческое сознание – то таинство, загадка, без разгадывания которой его понять нельзя. Важно определиться, в каких координатах мы будем пытаться понимать это таинство. И здесь намечается интересный методологический путь: для исследователя творческое сознание выглядит как познавательная тайна, само же творческое сознание направлено в царство экзистенциального таинства.

Сознание, нацеленное на решение познавательной тайны (хотя здесь уместнее будет сказать: задачи) сосредоточено на описаниях событий, возможно даже иррациональных, но реальных. Такие задачи объективны, они относятся к внешним обстоятельствам нашей жизни. Экзистенциальные загадки поддаются познанию тогда, когда мы в них вовлечены как субъекты человеческого бытия. Такая экзистенциальная включенность позволяет субъекту быть вовлеченным в более глубокий и одновременно более возвышенный уровень бытия. Такого взгляда придерживаются А. Лосев, А. Мень, Г. Марсель и другие мыслители [11, с. 21].

По мнению В. Знакова, экзистенциальный опыт, приобретаемый в творчестве, означает признание самого творчества как неочевидного и более сложного для научного анализа плана бытия. А значит, творческое сознание по своей природе холистично, а потому не содержит противоречий, нерасчленимо на смысловые части. Так, А. Маслоу пиковые мгновения катарсиса, инсайта, мгновенного эстетического восторга, которые выступают феноменами творческого сознания называет их не иначе как «типичными проявлениями холистического рассудка». Есть мнение, что внесение аналитической ясности, критической оценки в эти переживания бесполезны, и даже опасны, так как могут привести даже к блокировке творчества (З.Фрейд, Р. Мэй) [5, с. 65-74].

По мнению С. Рубинштейна, явление своей субъектности миру через творчество есть не просто актом сознания, а способом существования, экзистенцией. Постигание этой экзистенции в его представлении можно осуществить по схеме: переживание → осознание → понимание [6, с. 36]. Развернутое обоснование такой позиции мы также обнаружили у М. Мамадашвили [11, с. 38].

Таким образом, мы еще раз подчеркнем, что то, как работает творческое сознание можно представить через описание трех структурных уровней: психологического, деятельностного и экзистенциального. Первые два уровня доступны (хотя и относительно) рациональному осмыслению, структурному описанию, эмпирическому обследованию. А вот по поводу экзистенциального уровня, мы солидарны с Гуссерлем, Мамардашвили, Рубинштейном о том, что творческое сознание возможно только принимать, описывать и понимать.

Рассуждая о творческом сознании в художественно-эстетическом поле, необходимо учитывать, что оно нацелено не столько на решение задач, сколько на экзистенциальное понимание ценностных событий, явлений, предметов, которые субъект оценивает как жизненно важные для себя. Это не повседневные переживания,

они пробуждают воображение, являются движущей силой творческого сознания, однако трудно поддаются логическому объяснению [20, с. 45]. Сильные экзистенциальные переживания могут возникнуть при созерцании художественных произведений. Однако, по мнению Г. Марселя в сознании настоящего художника наступают моменты, когда необходимо возвысится над переживаниями, взять над ними власть, а значит занять осмысленную позицию по отношению к происходящему. Если верх над переживаниями берут личные усилия и смыслы, то творец от созерцательности переходит к истинному творчеству. Творческое сознание через усилия и смыслы, сопряженные с ответственностью, верностью, принятием обязательств, обещанием направляет экзистенциальные переживания, которые в процессе творчества приобретают осмысленность и структурированность. Иначе говоря, художник в творчестве субъективный поток переживаний собирает и оформляет в уникальное творение. Произведение отражает не текущее событие, а весь опыт прожитого в собирании и интерпретации сознанием здесь и сейчас всей судьбы. Поэтому экзистенция творческого сознания и заключается в верности себе и ответственности. Оно – вовлеченность в бытие, которое вбирает в себя все психологические проявления и может быть реализовано в создающей, созидательной творческой деятельности [12, с. 108].

Выводы. Нами были определены структурные уровни анализа творческого сознания как эстетического феномена, а именно:

- *психологический* (физиологические процессы; бессознательные интуитивные аспекты; когнитивный план в виде процессов ощущения, восприятия, конвергентного и дивергентного мышления, воображения, памяти, внимания; аффективную сферу);

- *деятельностный* (процессуально-поведенческие процессы, целеполагание, волевая саморегуляция, мотивационно-потребностная сфера, система знаний, умений, навыков, уровни способностей);

- *экзистенциальный* (эмоции, чувства, переживания, опыт, смыслы).

Психологическая структура творческого сознания позволяет обеспечить сугубо специфическое исследование внешней реальности и внутреннего мира человека, познание новых качеств и отношений в системе сознательных и бессознательных компонентов сознания и фактора культурной среды. Деятельностный уровень способствует ориентации человека по вектору высших социокультурных потребностей и самопознания через соприкосновение с прекрасным, вечным, что выражается в экзистенциальном уровне творческого сознания. Экзистенциальная духовность творца – его особая позиция вовлеченности в ситуацию, в которой индивидуально переживаемые смыслы и ценности (проясняемые в понимании) составляют экзистенциальный опыт самосознания и самобытия человека в мире как единства мыслительного, эмоционально-чувственного, волевого и других состояний.

Такая структура не только позволяет лучше понять феномен творческого сознания как эстетического феномена, но и целостно представить идеи и разработки философов и ученых по поводу предмета нашего научного интереса. Все наши утверждения и предположения нуждаются в дальнейшем анализе, исследовании и проверке, в ходе которых неизбежны уточнения. При этом важно учитывать то, что если психологический и деятельностный уровни поддаются рациональному истолкованию, могут эмпирически быть исследованы, то экзистенциальный уровень сознания не операционализируем, не схватываем объективно, его возможно только принять, описать и понять.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бычков В. В. Эстетика / В.В. Бычков. – М.: КНОРУС, 2012. – С.126-129.
2. Выготский Л. С. Психология искусства. / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1987. – С. 35-38.
3. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии [Электронный ресурс] / Э. Гуссерль. – М.: ДИК, 1999. – Т. 1. – 227 с. Режим доступа: http://www.tumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/gusserl/2/.
4. Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. – М.: «Языки славянских культур», 2010. – С. 92.
5. Знаков В.В. Самопонимание, самопознание и понимающее себя бытие // «Методология и история психологии». – Т. 2. Вып. 3, 2007. – С. 65-74.
6. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание / С. Л. Рубинштейн. – М.: Академический проект, 1957. – С. 36-41.
7. Капичина Е.А. Феноменология восприятия: философско-эстетический аспект // Вестник БГТУ. Серия: Философия. – 2016. – С. 89-96.
8. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Наука, 2001. – С.74-76.
9. Леонтьев Д.А. Психология смысла. – М., 1999. – С. 112.
10. Лэнгле А. Эмоции и экзистенция / Пер. О.А.Шипиловой. – Харьков: Гум. центр, 2011. – С.132.
11. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – М.: Смысл, 1990. – С. 21.
12. Марсель Г. Экзистенциальный опыт: таинство и проблема. – СПб., 2012. – С. 133.
13. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти; пер. с фр.; под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. – Санкт-Петербург : Ювента, Наука, 1999. – С. 60-63.
14. Мэй Р.: «Вклад экзистенциальной психотерапии». Из сб.: «Экзистенциальная психология». – М., «Апрель пресс», 2001. – С. 141-200
15. Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А. А. Яковлева: Перевод. — М.: Политиздат, 1990. – С. 98.
16. Сорокин Б. Ф. Философия и психология творчества: научно-метод. пособие для аспирантов и молодых преподавателей [Электронный ресурс] / Б. Ф. Сорокин. – Режим доступа: <http://philosophy.allru.net/perv265.html>
17. Старченко М. Г., Бехтерева Н. П., Пахомов С. В., Медведев С. В. Изучение мозговой организации креативного мышления // Физиология человека. – 2003. – Т. 29, № 5. – С. 151-152.
18. Толстой Л. Н. Что такое искусство? // Собр. соч.: В 22 т. – М., 1983. – Т. 15. – С.26.
19. Франкл В.: «Человек в поисках смысла». – М., «Прогресс», 1990. – С. 68.
20. Шеллинг Ф.В.Й. Философия искусства. – М., 1966. – С. 45-49.
21. Хрусталева Ю.В. Философия экзистенциализма как возвращение к проблеме человека: европейская и японская версии // Кантовские чтения в КРСУ: материалы выступл.: II Международная научно-практическая конференция КРСУ (27–28 мая 2004 г.) / под ред. И. И. Ивановой. – Бишкек: Кыргызско-Российский Славянский ун-т. – С. 336–342.

Поступила в редакцию 31.01.2020 г.

STRUCTURAL ANALYSIS OF CREATIVE CONSCIOUSNESS AS AN AESTHETIC PHENOMENON

O.M. Mazanenko

The article attempts to present a structural analysis of creative consciousness taking into account intersubject conceptual scientific views in the field of philosophy, aesthetics, and psychology. The expediency of including the psychological, activity and existential components of creative consciousness as an aesthetic phenomenon in the analysis is justified. The author cites the data of rational interpretation and empirical research, psychological and activity structural levels and comes to the conclusion that the existential level of consciousness is not operationalized, not grasped objectively, it can only be accepted, described and understood.

Key words: creative consciousness as an aesthetic phenomenon, psychological structure, activity component, existential level.

Мазаненко Оксана Михайловна

Кандидат психологических наук, доцент;
Доцент кафедры рекламы и PR-технологий
ГОУК «Луганская государственная академия
культуры и искусств им. М. Матусовского»
e-mail: oksanamazanenko@gmail.com

Mazanenko Oksana Mikhailovna

Candidate of Psychological Sciences, Associate
Professor of the Department of Advertising and
PR-Technologies, GOKU «Lugansk State Academy
of Culture and Arts. M.Matusovsky».
e-mail: oksanamazanenko@gmail.com

УДК 1(097).473

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА БЕРДЯЕВА

© 2020. А.А. Миргородский

ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР»

В статье рассматривается содержание философии права в творчестве известного русского мыслителя Николая Бердяева. Содержание правового феномена имеет важное значение в контексте философии персонализма, потому что личность является главной жизненной ценностью.

Ключевые слова: государство, личность, мораль, право, свобода, творчество, ценность.

Теоретико-методологическую основу работы составляет философско-антропологическое учение о развитии и совершенствовании личности в современных социальных условиях. Исходным для понимания права как ценности является понимание его как формы осуществления свободы личностей. Уважение к свободе и личности человека – это сущность и смысл философии права Н.А. Бердяева, в которой мыслитель противопоставил свободу духа личности объективной необходимости.

Актуальность и анализ последних публикаций по проблеме и задачи исследования состоят в том, чтобы глубоко проанализировать философию права видного представителя русской религиозной философии в России Николая Александровича Бердяева (1874–1948). Цель статьи – показать, в чем собственно проявилась трактовка правового феномена с религиозно-философской позиции в творчестве выдающегося русского философа.

Нужно отметить, что философско-правовые проблемы освещаются в таких его основных работах, как «О назначении человека», «О рабстве и свободе человека», «Царство Духа и царство Кесаря», «Философия свободы», «Смысл творчества», «Русская идея» и во многих других. Идеи Н. Бердяева о форме государства, прежде всего, отражены в работе «Философия неравенства» [1, с. 74].

Само творчество Н.А. Бердяева уникально по своей сути, оно разнообразно и пропитано духом отстаивания прав человеческой личности. Сам мыслитель о себе писал так: «Более всего я сопротивляюсь тому, что можно назвать ложным объективизмом и что ведет к подчинению индивидуального общему. Человек, личность, свобода, творчество, эсхатологически-мессианское разрешение дуализма двух миров – таковы мои основные темы» [3, с. 273].

Н.А. Бердяев считает, что государство не всегда имеет положительное значение для человека [1, с. 72]. По Н.А. Бердяеву, природа государства и «политики», общественной практики этого мира всего менее творческая и свободная, «она возникает из злой необходимости»: ««Политика», в сущности, всегда обращена назад, всегда есть реакция приспособления. И всякая политика мира сего, реакционная и революционная, либеральная и радикальная, есть послушание [4, с. 338-339].

В другой работе Н.А. Бердяев отмечал: «Свободу совести защищает безрелигиозный, холодный к вере мир как формальное право, как одно из прав человека и гражданина; мир же церковный, охраняющий веру, слишком часто и легко свободу совести отрицает и религиозной свободы боится. В сущности, и те, и другие ставят вопрос религиозный на почву политическую, формальную, внешнюю: одни боятся веры и хотели бы охранить себя от ее притязательной силы, другие боятся неверия и также хотели бы охранить себя от его растущей силы» [5, с. 242].

Если у В.С. Соловьева право и государство соединяются с религиозным началом и Церковью, то Н.А. Бердяев разграничивает право и государство: «Государство не знает тайны индивидуального, оно знает лишь общее и отвлеченное. И личность для него есть общее. Это есть свойство социальной обыденности. Государство еще может признать отвлеченное субъективное право человека и гражданина, да и то неохотно, но никогда не признает индивидуальных, неповторимых, качественно своеобразных прав отдельной человеческой личности с ее индивидуальной судьбой. Этого невозможно требовать от государства» [2, с. 321].

Н.А. Бердяев также подвергает критике идею суверенитета государства, а также все его формы – теократию, монархию, аристократию, монархию. Например, в отношении демократии мыслитель отмечает, что нельзя зависеть от воли человеческой толпы. Демократия в крайнем своем выражении не хочет допустить прав личной жизни, она имеет тенденцию превратить всю человеческую жизнь в публичную. Она хочет сделать человека существом исключительно общественным и приводит к единообразию. Таким образом, демократия – это показатель большинства, а не качества [1, с. 75].

Этически христианский персонализм оказывается верховным принципом, который совершает суд над государством. Все формы государства, все формы властвования относительно и преходящи, ни одной формы нельзя абсолютизировать и придавать ей священное значение. При этом, Н.А. Бердяев говорит, что единственным принципом в государстве, который связан с абсолютной правдой, есть принцип субъективных прав человеческой личности, свободы духа, свободы совести, свободы мысли и слова, который и монархия, и демократия, и все формы государства имеют тенденцию нарушать [2, с. 322].

Для многих закон жизни всех государств гласит: «человек человеку – волк». Данный тезис не принимает мыслитель. Поэтому власть государства должна быть ограничена [1, с. 74]. Власть, по Н.А. Бердяеву, должна быть качественной, профессиональной и нравственной. Поэтому философ утверждает, что подчиняться можно только Богу или только тому, кто встал на путь Божий. Кроме того, Н.А. Бердяев считает, что получив власть, тот, кто для нее не создан, будет учинять произвол [1, с. 76].

Итак, согласно мыслителю, с одной стороны, всякое государство, право, хозяйство – ветхо по существу, принадлежит к царству закона, послушно необходимости, религиозно пребывает все еще в Ветхом Завете и язычестве [4, с. 339].

С другой стороны, государство, как и власть, согласно Н. Бердяеву, хотя и возникли в результате опирающегося на военную мощь насилия, но истоком своим имеют некую необъяснимую первооснову, которой присущ божественный характер и которая подчиняет людей посредством некоего иррационального воздействия.

Поэтому все вышесказанное не значит, что политика и государство не нужны. Прежде всего Н.А. Бердяев считает, что государство – объективная природная и историческая реальность, которая не зависит от человеческого произвола [1, с. 73]. То есть государство – это сфера природная, видимая, чувственная [5, с. 256]. И окончательное преодоление государства будет вместе с тем окончательным преодолением природной необходимости: «В душе мира совершается сдвиг в сторону царства свободы и благодати» [5, с. 257].

Таким образом, задача государства заключается не в осуществлении Царства Божия на земле, а в удерживании общества от превращения его в безликий хаос. Законы представляют собой лишь инструмент, который позволяет праву ограничивать зло. Главная же проблема закона и нормативной морали заключается в том, что она

может служить лишь внешней реакцией, поэтому задача правового принуждения – препятствовать проявлению злого начала в человеке. Другими словами, основная задача государства состоит в том, чтобы как можно меньше ограничивать внутренний мир человека, при этом как можно больше обеспечивать внешние условия для достойного существования и совершенствования людей.

Хотя у Н.А. Бердяева право носит условный характер и предполагает ограничение, мы видим, что все же право создано для поддержания и защиты свободы личности человека. И личность не может жить без государства, она признает его некоей ценностью и готова действовать в нем.

Аксиология Н.А. Бердяева строится на приоритете духовно-нравственных ценностей: «В иерархии духовных ценностей первое место принадлежит личности, второе место обществу и лишь третье место государству. Но в мире социальной обыденности, в мире греховном ценность низшая приобретает наибольшую силу, ценность же высшая наименьшую. Наибольшей силой обладает государство, затем следует общество, и наименьшей силой обладает наибольшая ценность личности» [2, с. 323].

Итак, Н.А. Бердяев гораздо выше ставил интересы личности по отношению к государству: «Ценность личности иерархически есть более высокая ценность, чем ценность государства, – личность принадлежит вечности, государство же времени, личность несет в себе образ и подобие Божье, государство же этого образа и подобия не имеет, личность идет к Царству Божьему и может войти в него, государство же никогда в Царство Божье не войдет. В социальной обыденности нашего греховного мира государство, его сила и слава, может оказываться сверхличной ценностью, вдохновляющей личность на подвиги» [2, с. 321-322].

Таким образом, по Н.А. Бердяеву, цель права – уравнивать два нравственных интереса: личную свободу и общее благо. Поэтому выход видится во взаимном самоограничении личности и государства: «Личность, свободная общественная кооперация и государство должны свободно взаимодействовать и ограничивать друг друга» [2, с. 322].

Н.А. Бердяев отдельно останавливается на соотношении преступления и наказания, рассуждая о смертной казни. Он является противником высшей меры наказания и достаточно аргументировано отстаивает свою позицию, исходя из того, что человек принадлежит Богу, а уже потом государству. Зло в человеке не абсолютно, а частично. Поэтому не может быть окончательного суда. Человек может совершить преступление, но человек как целостная личность не может быть преступником, он остается личностью, в нем есть образ Божий. Личность, совершившая преступление, не принадлежит целиком и окончательно обществу и государству. Личность есть гражданин Царства Божьего, а не царства кесаря, и суждения и осуждения царства кесаря по отношению к ней частичны и не окончательны. Поэтому персонализм решительно и радикально против смертной казни [1, с. 80].

Итак, по мнению Н. Бердяева, право имеет божественное основание, оно имеет цель – защитить Богом данные права, которые появляются у личности. Нравственный закон должен быть осознан внутри, а затем он должен действовать во внешней среде.

Логично Н.А. Бердяев приходит к выводу: «Идеального, совершенного государства не может быть, ибо всякое государство будет властью человека над человеком. Идеальная же, совершенная жизнь есть конец власти человека над человеком, вообще всякой принуждающей власти, даже власти Божией, ибо и Бог лишь для грешного мира может представляться властью. В анархизме есть доля правды. Анархизм совершенно неприменим к нашему грешному миру, который подлежит закону, и анархическая утопия есть ложь и прельщение. Но совершенную жизнь,

Царство Божье можно мыслить лишь анархически, что и есть апофатическое мышление о Царстве Божьем, единственное истинное, в котором устраняется всякое сходство с царством кесаря, с царством этого мира и достигается отрешенность» [2, с. 320].

Согласно Н.А. Бердяеву, каждый человек обладает абсолютной ценностью, имеет способность самостоятельно определять и направлять свое поведение в своем стремлении к добру или благу. Персонализм Н.А. Бердяева свидетельствует, что нет ничего выше человеческой личности, она есть самоцелью.

Итак, базовыми принципами являются любовь и свобода, которая охраняет права личности: «Есть два истинных этических начала: или любовь и благодатное преобразование жизни, или свобода и охраняющее свободу право» [2, с. 320-321]. Поэтому в размышлениях о праве и государстве Н.А. Бердяев уверен, что лучшим для людей является Царство Божье, которому должны уступить место и государство, и хозяйство, и культура, и весь мир. Это своеобразный идеал совместной жизни людей и цель мировой истории [1, с. 77]. В своей итоговой работе «Русская идея» Н.А. Бердяев об этом писал так: «Для Нового Иерусалима необходима коммюнитарность, братство людей, и для этого необходимо еще пережить эпоху Духа Святого, в которой будет новое откровение об обществе» [3, с. 285].

Таким образом, категория права в творчестве Николая Александровича Бердяева связана с приоритетом человеческой личности, ее прав и свобод. По мнению Н.А. Бердяева, право оживляет философию, связывает ее с окружающей действительностью, показывает, что ее категории, абстракции – не простые схемы, а средства преобразования действительности. Право выступает мощным источником жизненной энергии философии как свободного проявления человеческого духа. Для философии же главной ценностью должна стать ценность человеческой жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеенко А.П. Право и государство в трудах А.П. Бердяева / А.П. Алексеенко // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – Владивосток. – 2016. – № 1. – С. 71-81.
2. Бердяев Н.А. О назначении человека / Н.А. Бердяев. – М.: АСТ, 2006. – 478 с.
3. Бердяев Н.А. Русская идея / Н.А. Бердяев. – М.: АСТ, 2007. – 286 с.
4. Бердяев Н.А. Смысл творчества / Н.А. Бердяев. – М.: АСТ, 2006. – 414 с.
5. Бердяев Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев. – М.: АСТ, 2010. – 319 с.

Поступила в редакцию 23.03.2020 г.

THE PHILOSOPHY OF LAW OF NIKOLAI BERDYAEV

A.A. Mirgorodskiy

The article considers the content of the philosophy of law in the work of the famous Russian thinker Nikolai Berdyayev. The content of the legal phenomenon is important in the context of the philosophy of personalism because personality is the main value of life.

Key words: state, personality, morality, law, freedom, creativity, value.

Миргородский Андрей Александрович
Кандидат философских наук;
Доцент кафедры социально-философских
и психолого-педагогических дисциплин
ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел
МВД ДНР».
E-mail: Mirgorodskiy87@mail.ru

Mirgorodskiy Andrei Aleksandrovich
Candidate of philosophical Sciences;
Associate Professor of the Chair of socially-
philosophical
and psychologically-pedagogical disciplines,
The Donetsk Academy of internal Affairs.
E-mail: Mirgorodskiy87@mail.ru

УДК 316.42

К ВОПРОСУ ОБ ИСЧЕРПАЕМОСТИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО РЕСУРСА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОЙ ПРОБЛЕМЫ «КОНЦА ВРЕМЕН»

© 2020. *Я.Л. Романенко-Бурлуцкий*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье проанализированы перспективы современного человека, инкорпорированного в техническую среду и стоящего на грани исчерпания возможностей адаптации к ускоряющемуся темпу перемен технического, социально-исторического и культурного характера. Выделены основные тенденции социокультурного прогресса и возможные векторы цивилизационных скачков. Сделан вывод о том, что техническая цивилизация стимулирует исчерпание антропологического ресурса, коллапс цивилизации.

Ключевые слова: «конец времен», антропологический ресурс, социокультурный прогресс, духовно-нравственное развитие, футуристические прогнозы

Многочисленные проблемы, стоящие перед человечеством, такие как: «деградация окружающей среды», «нищета среди богатства», «неконтролируемый рост городов», «инфляция, финансовые и экономические потрясения» и другие, – непосредственно связаны между собой, тесно переплетены и взаимодействуют. Эти проблемы имеют общие черты – они в той или иной мере присущи всем типам обществ, и они содержат технические, социальные, экономические и политические аспекты. Современные авторы, работающие на стыке философских и экологических наук, говорят о возможной экологической катастрофе в недалеком будущем, как о неотвратимой реальности, что в свою очередь стимулирует появление и развитие в научной среде установки, которую можно охарактеризовать как «экологический эсхатологизм». Мировое сообщество только подходит к пониманию того, что оно, по-видимому, уже исчерпало тот потенциал своего развития, который получило при завершении предыдущего этапа антропогенеза. Однако в ряду взаимодействий «человек – природа – техника» именно антропологический ресурс может быть исчерпан в первую очередь: с одной стороны, человек инкорпорирован в техническую среду, которая выступает все более значимой частью культуры; с другой стороны, техническая среда замещает собой биологические подструктуры, что негативно сказывается на экологическом балансе планеты, угрожает физическому и психическому здоровью человека. Вот почему вопрос об исчерпаемости антропологического ресурса в контексте конечности человеческой цивилизации, рассматриваемый в рамках философской проблемы «конца времен», является актуальным в современном поле исследования.

Среди авторов, занимающихся исследованием данной проблематики, можно выделить У. Тана и Дж. Форрестера, которые разрабатывали компьютерную модель развития цивилизации, изложенную в труде «Пределы роста», Э. фон. Вайцекера, Э. Б. Ловинса, и Л. Хантера, работавших над экологическими перспективами человечества в рамках проекта «Фактор четыре», Р. Атфилда с идеями постэкологического кризиса, изложенных в работе «Этика экологической ответственности», Ж. Эллюля, обосновывавшего идею технического абсурда в труде «Технологический блеф», М. Мамфорда и его «Миф машины», Э. Тоффлера и труд «Футурошок». Среди современных отечественных авторов можно выделить В. Кутырева, работающего в рамках тематики «экологического эсхатологизма»,

М. В. Фоменко с анализом эсхатологических установок современного экологического сознания, А. И. Ракитова с трудом «Философия компьютерной революции», В. Г. Попова и его работу «Философия истории на пороге нового тысячелетия», А. В. Халапсиса с трудом «Постнеклассическая метафизика истории».

Целью работы является анализ антропологического ресурса и его фундаментальных характеристик в контексте развития современной технической цивилизации, выявление перспектив человека и всей экосистемы, исходя из футуристических прогнозов универсальной философской модели «конца времен».

Уже в XX в. люди заговорили о выживании, поскольку техническая среда стала не просто продолжением возможностей человека, она стала самостоятельной реальностью, довлеющей над людьми, навязывающей им небывалые темпы перемен и выхолощенную машинную логику; под ударом оказалась вся биосистема, возникла угроза экологического коллапса. Л. Мамфорд был одним из первых, кто обратил внимание на иррациональность бесконтрольного и чрезмерного развития материальных технологий и их возможное губительное воздействие на человека: «Человек станет пассивным, бесполезным и машиноуправляемым животным, – и если верить современным интерпретациям роли человека со стороны технократов, присущие ему функции окажутся либо поглощены машиной, либо строго ограничены и подвергнуты контролю в пользу обезличенных коллективных организаций» [4, с. 3-4]. Ряд мыслителей конца столетия полагали, что в цепи взаимодействий «человек-природа-техника» слабым звеном является природа, которая подвержена экологическому риску со стороны производственной деятельности человека, вынуждена поглощать лавину отходов промышленности и последствия техногенных катастроф. Так, Э. фон. Вайцекер, Э. Б. Ловинс, и Л. Хантер, работавших над экологическими перспективами человечества в рамках проекта «Фактор четыре», полагают, что основными угрозами нового столетия являются угрозы, не связанные с исчерпанием невозобновимых ресурсов, промышленным спадом или проблемами самоопределения искусственного интеллекта, но имеют прямое отношение к принципиальной конечности экологического ресурса планеты в условиях малой возможности регенерации: «Экологическое состояние мира требует незамедлительных действий. Мы избегаем рассуждений о гибели и мраке, но некоторые экологические факты и тенденции действительно вызывают большую тревогу... В противном случае мир могут подстергать беспрецедентные беды и катастрофы» [1, с. 24]. Сегодняшняя экономика, утверждают авторы, деформирована, ей присуща пустая трата ресурсов, в том числе и человеческих. И основная причина такого подхода состоит в ошибочном и расточительном пути научно-технического прогресса: мы делаем «продуктивными» все меньше людей, при этом потребляя больше ресурсов. Но для стабилизации экологического состояния нашей планеты необходимо стимулировать сбережение ресурсов, а не их растрачивание. В этом и состоит суть предложенного мыслителями метода реинтеграции человека в природную среду – сейчас мы рассматриваем природу как нечто чуждое человечеству, как ресурсную базу, которую можно эксплуатировать до бесконечности, забывая, что сам человек является интегративной составляющей биосферы. Современный экономический процесс представляет собой просто разрозненный бесконечный круговой обмен ценностями между производством и потреблением, а поток физических ресурсов от истощения до загрязнения при этом не учитывается. Стратегии реинтеграции человека в природу предполагают пересмотр системы ценностей современной цивилизации с учетом «фактора четыре»: затрат половина, отдача двойная, иными словами, необходимо стремиться к устойчивому

развитию, а не экспоненциальному потреблению. А устойчивое развитие во всем мире невозможно до тех пор, пока люди не научатся жить, существенно уменьшив нормы потребления ресурсов на душу населения, но уменьшив при этом не качество, а количество потребляемых ресурсов. Поэтому авторы считают реализацию «фактора четыре» предварительным условием устойчивого развития.

Подобным образом, сторонники философской концепции ультраоптимизма в технократическом ключе настаивают на необходимости создания гармоничного, «здорового общества», которое в условиях ускоряющихся темпов научно-технического развития не мыслится без духовно-нравственного воспитания людей, требует консолидацию вокруг единой системы ценностей нематериального порядка, которая будет способствовать переориентации научно-технического развития на благо всему живому, а не за счет самой жизни. Как утверждают авторы концепции, человек не может быть духовно или нравственно нейтрален, он или развивается в направлении совершенствования духовной культуры, или «материализуется», происходит нравственная нивеляция ценностей. Так, Ж. Эллюль полагает, что нельзя безусловно высоко оценивать научно-технический прогресс, если тот происходит без учета других факторов человеческой культуры и вне действительных жизненных потребностей самого человека. Ж. Эллюль рассматривает феномен техники как самую опасную форму детерминизма: она превращает средства в цели, стандартизирует человеческое поведение и, следовательно, не просто делает человека объектом научного исследования, но объектом «калькуляций и манипуляций». Так, французский мыслитель впервые заговорил о принципиальной античеловечности и абсурдности технического развития самого по себе, техники ради техники: «Политики и экономисты технократической ориентации на самом деле мечтатели, они «верят» в блистательное будущее технических средств, их вера сродни религии, но с подобной религией мы абсолютно выходим за рамки разумного и впадаем в абсурд» [9, с. 164]. Французскому философу не свойственно недооценивать ту роль, которую играют наука и техника в современной цивилизации и культуре, однако он изначально видит в технической форме прогресса враждебную, античеловеческую силу, что может стать действительно гуманной и начать служить людям в полной мере лишь при условии тотальной перестройки всей мировой политико-экономической системы. Техника античеловечна в той мере, в какой она бездушна, поскольку в основе ее функционирования лежат простые калькуляции, рациональные операции, исключаящие референции к значениям культуры, общественным ценностям нематериального порядка. В результате усвоения человеком «машинного языка», деньги стали преобладать не только в качестве измерения меновой стоимости, а и в оценке личного успеха, а все что касается неформального сектора, находится в упадке. Между тем, вероятнее всего, именно обесценивание неформального сектора влечет за собой падение морали, столь опасное для нашей цивилизации. Такие «болезни» современного общества как одиночество, беспорядки, вандализм, наркомания и связанная с этим преступность во многом, возможно, обусловлены упадком неформального сектора: «Сон, еда, любовь и воспитание детей не являются второстепенными видами деятельности, без которых мы можем обойтись, – они представляют собой необходимую основу всего существования человека. Экономическая теория с поразительным упорством замалчивает этот факт» [1, с. 382-383]. Следовательно, необходимо способствовать ценностной переориентации современного человечества, стремящегося к материальному изобилию и чрезмерной роскоши, сдвинув приоритеты в пользу системы ценностей нематериального порядка (духовно-культурные ценности). Такие внеэкономические ценности американский

футуролог Г. Кан обозначает как гедонистские, эпикурейские, прагматические, утилитарные, гуманистические, светские и иные ориентиры духовной культуры, которые в его концепции собственно означают «возврат ко многим доиндустриальным ценностям или переход к их постиндустриальным эквивалентам» (духовно-нравственные, религиозные и эстетические культурные ценности, а также ценности семейной гармонии) [5, с. 33].

Ряд других авторов, таких как Л. Уайт и Р. Атфилд прямо говорят о том, что глобальный экологический кризис, лежащий в основе современных эсхатологических настроений, – это результат становления совершенно новой культуры – культуры неограниченного потребления. Для переориентации к традиционной системе ценностей, в основе которой лежат неэкономические факторы, в частности, неформальный сектор, и способной предохранить мир и человека от разрушения, людям необходимо в корне изменить свое отношение к окружающему миру и самим себе, перестав быть лишь безответственными потребителями материальных благ. Л. Уайт утверждает по этому поводу следующее: «То, что мы делаем с окружением, зависит от нашего понимания взаимоотношений человека с природой. Если ввести в дело больше науки и больше техники, это не выведет нас из нынешнего экологического кризиса до тех пор, пока мы не найдем новую религию или не переосмыслим старую» [8, с. 200]. Сегодня потребительский тип мировосприятия определяет и соответствующее отношение человека к окружающей среде: природа рассматривается как сырьевой придаток промышленного производства, источник ресурсов и материалов, она лишается своей самоценности, исключительного значения как уникальной биосферы, колыбели жизни, бесценного дара, который следует беречь. В результате и сам человек рассматривается как элемент случайной системы, функциональная однопорядковая единица, которую всегда можно заменить аналогичной. Главная задача современных людей состоит не в том, чтобы изменить мир к лучшему, вмешиваясь в работу естественных природных систем с помощью техники, а в том, чтобы сохранить природу как свою собственную среду обитания, научиться жить в равновесном балансе с ней: «Нынешний девиз: «Люди лишь различным образом изменяли мир, дело заключается в том, чтобы сохранить его». Сохранить как мир человека» [3, с. 210].

Однако, если экологический коллапс грозит человеку крайне негативными последствиями, которые затронут всю биосферу и самих людей, поскольку они являются ее неотъемлемой частью, то, кроме того, существует еще один специфический элемент антропологического ресурса, что может быть исчерпан прежде других благодаря тотальной «технизации» мира – психическое здоровье. Ж. Эллюль приходит к выводу о том, что техническая среда почти полностью поглотила современного человека и сделала его бесчеловечным. Это объясняется, прежде всего, тем, что к чрезмерно организованной, систематизированной среде, какой является среда техническая, человек адаптирован слишком плохо, и его реакции в ней нередко оказываются абсурдными, жестокими и нездоровыми. Техника окружает людей со всех сторон, она стала, как бы, посредником между самими человеком и его ближайшим окружением, будь то природная среда или же другие подобные ему разумные существа. К примеру, природу мы, нередко, видим лишь из окна автомобиля или на экране телевизора, а с другими людьми общаемся чаще уже не лицом к лицу, а посредством телефонов или компьютеров. При этом, замечает мыслитель, техническая среда настолько захватывает, ее воздействие настолько суггестивно, что человек не может отстраниться, отдаться созерцанию, размышлению, а вынужден существовать в

условиях сиюминутности, опираться на очевидность и действовать как бы в состоянии гипноза; иными словами, бурное развитие техники и технологий приводит к абсурду и требует абсурдного поведения людей [9, с. 155]. Подобным образом, Э. Тоффлер в своей работе «Футурошок» [7] утверждал, что человечество захватывает неведомое ранее психологическое состояние, которое по своему воздействию может быть приравнено к заболеванию. Футурошок характеризуется внезапной, ошеломляющей утратой чувства реальности, умения ориентироваться в жизни, вызванной страхом перед непредсказуемым близким будущим. В результате человечество может погибнуть не от того, что окажутся исчерпанными кладовые земли, выйдет из-под контроля атомная энергия или погибнет истерзанная природа, а от того, что сами люди не выдержат колоссальных психологических нагрузок. Профессор П. С. Гуревич утверждает, что, создав мощнейшую технику, человек, изменил ритм и течение всей жизни в сторону постоянного ускорения, что грозит психике тотальным дисбалансом: «Перемены, происходящие вокруг нас, приняли характер грандиозного снежного обвала. Большинство людей совершенно не подготовлены к ним» [2, с. 10]. Нарастание темпов перемен оказывает губительное воздействие на нашу психику, поясняет П. С. Гуревич, оно нарушает внутреннее равновесие, меняет образ нашей жизни, таким образом, внешнее ускорение переходит во внутреннее, ускорение перемен сокращает длительность жизненных ситуаций и возможность адаптации к изменениям.

Человечество будущей мегатехнической цивилизации – это возможный конгломерат психически ущербных, дезориентированных людей, которые, обладая невероятной технической мощью, смогут спровоцировать небывалые по своим губительным последствиям техногенные катастрофы и войны, привести планету и жизнь на ней к угрозе полного уничтожения. Это становится возможным потому, что были смещены ценностные акценты – современный человек утерял ясное понимание необходимости всестороннего гармоничного развития и сосредоточил свое внимание исключительно на одной материально-технической стороне бытия. Развиваясь в одном направлении, в направлении научно-технического прогресса, но, оставляя в стороне прогресс духовно-нравственный, человечество становится подобным мифическому циклопу, которого ослепил Одиссей: обладая огромной силой, но лишенный жизненных ориентиров, он способен сокрушить все, что попадается на его пути.

Выводы. Таким образом, анализируя вопрос об исчерпаемости антропологического ресурса в контексте философской проблемы «конца времен» в аксиологическом ключе, можно установить определенные причинно-следственные связи между господствующей в мировом сообществе системой ценностей и дальнейшими перспективами развития человечества в ходе исторического процесса. Современная либерально-демократическая система ценностей, которая ориентирована исключительно на рост материального благополучия и комфорта, ускорение технического прогресса, а вместе с этим и темпов жизни, способна привести человечество, в крайней точке своего развития, к воплощению в жизнь пессимистических моделей «конца времен» в следующих аспектах:

1. Полное истощение невозпроизводимых ресурсов в результате неконтролируемого роста рынков и промышленного производства, крушение городской промышленной цивилизации, переход к эпохе нео-номадизма и повсеместной аграрной форме воспроизводства.

2. Перенаселение планеты в результате неконтролируемого роста численности населения, войны за земельные и промышленные ресурсы, уничтожение планеты и всего живого на ней благодаря применению оружия массового поражения.

3. Исчерпание экологического ресурса Земли в результате экспоненциального роста загрязнений, экологическая катастрофа, в результате которой на планете возникают такие условия, которые являются непригодными для жизнедеятельности людей.

4. Исчерпание антропологического ресурса – физического и психического здоровья будущих поколений людей в результате ухудшения экологии, качества жизни, тотальных психологических и эмоциональных перегрузок в результате инкорпорации в поле информационно-технической цивилизации.

В свою очередь, возвращение к традиционной системе культурных ценностей, которая имеет в своем основании определенную духовную идею, призванную доминировать над материальной стороной жизни, а также нравственный потенциал, характеризующаяся неспешностью темпов жизни, на практике должно способствовать реализации определенных стратегий развития, которые могут уберечь человечество от наступления пессимистического «конца времен», в случае реализации следующих аспектов:

1. Установление производственно-рыночного максимума, который не должен превышать, а также стимулирование материалосберегающих и энергосберегающих технологий, что приведет к революции в эффективности и к значительному сокращению потребления невозпроизводимых ресурсов, сокращению производственных мощностей и выбросов загрязняющих веществ.

2. Контроль над рождаемостью, который со временем приведет к стабилизации численности населения на уровне приемлемом как для экологии планеты, так и для нормальной жизнедеятельности самих людей.

3. Широкомасштабные экологические программы, поддерживаемые значительными государственными дотациями, будут способствовать постепенной стабилизации экологической ситуации на планете, и поддержанию экологического баланса в будущем.

4. Общественная пропаганда высоких нравственных норм и соответствующего образа жизни будет способствовать более ответственному и бережному отношению к психическому и физическому здоровью, способствовать сохранению антропологического потенциала для будущих поколений.

Перспективами дальнейших исследований следует считать анализ новых потенциальных антропологических рисков и технических угроз, которые способны привести к «кибернезации» человека и обесцениванию личности, получению дистанционного контроля над сознанием и поведенческими навыками индивида. Потеря людьми человеческих качеств, фундаментальных свойств разума и замещение их машинным алгоритмом в XXI веке стало отчасти технически возможным, а значит этот вопрос нуждается в дальнейшей разработке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вайцзекер Э. фон. Фактор четыре: затрат половина, отдача двойная: новый доклад Римскому клубу / Э. фон. Вайцзекер, Э. Б. Ловинс, Л. Хантер. – М.: АCADEMIA, 2000. – 399с.
2. Гуревич П. С. Бог поразительных преобразений: вступительная статья к работе Э. Тоффлера «Шок будущего» / П. С. Гуревич // Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: АСТ, 2002. – С. 2-13.
3. Кутырев В. А. Разум против человека (Философия выживания в эпоху постмодернизма) / В. А. Кутырев. – М.: ЧеРо, 1999. – 230 с.
4. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / Л. Мамфорд. – М.: Логос, 2001. – 723с.
5. Попов В. Г. Философия истории на пороге нового тысячелетия / В. Г. Попов. – Донецк: SELBST/PWG, 2001. – 71с.

6. Сорокин П. Социология революции / П. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 266-294.
7. Тоффлер Э. Футурошок / Э. Тоффлер. – СПб.: Лань, 1997. – 461с.
8. Уайт Л. Исторические корни нашего экологического кризиса / Л. Уайт // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М., 1990. – С. 188-202.
9. Эллюль Ж. Технологический блеф / Ж. Эллюль // Философские науки. – М., 1991. – № 9. – С. 150-178.

Поступила в редакцию 08.04.2020 г.

**BY THE QUESTION OF POTENCIAL DEPLETION OF ANTHROPOLOGICAL RESOURCE IN THE
CONTEXT OF THE PHILOSOPHICAL PROBLEM OF THE «END OF TIMES»**

J.L. Romanenko-Burlutskiy

The article analyzes the prospects of modern man, incorporated into the technical environment and standing on the verge of exhaustion of opportunities to adapt to the accelerating pace of changes of a technical, socio-historical and cultural type. The main trends of socio-cultural progress and possible vectors of civilizational leaps are highlighted. It is concluded that technical civilization encourages the exhaustion of anthropological resources, the collapse of civilization.

Key words: «the end of times», anthropological resource, socio-cultural progress, spiritual and moral development, futuristic forecasts.

Романенко-Бурлуцкий Ярослав Львович
соискатель кафедры философии
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: jarlvov@ya.ru

Romanenko-Burlutskiy Jaroslav Lvovich
Applicant of the Chair of Philosophy,
SEE HPE «Donetsk National University».
E-mail: jarlvov@ya.ru

УДК 101.9

ЛИЧНОСТНЫЙ УСПЕХ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

© 2020. *А.С. Романова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена философскому исследованию личностного успеха как многоуровневого социокультурного феномена, детерминированного параметрами мировоззрения и аксиологической сферы. Сделан вывод о том, что успех как сущностная составляющая личностного бытия является результатом творческой деятельности по преобразованию собственного Я, выходом за пределы собственных жизненных ограничений, жизненным «прорывом» к свободе из природной и социокультурной обусловленности.

Ключевые слова: успех, личность, мировоззрение, культура, общество.

На всех этапах развития человеческого общества существовала необходимость воспитания каждого нового поколения как поколения успешных личностей, граждан своего государства. Создание социокультурных, экономических, правовых и педагогических условий, активизирующих развитие внутренних возможностей личности, способствует стабилизации социального развития, обеспечивает демократические конституционные основы социума. К современным факторам, способствующим личностному успеху, можно отнести доступность, качество и социальную эффективность образования, его ориентацию на развитие потребности человека быть значимым и востребованным в обществе, способным проектировать жизненный успех и достигать его. Только обладающие этими качествами члены общества могут эффективно участвовать в различных сферах жизнедеятельности, заниматься социальным и культурным созиданием и обеспечивать поступательное развитие общества и защиту национальных интересов. Важнейшим вопросом при этом является исследование сущности феномена личностного успеха.

Философских работ, посвященных проблемам личности и личностного развития, на сегодняшний день существует достаточно много. В контексте нашего исследования особый акцент следует сделать на важной роли работ таких авторов как О.И. Ефремова, Д.И. Канарский, С.Ю. Ключников, Л.А. Мулляр, О.И. Якутин. При этом необходимо отметить практически полное отсутствие системных философских исследований, посвященных именно личностному успеху как социокультурному и мировоззренческому явлению.

Целью данной статьи выступает философское исследование сущностных характеристик явления личностного успеха.

Успех как феномен социума и культуры отражает те общественные условия, в которых он формируется. Различие этих условий определяет разные трактовки успеха, а значит и критерии в рамках различных социальных систем. Однако в контексте гипотезы философского исследования правомерно поставить вопрос о независимости феномена успеха от социокультурных условий и инвариантности его в отношении любой общественной системы. При ответе на этот вопрос следует учитывать исторические трансформации феномена успеха.

В Античности идея успеха была сформулирована Платоном как «идея Блага» – источника истины, гармонии, удовлетворявшая требованиям добродетели. По

Аристотелю, жизнь личности, стремящейся к высшему благу, должна быть деятельной и добродетельной. Эпоха Возрождения начала формировать чувство успеха, достигнутого волей к личной славе. Ф. Петрарка, Н. Макиавелли и другие мыслители Возрождения – родоначальники гуманизма, заложили идеи формирования личности как таковой. Идея «фортуны» (предопределение обстоятельств) и “virtu” – воплощение человеческой энергии, способностей, таланта (по Н. Макиавелли) – это и есть составляющие успеха подлинно свободной личности, умеющей предвидеть ход событий, позволяющей подчинять обстоятельства и рассчитывать свои возможности для достижения цели. Эпоха Просвещения породила культ знаний, дающий свободу личности от всякой природной детерминированности. Успех в жизни означал «успевание» за знанием. Он ассоциировался с совершенным и рациональным человеком, который брал на себя ответственность по преобразованию природного бытия.

В традициях немецкой классической философии просматривается преемственность идей эпохи Просвещения: рационализм, гуманистические ценности и новые философские идеи, в частности, идея познавательной активности субъекта (И. Канта, И. Фихте).

В контексте философии экзистенциализма можно выделить два направления, рассматривающие феномен успеха личности. В первом направлении успех понимался как результат преодоления внешних обстоятельств и выражение сущностных структур человеческого бытия. В таком подходе содержалась моральная оценка как стремления к успеху, так и статуса, связанного с его обретением. На пути к успеху личность ставит перед собой цели и осуществляет их, независимо от какого бы то ни было, положительного или отрицательного влияния со стороны общества. В другом направлении, подчеркивающим межсубъектную и интерактивную природу успеха, он рассматривается как социальный феномен. М. Седлер в этом контексте употребляет понятие «ситуация» и акцентирует ее значение в жизни человека. В ситуации проявляются его возможности. Так, например, с трудной жизненной ситуацией успешно справится тот, кто способен действовать эффективно в сложных обстоятельствах.

Интерес к вопросу личностного успеха в отечественном контексте во многом обусловлен изменениями в экономической, политической и ценностной сферах. В 1991 г. плановая, директивная, распределительная экономика была путем слома заменена на рыночную экономику, причем на тот ее вариант, суть которого состояла и состоит в жестокой, а порой и жестокой конкуренции.

Ментальные социальные установки массового обывательского сознания, воспитанные и сформированные на идеалах коллективизма (для славянских народов – общинности) и доброты, были поставлены перед фактом принятия ценностей индивидуализма в обществе «достигающего» типа [1], жесткости и жестокости.

Для сравнения в общем виде можно составить следующую таблицу ценностей, отражающих мировоззренческие трансформации отечественного социума (табл. 1).

Таблица 1

Ценностные типы ориентиров личностного успеха

Доброта (сотрудничество)	Жестокость (конкуренция)
<p><i>Синонимы:</i> добросердечие, сердечность, душевность, мягкосердечие, благодушие, человечность, человеколюбие, участливость, добросердечность, отзывчивость, гуманность.</p>	<p><i>Синонимы:</i> бездушность, суровость, безжалостность, черствость, холодность, беспощадность, бессердечность, бесчеловечность, бесчувствен- ность, свирепость, варварство, кровожадность, неумолимость.</p>

Продолжение таблицы 1

<p><i>Признаки:</i></p> <p>1. Качество характера, заключающееся в отзывчивости, в душевном и теплом отношении к людям, в отсутствии злобы и неприязни;</p> <p>2. Душевное расположение к людям, благожелательность, отзывчивость, стремление делать добро другим.</p>	<p><i>Признаки:</i></p> <p>1. Качество, характеризующее безжалостного человека. Проявляется в бесчеловечном, грубом, оскорбительном отношении к другим живым существам, причинении им боли и в посягательстве на их жизнь.</p> <p>2. Безжалостные поступки, стремление причинять другим страдание, получая при этом удовольствие.</p>
---	---

Успех как ценность, пришедшая на постсоветское пространство после распада СССР, имеет смысловой наполнение, заложенное иудео-протестантской цивилизацией. Общепринятого научного определения «успеха» как социокультурной категории в отечественной литературе нет. При этом надо отметить, что такие отрасли научного знания как лингвистика и педагогика признают в качестве постулата следующие определения успеха:

– Удача в задуманном деле, удачное достижение поставленной цели [2].

– Удача в каком-либо деле, удачное достижение поставленной цели. Признание такой удачи со стороны окружающих, общественное одобрение чего-либо или чьих-либо достижений» [3].

– Удача в достижении чего-нибудь. Общественное признание. Хорошие результаты в работе, учебе» [4].

Но признать исчерпывающими эти определениями личностного успеха нельзя. Исходя из контекста формулировок, удача, как успех, в данном случае всегда приходит извне: *дарится, дается, наконец, приходит/преподносится* (то есть это либо *везение*, либо *волшебство* сказочных героев («щука», «Золотая рыбка», «фея», «Джин», «Цветик-семицветик» и т.п.). Выходит, что успех не *добывается*, не *зарабатывается*, не *просчитывается* или не *проявляется* в виде *побуждения создать что бы то ни было*, иными словами не содержится внутри субъекта деятельности.

На наш взгляд существенным упущением данных определений является отсутствие анализа личности, так как именно она является субъектом деятельности и должна обладать определенным набором качеств, чтобы достичь успеха в обществе. Это же касается и отсутствием анализа структуры успеха.

Тема успеха не относится к числу детально разработанных в русскоязычной научной литературе, поскольку сама категория «успех» и смежные с ней понятия («успешность», «социальный успех», «карьера», «свое дело», бизнес», «деньги», «статус» и подобные) не имели ранее теоретической легитимности. Практически ни в одном философском, социологическом или психологическом словаре нет определения «успеха» и его производных.

Исследования философского характера, посвященные понятию «успех», весьма немногочисленны. Впервые в прямой постановке категория «успех» была проанализирована советским философом Г.Л. Тульчинским в 1990 г. [5, с. 120–151].

За последние 25–30 лет проблеме «успеха» как социокультурной категории были посвящены ряд диссертационных работ в области философии, социологии и психологии:

– философские и социологические диссертационные работы: О.И. Ефремова (1993 г.), И.А. Канарский (2000 г.), Н.Ю. Розенберг (2001 г.), С.Ю. Ключников (2003 г.), Е.В. Караханян (2009 г.), О.В. Михайлова (2009 г.), В.А. Каюков (2011 г.), О.И. Якутина (2011 г.), Л.А. Муляр (2012 г.) и др.

– психологические диссертационные работы: Н.И. Нефедова (2004 г.), Н.В. Маркелова (2005 г.), Н.В. Лейфрид (2006 г.), В.С. Атюнина (2006 г.), А.Р. Тугушева (2007 г.), Н.С. Головчанова (2010 г.) и др.

Научный дискурс понятий «успех» и «успех личности» в этих работах можно дифференцировать на два взаимосвязанных: философский и психологический. При этом, в собственно философском дискурсе, выделяется социологический дискурс, а в психологическом – дискурс управленческой деятельности (психология бизнеса).

Анализ данных работ позволяет констатировать следующее. Бесполезно говорить об успехе в отрыве от особенностей социальной структуры, вне определенных связей между разными формами представлений об успехе и структурой социальной и экономической системы общества [6, с. 236]. Мы полагаем, что следует также учитывать социальный статус индивида, его пол (гендер), возраст и самооценку.

Абсолютное большинство авторов (диссертантов) рассматривают успех преимущественно через цивилизационную призму «советского проекта» и касаются мотивационного процесса и мотивации достижения.

При этом условно выделяются три группы признаков успеха:

– успех как «результат деятельности (сотрудничество, здоровое соперничество) субъекта (личности) по достижению им (ею) значимых целей, отражающих социальные ориентиры общества» [7; 16; 18; 21]; «всеобщая социальная достижительная стратегия» [8; 14].

– успех как «форма самореализации субъекта, обеспечивающая его саморазвитие» [9]; как «наиболее полное удовлетворение» [10; 13; 15; 19; 20; 22];

– успех как «оценка со стороны общества в форме одобрения или признания»; как «соотнесение своей деятельности с духовно-нравственными ценностями общества» [8; 11; 12; 13; 17].

Современные философские, социологические, психологические исследования называют успех одной из фундаментальных социальных смыслообразующих категорий, вокруг которых формируется представление о социальном порядке [23]. Признание и социальное вознаграждение в решительной мере зависят от того, насколько сочетаются ценностно-символические универсумы индивида и его социального окружения.

В целом, успех как сущностная составляющая личностного бытия является результатом творческой деятельности по преобразованию собственного Я, выходом за пределы собственных жизненных ограничений, жизненным «прорывом» к свободе из природной и социокультурной обусловленности. С феноменологической точки зрения успех – одна из заложенных аргіогі в человеческую природу структур бытия. Личностный успех предстает как сложный и многоуровневый мировоззренческий и социокультурный феномен, характеризующийся внутренним единством и диалектической противоречивостью. С одной стороны, успех – это характеристика и показатели переживания личностью результатов собственных действий и усилий, с другой – показатель своеобразия ее положения в социуме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. McClelland D.C. The Achieving Society. – N.Y., 1961. – 402 p.
2. Толковый словарь русского языка: В 4 т./ Под ред. Проф. Д. Ушакова. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2007. – 752 с.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. – М.: Рус. яз., 2000. – В 2 т. – 1209 с.

4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
5. Тульчинский Г.Л. Разум, воля, успех. О философии поступка. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1990. – 216 с.
6. Mannheim K. Essays on the Sociology of Knowledge. – New York, 1952. – 306 p.
7. Ефремова О.И. Успех как социокультурный феномен: автореф. дис. канд. социол. н. / Ростовский государственный университет. – Ростов-на-Дону, 1993. – 24 с.
8. Канарский Д.И. Успех как механизм конституирования социальной реальности: Социально-философский анализ: автореф. дис. канд. филос. н. / Хабаровский государственный технический университет. – Хабаровск, 2000. – URL: <http://www.dslib.net/soc-filosofia/uspeh-kak-mehanizm-konstituirovaniya-socialnoj-realnosti-socialno-filosofskij.html> (Дата обращения: 10.10.19 г.).
9. Розенберг Н.В. Архитектоника успеха в культуре: автореф. дис. канд. филос. н. / Тамбовский государственный университет, – Тамбов, 2001. – 24 с.
10. Ключников С.Ю. Философия успеха: гносеологический анализ: автореф. дис. канд. филос. н. / Московский государственный университет сервиса. – Москва, 2003. – URL: <https://www.dissercat.com/content/filosofiya-uspekha-gnoseologicheskii-analiz/read> (Дата обращения: 10.10.19 г.).
11. Караханян Е.В. Социально-философская концепция успеха: автореф. дис. канд. филос. н. / Башкирский государственный университет. – Уфа, 2009. – URL: <https://www.dissercat.com/content/sotsialno-filosofskaya-kontseptsiya-uspekha/read> (Дата обращения: 10.10.19 г.).
12. Михайлова О.В. Образование «человека успешного»: социокультурный анализ: автореф. дис. канд. филос. н. / Институт развития образовательных систем. – Томск, 2009. – URL: <http://www.dslib.net/teorja-kultury/obrazovanie-cheloveka-uspeshnogo-sociokulturnyj-analiz.html> (Дата обращения: 10.10.19 г.).
13. Каюков В.А. Философско-культурологический аспект феномена успеха в деятельности дирижера: автореф. дис. канд. филос. н. / Казанский государственный университет культуры и искусств. – Казань, 2011. – 22 с.
14. Якутина О.И. Социальные практики успеха: дискурс повседневности и социально-философское понятие: автореф. дис. д-ра. филос. н. / Краснодарский университет МВД России. – Краснодар, 2001. – 24 с.
15. Мулляр Л.А. Социально-философские смыслы образа-концепта «успех»: автореф. дис. д-ра. филос. н. / Кабардино-Балкарский государственный университет. – Нальчик, 2012. – 44 с.
16. Нефедова Н.И. Социальные представления об успехе: автореф. дис. канд. психол. н. / Ярославский государственный университет. – Ярославль, 2004. – 20.
17. Маркелова Н.В. Развитие представлений об успешности в раннем юношеском возрасте: автореф. дис. канд. психол. н. / Северо-Кавказский государственный технический университет. – Ставрополь, 2005. – 26 с.
18. Лейфрид Н.В. Ответственность как личностная детерминанта представлений об успешном человеке: автореф. дис. канд. психол. н. / Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2006. – 24 с.
19. Атюнина В.С. Образ успешного человека в семантическом пространстве личности: автореф. дис. канд. психол. н. / Дальневосточный государственный университет путей сообщения. – Хабаровск, 2007. – 24 с.
20. Тугушева А.Р. Представления о социальной успешности и личностное самоопределение юношества: автореф. дис. канд. психол. н. / Самарский государственный педагогический университет. – Самара, 2007. – 22 с.
21. Зейвальд И.В. Влияние мотивов социального успеха на трудовую адаптацию личности в новой организации: автореф. дис. канд. психол. н. / Российский государственный социальный университет. – Москва, 2008. – 22 с.
22. Головчанова Н.С. Социально-психологические характеристики успешности региональной элиты: автореф. дис. канд. психол. н. / Ярославский государственный университет. – Ярославль, 2010. – 24 с.
23. Злобіна О. Особистість як суб'єкт соціальних змін. – К: Інститут соціології НАН України, 2004. – С. 315.

Поступила в редакцию 30.12.2019 г.

PERSONAL SUCCESS AS A SOCIALLY-CULTURAL AND WORLDVIEW PHENOMENON

A.S. Romanova

The article is devoted to the philosophical study of personal success as a multilevel sociocultural phenomenon, determined by the parameters of worldview and axiological sphere. It is concluded that success as an essential component of personal being is the result of creative activity to transform one's Self, going beyond the limits of one's life constraints, a vital "breakthrough" to freedom from natural and sociocultural conditioning..

Key words: success, personality, worldview, culture, society.

Романова Анна Сергеевна

Аспирант кафедры философии,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: anna.romanova1810@gmail.com

Romanova Anna Sergeyevna

Graduate Student of the Chair of Philosophy,
SEI HPE "Donetsk National University".
E-mail: anna.romanova1810@gmail.com

УДК 782/785 (045)

МУЗЫКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЖИЗНЕННОГО МИФА В ЭПОХУ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

© 2020. *Е.В. Рочняк*

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка

В статье проводится разделение музыки XX века на 2 большие группы: экспериментальная, или профессионально-композиторская, и массовая, популярная. Среди первой группы выделяют, прежде всего, импрессионизм, конструктивизм и полистилизм. Вторая группа, в свою очередь, представлена такими направлениями как джаз, рок и поп. Акцентируется внимание, что в обоих случаях музыка отражает поиски адекватного выражения духа эпохи и внутреннего ощущения человека в ней. Часто она представляет собой одновременно чувственно-личное и обобщенно-философское осмысление вечных вопросов.

Ключевые слова: музыка, философия музыки, музыкальное искусство XX века, современная музыка.

Музыка – многослойное и динамичное образование – форма активной, преобразовательной деятельности человека. В ней специфически отражается, приобретает социальную значимость непосредственное мироощущение человека, субъективный опыт восприятия, переживания объективной действительности. Иными словами, музыка презентует жизненный миф человека. Это своеобразная система кодирования и экспликации эмоциональноокрашенных ценностно-смысловых центров различных картин мира. По-гречески «миф» значит «слово, обобщающее знания о мире». То есть миф – это способ осмыслить мир, свое место в нем и самого себя. Миф – это то, что рассказывает, передает нам информацию о том, как устроен мир. Не случайно он сконцентрирован на «вечных» проблемах. Миф «передает менее понятное через более понятное» [2, с. 169].

К концу XIX века музыкальное искусство обладает развитым и сложным языком. Однако эпохальные события XX века, ряд локальных войн, две мировые войны, три революции в России, революционные события в Европе, приведшие к падению империй и образованию самостоятельных национальных государств, беспрецедентная «холодная война», падение колониальной системы и образование стран «третьего мира», оказывают глубокое воздействие на процесс развития культуры. Новые общественные потребности и умонастроения естественным образом проявляются в искусстве. XX век отражает поиски адекватного выражения средствами музыки динамики мира в контексте его внутренней определенности.

Желание передать пестроту бытия, противоречивость и драматизм современного человека и невозможность этого в рамках классического канона служит причиной поисков новых интонационных моделей и музыкальных средств. Экспериментальная музыка характеризуется появлением атональности и додекафонии, отказом от законов ладового тяготения, возникновением полистилистических коллажей. Создатель атональности австрийский композитор А. Шенберг считает, что именно таким образом можно передать мир видений и призрачных снов одинокого маленького человека. Его мелодраму «Лунный Пьеро» называют «Библией экспрессионизма» благодаря представлению образов в непривычной, недосказанной, неясной форме. Целью создателя додекафонии австрийского композитора А. Берга является также передача трагического бессилия человека в современном обществе.

Музыкальный импрессионизм характеризуется подчеркнутым уходом от обнаженной эмоциональности. Намеренной зыбкости, неопределенности ритмов, завуалированности переходов, что характерно для произведений позднего романтизма, противопоставляется склонность к ясности движения, четкая графика линий голосов в ткани полифонии. Х. Ортега-и-Гассет связывает с данным направлением начало дегуманизации в творчестве XX века. «Необходимо было исключить из музыки личные переживания, очистить ее до образцовой объективизации. Этот подвиг совершил Дебюсси. Только после него стало возможным слушать музыку спокойно, сдержанно, без опьянения, без слез [1, с. 246]».

Вместе с конструктивизмом в музыку приходят четкие машинные ритмы. Его разновидностью становится конкретная музыка, отличительная черта которой – включенность в ткань произведения всевозможных естественных звуков и шумов, записанных на пленку. В балете Э. Сати «Парад» используется стук пишущей машинки, а в музыкальной пьесе Л. Руссоло «Встреча автомобиля с аэропланом» слышен рев моторов. Образ машины становится новой аллегорией эпохи. В музыке начинают господствовать утилитаризм, нарочитая простота, ритм и целесообразность. Она отражает картину мира индустриальной эпохи, в рамках которой человеку-работнику некогда заниматься «метафизическими глупостями» и разгадывать загадки бытия. Музыка, как и искусство в целом, оказывается интересна и значительна своим психо-социо-функциональным значением.

В соединении новейших музыкальных наработок с фольклорными традициями проявляется полистилизм. По этому пути идут представители многих национальных музыкальных школ: Б. Бриттен (Великобритания), М. Равель (Франция), Я. Сибелиус (Финляндия), И.Ф. Стравинский (Россия), П. Хиндемит (Германия), М. де Фалья (Испания). В их произведениях дерзкие нарушения канонов базируются на натуральности и энергичности народной музыки, духовному аристократизму противопоставляется «земная музыка», «варваризм».

Актуализация массовых музыкальных жанров в современном культурном контексте во многом имеет компенсаторную природу и выраженный культурно-практический функционализм. Когда профессиональная симфоническая или оперная музыка углубляется в философские проблемы, приобретает сложные формы выражения, востребованной оказывается легкая для восприятия, доходчивая массовая музыка. Динамика массовых музыкальных жанров чрезвычайно сложна и до сих пор плохо изучена. Среди направлений, являющихся основой всего разнообразия следует назвать джаз, рок и поп.

Джаз представляет собой сплав европейской и африканской музыкальных культур, импровизацию на темы популярных в быту песен, известных оперных увертюр и арий на основе характерной ритмики (синкопирование, полиритмия). В период Первой мировой войны джаз Нового Орлеана является еще народной музыкой, к тридцатым годам он становится известным во всех крупных городах США и Европы, а к шестидесятым – повсеместно признан как особый вид искусства. Он представлен классическим джазом (блюз, рэг-тайм, уорк-сонг), зрелым (свинг и традиционный, или Новоорлеанский джаз) и современным джазом (боп- и кул-джаз). На его основе вырастает современная рок- и поп-музыка, где яркая индивидуальность и эксцентричность являются нормой, неизменным условием. Его элементы используются в значительной части симфонических и камерных произведений.

Рок – первая музыкальная форма, созданная специально для молодых людей, выражающая их отношение к действительности. Появившись в виде саундтрека «Rock

around the clock» к фильму «Blackboard jungle» как сомнения в моральных и политических устоях послевоенного мира, он превращается к концу шестидесятых годов в мощное культурное направление. Это звуковой фон целого поколения, самовыражение молодежных бунтов, потрясающих основы общества, общение. Каждое десятилетие характеризуется появлением новой разновидности рока, начиная от Э.Пресли и ливерпульской четверки, через хэви метл, хиппи и панк-рок к трэш метл, гранж и готике, при одновременном существовании классик-рока (симфо-рока, рок-оперы).

Поп-музыка характеризуется установкой на коммерческий успех, максимально облегченным содержанием и упрощенной звуковой формой. Ее цель – расслабление, развлечение. Изначально она рассчитана на широкую аудиторию, охватывающую разные слои населения и представляющую различные страны. Именно поэтому в данном направлении современной музыки особенно активно проявляется процесс глобализации. Ярким примером этого служит всемирное признание творчества М. Джексона или шумный успех российской поп-группы «Тату». Благодаря широкому использованию технических средств в эстрадной музыке происходит переакцентирование элементов в сравнении с традиционными жанрами: главенствующую роль приобретают громкость, метроритм, аранжировка, броскость мелодических рисунков, узнаваемость манеры исполнения, эмоциональная взвинченность, эпатажность. Все это в определенной степени обеспечивает общедоступность этого музыкального языка.

При всей своей привязанности к конкретному разрезу эпохи и географической местности музыка в наше время имеет универсальный характер, пронизывает все коммуникативные и семиотические ситуации мира. Внутри культурной системы устанавливаются сложные взаимоотношения между элементами. Здесь нет традиционной смены одного стиля другим, доминирует установка на гибкую полиморфную систему, которая находится в самопоиске и саморазвитии. Музыка XX века в основном характеризуется не столько индивидуализацией общего, сколько порождением индивидуальных смыслов в конкретном музыкальном произведении. Художнику становится важнее не выразить самого себя, а передать определенную информацию о мире, помочь другим перейти из статуса созерцателя (реципиента) в статус участника (соавтора).

Художественная культура Новейшего времени чрезвычайно неоднородна и неоднозначна. Некоторые ее открытия и наработки сразу признаны современниками, некоторые же только ждут своего понимания. Для одних людей современная музыка примитивна и бессмысленна (Г. Маркузе, С. Московичи, Х. Ортега-и-Гассет, Б. Розенберг), другие же (З. Бжезинский, Г. Ганс, Э. Шилз, К. Штокгаузен) видят в ней глубины, недоступные классической европейской музыке. Современное искусство осваивает беспорядок действительности, который является не слепым и губительным хаосом, а плодотворной основой. Отметим, что, обращаясь к воображению, искусство способствует разрешению мировоззренческого кризиса, предлагает нам различные картины и образы мира.

Таким образом, мы видим, что музыка в Новейшее время условно разделяется на два больших массива: экспериментальная, или профессионально-композиторская, и массовая, популярная. Первая характеризуется поиском новых форм и средств выражения, творческим экспериментом (появление атональности и додекафонии, отказ от законов ладового тяготения, возникновение полистилистических коллажей, включение в ткань произведения всевозможных естественных звуков и так далее). Вторая – утилитарностью, нарочитой простотой.

Ведущими направлениями становятся джаз (сплав европейской и африканской музыкальных культур, импровизация на основе характерной ритмики), рок (музыка

молодежи, выражение молодежного бунта, эмоциональная взвинченность, эпатажность) и поп (общедоступность, установка на коммерческий успех, максимально упрощенная форма и облегченное содержание).

В целом современная музыка характеризуется гибким и универсальным характером, пронизывает все коммуникативные системы мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Житомирский, В. В. К изучению западноевропейской музыки XX века / В. В. Житомирский // Современное западное искусство. Идеиные мотивы, пути развития. Театр, кино, живопись, музыка. – М. : Наука, 1971. – С. 195–274.
2. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа. / Е. М. Мелетинский. – М. : Восточная литература, 2000. – 407 с.

Поступила в редакцию 26.02.2020 г.

MUSIC AS A REFLECTION OF A MYTH OF LIFE IN THE MODERN EPOCH

E. V. Rochnyak

The article divides the music of the twentieth century into two large groups: experimental, or professional, and popular. In the first group impressionism, constructivism and polystylism are distinguished in the first row. The second group, is represented accordingly by such styles as jazz, rock and pop. It is emphasized that in both cases the music represents the search for an adequate expression of the order of the epoch and the inner sensation of a person in it. Often, it is both a sensually personal and a general philosophical understanding of eternal issues.

Key words: music, philosophy of music, musical art of the twentieth century, modern music.

Рочняк Елена Владимировна

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и истории
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных
языков».
E-mail: lero1981@yandex.ru

Rochniak Elena Vladimirovna

Candidate of Philosophy,
associate professor of the Department
of Philosophy and History of
EEHPE «Gorlovka Institute for Foreign Languages»
E-mail: lero1981@yandex.ru

УДК 1(091): 16

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИКИ В КОНЦЕПЦИИ И.А. ИЛЬИНА

© 2020. *Н.И. Стрельникова*

ГОУ ЛНР «Луганский национальный аграрный университет»

В статье рассмотрены концепция духовно-нравственных оснований политики, развернутая в работах И.А. Ильина. Показана актуальность этой концепции для современных процессов возрождения российской государственности и осмысления исторических процессов XX века. Выделены основные принципы связи духовных и политических процессов в их исторической конкретизации.

Ключевые слова: философия политики, И.А. Ильин, Россия, духовность, ценности.

Введение. Современные процессы национально-государственного возрождения и развития России актуализируют наследие великих русских мыслителей XX века, среди которых особое место принадлежит И.А. Ильину. Именно этот мыслитель чаще всего цитируется современными российскими государственными деятелями в качестве идейного ориентира в их работе. Вместе с тем, философия политики И.А. Ильина основана на христианских ценностях и христианском образе мысли, что часто вызывает непонимание и отторжение у наших современников. Анализируя основные аспекты концепции свободы в философии И. Ильина, П.А. Шашкин акцентирует внимание на православной догматике, на опыте которой преимущественно основана метафизика власти И.А. Ильина. «Антирелигиозная воля», по И.А. Ильину, есть «не что иное, как “воля к обладанию и власти”, и расценивать ее следует не как духовную потенцию, а как опасное явление природы. Это как раз и есть воля, для которой поставленная цель оправдывает любые средства. Воля религиозная, наоборот, отличается от безрелигиозной тем, что основана на чувстве служения высшему благу, по своей сути она является “живой волей к совершенству”, к высшей цели» [6, с. 80]. Данный аспект его идей требует специального исследования и прояснения для того, чтобы войти в современное культурное сознание.

Цель. В данной статье рассматривается концепция духовно-нравственных оснований политики, развернутая в работах И.А. Ильина. Показана актуальность этой концепции для современных процессов возрождения российской государственности и осмысления исторических процессов XX века.

Основная часть. И.А. Ильин предостерегал от ошибочных суждений, когда писал о том, что политику нельзя рассматривать формально и оценивать по внешним проявлениям. Политика – это одновременно содержание и форма. Следовательно, государственная власть является только средством и орудием, которые призваны служить некой высшей цели. И не более того. Кто не понимает или не хочет понимать, что истинная политика – это прежде всего служение, а не карьера, личная жизнь, удовлетворение амбиций, властолюбия, тот неспособен к истинной политике. К этому можно добавить и факт, что сегодня место настоящего политического деятеля занял ловкий делец от политики. Речь идет о синтезе бизнеса и политики, что приводит к созданию основы для системной коррупции на государственном уровне. Таких «политиков» и людей, которые их поддерживают, И.А. Ильин называет чернью. Речь идет не о низших, слоях общества, а о людях, лишенных высших ценностей и

интересов. Чернью, в образном смысле слова, может быть любой: бедный, богатый, невежественные люди и «интеллигенты». «Люди становятся чернью тогда, когда они начинают заниматься политической деятельностью, движимые не политическим правосознанием, а личной полезностью... И если им все-таки удастся создать некоторое подобие «режима», то этот «режим» осуществляется под видом «демократии» торжеством жадности над общим благом, равенства над духом, лжи над доказательством и насилия над правом; этот «режим» основан на лести и подкупе и осуществляет власть демагогов» [3, с. 298]. И.А. Ильин подчеркивал, что политик-демагог, который воспитывает в душах людей политическую продажность – самый опасный враг народного правосознания и государственности.

Распространенным сегодня является мнение, что каждый народ заслуживает той власти, которую он имеет. Речь идет об уровне духовной культуры народа, которая в своем развитии и содержании зависит от того, присуще его гражданам чувство уважения к себе или нет. И.А. Ильин отмечал: «Чувство собственного достоинства является необходимым и истинным проявлением духовной жизни... Гражданин, лишенный этого чувства, – политически недееспособен; народ – обречен на тяжкие исторические унижения» [4, с. 311]. Духовное И.А. Ильин понимал как состояние души, которое является восприятием, переживанием и осуществлением высшей объективной ценности. Духовное достоинство, уважение является основой всякой жизни, а духовное самоуважение является источником истинной политики. «Самоуважение к себе как духу является основой жизненной борьбы за субъективное право. Чувство собственного достоинства устанавливает в этой борьбе как бы две грани: во-первых, грань, от которой начинается невозможность поступаться своими правами, – таковы все права личной свободы, и, во-вторых, грань, от которой начинается невозможность настаивать на своих правах» [3, с. 319].

И.А. Ильин выделял следующие признаки «здорового» правосознания («аксиомы»): духовное достоинство, духовную автономию, взаимное духовное признание людей, которые делают возможным единство политики и духовной жизни как отдельного человека, так и народа в целом. «Зрелое правосознание – это единственная сила, которая может обеспечить государственность партийных программ. При наличии такого правосознания партия от партии отличается не по тому, чей интерес отстаивает каждая из них (ибо все отстаивают один и тот же интерес – государственный), а тем, как они понимают этот единый и общий всем интерес» [3, с. 301]. Важно понимать и то, что истинная политика невозможна без идеала, который должен пронизывать своими лучами и облагораживать всякое решение, призвать издалека и согреть сердца вблизи. Главное, чтобы национальный идеал был не только понятным, объединяющим, приемлемым, внутренне и наружно объективирован, но и имел практическую реализацию, прежде всего в действиях органов публичной власти. По мнению И.А. Ильина, истинная политика объединяет, а не раскалывает людей и не разжигает их страсти, чтобы бросить их друг против друга. Поэтому истинная политика, по И.А. Ильину – это волевое искусство социального волеизъявления. В политике искусство состоит в том, чтобы необходимо организовать и правильно выразить единую всенародную волю так, чтобы это единение не потерялось по пути силу общего решения.

В истории России мы неоднократно становились свидетелями безвольной политики, политики недоразумения, измены, которая была причиной разочарований и бед, победы «двойных стандартов». На наш взгляд, единство как одна из главных черт истинной политики должно предусматривать личное своеобразие каждого человека.

Политика является искусством справедливости, то есть умением беречь индивидуальность человека. Как писал И.А. Ильин, политика «заключается в беспристрастном, предметном учете, признании и защите каждого индивидуального духовного субъекта во всех его существенных свойствах... Это значит, что сущность ее не в слепоте к человеческим различиям, но в признании их и в приспособлении к ним. Нельзя вводить во имя справедливости такой государственный строй, который... погасит духовную жизнь народа: ибо справедливость служит духу, а не дух – справедливости» [3, с. 307].

Философия сердца – главная идея философии И.А. Ильина, и с ее позиций он рассматривает и феномен политики. Антиполитиком для И.А. Ильина является политик, лишенный сердца: «Это человек, который лишен главного органа духовной жизни; который не любит ни своего ближнего, ни своей Родины; который не знает верности, этого выражения любви, но который способен к ежеминутной измены; который не имеет Божьей искры для страны, которой он хочет управлять; циник по призванию, который может иметь «успех» в личной карьере, но никогда не будет иметь истинного политического успеха. Вокруг его имени может подняться исторический шум, который дураки и воры будут принимать за “славу”. Вокруг него могут пролиться реки крови; он может стать причиной катастрофических несчастий и страданий; но творческих путей он не найдет для своего народа» [4, с. 154].

По воззрению И.А. Ильина, «политика как живая деятельность служит всегда духу, ради него утверждая истинное право и созидая государственное единство. Достойная и творческая жизнь человеческого духа остается высшей целью политики, а положительное право и государственная организация – средством» [3, с. 308]. Общей квинтэссенцией политических идей И.А. Ильина предстает духовность как совокупность высших человеческих качеств, обусловленных духовной природой человека. К ним, по мнению русского философа, относятся любовь, вера, совесть, свобода, добро, а также объективируемы формы религиозно-моральных ценностей – патриотизм, национализм, солидарность, правосознание – «потому что политика в ее истинном значении творится лучшими, существенными и глубочайшими силами души, т. е. духом, и служит тому самому, чем творится» [3, с. 309]. Истинный политик – это человек, который не только выполняет политические функции, но который пользуется моральным авторитетом у граждан и с ним идентифицирует себя народ.

И.А. Ильин предстает мыслителем правого спектра, представителем доктрины консерватизма (от англ. *conserve* – сохраняю, охраняю), которая в целом (как определенная идеология) нацелена на поддержку тех форм государственной и общественной жизни, которые традиционно складывались и исполнялись в моральных и правовых нормах, в религии, традициях семейного общения и т. д. Будучи одним из идеологов Белого движения, И.А. Ильин и в дальнейшем был последовательным антикоммунистом, предельно критически оценивал революционные события октября 1917 г., которые в дальнейшем служили для мыслителя основанием соображений относительно тоталитаризма как типа политического режима и определили в значительной мере его мировоззренческую позицию как консервативную. Принципиальное неприятие «левой» идеи в большевистском варианте скорее всего было и причиной того, что в начале 30-х гг. прошлого века И.А. Ильин имел некоторые иллюзии относительно фашизма как возможной альтернативы большевизму. Однако очень скоро эти иллюзии рассеялись, и он стал рассматривать фашизм и большевизм как две разновидности тоталитаризма, возникающие в современном «массовом» обществе. В частности, И.А. Ильин характеризует А. Гитлера как продукт эпохи общей

рекламы, благодаря которой лидер провозглашается «гением», а программа его партии как единственно спасительная. Такая «гениальность», по мнению философа, на самом деле была свидетельством беззастенчивой пронырливости, обмана и насилия, а программа – содержательно пустой, призванной лишь прикрывать властолюбие партийной элиты [2, с. 27].

В этом контексте полемизируя, в частности, с марксизмом, И.А. Ильин стремился доказать, что основой всего сущего является не некоторая объективная материальная реальность, с которой связывается функция организующего начала и от которой зависит деятельность человека, а осознанное Провидение, что воспроизводится в религиозной связи человека и Бога. Будучи одним из сторонников, а позже и исследователей философского наследия Гегеля, И.А. Ильин воспринимал именно позицию идеалистического философского мировоззрения, доказывая, что в основе обустройства общества должны лежать духовные каркасы, выраженные (если речь идет о российском обществе) в форме православного христианства. Таким образом, рассуждая об общественном обустройстве, И.А. Ильин постоянно подчеркивает необходимость тесной связи земного и небесного, констатирует факт неизменного присутствия, эманации трансцендентного божества в истории. С позиций религиозной традиции в философии И.А. Ильин толкует многочисленные проблемы общественного бытия – социальные, духовно-культурные, политические, правовые.

Исходя из положений своей философской антропологии (религиозной по содержанию), философ и в сфере политики выделяет два возможных подхода: 1) «органическое» понимание политики, которая ориентируется на личности и стремится выстраивать условия для духовного роста граждан, создать культурную среду, которое бы соответствовало особенностям, культурным запросам конкретных народов; 2) «механистический» подход, где на первый план выходят формальные правила политической игры, ориентированной на определенные интересы отдельных социальных сообществ, внешнюю свободу при пренебрежении внутренней свободой граждан. По мнению И.А. Ильина, «творческая демократия» требует не формальных правил, а достаточного уровня индивидуальной нравственности, развитого правосознания, духовной культуры, чувства ответственности, то есть, именно внутренней свободы человека, которая только и может противостоять любому тоталитаризму и в целом оберегать общество от разграничений и внутренних конфликтов. Современные общества в целом ориентируются на второй подход, при котором господствует «дух партийности», культивируется по сути власть части общества, а не целого общенационального интереса. Из таких соображений и установок вытекает понимание И.А. Ильиным главных социальных институтов, в частности государства, которое для него не может быть формальным объединением индивидуумов, а по сути своей является «семьей», что выстраивается прежде всего традиционной духовной культурой и общей историей, общей исторической судьбой. По мнению И.А. Ильина, государство есть «живое моральное общество, организм солидарности, совместной жизни людей, свободное и справедливое: морально безликое государство может только возмущать его; оно пробует привнести любовь в государство и политику, оно спрашивает о религиозных полномочиях государства и, если таковых не находит, готово отречься от него» [4, с. 185]. Философ считает, что обновление и государственное, и политическое есть смысл ожидать только «из глубины правосознания» и «глубины человеческого сердца», потому что именно здесь можно найти основания для всенародного единения, а также выяснить постановку новых целей, найти новые формы общественно-политического устройства и тому подобное [5,

с. 270]. Несмотря на эти два источника обновления, И.А. Ильин тщательно прорабатывает проблему права, правосознания, выделяет, в частности, аксиомы, без которых человеческое стремление к реализации идеала свободы не представляется ему возможным. Речь идет о трех законах общественной жизни любого народа, которая опирается, во-первых, на «духовное достоинство» каждого, во-вторых, на «автономию» человека, а также, в-третьих, не забывать и «закон взаимного признания». В совокупности эти законы способны воспитать в людях принципы солидарности, самостоятельности, достоинства, взаимного уважения; способны преобразовать государство в «духовный союз людей», объединенных «солидарным сотрудничеством»; не допустить какой-либо унификации, стирания самобытности и культуры народа, предотвратить тоталитарные тенденции в общественном обустройстве жизни.

Исходя из такого теоретического подхода, И.А. Ильин проявлял особую тревожность и беспокойство за судьбу русского народа, надеясь на его неизбежное возрождение, поскольку каждый народ на земле имеет свой ни с чем не сравнимый духовный инстинкт, данный от природы, что означает, по мнению мыслителя, «от самого Бога» [2, с. 84]. Именно поэтому немалое внимание И.А. Ильин уделяет критике тоталитарной идеологии, сложившейся в советской России, в частности, принципа интернационализма, социализма как общественного строя в целом, который, по его мнению, обезличивают и денационализируют конкретного человека. Национальное же чувство толкуется И.А. Ильиным как духовный огонь, являющийся проводником человека на его жертвенное служение, а человечество ведет к духовному расцвету. Создать нечто прекрасное и совершенное может в таком случае только тот, кто утвердился в творческом акте своего народа, то есть мировой гений, как правило, является национальным гением; денационализирован гений лишь видимый, экранный, тогда как истинное величие всегда связано с национальной культурной почвой [2, с. 269]. Исходя в целом из религиозного видения человека, философ считал, что увлечение русской и европейской интеллигенции идеями социализма, коммунизма является свидетельством их отпадения от веры в Бога. Эта идея проявляется и в его религиозно-политической концепции в произведении «О сопротивлении злу силой» и о котором уже говорилось выше. Если учесть социально-политический контекст написания данной работы, то здесь обосновывается собственно борьба с метафизическим злом, выраженным в диктатуре «русского коммунизма».

И.А. Ильин показывает, что социализм, который провозглашает осуществление свободы, равенства и братства, пытаясь создать общество справедливости, на опыте существует лишь в форме политического режима, который все пронизывает и поглощает, поработая. Социализм, по мнению И.А. Ильина, является «антисоциальным», поскольку убивает в человеке творческую инициативу, уравнивая всех в нищете и зависимости. Он показывает, что правящая коммунистическая элита вместо братства проповедует классовую ненависть, правит народом с помощью террора, создает механизм рабства, выдавая его за справедливый социальный строй. Тем не менее, отвергая понятие и практику социализма, мыслитель, однако, выделяет термин «социальность», вкладывая в него смысл живого братства людей, на основе которого должны устанавливаться порядок, законность, бережное отношение к человеческой личности, ее достоинства и свободы. В его понимании социальность является свидетельством духа и порядок духовной жизни, условием свободы личности, что служит основанием для осуществления им творческих задач. Такая социальность выводится И.А. Ильиным прямо из Евангелия, из формулы заповеди любви к ближнему, основанной на любви к Богу [2, с. 36].

Заключение. И.А. Ильин, определяя духовные основания общественного обустройства, прежде всего исходил из ценностей православной культуры, учитывая идейный потенциал религиозного мировоззрения. Отсюда вытекает и его личная вера в то, что настоящая история народов, их достойное общественное обустройство выстраиваются непосредственно в материально-чувственном мире, а перетекают в него из метафизического бытия, связанного с традиционной культурой, бытом, художественными устоями. Обобщая, следует отметить, что поиски философом нового общественного строя, в котором могли бы воплотиться вышеупомянутые ценности – братство, справедливость, свобода – находятся категорически вне не только сферы социализма, но и буржуазного строя. Оптимальным для И.А. Ильина и приемлемым является общество, которое (если говорить применительно к России) культивирует свою христианскую самобытность и ищет формы такого общественного строя, основой которого станут частные инициативные хозяйства и где будут учитывать собственные национальные интересы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильин И.А. Кто мы? О революции. О религиозном кризисе наших дней. – М.: Русская книга, 2001. – 576 с.
2. Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948-1956 гг. Т.1 / И.А. Ильин. – Париж: Изд. Русского Обще-Воинского Союза, 1956. – 343 с.
3. Ильин И.А. О сущности правосознания / И.А. Ильин // Собрание сочинений: в 10 т. / сост., вступит. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – М.: Русская книга, 1994. – Т. 4. – 624 с.
4. Ильин И.А. Путь духовного обновления / И.А. Ильин // Ильин И.А. Путь к очевидности. – М.: Республика, 1993. – 431 с. – С. 133-288.
5. Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры / И.А. Ильин / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. Ю.Т. Лисицы. – М.: Русская книга – XXI век, 2007. – 464 с.
6. Шашкин П.А. Аксиомы волевой власти в философии политики И.А. Ильина // Церковь и время. – 2006. – № 1. – С. 67-92.

Поступила в редакцию 23.03.2020 г.

SPIRITUAL AND MORAL BACKGROUND OF POLITICS IN THE CONCEPTION OF I.A. ILYIN

N.I. Strelnikova

The article deals with the concept of spiritual and moral foundations of politics, developed in the works of I. A. Ilyin. The relevance of this concept for the modern processes of the revival of Russian statehood and understanding of the historical processes of the twentieth century is shown. The main principles of connection of spiritual and political processes in their historical concretization are highlighted.

Key words: philosophy of politics, I.A. Ilyin, Russia, spirituality, values.

Стрельникова Наталия Ивановна
преподаватель кафедры философии
ГОУ ЛНР «Луганский национальный аграрный
университет».
e-mail: natalia.arrow@gmail.com

Strelnikova Natalia Ivanovna
teacher of the Chair of Philosophy of
SCE LPR “Lugansk National Agrarian University”.
e-mail: natalia.arrow@gmail.com

УДК 122/129

ФЕНОМЕН ТВОРЧЕСКОЙ СВОБОДЫ В КОНТЕКСТЕ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ПОДХОДА

© 2020. *Н.П. Шатохина*

ГОУ ВПО «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры»

В данной статье феномен творческой свободы анализируется при помощи метафизического подхода. Метафизическая парадигма представляет творческую свободу как явление иррационального порядка, сверхчувственный акт, невозможный для постижения только лишь с позиций формальной логики. Без метафизического метода познания феномена свободы созидания, невозможно было бы дать всесторонний развернутый анализ данного явления. Метафизический метод дает возможность исследовать свободу вообще, как явление, априорно заложенное в структуре миропорядка, как нечто непосредственно данное нам в бытии.

Ключевые слова: метафизика, творчество, иррациональное, ноуменальность, творческая свобода, трансцендентное.

Проблема творческой свободы, и свободы вообще, слишком сложная и многоаспектная для узкого, специфического ее рассмотрения в определенном контексте, не теряет своей актуальности на протяжении столетий. Поскольку свобода есть априорно данное, неизменное и несокрушимое начало мира, существующее вне, а не вовне, под свободой мы понимаем не только свободу воли, а еще и свободу, существующую как данность, саму по себе, до зарождения человеческой жизни, до зарождения биологической жизни вообще. Так, становится возможным предположение о существовании некоей абсолютной свободы, постичь и осознать которую, человек не в силах. Мы вольны распоряжаться свободой только в той степени, в которой это позволяет наше конечное существование, но свобода абстрактная, свобода вовне, никак не связана со свободой нашего жизненного выбора. В этой связи, первостепенно, на наш взгляд, определить какие же необходимые вопросы возможно выделить с помощью метафизической концепции, при изучении творческой свободы, как универсального свойства мира, его онтологической основы.

Метафизический подход является универсальным для обоснования всех явлений, не поддающихся логическому анализу, стоящих за гранью и возможностями человеческого разума, опыта, экспериментальной проверки. Метафизики не пытаются доказать первостепенность идеального начала, а прежде всего, исследуют категории, выходящие за рамки экспериментального обоснования, будь то, хотя бы, проявления высокоорганизованной материи. Метафизические явления ноуменальны, закрыты для ума и чувств. Это трансцендентная реальность, непостижимая и сверхопытная. А.Г. Спиркин пишет: «Предмет метафизики, в ее первичном смысле, – рассуждения об абсолютном мировом целом, недоступном никакому чувству, а также о свободе воли, Боге, бессмертии, вечности и бесконечности и т.п.» [10, с. 233]. Обращение к метафизическому подходу в контексте анализа свободы созидания, представляется не только возможным, но и научно оправданным.

Для того, чтобы составить целостную картину в изучении данной проблемы, следует выделить цель исследования: рассмотреть свободу творчества как категорию метафизики, имеющую первоначальную природу и непосредственно-наличествующую в бытии.

Феномен творческой свободы в контексте метафизики рассматривали такие философы, как Платон, Аристотель, Д. Юм, И. Кант, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, В. Виндельбанд. Среди экзистенциалистов свободу творчества изучали М. Хайдеггер, Ж.П. Сартр, Н. Бердяев. Среди представителей постмодернизма можно отметить М. Фуко, К. Леви-Стросса. Также в контексте метафизики творческую свободу анализировали Г. Райл, М. Белен, Ф. Нуче. Современными исследователями свободы созидания в русле метафизики являются Ф. Нудельман, Ж. Делез, С. Чиркова, П. Гайдено. Разработки в данном направлении, несомненно, будут вестись в социальной философии и в будущем.

Первый вопрос, который следует задать, прежде чем приступить к исследованию проблемы, заключается в установлении начала или истока происхождения свободного импульса, преобразующего вселенский континуум. Что явилось причиной свободы, что следует считать отправной точкой ее возникновения? Однако вопрос сам по себе не корректен, поскольку свобода всегда существовала как данность, как первопричина зарождения разумной материи. «Невозможно проследить вехи ее развития, установить временные или причинные границы, можно лишь совершить историческую реконструкцию теорий изучения свободы как явления относящегося к области метафизических знаний. Свободомыслие характеризует онтологический статус жизнеспособной общности, автономным элементом которой является индивид. Свобода – способ существования» [2, с. 89].

Второй вопрос – это обоснование творческой свободы как явления непосредственного, не данного просто в наличии, недоступного для органов чувств. Но при постановке этого вопроса изначально возникают противоречия, коренящиеся в самой природе феномена свободы вообще. С одной стороны, свобода есть проявление всего сущего, наблюдаемого каждым ежечасно, ежесекундно, а с другой стороны, свободу и свободу творческую, следует отнести к категории некоего Абсолюта, абстрактного и обосновывающегося лишь умозрительно.

Третий вопрос, самый важный по значимости и не менее сложный, чем предыдущие: почему и зачем нужно изучать свободу созидания с помощью метафизики, что даст нам такое исследование и каковы его перспективы, какие операции стоит применить в процессе получения наиболее достоверных ответов и выводов.

На начальном этапе, прежде всего, логично выявить и зафиксировать те противоречия, которые неизменно встречаются при систематизации каких-либо знаний. Эти противоречия, как правило, универсальны при изучении любой проблемы. Свобода же вообще предстает перед нами в двух значениях: как активное преобразование мира (творчество) и как пассивное подчинение высшим силам (религия). Н. Бердяев отводил первому наиболее важное значение, поскольку считал, что только творчество может помочь человеку преодолеть разрушение и конечность жизни. Как можно воплотить в едином две взаимоисключающие свободы, отрицающие друг друга? Почему именно первую из них следует рассматривать в контексте метафизики?

Невозможно решать вопрос о том стоит ли стремиться к творческой свободе. Она продуцирует любое проявление жизни, она есть ее смысл и суть. Но, на практике люди постоянно решают вопрос, как выражать свое стремление к свободе созидания, в какую форму его облечь. Индивид изначально несвободен в своем приходе в этот мир, но он может покинуть его добровольно. Воля каждого мыслящего существа – мощный двигатель на пути к гармоничному существованию. В своем труде «Основы метафизики нравственности» И. Кант отмечает: «Каждая вещь в природе действует по законам. Только разумное существо имеет волю, или способность поступать согласно

представлению о законах, т. е. согласно принципам» [4, с. 249]. Воля и свобода, как и творческие свобода и воля, – не синонимы, как достаточно часто, ошибочно считают многие. Воля созидательная, личностная, обусловленная разумной необходимостью – всего лишь ступень к творческой свободе, что слагается из множественных волеизъявлений, порывов, поступков, действий.

В современной философии метафизическое осмысление онтологических категорий, в том числе и творческой свободы, приобрело совершенно иную специфику. Убеждение позитивистов о несостоятельности метафизического метода, наложило отпечаток на всю научную картину мира XX и начала XXI вв. Метафизика неофициально признана беспомощной в решении основных философских проблем, в научном постижении мира. Однако, феномен творческой свободы – не простое явление, он составляет структуру мироздания, воплощен во всех сферах бытия. Творческая свобода всегда проявляется в том субъективном контексте, который ей придается отдельным сознанием, нет общего знаменателя, под который можно было бы подвести определение созидательной свободы и свободных действий вообще. Какими бы методами мы не пользовались при осмыслении творческой свободы, какими бы путями не отражали результаты исследования, и насколько бы они не были правильными по принципу верификации, обращение к метафизике неизбежно.

Духовное мироздание венчает собой купол ноосферы, оно незримо присутствует и направляет все физические усилия человека. Духовность не феномен и не категория философии, духовность – это сама жизнь, дающая импульс всему живому. Религия пронизывает духовную жизнь, создавая особый вид мирозерцания. Изучая творческую свободу, невозможно не касаться религии. Издавна считалось, что религия ограничивает свободу воли вообще, регулирует действия и помыслы, препятствует полной самореализации личности. Но, с другой стороны именно религия позволяет человеку возвысить идею творческой свободы, возвести ее в ранг Абсолюта. Людям необходима идея Абсолюта. Как справедливо замечает Д. Пассмор: «В любой системе без Абсолюта люди разрываются между несовместимыми мотивами самоутверждения и самопожертвования, они заражены противоречиями «желания», которое способно удовлетвориться лишь при полном саморазрушении. Абсолют должен быть Одним, Единым, поскольку множественность предполагает отношения» [9, с. 50].

Свобода творчества не представляет собой только этически-религиозную проблему, она концентрирует в себе средоточие самых разных философских сфер требующих дальнейшего изучения, вызывающих научный интерес и не теряющих своей актуальности. Рассматривая свободу, в целом, как физическое, природное явление, мы неизбежно приходим к пониманию, того, что феномен свободы значительно превышает норму любой физической константы, его нельзя подчинить ни одному физическому закону. Обращаясь к анатомическим знаниям о природе и структуре головного мозга, мы рано или поздно, приходим к заключению, что чувство свободы не дается нам в априорном виде, не заложено оно и в виде инстинкта, а уж тем более, не вырабатывается в процессе жизни, не познается с помощью ощущений.

Однозначно, что феномен свободы выходит, таким образом, и за грани физиологических реакций и процессов. Если обратиться к основной составляющей современной социальной реальности – информационным технологиям, то проблема свободы и свободы творческой, в особенности, здесь, также, отражается в совершенно новом, диссонирующем оттенке. Открывая новые горизонты созидательной свободы, современный человек одновременно ограничивает личностную свободу, что, снова создает насущную потребность обращения к метафизическим истокам данного

явления. А последние, достаточно глубоки. «Одним из вечных вопросов метафизики был вопрос о свободе воли, или о «свободе и необходимости», «причине мирового зла», «природе греха», «богооправдании» [1, с. 56]. И, наконец, новейшая политическая история мира красноречиво свидетельствует о метафизической природе свободы ищущего духа, невозможности приравнять ее к стихийной, общественной силе, преобразующей и двигающей цивилизационные пласты.

Из всего вышеописанного следует, что вопрос о детерминированности и обусловленности творческой свободы не может решаться в рамках только диалектических концепций, он должен быть осмыслен с помощью и путем метафизического метода, позволяющего перешагнуть границы причинно-следственной обусловленности. Неизбежность обращения к метафизике влечет за собой неизбежность обращения к немецкой классической философии, где проблема метафизики свободы занимает центральное место.

Представители немецкой классической философии основной задачей при изучении феномена свободы и творческой активности, считали самопроизвольность действий человека в сравнении с полной подчиненностью, детерминированностью. Но, помимо описания проблемы, лежащей на поверхности, Кант, Гегель, Шеллинг и Фихте разрабатывали новую метафизическую концепцию осмысления свободы как исторического двигателя. В частности, Фихте и Гегель противопоставляли метафизический подход в понимании феномена свободы – диалектическому. Так, анализируя основные философские идеи учения Г. Гегеля, В.Н. Кузнецов отмечает: «Серьезное внимание уделил Гегель вопросу о соотношении необходимости и свободы. Выступая против их метафизического понимания по принципу «или – или», Гегель, подобно ряду предшествующих философов, искал единства свободы и необходимости на пути глубокого, можно сказать, исчерпывающего познания последней» [7, с. 100]. Через познание категории необходимости, немецкие классики пытались представить свободу как не только осознанную неизбежность, но и как порождение преобразующей, креативной человеческой деятельности. В единстве свободы и необходимости немецкие идеалисты видели проявление людских волевых качеств. Впоследствии, интерпретаторы трудов немецких классиков философии, по-своему генерировали их идеи, не всегда верно понимая суть и глубину выраженной мысли.

В настоящее время, современные западные авторы создают постклассические теории. Актуальны такие вопросы, как: проецирование универсальной теории свободы, максимально объективно объясняющей все политические и общественные движения, существующие и существовавшие ранее, отождествление достижения свободы с целью человеческой жизни, разграничение понятий свободы и собственности, взаимозависимость свободы, равенства и ответственности, проявление идеи свободы в религии и искусстве, соотнесение, так называемых, «позитивной» и «негативной» свободы и, наконец, реальность свободы созидательной.

Метафизика, в большей степени, позволяет нам подойти к определению творческой свободы, при условии, что мы будем сравнивать ее с логическими детерминированными методами, опирающимися лишь на строгий анализ. Свободу в целом, равно как и свободу созидательную, нельзя осмыслить эмпирически, она есть априорная составляющая всего сущего, первоинтенция бытия.

Постижение проблемы творческой свободы во многом приближает нас к постижению Абсолюта, поскольку и божественный порыв создания Вселенной (творческий акт сотворения мира) и человеческий созидательный импульс, наполняющий нашу жизнь смыслом, немислимы без креативной свободы, волеизъявления, духовного

произвольного порыва. Творческое вдохновение, если даже оно дается свыше «неведомыми силами», принуждает нас к свободе действий, а точнее, свободе самовыражения, не допускающего запреты и цензуру, в понимании последней как строгого разбора, взыскательной критики.

Свобода творчества трансцендентальна только при внешней ее оценке. Она исходит от самосознания человека только на первый взгляд, но бесполезным было бы искать ее лишь в духовном мире. Утверждение о том, что свободы нет в природе и без человека – заведомо ложно, и ошибка эта проистекает от многовековой научной традиции связывать воедино феномен творческой свободы и этические принципы. Моральная сторона проблемы свободного выбора всегда привлекала к себе наибольшее внимание ученых, вызвала жаркие споры и дискуссии. Именно поэтому, свободу творчества стали ассоциировать с чисто человеческой природой, чисто человеческими мироощущением и общественным долгом.

Через свободу личностного проявления, в процессе творчества, выкристаллизовывается духовное «Я», возникает гармоничное сочетание внутреннего и внешнего. Так, можно заключить, что только свобода, и как уже было определено, свобода не только творческая, но и бытийная, приоткрывает завесу тайны феномена человеческого духа, созидающего и творящего земной континуум, сотворившего и преобразующего ноосферу. И, как уже было сказано выше, творческую свободу и свободу вообще, нельзя рассматривать в отрыве от метафизики. М.К. Мамардашвили в своей книге «Как я понимаю философию» на этот счет высказывается так: «А свободу нельзя определить внешним по отношению к ней образом, ибо это означало бы подвести свободу под какой-то закон, какую-то регулярность и начать определять то, что в принципе неопределимо» [8, с. 55].

Творчество, как сила, приводящая в равновесие и гармонию самые разные сферы жизни, также содержит в себе иррациональные аспекты, стоит выше рационального анализа и прагматических устремлений. Иррациональное, как и идея свободы, заложено в самой основе бытия, оно пронизывает всю человеческую деятельность. Рациональное и иррациональное, как две разные стороны бытия, тем не менее, органически связаны, они представляют собой диалектическое единство, неразделимое целое. Для того чтобы составить объективную картину мира, вероятнее всего, целесообразно уделять внимание как рациональному, так и иррациональному аспекту, не отмахиваться от последнего, вспоминая о нем только в крайних случаях.

Иррациональные истоки свободы творчества – это проявления силы созидания, но не слепой и спонтанной, а разворачивающейся по собственным законам. Неспроста же в истории развития философских учений встречались убеждения, связанные с представлениями о мистической природе творческого акта, его непознаваемости. Ученые обращали внимание на тот факт, что зачастую сам автор творит не по собственной воле, он словно "втянут" в игру высших сил, действует по кем-то предписанному сценарию.

Иррациональное заложено в самой природе человека-творца, поскольку ему от рождения дана высокоразвитая интуиция. Философами был даже введен такой термин как "интенция", что означает предпосылку к созданию именно такого творческого продукта, предчувствие его структуры еще тогда, когда творение его даже не начато. Г.А. Карцева высказывает идею, согласно которой: "интенция, как творческое веление, существующее накануне произведения, всегда оказывается богаче и многостороннее, чем отдельный конкретный результат – произведение искусства, поэтому в художнике постоянно происходит борьба против невозможности реализовать внутренние

необходимости своей жизни, стремление преодолеть разрыв собственного замысла и его художественного воплощения" [5, с. 369]. Это еще одна грань иррационального в творчестве, и еще одно доказательство того, что Творец не наделен полной свободой самовыражения, его идея далека от ее материального воплощения.

Не поддается сомнению, что автор ставит перед собой цель и максимально приближает к ней свое творчество. Однако то, как эта цель формируется и какими подчас непостижимыми путями достигается, пока еще сложно отнести к области логического и причинно-следственного, поскольку сегодняшний уровень научных знаний не может дать точного ответа на эти сложные вопросы. Отказаться от иррационального в творчестве – значит интерпретировать проблему творческой свободы, видеть ее в заведомо ложном аспекте.

Классический иррационализм А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, А. Бергсона, традиционно истолковывал творческую волю как воплощение одной из множества потенций, заложенных в природе мироздания. Иррациональность, в данной концепции проявлялась, прежде всего, в необъяснимости выбора одного из путей актуализации творческого продукта. Именно в этом ключевом моменте и отражалась вся таинственность свободы выбора творца, а конкретнее, свободы творческого волеизъявления. Но глубинным источником любого выбора автора, в этой концепции, являлось бессознательное, как стихийная сила природы, начало всего сущего, мировая воля.

В иррациональном подходе к проблеме творческой свободы особая роль отводится выделенной А. Бергсоном мистической интуиции, присущей биологической натуре человека и придающей произведениям законченность и целостность. Бергсон называл ее чувственной интуицией и ставил многим выше интуиции интеллектуальной: "... раз мы имеем такого рода интуицию, то есть выходящую за пределы интеллекта (*ultraintellectuelle*), то от нее существует непрерывный переход к чувственной интуиции, подобно тому, как существует переход между красным и ультрафиолетовым цветами. Таким образом, чувственная интуиция получает более высокий смысл. Она уже не просто схватывает призрак непознаваемой вещи в себе, она вводит нас в абсолютное" [3, с. 401]. По его мнению, чувственная интуиция позволяет прозревать творческие идеи, двигающие вперед эволюцию человечества, выводит нас за рамки трансцендентного и погружает в мир иррационального.

Принято считать, что в акте творческой воли, прежде всего, осуществляется переход от иррационального к рациональному. Иррациональное, в данном случае, тесно связано с субъективной сферой творческой деятельности. Это – внутренний мир автора, условия его работы, замысел творческого продукта. Но, можно проследить и обратную взаимосвязь, когда от рациональных продуктов творчества совершается переход к иррациональной субъективной интерпретации потребителя или воспринимающего. Поэтому, на наш взгляд, сложно четко обрисовать и проследить этапы творческого процесса, которые можно подвести под определения конкретно рациональных или иррациональных.

Свобода творческого выбора иррациональна в своей непредсказуемости из многих потенциальных путей развития. Недаром Е.Н. Коробова обобщая теоретические представления о процессе созидания в философии и психологии, делает неожиданный вывод: "Источники творчества скрыты в глубинах человека" [6, с. 246]. Творческая активность, предполагающая выбор, и есть настоящая свобода действий субъекта, но это не просто нахождение одного пути из всех возможных, а создание нового, оригинального, посредством выбора именно этого пути. Кроме того, зачастую, в творческом процессе автор не выбирает из готовых путей, ему предстоит самому найти

этот путь, очертить его сначала в сознании, а потом на практике. То есть и сам путь - иллюзорная возможность, так же, как и его искомое следствие.

Свобода творчества ничто иное как сила, приводящая в движение все во Вселенной. Раскрыть ее тайну – означало бы познать смысл жизни и сотворения сущего. Только можем ли мы, употреблять это выражение в своей полной значимости, то есть подразумевая именно вольное сознательное движение души, если метафизический метод с полной основательностью убеждает нас в том, что свобода непостижима? Тайна созидания также пока остается за гранью нашего сознания и неизбежное обращение к метафизике, при анализе феномена творческой свободы, по сути, не полностью удовлетворяет наш научный интерес. Представляется, что метафизический метод только лишь фиксирует непостижимость некоторых явлений, но не может дать хотя бы частичное их объяснение.

Таким образом, применение метафизического метода неизбежно при рассмотрении такого многогранного и сложного феномена, как свобода созидания, однако с его помощью можно только фиксировать основные черты и стороны данного явления. Современность требует свежего взгляда на вещи, нестандартного и синтетического подхода, который соединял бы в себе и рациональное и мистику, содержал в себе принцип единого знания. Определенно лишь то, что к феномену творческой свободы нужно подходить как к сложному и противоречивому явлению и метафизическая парадигма представляет творческую свободу как явление иррационального порядка, сверхчувственный акт, невозможный для постижения только лишь с позиций формальной логики. Без метафизического метода познания феномена свободы созидания, невозможно было бы дать всесторонний развернутый анализ данного явления. Метафизический метод дает возможность исследовать свободу вообще, как явление, априорно заложенное в структуре миропорядка, как нечто непосредственно данное нам в бытии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артемьева Т.В. История метафизики в России XVIIIвека / Т.В. Артемьева. – СПб.: Алетейя, 1996. – 320 с.
2. Баталов Э.Я. Человек. Мир. Политика / Э.Я. Баталов - М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2008. – 330 с.
3. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память / А. Бергсон; [пер. с фр.] - Минск: Харвест, 1999. – 1408 с. – (Классическая философская мысль).
4. Кант И. Сочинения в шести томах / И. Кант; [пер. с нем.]. – М.: Мысль, 1965. – Т. 4., Ч. I. – 544 с. – (Философское наследие).
5. Карцева Г.А. Рациональное и иррациональное в процессе художественного творчества / Г.А. Карцева // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – № 12(34). – С. 368-371.
6. Коробова Е.Н. Проблема творчества в философии и психологии / Е.Н. Коробова // Психологический вестник Уральского государственного университета. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – № 2. – С. 241-247.
7. Кузнецов В.Н. Немецкая классическая философия второй половины XVIII – начала XIX века / В.Н. Кузнецов; М.: Высшая школа, 1989. – 174 с.
8. Мамардашвили М.К. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке / М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский; - М., Школа «языки русской культуры», 1997. – 224 с.
9. Пассмор Дж. Сто лет философии / Дж. Пассмор; [пер. с англ.]; М., Прогресс-Традиция, 1998. – 496 с.
10. Спиркин А.Г. Философия / А.Г. Спиркин. – М.: Гардарики, 2006. – 736 с.

Поступила в редакцию 06.12.2019 г.

THE PHENOMENON OF CREATIVE FREEDOM IN THE CONTEXT
OF THE METAPHYSICAL APPROACH

N.P. Shatokhina

In this article, the phenomenon of creative freedom is analyzed using a metaphysical approach. The metaphysical paradigm presents creative freedom as a phenomenon of irrational order, a supersensible act, impossible to comprehend only from the standpoint of formal logic. Without a metaphysical method of cognition of the phenomenon of freedom of creation, it would be impossible to give a comprehensive detailed analysis of this phenomenon. The metaphysical method makes it possible to investigate freedom in General, as a phenomenon a priori inherent in the structure of the world order, as something directly given to us in existence.

Key words: metaphysics, creativity, irrational, noumenality, creative freedom, transcendent.

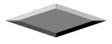
Шатохина Наталья Петровна

доцент кафедры истории и философии
ГОУ ВПО «Донбасская национальная
академия строительства и архитектуры».
e-mail: shatohina-85@mail.ru

Shatokhina Natalia Petrovna

associate Professor of history and philosophy,
Donbassl Academy of
Construction and Architecture.
e-mail: shatohina-85@mail.ru

ПЕДАГОГИКА



УДК 378.147:51:004

ПОДГОТОВКА УЧИТЕЛЕЙ МАТЕМАТИКИ И ИНФОРМАТИКИ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИХ БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2020. *Ю.В. Абраменкова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты подготовки будущих учителей математики и информатики к созданию и использованию современных средств информационно-коммуникационных технологий в их будущей профессиональной деятельности. Описываются некоторые приемы формирования профессиональной компетентности в области информационно-коммуникационных технологий у студентов педагогических направлений подготовки.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, профессиональная компетентность, будущий учитель математики и информатики.

В современных условиях интенсивного развития и использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), изменения структуры и содержания системы высшего профессионального образования, ее информатизации, особое значение приобретает подготовка студентов к полноценной жизни в современном информационном обществе. Сегодня использование современных средств ИКТ в учебном процессе повышают мотивацию к обучению, обеспечивает повышение эффективности и качества процесса обучения, активизацию и интенсификацию учебной деятельности обучающихся, повышение уровня их информационной культуры, обеспечивают гибкость управления учебным процессом [4].

Использование современных информационно-коммуникационных технологий в учебном процессе развивает интеллект обучаемых, их навыки самостоятельной и исследовательской работы, расширяет объем изучаемого материала и набор учебных задач, осуществляет индивидуальный подход в обучении, обеспечивает гибкость в управлении учебным процессом и т.д. Это, в первую очередь, относится к подготовке будущих учителей математики и информатики к использованию средств ИКТ в их профессиональной деятельности. В связи с этим возникает проблема подготовки будущего учителя математики и информатики, который владеет компьютерными программами и технологиями различной направленности, умеет их использовать в организации и управлении учебным процессом, умеет организовывать творческую и исследовательскую деятельность обучаемых в условиях применения ИКТ и т.п.

Успешная и качественная работа современного учителя математики и информатики невозможна без основательных и фундаментальных знаний по педагогическим, методическим и компьютерным дисциплинам. В настоящее время постоянно возрастают требования к профессиональной подготовке студентов, в частности будущих учителей. Основными путями решения данной проблемы являются индивидуализация процесса обучения, развитие творческих способностей студентов и формирование у них профессиональной компетентности.

По мнению И. В. Кузнецовой [3] компетентный подход в образовании предусматривает развитие творческого потенциала обучаемого, его профессиональных качеств; способностей применять полученные знания, умения, а также личностные качества для эффективной профессиональной деятельности.

В настоящее время нет единого подхода к толкованию понятия профессиональной компетентности педагога. Наиболее полное, на наш взгляд, определение данному понятию дается в работах А. В. Козырева, Н. Ф. Радионовой и А. П. Тряпициной [2]. Ученые под *профессиональной компетентностью педагога* понимают интегральную характеристику, определяющую способность решать профессиональные проблемы и типичные профессиональные задачи, которые возникают в реальных ситуациях профессиональной педагогической деятельности, с использованием знаний, профессионального и жизненного опыта, ценностей и наклонностей.

Ученые выделяют следующие основные составляющие профессиональной компетентности:

– *ключевые компетентности* (компетентности, проявляющиеся, прежде всего, в способности решать профессиональные задачи на основе использования информации, коммуникации, социальных и правовых основ поведения личности);

– *базовые компетентности* (компетентности, необходимые для «построения» профессиональной деятельности с учетом требований к системе образования);

– *специальные компетентности* (компетентности, отражающие специфику конкретной предметной или надпредметной сферы профессиональной деятельности; их можно рассматривать как реализацию ключевых и базовых компетентностей в области учебной дисциплины, конкретной области профессиональной деятельности) [2].

В рамках формирования у обучающихся профессиональной компетентности согласно государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования выделяются требования к общекультурным, общепрофессиональным и профессиональным компетенциям. Анализируя стандарт, разработанный в ДНР по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) [1], отметим, что обучение будущих учителей математики и информатики созданию и использованию современных средств информационно-коммуникационных технологий в их будущей профессиональной деятельности является той необходимой подготовкой данных специалистов, в результате которой у студентов формируются все три группы компетенций. Например, выпускник, освоивший программу бакалавриата по данному направлению подготовки, должен обладать способностью использовать естественнонаучные и математические знания для ориентирования в современном информационном пространстве, способностью использовать свободное владение профессионально-профилированными знаниями в области компьютерных технологий для решения задач профессиональной деятельности, в том числе находящихся за пределами направленности профиля подготовки; способностью формирования образовательной среды для обеспечения качества образования, в том числе с применением информационных технологий [1].

Для реализации профиля подготовки математика и информатика по направлению 44.03.05 Педагогическое образование в ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» по согласованию с работодателями разработаны и включены в основную образовательную программу подготовки данных специалистов *специальные компетенции* (СК). В частности, в области информационно-коммуникационных технологий выпускники по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (профиль: математика и информатика) должны обладать следующими специальными компетенциями:

– владением математикой как универсальным языком науки, средством моделирования явлений и процессов, способностью пользоваться построением математических моделей для решения практических проблем, понимать критерии качества математических исследований, принципы экспериментальной и эмпирической проверки научных теорий;

– способностью использовать рациональные способы получения, преобразования, систематизации и хранения информации, актуализировать ее в необходимых ситуациях интеллектуально-познавательной деятельности;

– владением основными положениями истории развития математики и информатики, эволюции математических идей в контексте формирующегося информационного общества и концепциями современной математической и информатической наук;

– готовностью применять знания теоретической информатики, фундаментальной и прикладной математики для анализа и синтеза информационных систем и процессов;

– способностью использовать математический аппарат, методологию программирования и современные компьютерные технологии для решения практических задач получения, хранения, обработки и передачи информации;

– способностью реализовывать аналитические и технологические решения в области программного обеспечения и компьютерной обработки информации для обучения, развития и воспитания на различных этапах общего образования;

– готовностью к рациональному использованию средств информатизации для организации здоровьесберегающей информационно-образовательной среды для осуществления в учебно-воспитательном процессе и внеурочной работе;

– способностью использовать средства современных информационно-коммуникационных технологий для создания, формирования и администрирования электронных образовательных ресурсов;

– умением анализировать и проводить квалифицированную экспертную оценку качества электронных образовательных ресурсов по информатике, математике и интегрированным (математика и информатика) профильным курсам, а также программно-технологического обеспечения для их внедрения в учебно-образовательный процесс.

Таким образом, обучение компьютерным наукам, информационно-коммуникационным технологиям, их созданию и внедрению в будущей профессиональной деятельности учителей математики и информатики является одной из важнейших составляющих профессиональной подготовки студентов. На наш взгляд, подготовка учителей математики и информатики к созданию и использованию средств ИКТ в их будущей профессиональной деятельности должна происходить непрерывно на протяжении всего периода обучения и состоять из нескольких этапов.

Проанализируем, например, такую подготовку студентов на факультете математики и информационных технологий ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (профиль: математика и информатика).

Первый этап является базовым в подготовке будущих учителей математики и информатики и направлен на формирование у них компьютерной грамотности и информационной культуры. Основной целью компьютерной грамотности является формирование у студентов знаний об устройстве и принципах работы компьютера, его роли в различных областях деятельности человека; умений и навыков работы с основными видами программного обеспечения, в том числе, ориентированного на использование в

будущей профессиональной деятельности. Целью же развития информационной культуры у обучающихся является формирование у них умений и навыков использования ИКТ для поиска информации, ее обработки, анализа и критического оценивания, передачи и использования, а также создания новой информации и ее обмена.

В связи с этим, для достижения вышеуказанных целей, в подготовку студентов по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (профиль: математика и информатика) включены следующие дисциплины: «Информатика», «Компьютерные науки (Офис)», «Компьютерные науки (Latex, Maple)», «Компьютерные науки (ООП или Базы данных)», «Компьютерное моделирование». Эти дисциплины относятся к базовой части дисциплин и являются обязательными к изучению (как правило, на первом-втором курсе). Также к дисциплинам этого блока можно отнести такие вариативные курсы как «Современные проблемы информатики» и «Избранные разделы информатики».

В рамках изучения данных дисциплин происходит подготовка студентов к работе со следующим программным обеспечением:

- компьютерные программы, входящие в состав пакета Microsoft Office (текстовый редактор Word, табличный процессор Excel, программа подготовки презентации PowerPoint, базы данных Access, программа подготовки публикаций Publisher и др.);

- для обучения программированию, в частности, объектно-ориентированному программированию, изучаются программы Pascal и Delphi;

- математический пакет (система компьютерной математики) Maple, позволяющий выполнять сложные математические вычисления, визуализацию данных как в двумерном, так и в трехмерном пространстве, моделирование и др.;

- система компьютерной верстки Latex, облегчающая набор и редактирование довольно сложных документов, содержащих различные математические операторы, формулы, графики, иллюстрации, таблицы и т.п.;

- мультимедийная платформа Adobe Flash, позволяющая работать с различными видами графики (растровой, векторной, трехмерной), создавать web-приложения, анимации, модели и т.п., а также другие компьютерные программы.

Таким образом, компьютерная подготовка будущих учителей математики и информатики является разноплановой и включает в себя знакомство с различным программным обеспечением. Однако, изучение вышеуказанных дисциплин практически не рассматривает возможности использования данных компьютерных продуктов в будущей профессиональной деятельности студентов. Что, в свою очередь, определяет необходимость включения в процесс обучения профессионально ориентированных компьютерных дисциплин.

Второй этап подготовки будущих учителей математики и информатики к использованию ИКТ носит прикладную направленность и ориентирован на обучение студентов применению вышеуказанного программного обеспечения в будущей профессиональной деятельности, созданию и внедрению педагогических программных средств (ППС) в учебный процесс.

В рамках данного этапа происходит изучение дисциплины «Информационно-коммуникационные технологии в обучении математике и информатике», основной целью которой является формирование у студентов профессиональной готовности к использованию ИКТ в обучении математике и информатике. Дисциплина изучается в течение двух лет (6–9 семестр), ее общая трудоемкость составляет 10 зачетных единиц, общий объем 360 часов. Программой дисциплины предусмотрены лекционные (120 часов) и практические (105 часов) занятия, а также самостоятельная работа (135 часов).

Дисциплина «ИКТ в обучении математике и информатике» состоит из следующих содержательных модулей:

1. Педагогические программные средства в обучении математике и информатике.
2. Компьютерно-ориентированные уроки.
3. Электронные образовательные издания и ресурсы.
4. Дистанционные технологии в обучении математике и информатике.

Содержательный модуль «Педагогические программные средства в обучении математике и информатике» направлен на формирование у обучаемых представления о различных видах ППС и возможности их применения в учебном процессе. В рамках данного модуля происходит знакомство студентов с различным программным обеспечением, в том числе, учебного назначения, особенностями его работы, возможностями использования в учебном процессе по математике и информатике.

Например, для изученных ранее компьютерных программ рассматриваются особенности их использования в профессиональной деятельности как педагога в целом, так и учителя математики и информатики в частности. При изучении возможностей применения компьютерных программ, входящих в состав пакета Microsoft Office рассматриваются следующие вопросы:

– использование текстового редактора Word в подготовке документации учителя (разработка тематического планирования, планов-конспектов уроков, дидактических материалов и др.), использование редактора формул MathType, создание графических объектов, графиков, схем, диаграмм, таблиц в текстовых документах и др.;

– использование табличного процессора Excel для мониторинга успеваемости и качества знаний обучающихся, обработки и представления статистических данных научных исследований и др.;

– использование системы управления базами данных Access для создания базы данных учащихся класса, учебной и методической литературы по предмету и т.д.;

– использование программы подготовки публикаций Publisher для создания открыток, брошюр, буклетов, рекламных проспектов, приглашений на различные мероприятия (например, математический кружок, неделя информатики, творческий вечер и т.п.).

С помощью изученной ранее программы Delphi студенты создают различные приложения, например, тренажеры, тесты, эвристико-дидактические конструкции и т.п. С помощью программ, рассмотренных при изучении дисциплины «Компьютерное моделирование», создаются модели математических объектов, учебные анимации и др.

Основную часть первого модуля составляет знакомство с новыми для студентов различными педагогическими программными средствами и особенностью их использования в учебном процессе. Например, при изучении темы «Использование интерактивных и мультимедийных технологий в учебном процессе» студенты знакомятся с интерактивной доской SmartBoard, ее программным обеспечением Smart Notebook; учатся создавать мультимедийные презентации, содержащие видеофрагменты, flash-анимацию, интерактивные средства и мультимедиа как входящие в коллекцию самой программы, так и в коллекцию Lesson Activity Toolkit (LAT) 2.0.

Одной из основных тем подготовки студентов является «Использование имитационно-моделирующих программ в обучении математике и информатике». В рамках этой темы рассматриваются такие компьютерные программы, как GeoGebra, Живая математика, Dynamic Geometry, Gran. Эти программы позволяют создавать различные интерактивные модели, которые можно видоизменять в режиме реального времени, проводить исследования математических объектов и моделей и т.п. Данные

программы русскоязычны, имеют довольно простой и удобный интерфейс, ориентированы на использование учащимися в школе. Например, эти программы можно использовать в рамках предмета «Информатика и ИКТ» при изучении математического и информационного моделирования, 3D-моделирование и анимация и т.д. Но более всего они ориентированы на использование при изучении математике в школе. Например, с помощью математических моделей, созданных этими программами, учащиеся могут проводить различные исследования, выдвигать гипотезы, их подтверждать или опровергать; «открывать» теоремы, свойства объектов; проводить эксперименты, рассматривать разные методы решения задач и т.д.

Также при изучении этого содержательного модуля студенты знакомятся и с другими программами и их особенностями использования в учебном процессе: тренажерами, электронными учебниками, информационно-справочными программами, контролирующими программами, игровыми программами, эвристико-дидактическими конструкциями и другими.

В рамках содержательного модуля «Компьютерно-ориентированные уроки» студенты учатся применять различное программное обеспечение, в том числе, ППС в обучении математике и информатике, определять целесообразность выбора конкретного программного средства к конкретному этапу урока, разрабатывать и анализировать компьютерно-ориентированные уроки по математике и информатике; организовывать учебно-познавательную и исследовательскую деятельность, а также самостоятельную работу учащихся по математике и информатике с помощью ИКТ.

Третий содержательный модуль «Электронные образовательные издания и ресурсы (ЭОИР)» направлен на обучение студентов созданию и использованию ЭОИР в учебном процессе. В рамках этого модуля студенты знакомятся видами электронных образовательных изданий и ресурсов, требованиями к их созданию и использованию, принципами конструирования, а также программным обеспечением, позволяющим разрабатывать такие средства ИКТ (например, FrontPage, DreamWeaver, AuthorWare и др., online-среды для разработки html-документов). Также студенты разрабатывают электронные пособия по темам математики и информатики, содержащие теоретический материал, примеры решений задач, задания для самостоятельной работы, интерактивные web-тесты, анимации, звуковой и видеоматериал и т.п.

В рамках изучения содержательного модуля «Дистанционные технологии в обучении математике и информатике» студенты знакомятся с современными дистанционными и сетевыми технологиями, их использованием в организации и управлении учебным процессом (например, персональные блоги учителей, сайты образовательных организаций, электронные дневники и журналы и т.п.). Также студенты знакомятся с возможностями online коммуникации в образовании (например, вебинары, видеоконференции и онлайн-вещание), виртуальными мирами (например, vAcademia), интерактивными средствами обучения (например, ментальные карты, метальные учебники и т.п.), разработка дистанционного учебного курса и организация процесса обучения и др.

Таким образом, процесс подготовки учителей математики и информатики к использованию ИКТ в их будущей профессиональной деятельности сложный и многомерный, предусматривает усвоение определенного уровня знаний в области ИКТ, сформированности умений и навыков по разработке и использованию в учебном процессе различных видов ППС, обретения опыта работы с компьютерными технологиями, Интернет-ресурсами. Что позволяет качественно подготовить учителя математики и информатики к практике использования информационно-коммуникационных технологий в профессиональной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://mondnr.ru/dokumenty/standarty-vpo/bakalavriat/send/14-bakalavriat/1044-gos-44-03-05-pedagogicheskoe-obrazovanie-s-dvumya-profil'yami-podgotovki>. – Дата обращения 20.03.2020 г.
2. Компетентный подход в педагогическом образовании: коллективная монография / под ред. проф. В. А. Козырева, проф. Н. Ф. Радионовой и проф. А. П. Тряпицыной. – СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. – 392 с.
3. Кузнецова И. В. Формирование профессиональной компетентности студентов педагогического вуза при изучении математических дисциплин / И. В. Кузнецова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – № 3. – 2011. – С. 126-131.
4. Роберт И. В. Теория и методика информатизации образования (психолого-педагогический и технологический аспекты) / И. В. Роберт. – М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2014. – 398 с.

Поступила в редакцию 18.03.2020 г.

PREPARING TEACHERS OF MATHEMATICS AND INFORMATICS FOR USE OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN THEIR FUTURE PROFESSIONAL ACTIVITIES

Iu. V. Abramenkova

The article deals with theoretical and practical aspects of PREPARING future teachers of mathematics and informatics to creation and use modern means of information and communication technologies in their future professional activities are considered/ Some methods of forming professional competence in the area of information and communication technologies at students of pedagogical directions of preparation are described.

Key words: information and communication technologies, professional competence, future teacher of mathematics and informatics

Абраменкова Юлия Владимировна

кандидат педагогических наук;
доцент кафедры высшей математики и методики преподавания математики ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: abramenkovajulia@mail.ru

Abramenkova Julia Vladimirovna

Candidate of Pedagogical Sciences;
Associate Professor of the Department of higher mathematics and methods of teaching mathematics, SEI HPE "Donetsk National University".
E-mail: abramenkovajulia@mail.ru

УДК 373.2

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА ПО ФОРМИРОВАНИЮ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

© 2020. А.А. Головинова, Д.А. Чернышев
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматриваются проблемы моделирования процесса организации социально-педагогического партнерства по формированию здорового образа жизни в условиях дошкольного образовательного учреждения. Показано значение образовательной и оздоровительной деятельности для привития дошкольникам ценностного отношения как собственному здоровью, так и здоровью окружающих, приобретение навыков и умений здорового образа жизни. Проведен анализ условий внедрения интегрированного подхода к здоровому образу жизни на основе объединения и гармонизация всех образовательных программ, обеспечивающих гармоничность и целостность развития дошкольника. Разработана и предложена модель процесса организации социально-педагогического партнерства по формированию здорового образа жизни в условиях дошкольного образовательного учреждения. Определены условия, при которых образовательный и воспитательный процесс воздействует на активизацию работоспособности, уменьшение утомляемости организма ребенка с помощью конвергенции оздоровительных, развивающих, образовательных и воспитательных задач с физическими и психологическими мероприятиями.

Ключевые слова: сотрудничество, модель, моделирование, взаимодействие, акции, гармонизация детско-родительских отношений, педагогическое партнерство, дошкольное образовательное учреждение, семья, качества личности, ребенок, воспитание, педагогический капитал, конвергенция.

Введение. Педагогическое партнерство семьи и дошкольного образовательного учреждения направлено на формирование здорового образа жизни ребенка. В рамках партнерства здоровый образ жизни включает, во-первых, осознанное ценностное отношение к своему здоровью не только всех участников партнерства, но и к здоровью окружающих людей; во-вторых, полноценные знания о самом здоровом образе жизни, условиях его реализации, роли и значения для человека; в-третьих, возможность реализации условий здорового образа жизни у каждого отдельно взятого участника партнерства; в-четвертых, здоровый образ жизни повышает уровень безопасности и креативности в повседневной жизни всех участников исходя из социального и личностного опыта. Данные факторы побуждают ДОО и семью формировать систему отношений между ребенком, родителями и педагогами на принципиально иной основе, в которой стороны выступают равноправными партнерами педагогического пространства, нацеленного на формирование здорового образа жизни дошкольников.

По мнению О. Г. Жуковой социально-педагогическое партнерство ДОО и родителей, использование современных разнообразных форм работы с семьями воспитанников ДОО изменяет характер взаимодействия педагогов с родителями. Многие из них становятся активными участниками всех дел детского сада и незаменимыми помощниками воспитателей. Именно эти родители имеют наилучшие результаты в воспитании и развитии своих детей [1, с. 92]. Т. И. Макарова указывает, что совместная подготовка сближает сотрудников ДОО и родителей, родителей и детей, создает единое воспитательное пространство, в котором успешно реализуются

поставленные цели и задачи, приобретает социальный опыт для вхождения маленького человека в большой мир [2, с. 53]. В коллективной монографии, под редакцией А. А. Майер, отмечается, что современная семья ребенка дошкольного возраста обладает достаточным потенциалом для установления партнерских отношений с педагогами детских дошкольных организаций ради блага ребенка, родители заинтересованы в создании в детском саду полноценных психолого-педагогических условий для его развития [3]. Методические аспекты партнерства дошкольной организации и семьи получили свое развитие в работе под редакцией С. С. Прищепа и Т. С. Шатверян [4]. В работе Р. Ю. Белоусовой и Т. А. Ревягиной обобщен опыт экспериментальной и инновационной деятельности ДООУ по развитию вариативных форм дошкольного образования, представлены вариативные модели образовательной деятельности, модели психолого-педагогического сопровождения семейного образования на основе социального партнерства [5].

Несмотря на наличие научных публикаций, посвященных решению оптимизации процесса организации социально-педагогического партнерства по формированию здорового образа жизни в условиях дошкольного образовательного учреждения, имеется целый комплекс вопросов требующих дальнейшего изучения и разработки.

Так, не в полной мере раскрыты факторы социально-педагогического партнерства, позволяющие сблизить формы и методы развивающей педагогики оздоровления ребенка, педагогического коллектива и семьи. Отсутствует должное обоснование взаимодействия образовательного и воспитательного процесса на активизацию работоспособности, уменьшение утомляемости организма ребенка с помощью конвергенции оздоровительных, развивающих, образовательных и воспитательных задач с физическими и психологическими мероприятиями.

Целью исследования является моделирование процесса организации социально-педагогического партнерства по формированию здорового образа жизни в условиях дошкольного образовательного учреждения.

Основная часть. Осознанное отношение к качеству образа жизни исходя из состояния личного здоровья может сформироваться лишь в условиях культивирования здоровья как первоочередной ценности. «Здоровьесберегающая среда в дошкольном учреждении должна стать единой, целостной системой взаимодействия всех участников образовательного процесса, способствующего процессу здоровьесформирования и здоровьесобеспечения» [6, с. 66]. Участники партнерства могут привить такое мировоззрение ребенку в условиях личной демонстрации потребности сохранения и приумножения своего здоровья, заботы о здоровье окружающих людей, в первую очередь членов семьи, членов педагогического коллектива дошкольного образовательного учреждения. Ценностное отношение ребенка к здоровью, как компоненту здорового образа жизни, позволит приумножить не только качественные характеристики будущего взрослого участника социума, но и его отношение к ценности жизни других людей.

Развитие ЗОЖ невозможно без формирования у дошкольника комплекса знаний о организме человека, о составляющих ЗОЖ, включающие такие компоненты, как общие правила осуществления образа жизни позволяющего сохранить и приумножить здоровье, взаимосвязь между здоровьем человека и состоянием окружающей среды, взаимоотношением социальной и природной среды. Образовательная и просветительская деятельность включает информацию о наиболее целесообразном режиме дня, правильном питании, оптимальном сочетании занятиями физкультурой и отдыхом, профилактикой болезней. Ребенку целесообразно сообщать о негативных

факторах, влияющих на здоровье человека, о безопасном поведении в детском саду и дома, в общении со сверстниками и взрослыми. Дошкольник должен четко уметь устанавливать взаимосвязь между своими действиями и их влиянием на собственное здоровье и окружающих людей, «способный к осознанию ценности своего здоровья обладающий здоровыми жизненными навыками, способный к рефлексии, умеющий выбирать поведение, управлять собой дружелюбный по отношению к взрослым и детям, способный к пониманию, сочувствию и помощи» [7, с. 275].

Всякая реализация планов и теоретических познаний связанных с реализацией ЗОЖ непосредственно связана с активным внедрением данных положений в повседневное поведение ребенка и других участников педагогического партнерства. Все участники партнерства должны сделать ЗОЖ своим ежедневным поведением, нормой жизни, четко осознавая их необходимость. Это требует решать все задачи ЗОЖ, такие как, активное проведение комплексных закаляющих, оздоровительных, гигиенических и иных мероприятий, направленных на укрепление здоровья. «Правильно организованная образовательно-воспитательная работа с детьми нередко в большей степени обеспечивает формирование здоровья и ЗОЖ, чем все медико-гигиенические мероприятия» [8, с. 16].

Указанные цели, по развитию ЗОЖ ребенка, требуют от всех участников педагогического партнерства решения ряда задач, среди которых можно выделить наиболее важные. К ним относятся:

- развитие у всех участников педагогического партнерства мотивации, поведения и информационной базы, призванных обеспечить реализацию ЗОЖ;
- формирование в дошкольном образовательном учреждении условий для сохранения и укрепления здоровья, как дошкольников, так и иных участников партнерства;
- рост уровня знаний и компетенций родителей и воспитателей дошкольного образовательного учреждения в вопросах теоретической и практической реализации положений ЗОЖ.

Моделирование процесса организации социально-педагогического партнерства по формированию здорового образа жизни в условиях дошкольного образовательного учреждения целесообразно осуществлять на основе ряда принципов.

1. Принцип целостности, предполагающий такую организацию процесса, при которой достигается наиболее полное формирование личности ребенка. Такой подход дает возможность оптимально воздействовать на развитие его знаний и умений, творческих и физических способностей, навыков и убеждений. Ни одно из направлений развития личности будущего гражданина общества не остается без внимания.

2. Принцип индивидуализации и персонализации, позволяет учесть сильные и слабые стороны ребенка, акцентировать воздействие воспитательного процесса на индивидуальные личностные способности, повышая тем самым уровень развития как отдельного дошкольника, так и всей группы в целом.

3. Принцип гуманизма и свободы личности. Человеческая личность рассматривается как наиболее высокая социальная ценность, что позволяет, начиная с дошкольного образовательного учреждения, прививать ребенку идеи гуманизма. Педагогическое партнерство направляет формирование на ЗОЖ, общественную активность, способность к самореализации, с учетом высоких этических норм и эстетических идеалов. Партнерство в развитии ЗОЖ повышает степень ответственности участников, и, одновременно, способствует дерегламентации творческой деятельности педагогов, формируя единое образовательное и воспитательное пространство для детей.

4. Принцип развития и укрепления здоровья. Данный принцип необходимо рассматривать не только как элемент ЗОЖ, но и в более широком плане. Развитие здоровья оказывает оздоровительный эффект отдельно взятого ребенка, в целом положительно влияет на психологический микроклимат в группе. Кроме этого, состояние здоровья человека является одним из компонентов формируемого на протяжении жизни человеческого капитала, позволяющего получать в последующем более высокий и качественный уровень жизни. «Здоровье рассматривается как профессиональная ценность, а это определяет необходимость формирования ценностного отношения к здоровью и здоровому образу жизни у всех субъектов образовательного процесса (детей, педагогов, родителей). Ценностное отношение подразумевает осознание важности здоровья для всей жизнедеятельности человека и восприятие его как исключительной ценности, отказ от вредных привычек, внутренняя мотивация к ведению здорового образа жизни, активность в способах сохранения и укрепления здоровья» [9, с. 49].

5. Принцип интеграции всех форм и видов работы с детьми в рамках здорового образа жизни. Все виды деятельности дошкольников в системе ЗОЖ должны быть взаимосвязаны и являться его составляющими. Это включает как работу с детьми, так и с родителями и воспитателями, с обязательным завершением отдельно взятого вида работы и анализа полученных результатов.

6. Принцип наглядности и доступности для детей. Целесообразно предъявлять информацию в таком виде, при котором она полностью адаптирована к восприятию, вызывает неподдельный эмоциональный интерес, формирует у детей однозначно позитивное представление здорового образа жизни. Ребенку трудно представить отдаленные положительные последствия реализации ЗОЖ, поэтому необходимо делать акцент на краткосрочной пользе и целесообразности.

7. Принцип экологичности. Здоровый образ жизни не может реализовываться в отрыве от бережного отношения к природе. В связи с этим дошкольникам целесообразно прививать и формировать мышление и поведение направленное на охрану природы, окружающей среды, так как ЗОЖ предполагает оптимальный баланс между природой и средой обитания человека.

8. Принцип образовательной компетенции. ЗОЖ возможен в условиях постоянного повышения образовательного уровня, исходя из накопленного человеческого опыта по развитию здоровья детей, состояния развития научно-технического прогресса.

Социально-педагогические условия в дошкольном образовательном учреждении и семье оказывают непосредственное активное влияние на процесс реализации ЗОЖ. Организация и успех реализации ЗОЖ зависит от качества взаимодействия воспитателей и родителей, компетентности сторон в рамках социально-педагогического партнерства. Это обуславливает активную работу воспитателей с семьей. К наиболее важным направлениям можно отнести следующие. Первое, просветительская работа по вопросам здоровья и здорового образа жизни в целом. Второе, подробное изучение семей, условий воспитания и развития детей, анализ возможности полноценной реализации ЗОЖ. Третье, воспитатели, родители и дошкольники совместно проводят различные спортивно-массовые мероприятия, походы в выходные дни, просветительские мероприятия. Четвертое, существует объективная необходимость в отдельных случаях проводить индивидуальную работу с семьей, как по просьбе самих родителей, так и в силу педагогической необходимости.

При внедрении здорового образа жизни в практику дошкольных образовательных учреждений возникает ряд проблем. «Функциональная система физического

воспитания детей дошкольного возраста не отвечает современным требованиям и нуждается в научно обоснованных заменах, которые эффективно способствовали решению задач укрепления психофизического здоровья, повышению уровня физической подготовленности, надлежащего интеллектуального и нравственного развития ребенка и формирования представления о здоровом образе жизни» [10, с. 63]. Первое, реализацию здорового образа жизни необходимо внедрять комплексно, чтобы все составляющие данного подхода стали нормой жизни, набором правил и норм, выполняемых автоматически, без принуждения. В реальности формирование ЗОЖ дошкольников носит фрагментарный характер, в основном за счет отдельных мер, что придает ему бессистемность и эпизодичность. ЗОЖ руководство дошкольных образовательных учреждений часто рассматривает как новомодную инновацию, и использует не для действительной пользы детей, а, в основном, для отчетов, при проведении проверок, демонстрации прогрессивности перед родителями дошкольников при зачислении в детский сад. Второе, комплекс мер ЗОЖ требует распространения не только на дошкольников, но и на воспитателей, членов семьи ребенка. Самое лучшее воспитание детей происходит на личном примере взрослых, в данном случае воспитателей дошкольного образовательного учреждения и родителей. ЗОЖ необходимо прививать детям не только в стенах детского сада, но и дома, в летний период оздоровления, то есть без каких-либо перерывов и выходных. «Эффективность формирования здорового образа жизни дошкольников зависит от целенаправленной деятельности педагогов и формирования надлежащего уровня валео-педагогической культуры в семье, единства педагогического воздействия дошкольного учебного заведения и семьи в воспитании здорового образа жизни детей, обновления валеологического содержания работы с родителями и форм их педагогического образования» [11, с. 19]. Третье, во многих дошкольных образовательных учреждениях очень слабое материально-техническое обеспечение, отсутствует наглядных материал. В такой ситуации реализация ЗОЖ будет носить половинчатый характер, что не приведет к достижению поставленных целей и задач. Четвертое, концепция ЗОЖ не имеет полноценного психологического и педагогического методологического обеспечения. ЗОЖ не сформировался как целостная научная система, что, естественно, затрудняет ее реализацию педагогами, приводит к различной трактовке отдельных положений. Пятое, дошкольникам предоставляется достаточно сложная информация, связанная с биологическими, анатомическими, физиологическими аспектами строения и функционирования человеческого организма. Чрезмерность и сложность информации порождает у детей отторжение и неприятие идей ЗОЖ. Шестое, ЗОЖ формируется у детей преимущественно за счет репродуктивного метода, что не гарантирует развития у детей творческих начал. Достижение целей ЗОЖ наиболее целесообразно сочетать за счет использования различных педагогических методов, в том числе исследовательского. Седьмое, активному внедрению ЗОЖ недостает достаточного уровня подготовки воспитателей, не всегда адекватного понимания понятийного аппарата здорового образа жизни, целей и задач воспитания детей с учетом специфики данного подхода. Начать работу нужно в самом педагогическом коллективе дошкольного учреждения, так как роль педагога имеет очень большое значение в формировании здорового образа жизни детей. Собственный пример педагогов будет стимулировать родителей к активизации в решении проблем валеологического воспитания детей. «На улучшение здоровья детей, их благоприятное физическое развитие влияет весь уклад жизни ребенка в дошкольном учреждении, заботливое и внимательное отношение к нему взрослых, высокое чувство ответственности всего коллектива за каждого воспитанника» [12, с. 49].

Практика реализации ЗОЖ показывает противоречивость, обусловленную недостаточным пониманием родителями основ здорового образа жизни, отсутствием у большинства необходимых педагогических навыков, слабой системы взаимодействия между воспитателями детского дошкольного образовательного учреждения и семьей ребенка. ЗОЖ невозможно внедрить в сознание дошкольников при отсутствии активного взаимодействия семьи и детского сада. Родители в большей мере надеются на воспитательную деятельность педагогов и при всех недостатках в воспитании перекладывают ответственность на дошкольное учреждение. В свою очередь, педагогический коллектив ДОУ вполне обоснованно может возлагать ответственность на семью ребенка, исходя из неоспоримой аксиомы морального долга родителей в воспитании детей. Поэтому, только совместные действия семьи и педагогического коллектива, в рамках социально-педагогического партнерства, могут обеспечить формирование здорового образа жизни.

Семейное воспитание детей и воспитание в дошкольном образовательном учреждении может осуществляться независимо одно от другого. Стремясь к одной и той же цели члены семьи и воспитатели детского сада могут давать различные установки. Желание видеть своих детей здоровыми подталкивает родителей давать рекомендации не всегда взаимосвязанные с реалиями ЗОЖ. Такое противоречие требует от педагогического коллектива изучения и корректировки воспитательного потенциала семьи ребенка. Воспитателям целесообразно учитывать специфику конкретного состояния отдельной семьи, четко выявлять ошибки семейного воспитания, связанные со ЗОЖ, предоставлять и обосновывать необходимость и целесообразность индивидуальных рекомендаций родителям. Такие меры требуют от воспитателей тщательного изучения сильных и слабых сторон родителей. «Предпосылками результативности работы с родителями в области формирования здорового образа жизни являются мотивационные потребности к здоровому образу жизни, перенос в практическую деятельность усвоенных детьми знаний, умений, и навыков» [13, с. 232].

Уровень знаний родителей о ЗОЖ сильно варьирует и зависит как от индивидуальных особенностей личности, так и полученного профессионального и жизненного опыта. Наиболее важным фактором, способным оказать влияние на достижение ЗОЖ, является наличие педагогической подготовки и способностей. Одним из способов повышения педагогического уровня можно считать пропаганду ЗОЖ, в частности организация на базе дошкольного образовательного учреждения школы, предоставляющей знания родителям по данной тематике, предоставление консультационных услуг, оформление наглядной агитации, проведение тематических встреч с родителями, создание клубов по расширению знаний о ЗОЖ.

Нетрадиционные методы внедрения ЗОЖ дают весьма положительный результат, дополняя тем самым традиционные. Тематические лекционные занятия предусматривают различные встречи и беседы с родителями как в стенах детского сада, так и на предприятиях, где работают родители детей. Положительный эффект дают встречи в расширенном формате, с участием детских врачей, психологов. При этом приглашенные специалисты в области медицины и психологии могут одновременно являться и членами семей дошкольников, что повышает уровень восприятия информации и степень доверия к ним со стороны как родителей других детей, так и самих дошкольников. Такие встречи необходимо проводить с обязательным сочетанием предоставления информации и получения обратной связи. Для этого могут быть использованы педагогические задачи для родителей, имеющих валеологическое

содержание. Цель таких заданий заключается в стремлении стимулировать родителей к самостоятельному, и, соответственно, более осмысленному усвоению положений концепции ЗОЖ. Предлагаемые задачи позволяют родителям формировать и увеличивать у себя объем навыков, используемых в последующем в конкретных ситуациях в семье. О результатах использования полученных знаний на практике родители могут докладывать на занятиях и встречах, обсуждая эффективность мер, а также допущенные ошибки и недостатки.

Распространение и внедрение идей ЗОЖ не должно происходить в принудительном порядке, в форме неукоснительного соблюдения. Дошкольники могут быстро потерять интерес к ЗОЖ в случае чрезмерно активного психологического давления на них, непонимания предоставляемой информации, убежденности в важности и полезности такого образа жизни для самосовершенствования и саморазвития. Важное значение имеет форма подачи информации, ее способность подтолкнуть ребенка к самоанализу, стремлению к открытию нового и интересного, прежде всего для него самого. Такое воздействие способно выработать у дошкольников желание быть здоровыми, осознание у них самих, а не только у родителей, ценности здоровья. «Важнейшей предпосылкой формирования у ребенка позиции созидателя по отношению к своему здоровью является наличие у него потребности в здоровом образе жизни, которая формируется при соблюдении ряда специфических условий, одним из которых является рефлексия ребенком своих физических возможностей и их взаимосвязи с состоянием здоровья» [14, с. 247]. Моделирование процесса организации социально-педагогического партнерства по формированию здорового образа жизни в условиях дошкольного образовательного учреждения должно основываться на ряде теоретико-методологических положений (рис. 1).

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1) формирование здорового ребенка основывается на комплексном подходе развивающей деятельности при условии личностной ориентации на формирование культуры здоровья в ДОУ;

2) образовательная и оздоровительная деятельность формируется для привития дошкольникам ценностного отношения как собственному здоровью, так и здоровью окружающих, приобретение навыков и умений здорового образа жизни;

3) организация образовательного процесса создается на основе интегрированного подхода к здоровому образу жизни, объединения и гармонизация всех образовательных программ, обеспечивающие гармоничность и целостность развития дошкольников;

4) воспитание ребенка нацелено на осмысленное регулирование физических связей, за счет активизации развивающих форм игровой и двигательной деятельности. «Систематическое комплексное использование спортивных игр на физкультурных занятиях в дошкольном учебном заведении поможет ликвидировать дефицит движений, сбалансировать процессы созревания, сформировать у детей привычки здорового образа жизни» [15, с. 29].

5) образовательная и развивающая работа с дошкольниками основывается на дифференциации и индивидуализации подходов;

6) здоровый образ жизни принимается всеми участниками социально-педагогического партнерства в качестве главного (основополагающего) фактора развития и перманентного укрепления здоровья детей;

7) активизация физической активности и рост потенциальных возможностей организма дошкольника достигается на основе образовательной и оздоровительной деятельности;

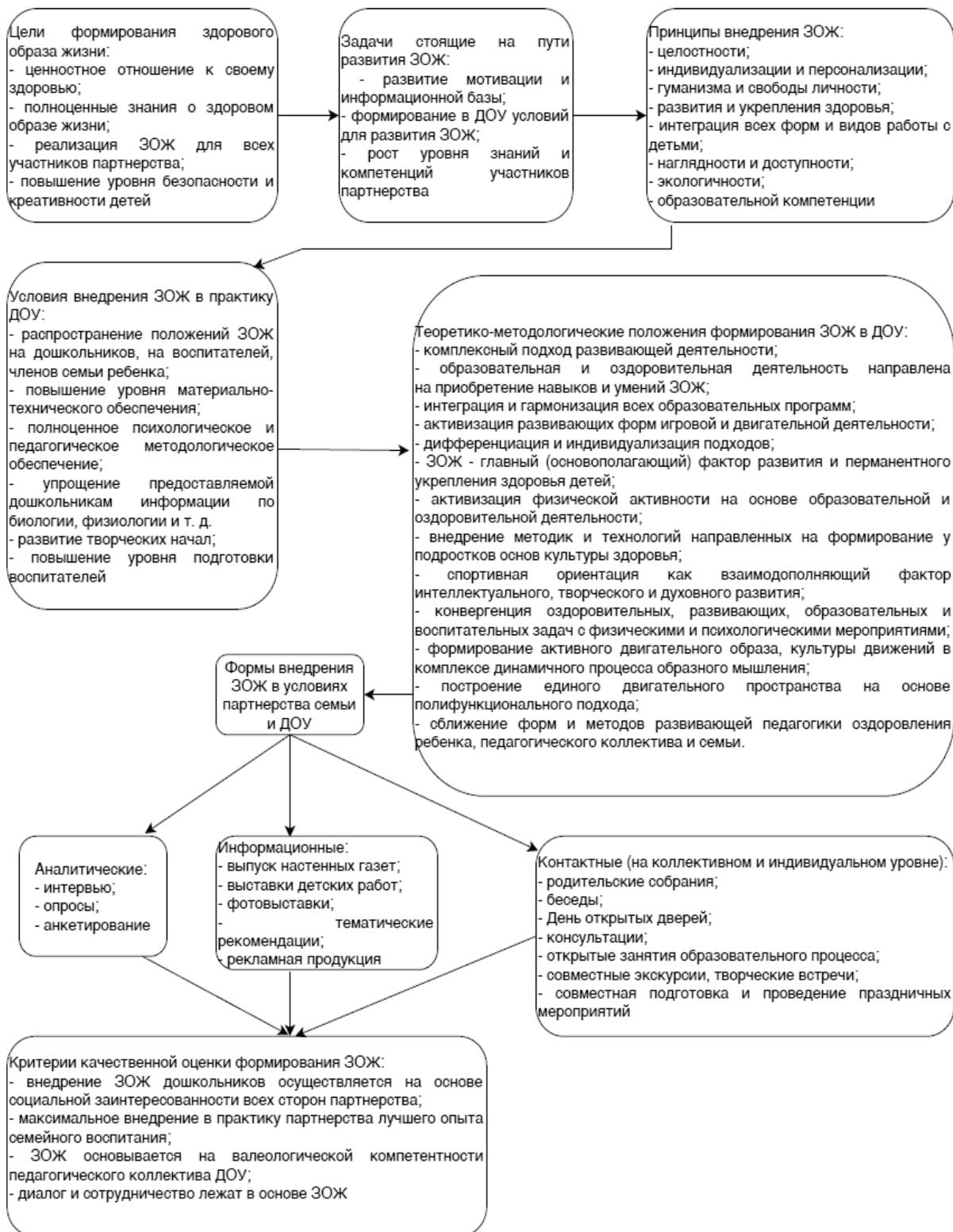


Рис. 1. Моделирование процесса организации социально-педагогического партнерства по формированию здорового образа жизни в условиях дошкольного образовательного учреждения

8) приобщение дошкольников к ЗОЖ реализуется с помощью внедрения в образовательный и воспитательный процесс ДОУ методик и технологий, направленных на формирование у них основ культуры здоровья;

9) физическое воспитание содержит спортивную ориентацию в сочетании с взаимодополняющим развитием интеллектуального, творческого и духовного начала дошкольника;

10) образовательный и воспитательный процесс воздействует на активизацию работоспособности, уменьшение утомляемости организма ребенка с помощью конвергенции оздоровительных, развивающих, образовательных и воспитательных задач с физическими и психологическими мероприятиями;

11) формирование активного двигательного образа, культуры движений в комплексе динамичного процесса образного мышления. «В процессе физического воспитания у детей старшего дошкольного возраста развиваются умственные способности, внимание, память, восприятие, мышление, воображение. Необходимо отметить, что для дошкольников характерна взаимосвязь развития психического и физического» [16, с. 215];

12) построение единого двигательного пространства формируется на основе полифункционального подхода с целью максимального решения потребности в двигательной и познавательной функции. Тринадцатое, социально-педагогическое партнерство позволяет сблизить формы и методы развивающей педагогики оздоровления ребенка, педагогического коллектива и семьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жукова О.Г. Социальное партнерство в условиях стандартизации дошкольного образования / О. Г. Жукова // Человек и образование. – 2019. – № 1 (58). – С. 92-96.
2. Макарова Т.И. Творческая микрогруппа как одна из эффективных форм взаимодействия семьи и ДОО в рамках художественно-эстетического развития дошкольника / Т. И. Макарова // Современное образование: актуальные вопросы и инновации. – 2019. – № 2. – С. 49-54.
3. Семья и компетентные родители: социально-педагогические аспекты реализации сознательного родительства в образовании: коллективная монография / Авторский коллектив: Г. Н. Гришина, Н. Н. Дружинина, Е. А. Ермолинская, Г. В. Лунина, А. А. Майер, Т. Н. Морозова / Научная редакция: А. А. Майер. Орехово-Зуево, 2016. – 202 с.
4. Партнерство дошкольной организации и семьи: методическое пособие / Атрощенко Н. А. и др.; под ред. С. С. Прищепа, Т. С. Шатверян. – Москва: Мозаика-синтез, 2016. – 90 с.
5. Белоусова Р. Ю. Модели организации образовательной деятельности ДОО в условиях современного законодательства: методическое пособие / Р. Ю. Белоусова, Т. А. Ревягина; Государственное бюджетное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования "Нижегородский институт развития образования". – Нижний Новгород: Нижегородский ин-т развития образования, 2017. – 146 с.
6. Куксова Н. А. Научно-методическое сопровождение проектной деятельности при организации здоровьесберегающей среды в учреждении дошкольного образования / Н. А. Куксова // Современное образование Витебщины. – 2015. – № 4 (10). – С. 58-66.
7. Селиверстова И. А. Организация работы по приобщению дошкольников к здоровому образу жизни и воспитанию навыков безопасного поведения / И. А. Селиверстова, Н. Б. Дмитриева // В сборнике: «Мир детства и образование» сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 50-летию факультета дошкольного образования. – 2013. – С. 270-275.
8. Гераськина М. А. Формирование основ физической культуры и здорового образа жизни детей в системе дошкольного образования / М. А. Гераськина, М. Н. Лысенков // Вестник Науки и Творчества. – 2018. – № 2 (26). – С. 16-19.
9. Яркина Т. Н. Подходы к физическому развитию и воспитанию дошкольников в контексте реализации федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования / Т. Н. Яркина // Научно-педагогическое обозрение. – 2015. – № 2 (8). – С. 43-53.
10. Vintonyak O. Технологія розвитку психофізичних якостей у дошкільнят у процесі фізичного виховання / O. Vintonyak, I. Vyrasnyak // Фізичне виховання, спорт і культура здоров'я у сучасному суспільстві. – 2015. – № 4. – С. 63-67.

11. Voloshyn O. R. Valeo-pedagogical culture of parents and its role in forming healthy way of life of preschool age children / O. R. Voloshyn // Педагогика, психология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта. – 2012. – № 8. – С. 17-20.
12. Гаак А. Ю. Источник здорового образа жизни – детство / А. Ю. Гаак, А. С. Гречко // Проблемы совершенствования физической культуры, спорта и олимпизма. – 2015. – № 1-2. – С. 44-52.
13. Чуктурова Н. И. Формирование культуры здорового образа жизни у детей дошкольного возраста / Н. И. Чуктурова, В. В. Шурыгина, Д. Д. Низамова, А. А. Едренкина // Проблемы современного педагогического образования. – 2017. – № 57-4. – С. 225-232.
14. Кулявина М. Н. Формирование основ здорового образа жизни у детей дошкольного возраста / М. Н. Кулявина, Ю. А. Шапиро // Дошкольное образование: опыт, проблемы, перспективы развития. – 2015. – № 1 (4). – С. 244-247.
15. Konoh O. E. Integrated use of sports games in physical education of preschool children / O. E. Konoh // Педагогика, психология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта. – 2013. – № 12. – С. 27-30.
16. Родин М. А. Особенности физического развития детей 6-7 лет в условиях дошкольных образовательных учреждений различного типа / М. А. Родин, А. Я. Родин // Современные проблемы науки и образования. – 2016. – № 3. – С. 215.

Поступила в редакцию 30.01.2020 г.

MODELING THE PROCESS OF ORGANIZING A SOCIO-PEDAGOGICAL PARTNERSHIP FOR THE FORMATION OF A HEALTHY LIFESTYLE IN THE CONDITIONS OF A PRESCHOOL INSTITUTION

A.A. Golovinova, D.A. Chernishev

The article discusses the problems of modeling the process of organizing a socio-pedagogical partnership for the formation of a healthy lifestyle in a preschool educational institution. The importance of educational and health-improving activities for instilling in preschoolers a value-based attitude to both their own health and the health of others, the acquisition of skills and abilities of a healthy lifestyle, is shown. The analysis of the conditions for the introduction of an integrated approach to a healthy lifestyle, based on the combination and harmonization of all educational programs that ensure the harmony and integrity of the development of a preschooler. A model of the process of organizing a socio-pedagogical partnership for the formation of a healthy lifestyle in a preschool educational institution has been developed and proposed. The conditions are determined under which the educational and upbringing process affects the activation of working capacity, reducing the fatigue of the child's body through the convergence of health, development, educational and upbringing tasks with physical and psychological measures.

Keywords: cooperation, model, modeling, interaction, actions, harmonization of parent-child relationships, pedagogical partnership, preschool educational institution, family, personality traits, child, upbringing, pedagogical capital, convergence.

Головинова Алла Анатольевна
магистрант ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», воспитатель МДОУ «Ясли-сад № 212 г. Донецка».
E-mail: alla.golovinova.70@mail.ru

Golovinova Alla Anatolyevna
graduate student of SCE HPE "Donetsk National University", tutor municipal preschool educational institution MEI "Nursery-garden № 212 of Donetsk"
E-mail: alla.golovinova.70@mail.ru

Чернышев Дмитрий Алексеевич
Доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: chernishevdmityr@gmail.com

Chernishev Dmitry Alekseevich
Doctor of Pedagogical Sciences, Docent, Professor of the Chair of Pedagogy of SCE HPE "Donetsk National University".
E-mail: chernishevdmityr@gmail.com

УДК 37:614.8

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

© 2020. *Н.В. Гризодуб*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье автор рассматривает вопросы формирования культуры безопасной жизнедеятельности студентов в системе высшего профессионального образования. Важным направлением в этом вопросе является организация самостоятельной работы студентов в соответствии с педагогическими условиями, способствующими данному процессу.

Ключевые слова: культура безопасной жизнедеятельности, безопасность, самостоятельная работа, педагогические условия.

Социально-политические события, происходящие в Донецкой Народной Республике в последнее время, вызвали глубокие изменения во всех сферах общественной жизни. В частности – произошло увеличение и расширение круга уровней и видов опасных ситуаций различной этиологии, увеличение числа промышленных аварий и катастроф, низкий уровень профессиональной подготовки молодых специалистов промышленных предприятий различных отраслей, отсутствие психологической устойчивости и навыков правильного поведения в различных опасных ситуациях и понимания необходимости предвидения опасностей.

В настоящее время от государства требуется усиление личных и коллективных мер безопасности. Реализация данных мер возможна не только за счет подготовки специализированных профессиональных подразделений, а и формирования массовой культуры безопасной жизнедеятельности. Приоритетная роль в данном направлении отводится образованию, в частности, системе высшего профессионального образования, которая выражается в качественной подготовке специалистов различного профиля и создании благоприятных условий для их безопасной жизнедеятельности и сохранении личного здоровья, за счет формирования привычек здорового образа жизни.

Образовательная область «Безопасность жизнедеятельности» активизирует способность человека выжить в опасных условиях. Следовательно, учебная дисциплина «Безопасность жизнедеятельности» формирует культуру безопасности, под которой понимается готовность и способность личности использовать приобретенную совокупность знаний, умений и навыков для обеспечения безопасности в личной, общественной и профессиональной деятельности, характера мышления и ценностных ориентаций, при которых вопросы безопасности жизни и здоровья человека рассматриваются в качестве приоритета. Таким образом, «безопасность» – является ключевой составляющей жизни каждого человека. Культура безопасности жизнедеятельности – это безопасная повседневная и профессиональная деятельность человека, включающая профилактику, минимизацию и устранение последствий опасностей, вызванных вредными и опасными факторами.

Культура безопасной жизнедеятельности студентов включает помимо перечисленных составляющих еще и дополнительные компоненты. Это и стойкая внутренняя мотивация, побуждающая к безопасному стилю поведения, и умения

правильно оценивать сложившуюся ситуацию, своевременно и правильно принимать решения на практике и быть ответственным за итоговый полученный результат, опыт самосовершенствования готовности к осуществлению безопасной жизнедеятельности и так далее. Таким образом, понятие «культура безопасной жизнедеятельности» шире понятия «культура безопасности жизнедеятельности», но основная составляющая её личностного воплощения.

Формирование культуры безопасной жизнедеятельности через высшее образование, в процессе профессиональной подготовки студентов обеспечивается комплексным использованием различных педагогических технологий. Технология – слово греческого происхождения, трактуется оно как «знание о мастерстве». Рассматривают «технологию» также как совокупность знаний, сведений о последовательности отдельных производственных операций в процессе производства чего-либо [9, с. 319].

Педагогическая технология – это системный метод создания, применения и определения всего процесса преподавания и усвоения знаний с учетом технических и человеческих ресурсов и их взаимодействий, которое определяет своей задачей оптимизацию форм образования [1; 6]. Педагогическая технология позволяет преподавателю усовершенствовать образовательный процесс, с целью повышения его эффективности, при соблюдении педагогических условий.

С философской точки зрения суть категории «условие» указывает на связь чего-либо, предмета и среды, без которой он существовать не может: «то, от чего зависит нечто другое (обусловливаемое); существенный компонент комплекса объектов (вещей, их состояний, взаимодействий), из наличия, которого с необходимостью следует существование данного явления» [2, с. 707].

Трактовка термина «условие» в контексте педагогической психологии, как совокупность переменных природных, социальных, внешних и внутренних воздействий, которые определяют развитие личности и оказывают непосредственное влияние на скорость данного развития, что обусловлено механизмом воздействия внешних и внутренних факторов, от которых зависит конечный результат личностного развития (физического, нравственного, психологического), предопределяющих его поведение, воспитание и обучение, формирование личности [8, с. 36].

Мы вычленим из педагогического процесса комплекс педагогических условий, которые имеют непосредственное влияние на формирование культуры безопасной жизнедеятельности студентов и могут искусственно создаваться и управляться педагогом, направленных на развитие личности обучающихся, воздействующие на ее динамику и конечный результат. А именно:

- планирования процесса обучения, программирования деятельности преподавателя и студентов, обеспечения максимальной организованности и, как следствие, достижения необходимых результатов;

- воспроизведения процесса обучения и его результатов на основе блочного принципа построения курса «Безопасность жизнедеятельности». А именно, каждая тема учебной дисциплины состоит из трех функциональных блоков: 1) инвариантного блока, включающего минимум теоретических знаний, законов, принципов, понятий, обладающих значительной временной стабильностью (трудоемкость блока не менее 50 % общей трудоемкости дисциплины); 2) вариативного блока, состоящего из блока направления отдельной (изучаемой) специальности, под которым мы понимаем укрупненную группу области знаний «Безопасность жизнедеятельности»; 3) блока образовательной программы с конкретными научно-практическими знаниями и

фактологическим материалом применительно к определенному виду профессиональной деятельности (содержание каждого модуля корректируется преподавателем в сторону профессиональной направленности специфики профиля получаемого образования);

Формирование культуры безопасной жизнедеятельности базируется на изучении шести содержательно-структурированных независимых модулей, представленных в табл.1:

- перенесения акцента в обучении с преподавания на учебно-познавательную деятельность студента, определение ее структуры и сущности;
- структурирования содержания обучения, которое предопределяет его гибкость и возможность обновления соответственно заказу общества и потребностей практики.

Таблица 1

Учебные модули дисциплины «Безопасность жизнедеятельности»

<i>№ модуля</i>	<i>Модуль</i>
1	Теоретические основы БЖД
2	Защита человека и среды обитания от вредных и опасных факторов природного и техногенного характера
3	Пожарная безопасность
4	Медико-биологические основы безопасности
5	Основы валеологической безопасности жизнедеятельности человека
6	Социально-политические опасности

Данный процесс мы ассоциируем с формированием определенного типа сознания, развитием новых качеств личности, необходимых для успешного овладения соответствующими навыкам и средствами защиты, достижение цели гармоничного развития человека и природы, формирование мотивированной деятельности направленной на управление рисками.

Ведущую роль, среди перечисленных педагогических условий, играет самостоятельная работа студентов, а педагогическая технология позволяет преподавателю обеспечить функциональную связь между всеми этапами процесса самостоятельной учебной деятельности студента, целью которой становится не накопление знаний и умений, а постоянное обогащение опытом творческой деятельности, которая побуждает к познанию самоорганизующие и самореализующие сущностные силы личности студента.

Самостоятельная работа является одной из форм самообразования студентов, за счет организации учебно-познавательной деятельности студента при условии стимулирования самообучения и самопознания, сотрудничества преподавателя и студентов.

В. А. Сластенин относит самостоятельную работу к форме обучения, при которой учащиеся усваивают необходимые знания, овладевают умениями и навыками, учатся планомерно и систематически работать, мыслить, формируют свой стиль умственной деятельности. Отличие ее от других форм обучения, по мнению В. А. Сластенина, в том, что она предполагает способность учащегося самому организовать свою деятельность в соответствии с поставленной или возникшей задачей [9].

П. И. Пидкасистый утверждал, что самостоятельная работа – это не форма организации учебных занятий и не метод обучения. Ее правомерно рассматривать как средство вовлечения учащихся в самостоятельную познавательную деятельность через ее логическую и психологическую организацию [7], Г. С. Костюк считает самостоятельную работу одновременно и средством, и результатом учебной деятельности студента [5].

Анализ работ И. А. Зимней позволяет нам установить, что самостоятельная работа всегда внутренне мотивированная деятельность, выполнение которой требует достаточно высокого уровня самосознания, самодисциплины, личной ответственности, рефлексивности, тем самым приносит удовлетворение как процесс самопознания и самосовершенствования обучаемого, а именно «самостоятельная работа должна быть осознана как свободная, по выбору внутренне мотивированная деятельность, ... предполагает выполнение обучающимся целого ряда входящих в неё действий: осознания цели своей деятельности, принятия учебной задачи, придания ей личностного смысла, подчинение выполнению этой задачи других интересов и форм своей занятости, самоорганизация в распределении учебных действий во времени, самоконтроля в их выполнении» [4, с. 250].

Мы согласны с мнением автора, и также в организации учебного процесса выделяем три вида самостоятельной работы: аудиторную (на занятиях), внеаудиторную (домашнюю) и собственно самостоятельную работу. Именно самостоятельная работа учащегося может служить основой перестройки его личностной позиции в учебном процессе [3].

Самостоятельная работа по учебной дисциплине «Безопасность жизнедеятельности» предусматривает не просто усвоение новых знаний студентами в области безопасности, а овладение способами этого усвоения, посредством создания практических ситуаций, которые стимулируют самостоятельное мышление. Только на основе самостоятельной работы каждого отдельного студента обеспечивается формирование личности безопасного типа, развитие индивидуального стиля правового мышления, формирование навыков психической саморегуляции к действию в опасных и нестандартных жизненных ситуациях, сложных социальных условиях.

В содержательном отношении система построения учебного процесса в высшем учебном заведении должна содействовать росту самоорганизации студентов, должна быть ориентирована на увеличение значимости самостоятельной работы, открывая возможности для профессионального самоопределения, становления и раскрытия потенциала личности каждого студента, формированию культуры безопасной жизнедеятельности, как составляющей безопасности жизнедеятельности.

Это станет возможным только в том случае, если организация учебно-воспитательного процесса будет строиться на основе полного учета всех педагогических условий, которые будут способствовать уровню сформированности культуры безопасной жизнедеятельности у студентов при изучении дисциплины «Безопасность жизнедеятельности», развитием и формированием интереса к данной области знаний через выполнения заданий для самостоятельной работы в логике возникновения опасных ситуаций в сфере будущей профессиональной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белобородова С. В. Управление самостоятельной работой студентов заочной формы обучения в вузе с использованием информационно-коммуникативных технологий: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / С. В. Белобородова. – Петрозаводск, 2013. – 169 с.
2. Горнова Н. В. Профессионально-личностное становление будущего учителя: монография / Н. В. Горнова, Г. И. Железовская. – Балаково: изд-во филиала ПИ СГУ, 1999. – 108 с.
3. Зимняя И. А. Педагогическая психология: учеб. для вузов / И. А. Зимняя. – 2-е изд. доп., испр. и перераб. – Москва : Унив.кн. : Логос, 2007. – 384 с.
4. Зимняя И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе / И. А. Зимняя. – Москва : Просвещение, 1991. – 222 с.
5. Костюк Г. С. Навчально-виховний процес і психологічний розвиток особистості / Г. С. Костюк. – Київ: Рад. шк., 1989. – 608 с.

6. Кругликова Г. Г. Формы и методы организации самостоятельной работы студентов при обучении педагогическому и социальному проектированию / Г. Г. Кругликова // Вестник Нижневартовского государственного университета. – 2010. – № 1. – С. 66–71.
7. Пидкасистый П. И. Самостоятельная познавательная деятельность школьников в обучении: теоретико-экспериментальное исследование / П. И. Пидкасистый. – Москва: Педагогика, 1980. – 240 с.
8. Покровская С. Е. Дифференцированное обучение учащихся в средних общеобразовательных школах [Текст] : пособие для учителей и рук. шк., практ. шк. психологов / С. Е. Покровская. – Минск : Бел. наука, 2002. – 123 с.
9. Скиннер Б. Ф. Технология поведения / Б. Ф. Скиннер // Американская социологическая мысль : тексты / под ред. В. И. Добренко. – Москва, 1994. – С. 30-46.
10. Щербакова Е. В. Особенности организации самостоятельной работы студентов по педагогическим дисциплинам / Е. В. Щербакова // Актуальные вопросы современной психологии: материалы междунар. науч. конф. (г. Челябинск, март 2011 г.). – Челябинск : Два комсомольца, 2011. – С. 139-141.

Поступила в редакцию 27.01.2020 г.

PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR FORMING A CULTURE OF SAFE LIFE OF STUDENTS IN THE PROCESS OF INDEPENDENT WORK

N.V. Grizodub

In the article, the author considers the formation of a culture of safe life of students in the system of higher professional education. An important direction in this matter is the organization of independent work of students in accordance with the pedagogical conditions conducive to this process.

Key words: culture of safe life, safety, independent work, pedagogical conditions.

Гризодуб Наталья Викторовна

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры педагогики
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: natalyagrizodub@mail.ru

Grizodub Natalya Viktorovna

candidate of pedagogical sciences,
assistant professor of pedagogy,
SEI HPE “Donetsk National University”.
E-mail: natalyagrizodub@mail.ru

УДК 371.132:371.8

ОБОСНОВАНИЕ МЕТОДОВ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕДЖЕЙ К ОРГАНИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ МАТЕМАТИКЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА ОСНОВЕ СИСТЕМАТИЗАЦИИ И СТРУКТУРИРОВАНИЯ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА

© 2020. *А.И. Дзундза, О.В. Собко*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье представлено теоретическое обоснование методов формирования готовности студентов педагогических колледжей к организации обучения математике младших школьников на основе систематизации и структурирования учебного материала. Статья содержит презентацию специальных методов, способствующих формированию означенной выше готовности будущих учителей начальных классов на предметах математического цикла.

Ключевые слова: систематизация, структурирование, методы, образовательная технология, педагогическая деятельность.

В современных научно-педагогических исследованиях глубоко изучены методы, дидактические приемы, средства и формы учебной деятельности, направленные на активизацию учебно-познавательной деятельности обучаемых (А. А. Деркач, М. Н. Дьяченко, Л. А. Кандибович, Е. А. Климов, В. А. Крутецкий, К. К. Платонов и др.). Однако методы формирования готовности студентов педагогических колледжей к организации обучения математике младших школьников на основе систематизации и структурирования учебного материала в педагогической литературе недостаточно теоретически и практически обоснованы. Поэтому мы считаем актуальной задачу выделения специальных методов, способствующих формированию означенной выше готовности будущего учителя начальных классов на предметах математического цикла. Разработку данных методов мы осуществляли с учетом необходимости подготовить будущего учителя к организации обучения математике младших школьников на основе взаимосвязанных между собой двух категорий: систематизации (умения представлять теоретический материал в виде упорядоченной последовательности математических объектов, которые связаны между собой определенным признаком) и структурирования (согласованного комбинирования объектов в соответствии с определенными правилами, объединенными целостной оболочкой) учебного материала.

Как известно, методы обучения – важнейшие структурные компоненты целостного педагогического процесса, включающего в себя цели и задачи обучения, содержание, формы организации обучения и его результаты [1]. Метод – это упорядоченная деятельность педагога и учеников, направленная на достижение поставленной цели [2]. Методы обучения наиболее рационально определять как способы взаимосвязанной деятельности учителя и учащихся, направленные на достижение поставленных учебно-воспитательных целей» [3]. Таким образом, метод обучения – путь к достижению поставленной цели, способы совместной деятельности учителей и учеников, направленные на эффективное решение учебно – воспитательных заданий.

Рассмотрим сущность и особенности наиболее обоснованных, на наш взгляд, классификаций методов обучения.

1. Классификация методов обучения по источнику получения знаний (Н.М. Верзилин, Е.Я. Голант, Е.И. Петровский и др.): словесные, наглядные, практические.

2. Классификация методов по основной дидактической цели, для достижения которой они служат (М.Д. Данилов, Б.П. Есипов): методы овладения знаниями, формирования умений и навыков, применения знаний на практике, проверки и оценки знаний, умений, навыков.

3. Классификация методов по типу (характеру) познавательной деятельности (И.Я. Лернер, М.Н. Скаткин): объяснительно-иллюстративный (информационно-рецептивный); репродуктивный; проблемное изложение; частично поисковый (эвристический); исследовательский.

4. Классификация методов обучения по степени активности учеников (Е.Я. Голант): активные и пассивные методы.

5. Классификация методов обучения по логической основе (С.Г. Шаповаленко): индуктивный, дедуктивный, аналитический, синтетический.

6. Классификация методов обучения по формам деятельности учителя (методы преподавания) и учеников (методы учения) (М.И. Махмутов).

Учеными предприняты попытки создания «бинарных», полинарных классификаций методов обучения, в которых они группируются на основе двух или более общих признаков. Например, бинарная классификация М.И. Махмутова построена на сочетании методов преподавания и методов учения. Немецкий дидакт Л. Клигберг выделяет методы в сочетании с формами сотрудничества в обучении. Польский ученый К. Сосницкий считает, что существуют два метода учения, а именно искусственное (школьное) и естественное (оказиальное), которым соответствуют два метода обучения: преподносящее и поисковое. Системным подходом отличается классификация методов, предложенная академиком Ю.К. Бабанским. В ней выделяются три большие группы методов обучения. В первую группу обособлены методы организации и осуществления учебно-познавательной деятельности. Ко второй группе отнесены методы стимулирования и мотивации учебно-познавательной деятельности. Третью группу составляют методы контроля и самоконтроля.

Исходя из анализа предложенных классификаций методов обучения ведущими педагогами, можем сделать вывод, что ни одна из рассмотренных классификаций методов не является совершенной. При формировании готовности студентов педагогических колледжей к организации обучения младших школьников на основе систематизации и структурирования учебного материала необходимо сочетание нескольких групп методов разных классификаций. Так, в нашем исследовании применялись комбинации наглядного, объяснительно-иллюстративного, аналитического, синтетического методов обучения, а именно в качестве методов формирования готовности студентов педагогических колледжей к организации обучения математике младших школьников на основе систематизации и структурирования теоретического материала будут использоваться: объяснительно-иллюстративный, моделирование, схематизация, визуализация. Преимуществами внедрения в педагогический процесс данных методов является экономность, возможность передачи значительного объема знаний, умений за минимально короткое время и с небольшими затратами усилий, преподаватель с помощью различных способов помогает восприятию новых знаний.

Сочетание данных методов находят свое отражение в технологии визуализации учебного материала, технологии концентрированного обучения и технологии концентрации обучения с помощью знаково-символических структур. Рассмотрим их более детально.

Технология визуализации учебного материала перекликается с педагогической концепцией визуальной грамотности, которая возникла в конце 60-х годов XX века в

США. Эта концепция основывается на положениях о значимости визуального восприятия для человека в процессе познания мира и своего места в нем, ведущей роли образа в процессах восприятия и понимания, необходимости подготовки сознания человека к деятельности в условиях все более «визуализирующегося» мира и увеличения информационной нагрузки.

Технологию визуализации учебной информации Г.В. Лаврентьев, Н.Б. Лаврентьева, Н.А. Неудахина определяют как систему, включающую в себя следующие слагаемые: комплекс учебных материалов; визуальные способы их предъявления; визуальнотехнические средства передачи информации; набор психологических приемов использования и развития визуального мышления в процессе обучения. Понимая под этим не только знаковые, но и некоторые другие образы «визуализации», выступающие на первый план в зависимости от специфики изучаемого объекта [4].

Преобладающим методом данной технологии является метод визуализации – это представление, структурирование и оформление учебного материала, основанное на различных способах предъявления информации (текст, рисунок, формула и т.д.) и взаимосвязей между ними, способствующих активному восприятию учебного материала. Это процесс представления данных в виде изображения с целью максимального удобства их понимания; придание зримой формы любому мыслимому объекту, субъекту, процессу и т.д. При таком способе предъявления учебного материала формируется целостный визуальный образ (или совокупность визуальных образов).

Применение данного метода обеспечивает синтез знаний, позволяет опосредованно и наглядно представить изучаемые явления в тех областях, в которых непосредственно наглядное восприятие затруднено или вообще невозможно; открывает возможность не только собрать воедино все теоретические выкладки, что позволит быстро воспроизвести материал, но и применять схемы для оценивания степени усвоения изучаемой темы; определение оптимального соотношения наглядных образов и словесной, символической информации.

В практике также широко используется метод анализа конкретной схемы или таблицы, в котором вырабатывают навыки сбора и обработки информации. Метод позволяет включить обучаемых в активную работу по применению теоретической информации в практической работе. Особое место уделяется совместному обсуждению, в процессе которого есть возможность получать оперативную обратную связь, понимать лучше себя и других студентов [5].

В данной технологии еще одним эффективным методом является метод «сжатия» информации – способ обработки и компоновки информации, т.е. представление в компактном, удобном для использования виде. К основам сжатия учебной информации можно отнести также теорию содержательного обобщения В.В. Давыдова, теорию укрупнения дидактических единиц П.М. Эрдниева. Под «сжатием» информации понимается, прежде всего, ее обобщение, укрупнение, систематизация, генерализация.

Ценным для нашего исследования является анализ технологий, классифицированных Г.К. Селевко, где автор рассматривает технологию концентрированного обучения. Концентрированное обучение – это специально организованный процесс обучения, предполагающий усвоение учащимися большего количества учебной информации без увеличения учебного времени за счёт изменения механизмов её усвоения, структуры информации, форм ее предъявления и/или иного (отличного от традиционного) временного режима занятий.

Целевыми ориентирами концентрированного обучения являются:

- сокращение разрыва между увеличением объема информации и ограниченностью времени обучения;
- ускорение и интенсификации образовательного процесса за счет сжатия (концентрации) информации;
- активизация познавательных интересов учащихся за счет общего видения перспективы;
- выработка быстроты выполнения умственных действий (общеучебных навыков);
- целостное формирование качеств личности, необходимых для ускоренного усвоения материала (концентрации внимания, целеустремленности, настойчивости, широких обобщений);
- формирование схемного, знакового, символического мышления [6].

В основу данной технологии заложено использование всех органов чувств в восприятии и усвоении информации; применение различных видов предъявления информации; применение многообразия взаимодополняющих методов и форм концентрации учебной деятельности.

Преобладающим методом обучения данной технологии является объяснительно-иллюстративный метод (информационно-рецептивный) – один из наиболее экономных способов передачи обучаемым обобщенного и систематизированного опыта человечества. Основное назначение метода – организация усвоения информации обучаемыми путем сообщения им учебного материала и обеспечение его успешного восприятия. Сообщение учебной информации учителем осуществляется через использование различных дидактических средств: слова, различных пособий, и т.д. Деятельность обучаемых заключается в восприятии, осмыслении и запоминании сообщаемой информации.

Основными понятиями технологии концентрации обучения с помощью знаково-символических структур являются знак, язык, символ, идеограмма. Целевыми ориентирами данной технологии являются:

- ускорение и интенсификация образовательного процесса за счет сжатия (концентрации) информации;
- активизация познавательных интересов учащихся за счет общего видения перспективы;
- формирование быстроты выполнения умственных действий (общеучебных навыков);
- целостное формирование качеств личности, необходимых для ускоренного усвоения материала (концентрации внимания, целеустремленности, настойчивости, цельного художественного чувства, широких обобщений);
- формирование схемного, знакового, символического мышления.

В основу данной технологии заложено, то, что согласно данным современной психофизиологии, информация в процессе интериоризации проходит стадии свертывания, концентрации, превращаясь в сознании в некоторые знаковые, кодовые, символные – семантические образы (Л.С. Выготский). Знаково-символические структуры, равно как и слово, выполняют роль опосредствующей ориентировочной основы (опоры) в психической деятельности (П.Я. Гальперин). Эффективное усвоение любых знаний предполагает использование системы визуальных, вербальных и др. знаково-символических средств. Это нужно не только для организации предметного действия и осуществления его интериоризации, но и для выделения отношений формы и содержания, сущности и явления, умения моделировать наличные ситуации.

Преобладающими методами обучения данной технологии являются моделирование и схематизация.

Моделирование – знаково-символическая деятельность, заключающаяся в получении объективно новой информации (познавательная функция) за счет оперирования знаково-символическими средствами моделирования, в которых представлены структурные, функциональные, генетические связи материала (на уровне сущности).

Моделируя процесс решения задачи, учащиеся отображают сущность рассматриваемых в задаче объектов и отношений между ними. Кроме этого, схема может являться средством контроля (самоконтроля), так как учащиеся всегда могут проследить выполняемые им действия: кодирование, декодирование и преобразование. Под кодированием понимается перевод объекта (задачной ситуации) на язык знаково-символьных средств. Декодирование выполняется при соотнесении модели (готовой или получаемой непосредственно при решении задачи) с объектом моделирования. Действие преобразования позволяет учащимся перегруппировать при необходимости элементы модели (схемы).

Схематизация предполагает одновременную работу в двух планах: либо схема выступает ориентиром в реальности (схема города, телевизора), либо, если в данный момент нет обращения к реальности, работа осуществляется только на схеме и необходимы четкое осознание, постоянная актуализация того, что означает каждый ее элемент (например, работа на схеме при решении арифметических или геометрических задач). Это одно из наиболее существенных отличий схематизации от моделирования, поскольку в моделировании элементы модели – суть элементы системы (знаково-символической), которые получают в ней свое содержание, и действие с ними реализуется в соответствии с принципами, заложенными в системе.

Обобщая обоснование методов формирования готовности студентов педагогических колледжей к организации обучения математике младших школьников на основе систематизации и структурирования учебного материала, приходим к выводу, о необходимости целенаправленного создания условий, способствующих эффективной реализации специально организованных в учебном процессе у будущих учителей начальных классов методов, формирующих способность к систематизации и структурированию учебного материала, осознанного усвоения способов структурирования, их отработке в учебной деятельности решении практико-ориентированных задач. Кроме того, данная деятельность будет готовить будущих учителей к внедрению в учебный процесс элементов современных образовательных технологий, способствовать овладению студентами знаний о сущности и особенностях широкого спектра применения методов обучения, их возможностям, навыкам организации различных методов обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Подласый И.П. Педагогика: 100 вопросов – 100 ответов: учеб. пособие для вузов [Текст] / И. П. Подласый. – М.: ВЛАДОС-пресс, 2004. – 365 с.
2. Ситаров В.А. Дидактика: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. Заведений [Текст] / Под ред. В. А. Сластенина. – 2-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 368 с.
3. Бабанский Ю. К. Педагогика: Учебное пособие для студентов педагогических институтов [Текст] / Под ред. Ю. К. Бабанского. — 2-е изд., доп. и перераб.— М., Просвещение, 1988. — 479 с.
4. Лаврентьев Г.В. Инновационные обучающие технологии в профессиональной подготовке специалистов (часть 2) [Текст] / Г.В. Лаврентьев, Н.Б. Лаврентьева, Н.А. Неудахина. – Режим доступа: http://www.asu.ru/cppkp/index.files/ucheb.files/innov/Part2/ch8/glava_8.html (дата обращения: 10.06.2019).

5. Темуров С. Й. Основные визуальные способы представления и обработки учебной информации по математическим дисциплинам [Текст] / Темуров С.Й., Алимов Б.Н., Халимов У.Х. // Молодой ученый. – 2013. – № 6. – С. 733-736.
6. Селевко Г.К. Энциклопедия образовательных технологий: в 2 т. – Т.1. – М.: НИИ школьных технологий, 2006. – С. 495–498.

Поступила в редакцию 10.03.2020 г.

SUBSTANTIATION OF METHODS FOR FORMING READINESS OF STUDENTS OF PEDAGOGICAL COLLEGES TO ORGANIZING TEACHING MATHEMATICS OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN ON THE BASIS OF SYSTEMATIZATION AND STRUCTURE OF EDUCATIONAL MATERIAL

A.I. Dzundza, O.V. Sobko

The article presents the theoretical justification of the methods of formation of students of pedagogical colleges for the organization of teaching mathematics for younger students on the basis of the systematization and structuring of educational material. The article contains the presentation of special methods with the help of such pedagogical activity as conscious, pre-planned and organized, controlled and adjusted.

Key words: systematization, structuring, methods, educational technology, pedagogical activity.

Дзундза Алла Ивановна

доктор педагогических наук;
профессор кафедры теории вероятностей и
математической статистики
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: alladzundza@mail.ru

Dzundza Alla Ivanovna

Doctor of pedagogical sciences,
Professor of the Department of Probability and
Mathematical Statistics,
Donetsk national university.
E-mail: alladzundza@mail.ru

Собко Ольга Васильевна

аспирант ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»,
преподаватель математических дисциплин,
высшей квалификационной категории
ГПОУ «Донецкий педагогический колледж».
E-mail: Sobkoolgavasilivna@mail.ru

Sobko Olga Vasilevna

Postgraduate student, Donetsk national university.
The teacher of mathematical discipline, possesses
high level of professional skills, SPEI “Donetsk
pedagogical college”.
E-mail: Sobkoolgavasilivna@mail.ru

УДК 51:378

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ОБУЧЕНИИ МАТЕМАТИКЕ
МЕЖДУ ОСНОВНЫМ СРЕДНИМ И ВЫСШИМ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ
ОБРАЗОВАНИЕМ СОГЛАСНО ТРЕБОВАНИЯМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ**

© 2020. *А.В. Должикова, Е.Г. Евсеева*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье приводится анализ государственного стандарта среднего общего образования в аспекте обеспечения преемственности между основным средним и высшим профессиональным образованием. Предлагается один из способов обеспечения преемственности между школой и высшими учебными учреждениями. Рассматриваются профессионально-ориентированные задачи по различным профилям обучения.

Ключевые слова: преемственность образования, непрерывность обучения, обучение математике, профессионально-ориентированные задачи, государственный образовательный стандарт среднего общего образования.

Постановка проблемы. Для любого специалиста на сегодняшний день наиболее важным качеством является готовность к формированию профессиональной компетентности в соответствии с современными запросами общества. В связи с этим, у каждого квалифицированного работника возникает потребность в постоянном повышении уровня образования для сохранения конкурентоспособности на рынке труда. Так, например, в западноевропейских странах возник термин «life long learning», который подчеркивает важность непрерывности обучения на протяжении всей жизни. В связи с этим не вызывает сомнения, что преемственность образования как важнейшая сущностная характеристика его непрерывности, сформировавшаяся в рамках необходимости перехода на новый образовательный уровень, рассматривается исследователями как одна из актуальнейших проблем современной педагогики.

Анализ актуальных исследований. С проблемой преемственности в образовании мы сталкиваемся на протяжении всей жизни: при переходе от дошкольного образования к школьному, затем от школьного к среднему профессиональному или высшему профессиональному, а затем при повышении квалификации в рамках своей профессиональной деятельности. Эту проблему исследовали ученые: И.В. Антонова, В.В. Ахметжанова, Г.М. Возняк, Н.А. Вострикова, Н.Р. Жарова, Н.Н. Лемешко, Э.А. Локтионова, А.Г. Мороз, А.Е. Мухина, А.П. Назаретова, Л.Ю. Нестерова, О.А. Савина, И.В. Сейферт, И.В. Симонова, Г.Т. Солдатова, Т.С. Смирнова и др.

И.В. Симонова и Е.В. Баранова трактуют понятие преемственности в обучении, как дидактический принцип, направленный на формирование на различных уровнях объективной системной связи нескольких этапов организации процесса обучения, предшествующего и последующего. Они считают, что основная цель преемственности заключается в оптимизации учебного процесса и адаптации учащихся к новым этапам обучения [1].

Не меньший интерес к проблемам преемственности в образовании в целом и преемственности между средним и высшим образованием в частности проявляют и западные ученые. Наиболее близким (хотя и более узким по сравнению с

русскоязычным) по содержанию понятием, используемым в англоязычной психолого-педагогической литературе, является термин «transition from secondary to tertiary education» (как варианты: «transition from (secondary / high) school to university», «postsecondary transition»).

Анализ публикаций, проведенный О.С. Кожевниковой по результатам исследований и аналитических отчетов, подготовленных специализированными комиссиями, показал, что западные специалисты интересуются, прежде всего, в терминах приведенного чуть ранее определения, «динамикой и тенденциями качественных изменений в личности обучающихся» (а именно – адаптацией студентов-первокурсников к условиям обучения в университете, спецификой изменений их социальной активности и т.п.), уделяя особое внимание вопросам сохранения студенческого контингента при переходе с одной ступени образования на другую [2].

Целью статьи является анализ проблемы преемственности среднего общего и высшего профессионального образования в обучении математике в Донецкой Народной Республике.

Изложение основного материала. В Донецкой народной республике образовательный процесс осуществляется согласно государственным образовательным стандартам (ГОС). В результате анализа ГОС среднего общего образования, нами выделено, что стандартом регламентировано обеспечение преемственности и непрерывности основных образовательных программ основного общего и среднего общего образования, профессионального образования [3]. В то же время, в ГОС не затрагивается вопрос об обеспечении преемственности среднего общего и высшего образования. Просматривается связь между этими уровнями лишь в некоторых положениях стандарта, например «Стандарт ориентирован на становление и формирование личностных характеристик обучающегося, подготовленного к осознанному выбору профессии, понимающего значение профессиональной деятельности для человека и общества» [3].

Рассматривая предметные результаты освоения учебной дисциплины «Математика» (включая учебные предметы «Алгебра и начала математического анализа», «Геометрия»), мы видим, что результаты должны быть ориентированы на формирование представлений о математике как универсальном языке науки, средстве моделирования явлений и процессов, об идеях и методах математики, развитие логического мышления, пространственного воображения, алгоритмической культуры, критичности мышления на уровне, необходимом для будущей профессиональной деятельности, а также последующего обучения в высшей школе [3].

Исходя из вышеперечисленных положений ГОС, мы видим, что, изучая в 10 и 11 классе предмет «Математика», учащиеся должны подготовиться к выбору своей будущей профессии, а также осознать необходимость знания математики для их будущей профессиональной деятельности. Чтобы узнать, как среднестатистический учитель математики средней школы достигает выполнения ГОС в рамках осуществления преемственности между средним и вузовским образованием, мы решили проанализировать примерные программы среднего общего образования по алгебре и началам анализа, а также геометрии 10–11 класса и выяснить отражены ли в программах вышеперечисленные положения из ГОС. В настоящее время примерные программы рассчитаны и на базовый уровень изучения предмета и на профильный (математический, гуманитарный). Цели обучения, а также результаты обучения для обоих уровней изучения одинаковы. Отличается лишь количество часов, отведенных на курсы, а также содержание курсов. Для профильных математических классов

предусмотрено более расширенное содержание, а для гуманитарных – очень сжатое. Отметим, что на сегодняшний день нет специальных примерных программ для профильных классов таких направлений, как экономико-математический профиль, химико-биологический профиль и т.д. Также отметим, что учебников таких профилей, рекомендуемых Министерством образования и науки Донецкой Народной Республики, также нет, несмотря на то, что существует ряд школ и лицеев, в которых осуществляется обучение по вышеперечисленным профилям. А это свидетельствует лишь о том, что в большинстве случаев обеспечение преемственности в обучении математике между средней и высшей профессиональной школой находится на низком уровне.

На базовом уровне обучения математике ни в содержании курсов, ни в учебниках не раскрываются вопросы профессиональной направленности обучения математике. Для математического профиля содержание материала лишь углубляется, но при этом очень редко затрагивается вопрос профессиональной направленности. Для гуманитариев и вовсе количество часов, отведенных на курс, не позволяет в полной мере овладеть даже тем содержанием, которое намечено в программе. Лучше обстоят дела в школах и лицеях с большим количеством профилей.

Необходимо найти пути реализации преемственности среднего образования и высшего профессионального образования, чтобы добиться в полной мере выполнения требований ГОС по программам среднего общего образования. В 2018–2019 году обучения в создание рабочих программ по предметам введены новшества. Согласно ГОС учитель сам формирует свою рабочую программу по предмету, опираясь на ГОС и всецело реализуя все его требования относительно рабочей программы, а также на примерные программы. Учитель может варьировать количество часов, выделяемых на изучение каждой темы, а также количество контрольных работ [4]. Рабочие программы утверждаются на педсоветах в учебных заведениях, а значит, учителя могут внести некоторые изменения в количество часов по тем темам, которые могут быть востребованы в будущей профессиональной деятельности выпускников. Такие изменения достаточно незначительны, для внесения весомой части изменений учителя имеют возможность разработки авторских программ для изучения курса, которые подаются на рассмотрение и утверждение в Министерство образования и науки Донецкой Народной Республики.

Кроме разработки рабочих программ, позволяющих обеспечить преемственность между средней школой и высшим учебным заведением, мы предлагаем использовать профессионально-ориентированное содержание обучения математики. В первую очередь такое обучение должно начинаться с использования психологических методик, способствующих профессиональному самоопределению учащихся, что позволит выделить основные профессиональные предпочтения для конкретных учеников. Следующим шагом является использование на уроках профессионально-ориентированных задач.

Традиционным при изучении математики в средней школе является использование прикладных задач, которые демонстрируют применение математики в жизни каждого человека. Под прикладной задачей М.В Крутихина понимает сюжетную задачу, сформулированную в виде задачи-проблемы и удовлетворяющую следующим условиям: вопрос должен быть поставлен в таком виде, в каком он обычно ставится на практике (решение имеет практическую значимость); все величины (если они заданы) должны быть реальными, взятыми из жизни [5].

В учебнике по алгебре и началам математического анализа для 10–11 класса автора Ш.А. Алимова, который используется в Донецкой Народной Республике, встречаются такие задачи:

1. Среди 15 лампочек 4 неисправны. Наугад берут 2 лампочки. Какова вероятность того, что: 1) обе выбранные лампочки неисправны; 2) обе лампочки исправные [6].

2. В шахматном турнире участвуют: 1) 6 юношей и 2 девушки; 2) 5 юношей и 3 девушки. Сколькими способами могут распределиться места среди девушек, если все участники турнира набирают разное количество очков [6].

Также на уроках математики в средней школе используются профессионально-направленные задачи, которые понимаем как математические задачи, которые оперируют с объектами профессиональной деятельности и направлены на формирование способа действий будущей профессиональной деятельности специалистов [7]. Приведем пример из вышеупомянутого учебника алгебры и начал математического анализа 10–11 класса: «Два токаря вытачивали одинаковые детали, причем первый трудился полную рабочую неделю, а второй по распоряжению начальника – 4 дня. Сведения об их дневной выработке представлены в таблице 1. Сравните стабильность работы токарей» [6].

Таблица 1

День недели	Дневная выработка	
	Первого рабочего	Второго рабочего
Понедельник	52	61
Вторник	54	40
Среда	50	55
Четверг	48	50
Пятница	46	44

Несмотря на то, что использованию в обучении математике в высших учебных заведениях профессионально ориентированных задач посвящено достаточно много работ, в средней школе использование такого типа задач, встречается очень редко. Ю.В. Абраменкова формулирует определение профессионально ориентированной задачи для будущих учителей химии. Опираясь на это определение под профессионально ориентированной задачей мы будем понимать задачу, условие и требование которой определяет собой модель некоторой ситуации, возникающей в профессиональной деятельности, а исследование этой ситуации средствами математики способствует формированию профессиональной компетентности будущего специалиста [8].

Приведем несколько примеров профессионально ориентированных задач экономико-правовой направленности.

1) Сотрудники отдела маркетинга полагают, что в ближайшее время ожидается рост спроса на продукцию фирмы. Вероятность этого они оценивают в 80 %. Консультационная фирма, занимающаяся прогнозом рыночной ситуации, подтвердила предположение о росте спроса. Положительные прогнозы консультационной фирмы сбываются с вероятностью 95 %, а отрицательные – с вероятностью 99 %. Какова вероятность того, что рост спроса действительно произойдет [9].

2) Средствами математической логики установите истинность (ложность) рассуждений. Иванов, Петров и Сидоров подозреваются в совершении преступления. В ходе следствия они дали следующие показания. Иванов: Петров виновен, а Сидоров – нет. Петров: Если Иванов виновен, то виновен и Сидоров. (Они всегда действуют сообща). Сидоров: Я невиновен, но хотя бы один из них двоих виновен. Установите: а) могут ли быть истинны все показания? б) предполагая, что показания всех обвиняемых истинны, укажите, кто виновен, а кто нет; в) если невиновный говорит

истину, а виновный лжет, то кто невиновен, а кто виновен? г) если все трое невиновны, то кто лжесвидетельствует? [9]

Мы считаем, что профессионально-ориентированное обучение в школе, в частности использование именно профессионально-ориентированных задач, позволит обеспечить преемственность среднего общего и высшего профессионального образования, поможет ученикам определиться в дальнейшем с выбором профессии и быть готовым к изучению математики в высшем учебном заведении.

Выводы. В результате анализа, проведенного в статье, мы пришли к выводу, что проблема преемственности среднего общего и высшего профессионального образования в обучении математике на сегодняшний день недостаточно разработана. Для качественной реализации ГОС по программам среднего общего образования необходимо создание методической системы обучения математике, обеспечивающей реализацию преемственности среднего и высшего профессионального образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранова Е.В. Информационные образовательные ресурсы как фактор реализации преемственности при подготовке бакалавров и магистров направления «Педагогическое образование» / Е.В. Баранова, И.В. Симонова // Сборник статей по материалам научной конференции с международным участием «Непрерывное педагогическое образование в современном мире: от исследовательского поиска к продуктивным решениям. Образовательный процесс в вузе в условиях внедрения образовательных и профессиональных стандартов». – Санкт-Петербург: Изд-во Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена, 2015. – С. 33-38.
2. Кожевникова О.С. Преемственность в образовании: представления участников образовательной системы о выпускнике школы / О.С. Кожевникова // Педагогическое образование в России. – 2013. – № 1. – С. 86-90.
3. Государственный образовательный стандарт среднего общего образования [Электронный ресурс] : приказ Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики № 679 от 30.07.2018 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://mondnr.ru/component/jdownloads/send/4-prikazy/3043-gosudarstvennyj-obrazovatelnyj-standart-srednego-obshchego-obrazovaniya>, свободный. – Загл. с экрана. – Описание основано на версии, датир.: октябрь 12, 2019.
4. Алгебра и начала анализа: 10-11 кл.: примерная программа среднего общего образования для общеобразоват. организаций Донецкой Народной Республики / сост. Скафа Е.И., Федченко Л.Я., Полищук И.В. – 3-е издание, доработанное. – ГОУ ДПО «Донецкий РИДПО». – Донецк: Истоки, 2018. – 34 с.
5. Крутихина, М. В. Обучение некоторым элементам математического моделирования как средство подготовки к профильному образованию / М. В. Крутихина // Математический вестник педвузов и университетов Волго-Вятского региона: периодический межвузовский сборник научно-методических работ. – Вып. 6. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2004. – С. 246-254
6. Алгебра и начала математического анализа 10-11 классы: учеб. для общеобразоват. учреждений: базовый уровень / Ш.А. Алимов, Ю.М. Колягин, М.В. Ткачева и др. – 18-е изд. – Москва: Просвещение, 2012. – 464 с.
7. Євсєєва О.Г. Теоретико-методичні основи діяльнісного підходу до навчання математики студентів вищих технічних закладів освіти: монографія / О.Г. Євсєєва. – Донецьк: ДонНТУ, 2012. – 455 с.
8. Абраменкова Ю.В. Методика профессионально ориентированного обучения математике будущего учителя химии: автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Ю.В. Аюраменкова. – Донецк, 2017. – 23 с.
9. Гончарова И.В. Изучаем курс «Математика» самостоятельно для студентов–документоведов [Электронный ресурс]: профессионально-ориентированный электронный учебник / И. В. Гончарова, А. В. Должикова. – Донецк, [2018]. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Поступила в редакцию 23.03.2020 г.

SECURING CONTINUITY IN TEACHING MATHEMATICS BETWEEN BASIC SECONDARY AND HIGHER VOCATIONAL EDUCATION ACCORDING TO THE REQUIREMENTS OF STATE EDUCATIONAL STANDARDS OF THE DONETSK PEOPLES REPUBLIC

A.V. Dolzhikova, E.G. Evseeva

The article provides an analysis of the state standard of secondary general education in the aspect of ensuring continuity between basic secondary and higher professional education. One of the ways to ensure continuity between the school and higher educational institutions is proposed. We consider professionally oriented tasks in various fields of study.

Key words: continuity of education, continuity of education, training in mathematics, vocationally-oriented tasks, State Educational Standard of Secondary General Education.

Должикова Анна Витальевна

аспирант кафедры высшей математики и методики преподавания математики
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
Донецк, Донецкая Народная Республика
E-mail: Dolzhikova23@mail.ru

Dolzhikova Anna Vitalievna

Graduate student of the Department of Higher Mathematics and Methods of Teaching Mathematics, SEI HPE "Donetsk National University", Donetsk, Donetsk People's Republic.
E-mail: Dolzhikova23@mail.ru

Евсеева Елена Геннадиевна

доктор педагогических наук, профессор;
профессор кафедры высшей математики и методики преподавания математики
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
Донецк, Донецкая Народная Республика.
E-mail: e.evseeva@donnu.ru

Evseeva Elena Gennadijevna

Doctor of Pedagogical Sciences, Full Professor; professor of the Department of Higher Mathematics and Methods of Teaching Mathematics, SEI HPE "Donetsk National University", Donetsk, Donetsk People's Republic.
E-mail: e.evseeva@donnu.ru

УДК 37.017.92

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СФЕРЕ МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА

© 2020. С. М. Жуков, В. С. Гончарова
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматриваются основные положения концепции формирования духовности личности в сфере музыкального искусства. Проведен анализ основных ценностных детерминант личности. Рассмотрены принципы и научные подходы к организации процесса формирования духовности средствами музыкального искусства.

Ключевые слова: духовность, ценностные детерминанты, духовный потенциал, искусство, музыка.

Музыка – это особый вид искусства, потому что она ближе всего находится к душе, духовной сфере человека, к его чувствам, эмоциям, переживаниям.

Современные социально-политические процессы, развитие этнокультурных традиций в мире, интеграционные тенденции в социально-культурном пространстве требуют выявления основных приоритетов не только в характере и содержании образования, но и в развитии педагогических исследований, ориентированных на определенные исторические изменения. Существует острая потребность в выработке новой стратегии и определении главных направлений научно-педагогической деятельности с учетом глубины кардинальных изменений, принципиально повлиявших на человеческое сообщество. На данный момент сложилась специфическая ситуация, обусловленная мировыми тенденциями к глобализации общественного развития, изменениями в социальной, экономической и культурной сферах российского общества и трансформациями самого современного человека.

Не случайно современные философы и историки, социологи и культурологи так горячо дискутируют о глубине потенциала постиндустриальной цивилизации и формировании ноосферного общества, в котором по-новому ставится проблема рациональности как гарантия стратегии выживания. Дело, однако, не в парадигмальных изменениях, происходящих в философском измерении этой проблемы, а в том, что произошел качественный скачок – реальный переход человечества в исторически обусловленное новое состояние.

Создалась проблемная ситуация, когда решение новых задач осуществляется в условиях своеобразной неопределенности, обусловленной высокой динамичностью социальных процессов, выходом на историческую арену новых субъектов, объективным повышением активности человека, достижением ее глубокой рефлексии, четко зафиксированной в перестройке ценностных ориентаций. Все это не только повышает ответственность науки, но и настоятельно требует разработки новых теоретических основ, расширения исследований, выявляющих закономерности становления духовно развитой личности.

Тем временем общее кризисное состояние социума и многогранное отражение проявлений этих процессов в сфере образования и воспитания освещают одну из главных причин потери четкого целеполагания в воспитании. Она заключается в отсутствии методологически и теоретически обоснованной концепции, в основе

которой были бы четкие ориентиры для преодоления духовного кризиса общества, конструктивные идеи перестройки воспитательного процесса как гаранта духовного становления личности. Поиск путей обновления общей парадигмы и выбора оптимальных технологий возрождения и развития духовной культуры личности и общества реально возможен в первую очередь при условии обеспечения новых методологических основ.

В таких условиях определение духовности как неотъемлемой и наиболее существенной характеристики человека, обоснование ценностных основ, которые непрерывно связаны с онтологическими основами духовного, выдвигаются на первый план процесса ее социализации.

В современном мире существует множество определений духовности, разработаны различные подходы к ее формированию, но для достижения желаемого синтеза духовных ценностей и жизненных ориентиров, создания целостной картины мира выявляется задачей, непосильной для отдельной личности. На данный момент можно утверждать, что реализация высшего «Я» человека возможна только через познание им своей внутренней природы [2, с. 35]. В ситуации острого дефицита духовных ориентиров все более весомую роль в формировании духовности личности играет музыкальное искусство. Поэтому возникает острая потребность в привлечении музыки к процессу формирования духовности, определении основных принципов, целей, подходов, содержания, форм и методов, которые вместе с другими составляющими будут способствовать становлению духовной личности.

На современном этапе развития науки понятие «духовность» вернулось в педагогический дискурс в разных интерпретациях, парадигмах, контекстах – от трансцендентного до научно-рациональному.

В контексте нашей проблемы под духовностью понимают прежде всего онтологическую способность человека строить свой собственный мир предпочтений и оценок, отображать его через интеллектуальный, эмоциональный и творческий потенциал в соответствии с жизненными идеалами. Духовность как сложное, многомерное явление можно определить также как способ трансцендентально-имманентного бытия человека, но не просто в мире, а в мире высших чувств и природы [3, с. 68]. Сущностью духовности человека является способ диалектической взаимосвязи высших моральных чувств (Веры, Надежды, Любви), который имеет характер понимания смыслов и ценностей этих чувств, опосредованных общением людей и их деятельностью. Поэтому духовность человека - это модус свободного и творческого бытия человека в мире.

Наша концепция основана на определении духовности как сущностного качества человека, которое воплощает активное стремление найти высший смысл своего существования, соотнести свою жизнь с абсолютными ценностями и, тем самым, приблизиться к духовному Универсуму культуры.

Важное значение для правильной постановки вопроса о природной детерминации духовности имеет концепция ученых-космистов, выдающихся исследователей духовного мира человека – В. Вернадского, В. Соловьева, Н. Бердяева, П. Флоренского и др., лейтмотивом творчества которых является идея всеединства как методологической основы познания природы и человеческого общества в их взаимодействии.

Идея всеединства играет теперь важную роль в воспитании мировоззрения человека нового ноосферного типа цивилизации, общая сущность которого заключается в том, что любая человеческая деятельность должна быть одухотворенной

и возвышенной, осуществляться в соответствии с универсальными законами природы и Космоса. В то же время, методологические закономерности диалога «Человек-Природа» экстраполируются на диалог «Человек-Общество», поскольку гармонизация жизни на Земле предполагает преобразовательные действия не отдельного человека, а всей социальной общности. Это обуславливает потребность в выявлении детерминаций духовности, связанных с социокультурными комплексами, которые, в конечном итоге, определяют формы ее объективизации в культуре общества. Взаимодействие социума с природными объектами нельзя рассматривать без синергетической методологии, одна из самых фундаментальных идей которой заключается в том, что духовный мир, рожденный вместе с умом, – это результат бифуркации, вместе с которой возникли законы общественной жизни (Н. Моисеев).

Каждая из форм общественного сознания (наука, искусство, религия и т. д.) призваны обеспечивать саморазвитие духовного потенциала личности в своей целостности и гармоничности. В то же время в этих социальных формах духовности «оседает» опыт человеческого общения, ведь «все социальные явления и особенности функционирования социальных институтов, должны быть понятными как результат решений, действий, установок отдельных людей». Основное направление современной социологической мысли (Ю. Хабермас, Р. Мюнх, Дж. Александер и др.) характеризуется именно ориентацией на первичное звено социальной организации – человеческое взаимодействие. Отсюда вытекает проблема диалога как онтологического отношения, открывающего особое состояние человеческого существования (М. М. Бахтин, М. Бубер).

Раскрывая роль диалогических отношений в познании мира и человека, М. М. Бахтин исходит из так называемого «диалогического минимума», сущность которого в том, что «высшим архитектурным принципом мира поступка есть конкретное архитектурное значимое противостояние «я» и «другого». Фундаментальное методологическое значение имеет концепция универсального диалога для понимания механизмов развития духовности. Диалог, в понимании М. М. Бахтина соотносится с понятием «диалектика». Если диалектика является способом познания событий действительности, в их движении и развитии, то диалог – это всеобщий способ освоения духовно-ценностных основ жизни, форма поиска себя в мире Истины, Добра и Красоты [1, с. 134].

Сферы духовной жизни общества отражают реальность межлических отношений в виде всего богатства форм общения, норм поведения, систем ценностей. Важнейшая особенность социальных норм заключается в том, что они образуются, утверждаются, чтобы обеспечить системные процессы в обществе, упорядочить человеческие взаимоотношения, направить субъективное поведение в определенные рамки. Культурные нормы отличаются от норм общественной жизни тем, что они связаны со смысловыми слоями человеческого мира, а это делает их открытыми для индивидуального опыта [4, с. 10]. Индивиды опираются на культурные нормы потому, что последние не просто диктуют, а создают для индивидов такие условия, когда можно проявлять свободу, раскрывая себя как личность.

Однако в наибольшей степени свобода личности проявляется в сфере ценностной детерминации. Ценности как фактор социокультурной детерминации духовного мира индивидов, вследствие функциональной специфики их (ценностей) вхождение в человеческую жизнь и духовность выражают такую же функциональную разнонаправленность «своего бытия» в человеческом мире, которая адекватно проявляется и закрепляется в том, что обычно называют сферами культуры. Только сквозь призму ценностных градаций и детерминации можно понять, как складывается иерархическая

онтология сфер, отраслей культурной жизни, и возможен взгляд на последнее как на рационально упорядоченную множественность сфер, каждая из которых вырабатывает свои особые духовные и жизненные ориентиры, свой особый мир, стиль жизни.

Итак, анализ детерминант духовности свидетельствует, что для выявления парадигмальных подходов к педагогике духовного потенциала личности принципиальным является выход за пределы образования, то есть ценностный дискурс образовательных процессов и феноменов в общем контексте современной социокультурной трансформации с учетом организационных связей трех миров человека – природного, социального и культурно-смыслового. Ценности определяют смысл утверждения человека в мире, подтверждение их свободного развития в культурно-историческом пространстве.

Ценности – одна из самых стабильных характеристик личности, ее духовности. Они всегда связаны с эталоном, на который ориентирован человек в своей жизни, с идеалом, которому он подражает. Духовные ценности как бы «программируют» деятельность человека на длительный период, определяют генеральную линию поведения и отдельные поступки [5, с. 58].

В процессе самореализации личности проявляется совокупность тех ее ценностей, которые потенциально способны распространяться на окружающую среду. Эту совокупность можно назвать духовным полем личности. Это понятие, на наш взгляд, может служить для обозначения сущностных характеристик процесса духовного становления и развития личности во всех его взаимодействиях, единства познавательной, нравственной и эстетической сфер духовности, значимых личностных смыслов, что конструируют социально-профессиональную перспективу индивида. Духовное поле – это субъективно отраженная социальная сфера, в которой взаимодействуют духовные ценности человека. Интегрируясь, они образуют в его жизни ценностно-смысловое ядро этого поля.

Рост духовного потенциала приводит к духовному богатству, то есть опыта, накопленного человеком в процессе самореализации своих духовных качеств. Единство духовного потенциала и духовного богатства предопределяет духовный рост личности, который можно рассматривать как самореализацию и совершенствование всех компонентов духовности.

Духовный потенциал – это перспектива личности в овладении нравственно-эстетическим опытом, который хранится и реализуется в процессе творческой деятельности. В «недрах» духовного потенциала личности «вызревают» новые идеи, образы, формы и методы освоения высших духовных ценностей. Отсюда и логика духовного развития личности: от обостренного интереса к жизни, ее смысла, своего призвания, через духовный запрос и творческое открытие источников духовного развития, путем расширения духовного опыта к созданию гуманного творческого стиля жизни и деятельности, в котором реализуется высокий духовный потенциал личности.

Задачи воспитания в исследуемом аспекте связаны, прежде всего, с формированием духовного потенциала индивида, а поэтому целесообразно, на наш взгляд, говорить о духовном воспитании. Духовное воспитание дает человеку представление о господствующем в данном обществе типе сознания, вырабатывает у него устойчивую потребность поступать в соответствии с этими представлениями. Человек получает возможность выбрать предложенные обществом духовные ценности, принимает одни из них и отказывается от других [6, с. 17]. Он получает также возможность заниматься творческой деятельностью, в которой творчество является способом бытия его духовности, формой его духовной активности.

Духовное воспитание в его разных формах осуществляют различные социальные институты, среди которых, как уже отмечалось, особое место занимает образование. В чем же здесь проявляется специфика системы образования?

Развитие института образования неразрывно связано с наполнением его духовным содержанием, что проявляется, во-первых, в том, что отобранные в ходе учебной деятельности образцы общения превращаются в ее нормы, которые представляют собой своеобразные слепки из моральных достижений социума, ритуалов и обычаев, которые складывались веками.

Во-вторых, определяющей нормой процессов обучения и воспитания становится влияние на них личности учителя, который выполняет различные роли: мастера, духовного наставника, чуткого собеседника и тому подобное. Учитель формирует у учащихся представление о духовности, как через содержание своего предмета, так и через собственное поведение, общение. От позиции учителя в большой степени зависит смысловая направленность индивидуального «Я» ученика: или зависимая от чужой воли, внешних воздействий, или нацеленная на собственное духовное поле, фокусируя в своей самореализации сущность духовности, ее главный смысл.

В-третьих, образование формирует нормативную модель личности, которая реализует свои цели в конкретной гуманитарной обстановке, предоставляя учащимся возможность духовных поисков в науке, искусстве, философии, религии, истории и определяя горизонты свободы индивида. Эта модель формирует содержание и характер процесса социализации, помогая человеку определиться на конкретных этапах своей жизни.

В-четвертых, сама атмосфера образования не только создает особый духовный мир, в котором осуществляется процесс обучения, но и способствует его взаимодействию с другими сферами духовной жизни. Таким образом, формируется потребность в постоянном образовании (самообразовании) как в движущей силе духовного обновления личности.

Обобщая изложенное, подчеркнем: парадигмально-аксиологический подход ориентирует на осознание приоритетов высших духовных ценностей, что, по сути, является одним из главных направлений современной духовной эволюции человека. Анализ социальной и культурно-смысловой детерминаций духовности делает возможным выявление методологических ориентиров педагогики духовного потенциала личности, которая выступает как реальная альтернатива традиционному образованию. Синтез педагогики духовного потенциала личности заключается в признании абсолютных ценностей, являющихся инвариантным фактом духовного опыта, общим для всех людей. Педагогика, психология и эстетика сегодня уже не могут довольствоваться тем, что было раньше и вполне устраивало всех.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник. 1984-1985. – М.: Худ. лит, 1986. – 225 с.
2. Бердяев Н. А. Философия свободного Духа / Н. А. Бердяев. – М.: Мысль, 1994. – 267 с.
3. Ермаш Г. Л. Творческая природа искусства / Г. Л. Ермаш. – М.: Искусство, 1997. – 254 с.
4. Жарковская Т. Г. Возможные пути организации духовно-нравственного образования в современных условиях / Т. Г. Жарковская // Стандарты и мониторинг образования. – 2003. – №3. – С.9-12.
5. Ильин И. А. Путь духовного обновления / И. А. Ильин. – М.: АСТ, 2003. – 363 с.
6. Леонтьев Д. В. Духовность, саморегуляция и ценности / Д. В. Леонтьев // Известия Таганрог. гос. радиотех. ун-та. Сер. Гуманитарные проблемы современной психологии. – 2005. – №7. – С. 16-21.

Поступила в редакцию 15.02.2020 г.

CONCEPTUAL BASES OF FORMATION OF SPIRITUALITY OF THE PERSONALITY IN
THE SPHERE OF MUSIC ART

S. M. Zhukov, V. S. Goncharova

The article discusses the main provisions of the concept of the formation of personality spirituality in the sphere of musical art. The analysis of the main value determinants of personality. The principles and scientific approaches to the organization of the process of forming spirituality by means of musical art are considered.

Key words: spirituality, value determinants, mental potential, art, music.

Жуков Сергей Михайлович

Доктор педагогических наук, профессор;
профессор кафедры педагогики
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
E-mail: druzja_akademii@mail.ru

Zhukov Sergey Mikhailovich

Doctor of Education, Full Professor;
Professor Department of Pedagogy,
SEI HPE “Donetsk National University”.
E-mail: druzja_akademii@mail.ru

Гончарова Виктория Сергеевна

Кандидат искусствоведения; доцент кафедры
музыкального педагогического образования
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: druzja_akademii@mail.ru

Goncharova Victoria Sergeevna

Candidate of Art; Associate Professor of the Musical
Pedagogical Education Department,
SEI HPE “Donetsk National University”.
E-mail: druzja_akademii@mail.ru

УДК 378. 147:81'243

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ СИСТЕМЫ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ MOODLE В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

© 2020. *Н.В. Козленко*

ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»

В статье рассмотрено использование инструментов системы дистанционного обучения Moodle в преподавании иностранного языка. Даны краткие характеристики применения инструментов системы Moodle в преподавании отдельных дисциплин. Выделены преимущества и указаны перспективы использования системы Moodle для обучения иностранному языку.

Ключевые слова: дистанционное обучение, инструмент, иностранный язык, система Moodle.

Введение. В жизни современного человека получение образования – непрерывный процесс. Мы учимся на протяжении всей жизни: в школе, высшем учебном заведении, на работе. Сам процесс обучения становится все более сложным, информационно насыщенным, динамичным и разнообразным. В этом контексте особую важность приобретают проблемы выбора источника образовательных услуг и распределение временного ресурса для обучения. Традиционное обучение, при всех его достоинствах, оказывается ограниченным в плане удовлетворения растущих потребностей людей. Современный человек желает иметь доступ к образовательным ресурсам везде и в любое время. Благодаря компьютерным технологиям преодолеть пространственно-временные границы в образовании возможно.

В XXI веке развитие дистанционного обучения в сфере образования получает все больше популярности. Способствует этому быстрое развитие информационных технологий.

Цель статьи – рассмотреть использование инструментов системы дистанционного обучения Moodle в преподавании иностранного языка.

Дистанционное обучение – это индивидуализированный процесс передачи и обновления знаний, умений, навыков который происходит при опосредованном взаимодействии удаленных друг от друга участников обучения в специализированной среде, созданной на основе современных информационно-коммуникационных технологий с возможностью обеспечения систематического мониторинга.

На начальном этапе внедрение дистанционного обучения было связано с созданием определенной технической среды, комплекса автоматизированных средств для традиционного обучения. Со временем появился новый подход к построению собственного удаленного учебного процесса. На сегодняшний день оба направления приобретают общие черты, изменяя саму парадигму образования.

Дистанционное обучение имеет неоспоримые преимущества для получения образования. Современный инструментальный дистанционного обучения позволяет изменить подход к самому образовательному процессу, расширив возможности интерактивных и проблемных аудиторных занятий. Дистанционное обучение позволяет интенсифицировать работу с дополнительным учебным материалом и компенсировать нехватку библиотечного фонда по учебно-методической литературе. Также дистанционное обучение позволяет минимизировать потери учебного времени из-за природно-климатических и санитарно-медицинских факторов. Одним из основных

преимуществ дистанционного обучения считается эффективность использования при оказании образовательных услуг лицам, находящимся на домашнем обучении или детям с ограниченными возможностями здоровья.

И это далеко не полный перечень возможных организационных и методических выгод и преимуществ, которые предоставляют современные технологии дистанционного обучения.

Сферу дистанционного обучения исследовали такие ученые, как: А. А. Андреев, А. А. Золотарева, И. Г. Кревский, Е. С. Полат, В. П. Тихомиров и многие другие.

Значимые исследования в области дистанционных технологий обучения были отражены в трудах А. А. Андреева, Е. С. Полат, М. С. Чвановой; вопросы проектирования систем дистанционного обучения и способы подготовки в образовательной среде посвящены статьи Д. З. Ахметовой, Г. В. Ившиной, А. А. Кузнецова.

Основная часть. На сегодняшний день в мире существует множество систем для организации удаленного образовательного процесса (Edmodo, Online Testpad, iSpring Onlyne, Moodle и др.).

Анализ опыта работы российских и зарубежных высших учебных заведений показывает, что одной из самых востребованных систем дистанционного обучения считается система Moodle. Эта система входит в десятку самых лучших on-line платформ за 2016 год и по сравнению с другими системами обладает большим функционалом.

Слово «Moodle» является аббревиатурой названия Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment (модульная объектно-ориентированная динамическая среда обучения).

Moodle позволяет слушателям оперативно находить нужную информацию, помогает им перейти от обычного получения информации к активному участию в ее поиске.

Практика применения системы дистанционного обучения Moodle в вузах Российской Федерации и Донецкой Народной Республики свидетельствует о позитивной динамике внедрения. Такая платформа позволяет организовать не только самостоятельную, познавательную деятельность студентов, оперативный и систематический учебный диалог с преподавателем, но и групповую работу.

Система Moodle предоставляет возможность создавать и в дальнейшем управлять ресурсами информационно-образовательной среды по иностранному языку. При организации обучения рассматриваемая система дистанционного обучения идеально подходит для обмена файлами разных форматов, организации самостоятельной работы студентов (слушателей) и обеспечивает преподавателя (тьютора) большими возможностями для общения со студентами (слушателями).

Одним из самых основных преимуществ системы Moodle для обучения иностранному языку считается вовлечение студентов в специально созданную учебную деятельность, т.к. система Moodle – это программная оболочка, которую сам преподаватель наполняет необходимым материалом.

Правильно подобранный комплекс инструментов с заданиями обеспечит качество реализации цели и задач занятий. Важно без ошибок добавить эти инструменты (модули).

Несмотря на теоретическую изученность проблемы использования дистанционного обучения, вопрос использования системы дистанционного обучения Moodle в преподавании отдельных дисциплин остается недостаточно раскрытым.

Считаем необходимым рассмотреть в статье инструменты системы дистанционного обучения Moodle в преподавании иностранного языка.

Moodle – инструментальная среда для разработки как отдельных on-line курсов, так и образовательных веб-сайтов. Система Moodle предлагает широкий спектр возможностей для полноценного обучения – разнообразные способы представления учебного материала, проверки знаний и контроля успеваемости.

Необходимо выделить преимущества системы дистанционного обучения Moodle:

- не требуется мощное дорогостоящее оборудование;
- бесплатное и свободное распространение;
- открытость программного кода;
- постоянное совершенствование системы.

Анализ методической и педагогической литературы показал, что в современном поле используется понятие инструмент и элемент.

В свою очередь, необходимо указать на то, что система Moodle состоит из ряда инструментов (М. В. Змеев, Р. Р. Камалов, А. И. Макурин), или интерактивных элементов (А. М. Анисимов, А. В. Белозубов, Д. Г. Николаев).

Как говорилось выше, система Moodle – инструментальная среда, т.е. состоящая из ряда инструментов. Интерактивные элементы – это инструменты, но только те, которые носят отпечаток сетевой коммуникативности (форум, чат, семинары и тд.). Преподавателям при создании курсов важно учитывать понятия в нужном контексте.

Система Moodle не самостоятельно выстраивает занятие. Это оболочка, созданная специально для преподавателей (тьюторов). Перспектива системы зависит от того, как преподаватель сможет адаптироваться в платформе (тьютор). Тьютор является не только автором курсов и учебных пособий, он должен оказывать консультирование, помощь студентам при изучении курса. Тьютор (англ. Tutor – наставник) – исторически сложившаяся особая педагогическая должность. Тьютор обеспечивает разработку индивидуальных образовательных программ студентов (слушателей) и сопровождает процесс индивидуализации и индивидуального образования в высшей школе [3, с. 13].

В системе Moodle преподаватель (тьютор) может делать в курсе все, в том числе изменять материалы курса и оценивать студентов (слушателей). Тьютор может быть назначен как создателем курса, так и управляющим.

Рассматриваемая нами платформа имеет ряд приспособлений (инструментов), с помощью которых тьютор может осуществлять полноценный учебный процесс.

Благодаря тому, что Moodle очень гибкая система, пожелания студентов и преподавателей воплощаются в реальность с помощью самих инструментов.

Инструмент «Задание» используется для разработки заданий по каждой теме, позволяет преподавателю (тьютору) контролировать их выполнение, выставлять оценки за данный вид работы, проверить представленные письменные работы, оставлять комментарии по результатам выполнения. Студенты (слушатели) в качестве результатов имеют возможность загружать:

- документы текстовых редакторов;
- электронные таблицы;
- фотоизображения;
- видео- и аудиофайлы.

Предусмотрена возможность выполнения заданий в варианте off-line. Оценка преподавателя (тьютора) может быть дана в виде развернутого комментария, аудиоотзыва или исправленного варианта работы. Отметка за выполнение вносится в журнал.

С помощью инструмента «Задание» преподаватель может достичь цели – обучить студентов иностранному языку. От того, как преподаватель продумает инструкции к заданиям, определения объема письменного высказывания будет зависеть успеваемость студентов (слушателей). Преподавателю необходимо четко и ясно прописывать критерии, по которым будут оцениваться ответы на задания студентов.

Обозначенный инструмент позволяет развивать умения выражать собственное мнение, умения описывать события, умения обобщать информацию и т.д.

Обучать иностранному языку в системе Moodle можно также с помощью инструмента «Семинар». Этот модуль отличается от аудиторного семинарского занятия. Здесь отсутствуют вербальные сообщения и доклады, их заменой являются работы, подготовленные в текстовых и табличных форматах, в виде изображений, видео- и аудиофайлов. Помимо преподавательской (тьюторской) оценки предусмотрена возможность взаимного оценивания студентов (слушателей) своих работ. В результате студент (слушатель) получает две оценки от преподавателя (тьютора) и одногруппников, которые вносятся в журнал. Этот инструмент служит для проведения взаимного рецензирования работ студентов. Задания загружаются на курс, а затем, в соответствии, в соответствии с существующими настройками, происходит автоматическое распределение работ между студентами для рецензирования. Студенты, согласно представленным критериям, оценивают работы друг друга и выставляют соответствующие баллы.

Особенностью этого инструмента считается минимальная роль преподавателя в оценивании. Преподаватель не оценивает самостоятельно задания студентов, а только отслеживает и ведет контроль их. Инструмент Семинар в системе Moodle самостоятельно суммирует полученные баллы за задания.

Одной из основных задач преподавателя, работающего с системой Moodle, является умение тщательно прописывать шаги по выполнению заданий.

С помощью данного инструмента у студентов развиваются те же умения, что и с помощью инструмента «Задание», и еще появляется возможность развивать умение оценивать, умение сопоставлять прочитанное с предложенными критериями, умение работать самостоятельно.

Наполнение курса образовательного контента инструментом «Форум» позволяет осуществлять общение преподавателя со студентом, а также студентов друг с другом. Форма обучения в инструменте «Форум» является асинхронной, студентам предоставляется возможность подготовиться к письменному высказыванию, проверить свое сообщение, отредактировать его при необходимости. Данный инструмент может использоваться для проведения дискуссий. Задания в инструменте «Форум» бывают разной структуры и могут включать оценку (рейтинг) сообщений.

Для повышения мотивации при обучении иностранному языку преподаватель должен правильно организовать задания в инструменте «Форум».

Языковые навыки можно развивать с помощью инструмента «Wiki». Данный инструмент предназначен для добавления и редактирования веб-страниц, которые связаны между собой. Возможности этого инструмента максимально адаптированы для проектной деятельности студентов. Инструмент предоставляет несколько вариантов использования:

- создание групповых заметок к занятиям и учебным материалам;
- совместная работа студентов над текстом;
- ведение личного журнала заметок по исследованиям и исправлениям.

Наполнять этот инструмент можно видео- аудиоматериалами, с помощью которых со студентами можно проводить аудирование.

Сказанное выше показывает, что система Moodle справляется с такими задачами как:

- создание и управление дистанционного обучения иностранному языку;
- управление пользователями внутри системы (Moodle предоставляет возможность управления доступа пользователей системы);
- дифференцированный доступ ко всем инструментам;
- отслеживание выполнения абсолютно любых действий как преподавателем, так и студентами под средством визуализации процесса обучения.

Полезными инструментами системы Moodle для дисциплины иностранного языка считаются «Внешний инструмент», «Гиперссылка» или «Пакет SCORM». С помощью обозначенных инструментов преподаватель может интегрировать задания в свое занятие, к примеру, это нужно при подготовке к олимпиадам по английскому языку.

«Внешний инструмент» может быть использован, если необходимо перенести в курс (раздел курса) учебный контент из других on-line сервисов или приложений. Например, используя «Внешний инструмент», можно открывать какой-нибудь сетевой тренажер или обучающую игру в окне курса и не направлять студентов на сторонние ресурсы.

Ресурс «Гиперссылка» позволяет преподавателю разместить веб-ссылку как ресурс курса. Ссылка может быть связана с любым ресурсом, который находится в сводном доступе в Интернете. Желательно, чтобы ссылка вела на адрес конкретной веб-страницы [3, с. 88].

Инструмент «Пакет SCORM» предназначен для добавления в курс мультимедийного контента или инструментов оценивания учебных достижений. Пакет представляет собой архив, упакованный в соответствии со стандартами SCORM или AICC, разработанными специально для учебных объектов [1, с. 166].

Также рекомендуется использование инструмента «Тест», т.к. студенты имеют возможность в обозначенном инструменте обсуждать решение задач теста, используя различные способы коммуникации. В данном случае речь не идет о списывании или контроле знаний. Основная цель такого вида работы – интеллектуальное развитие студентов и возможностей общения [2, с. 52].

Заключение. Эффективность использования инструментов системы дистанционного обучения Moodle во многом зависит от взаимодействия преподавателя со студентами и студентами между собой. Инструменты дистанционного обучения позволяют это осуществлять как on-line, так и off-line. Одним из основных требований к преподавателю в работе с инструментами системы Moodle для преподавания иностранного языка считается умение определять концепцию для индивидуальных проектных работ, групповых проектов, методов и способов организации познавательной деятельности и др.

Преподавателю (тьютору) следует обратить внимание на то, что при разработке занятий дистанционного обучения иностранному языку в системе Moodle все учебные материалы должны сопровождаться необходимыми пояснениями и инструкциями, должна быть предусмотрена консультационная зона, которая позволит студенту задавать вопросы.

К сожалению, на сегодняшний день система Moodle не располагает технологией видео или телеконференций. Но, как известно, Moodle постоянно развивается и дополняется новыми формами и плагинами. С другой стороны, образовательный инструментальный программы сегодня позволяет комбинировать внешние приложения (например: вебинар, Skype) и возможности платформы.

Перспективы исследовательской работы мы видим в раскрытии проблем системы Moodle, позволяющей создавать самые разнообразные задания по иностранному языку. Нужно помнить, что инструментарий обозначенной системы – это оболочка, которую наполняет сам преподаватель необходимым материалом. И на протяжении всего обучения тьютор – организатор дистанционного обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Щенников С. А. Основы деятельности тьютора в системе дистанционного образования / С. А. Щенников. – М.: НИТО ЮНЕСКО, 2006. – 591 с.
2. Методика иностранному языку с использованием новых информационно-коммуникационных Интернет-технологий: [учебно-методическое пособие / под ред. Сысоев П. В.]. – Ростов н/Д.: Феникс, 2003. – 182 с.
3. Титова С. В. Ресурсы и службы Интернета в преподавании иностранных языков / С. В. Титова. – М.: Издательство Московского университета, 2003. – 267 с.

Поступила в редакцию 14.02.2020 г.

APPLICATION OF MOODLE'S INSTRUMENTS IN TEACHING OF FOREIGN LANGUAGES

N. V. Kozlenko

The article discusses the application of Moodle's instruments in teaching of foreign languages. In this article considers some brief characteristics of using Moodle's instruments for teaching at separate disciplines. The advantages and prospects are marked in Moodle system for studying foreign languages.

Key words: distance learning, instrument, foreign language, Moodle system.

Козленко Наталия Владимировна.

Аспирант,
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков».
E-mail: off-i@mail.ru

Kozlenko Nataliia Vladimirovna.

Graduate Student,
Gorlovka Institute for Foreign Languages.
E-mail: off-i@mail.ru

УДК 37.032 – 057.87

НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ДОСТИЖЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ ПЕДАГОГА

© 2020. *Г.Л. Кривошеева*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматривается непрерывное образование как необходимое условие достижения профессионального долголетия педагога. Обосновываются его возможности в выработке и укреплении способности адаптироваться к изменяющимся условиям и требованиям профессиональной жизни, окружающего мира, в формировании гуманистической направленности, в утверждении приоритета профессионального долголетия и здоровья. Выделяются факторы, которые способствуют профессиональному долголетию в системе непрерывного образования.

Ключевые слова: непрерывное образование, профессиональное долголетие педагога, здоровьесозидание, педагогическая деятельность.

На современном этапе развития общества предъявляются высокие требования к будущему педагогу. Они касаются не только уровня их профессиональной подготовки, но и состояния здоровья, которое лежит в основе профессионального долголетия. Основы профессионализма, педагогического мастерства, профессионального долголетия закладываются в процессе подготовки педагога в системе высшего профессионального образования и развиваются в последующей педагогической деятельности. Дальнейшее систематическое овладение, углубление и совершенствование знаний и умений происходит путём непрерывного образования на протяжении всей его жизни. В процессе непрерывного образования происходит рост общего и профессионального потенциала педагога, выработка индивидуальной здоровьесберегающей стратегии применительно к конкретным условиям педагогической деятельности и жизни в целом. Особое значение непрерывное образование имеет для дальнейшего формирования профессионального долголетия педагога.

Одним из основных принципов государственной политики ДНР и правового регулирования отношений в сфере образования является гуманистический характер образования, приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, свободного развития личности [1]. Именно в силу гуманистической направленности педагогической деятельности ей присуще здоровьесберегающее и здоровьесозидающее начало, проявляющееся в отношении всех субъектов педагогического процесса. Под здоровьесберегающим и здоровьесозидающим началом педагогической деятельности мы понимаем органическое единство всех компонентов педагогического процесса, в основе которых лежит утверждение приоритета здоровья как общечеловеческой ценности.

Ведущая роль образования в формировании здорового, безопасного образа жизни, культуры здоровья, профессионального долголетия нашла отражение в исследованиях С.В. Абрамовой, В.Н. Алфимова, С.В. Белова, Я.Д. Вишнякова, Ю.Л. Воробьева, В.Г. Горашука, В.А. Девисилова, Ю.Б. Казиминова, С.В. Камашева, Г.Л. Кривошеевой, Б.Ч. Месхи, Е.Ю. Молодцова, Е.В. Муравьевой Л.С. Насрутдиновой, Э.М. Ребко, А.В. Снегирева, М.И. Фалеева, В. Цаликова и др. Наибольшее внимание проблеме профессионального долголетия отводится в трудах Л.М. Митиной.

Концепции и теории непрерывного образования закреплены в международных документах (ЮНЕСКО, Концепциях и Программах развития образования РФ, Болонской

декларации 2003г. и др.). Проблема непрерывного образования исследовалась в трудах С.Я.Батышева, А.П.Беляевой, Е.Я.Бутко, В.А.Ермоленко, П.Ф.Кубрушко, Т.Ю.Ломакиной, Г.В.Мухаметзяновой, А.М.Новикова, Г.М. Романцева и др.

Идеи профессионального становления педагога, ведущей роли педагогической поддержки становления учителя, отраженной в концепции профессионального развития личности, а также идеи педагогического наставничества, как элемента системы непрерывного педагогического образования находим в работах С.Г.Вершловского, Н.В.Кузьминой, А.К.Марковой, В.А.Сластенина, Т.А.Чистяковой, Е.М.Борисовой, Е.А.Климова, А.Н.Леонтьева, В.И.Слободчикова, О.А.Абдулиной, С.Г.Вершловского, В.И.Загвязинского, В.А.Кан-Калика, И.В.Кругловой и др.

Понятие и сущность непрерывного образования, его цели и функции изучали Н.А. Бирюкова, А.В. Даринский, А.П. Владиславлев, О.В. Зайцева, А.М. Новиков, Ф.Р. Филиппов, которые подчёркивали, что непрерывное образование должно осуществляться на протяжении всей жизни человека, так как школьная и вузовская подготовка являются недостаточными для последующей профессиональной деятельности специалиста. В большинстве исследований речь идёт об образовании взрослых, которое с позиций сегодняшнего дня рассматривается как подсистема непрерывного образования.

Однако проблема достижения профессионального долголетия педагога в условиях непрерывного образования в психолого-педагогической литературе исследована недостаточно.

Цель статьи: обосновать значимость непрерывного образования в достижении профессионального долголетия педагога, его возможности в выработке и укреплении способности адаптироваться к изменяющимся условиям и требованиям профессиональной жизни.

Основная часть. Профессиональное долголетие является проявлением всех духовных и физических сил человека. Творческое начало позволяет будущему педагогу овладеть профессионально значимыми знаниями, умениями, навыками, опытом эмоционально-волевого отношения к миру и опытом саморегуляции поведения через призму своей будущей профессиональной деятельности и стремления к достижению профессионального долголетия. Профессиональное долголетие является важнейшей целью системы непрерывного образования.

Теоретические основы современной концепции непрерывного образования стали активно разрабатываться со второй половины XX века, стремясь соответствовать заказу современного общества и, в настоящее время, существует несколько подходов к пониманию сущности непрерывного образования.

Впервые в целостном виде концепция непрерывного образования была представлена на Форуме ЮНЕСКО в 1965 г. П. Ленграндом. В основе его понимания непрерывного образования лежит идея, берущая своё начало из традиций гуманизма и ставящая в центр образовательных начинаний человека, которому следует создать оптимальные условия для полного развития его способностей на протяжении всей жизни [2, с. 12].

Согласно типологии, предложенной ЮНЕСКО, непрерывное образование делят на формальное, неформальное и информальное.

Формальное образование представляет собой совокупность учебно-воспитательных заведений с наличием специально подготовленных педагогических кадров. Данное обучение организовывается целенаправленно, согласно образовательных программ.

Информальное образование представлено самообразованием, оно предполагает самостоятельное овладение информацией, которая отражена в профессиональной литературе, интернете, которой овладевают при проведении конференций, при общении с коллегами.

В журнале ЮНЕСКО «Перспективы», было отмечено, что неформальное образование «предназначено для того, чтобы компенсировать недостатки и противоречия традиционной школьной системы и удовлетворить зачастую безотлагательные потребности, выпавшие из поля зрения формального образования» [3, с. 141].

В настоящее время прослеживается несколько подходов к пониманию сущности непрерывного образования. На основе их анализа и выделения основополагающих положений, Н.Г. Калинин определяет непрерывное педагогическое образование, как одно из ведущих средств реализации личностно-ориентированной парадигмы педагогического образования, представляющее собой систему условий для обеспечения непрерывности профессионально личностного развития учителя, а именно преемственность всех ступеней профессионально педагогической подготовки и повышения квалификации; единство формального и неформального профессионально педагогического самообразования; единство общего (общекультурного, общеразвивающего) и профессионально педагогического образования; непрерывное обновление всех элементов системы педагогического образования в соответствии с меняющимися условиями жизни [4, с.189]. Такое понимание непрерывного образования, с нашей точки зрения, является наиболее полным.

Непрерывность профессионально личностного развития педагога, позволяющая достичь профессионального долголетия, происходит путём реализации основных функций непрерывного образования. Его ведущими функциями являются: социальная, профессиональная, личностная.

При реализации социальной функции расширяются возможности педагога по взаимодействию с окружающим миром, корректируются жизненные цели и ориентиры, путём соотнесения личностно значимых целей с общественно значимыми, происходит понимание своей необходимости и значимости не только в рамках профессии, но и в обществе, в целом. Выполнение педагогом своих профессиональных обязанностей приобретает более глубокий смысл, вызывает социальную удовлетворённость, осознание социальной значимости своей профессии. Здоровье педагога оказывает большое влияние на качество его жизни и профессиональной деятельности. Понимание здоровья не только как личностной ценности, но и социальной, позволяет выстраивать траекторию жизненного пути с ориентацией на профессиональное долголетие.

Профессиональная функция непрерывного образования является ключевой в профессиональном становлении педагога. Качество его работы напрямую зависит от сформированных компетенций, уровня образования, квалификации. Общекультурные, общепрофессиональные, профессиональные компетенции включаются образовательным учреждением в совокупность требуемых результатов освоения образовательных программ. К числу важнейших общекультурных компетенций, которые лежат в основе профессионального долголетия мы относим:

- способность работать в команде, толерантно воспринимать социальные, культурные и личностные различия;
- способность к самоорганизации и самообразованию;
- готовность поддерживать уровень физической подготовки, обеспечивающей полноценную деятельность;

- способность использовать приёмы первой помощи, методы защиты в условиях чрезвычайных ситуаций.

Профессиональному долголетию способствует освоение общепрофессиональных компетенций:

- готовность сознавать социальную значимость своей будущей профессии, обладать мотивацией к осуществлению профессиональной деятельности;
- способность осуществлять обучение воспитание и развитие с учётом социальных, возрастных, психофизических и индивидуальных особенностей, в том числе, особых образовательных потребностей обучающихся;
- владение основами профессиональной этики и речевой культуры;
- готовность к обеспечению охраны жизни и здоровья обучающихся.

Достичь профессионального долголетия помогает освоение профессиональных компетенций:

- способность проектировать траектории своего профессионального роста и личностного развития;
- способность использовать возможности образовательной среды для достижения личностных, метапредметных и предметных результатов обучения и обеспечения качества учебно-воспитательного процесса средствами преподаваемых дисциплин.

Личностная функция непрерывного образования ставит в центр образовательного процесса всех его субъектов. Она предполагает удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, социальном, физическом и психическом здоровье, учитывает её цели, интересы, устремления. Пути удовлетворения потребностей личности должны соответствовать её индивидуальному психосоматическому развитию и не оказывать негативного воздействия на здоровье. Недооценка данного положения может приводить к ухудшению психического здоровья и развитию, так называемых, дидактогенных психических расстройств. Дидактогенные (греч. *didasko* — учить, *genesis* – происхождение) расстройства развиваются в процессе обучения и сопровождаются выраженными соматовегетативными отклонениями, психосоматической реакцией на стресс. Однако, сам по себе, процесс обучения не может быть источником тяжёлого стресса и приводить к его развитию. «Психическое здоровье человека обусловлено его психическим развитием, которое идёт непрерывно на протяжении всей жизни человека» [5, с.71].

В научной психолого-педагогической и медицинской литературе выделяются факторы, которые неблагоприятно влияют на психическое здоровье в процессе обучения: неправильная организация учебно-воспитательного процесса, наличие конфликтных отношений в образовательной среде, недостаток свободного времени для реализации своих личных потребностей, занятий любимым делом, незнание и несоблюдение требований психогигиены в процессе обучения. Известный специалист в области психологического и психического здоровья молодёжи И.В. Дубровина отмечает, что отклонения со стороны психического здоровья человека возникают тогда, когда своевременно не реализуются возрастные и индивидуальные возможности его развития, «не создаются условия для формирования возрастных психических новообразований, не удовлетворяются социальные потребности в общении, личностные потребности в уважении и любви окружающих людей и проч.» [5, с. 78].

Непрерывность формирования основ профессионального долголетия педагога обеспечивается преемственностью ступеней профессионально педагогической подготовки и продолжается в системе дополнительного образования, которое является важнейшей подсистемой профессионального образования. Дополнительное

образование – вид образования, который направлен на всестороннее удовлетворение образовательных потребностей человека в физическом, интеллектуальном, личностном, и (или) профессиональном совершенствовании и не сопровождается повышением уровня образования [1]. Оно включает в себя повышение квалификации педагогов, профессиональную переподготовку, подготовку специалистов и самообразование.

В процессе образования реализовываются потребности личности в самосовершенствовании и саморазвитии, в сохранении и укреплении собственного здоровья как основы активной профессиональной деятельности на протяжении многих лет жизни. Дополнительное профессиональное образование позволяет решать проблему адаптации педагогов к изменяющимся условиям окружающей жизни и выработать собственную траекторию профессионального долголетия. В рамках дополнительного профессионального образования разрабатываются программы повышения квалификации, программы профессиональной переподготовки, включающие в себя дисциплины содержащие вопросы, касающиеся проблемы профессионального долголетия, его сущности и факторов оказывающих на него влияние, методов и средств достижения.

В процессе непрерывного образования у педагога происходит выработка и укрепление способности адаптироваться к изменяющимся условиям и требованиям профессиональной жизни, окружающего мира, формирование и утверждение гуманистической направленности, приоритета профессионального долголетия и здоровьесозидания. Понимание своего высокого предназначения, удовлетворение значимой для педагога потребности приносить пользу другим, повышение своего профессионального мастерства в процессе непрерывного образования препятствует процессу старения и позволяет педагогу сохранять высокую работоспособность, оптимизм, молодость души. В тоже время, В.А. Сухомлинский отмечал, что старение является закономерностью, от которой не уйти и называл условия, которые тормозят этот процесс. Он считал, что старению можно противопоставить любовь к жизни, своей профессии, способность жить интересами своих учеников, трудиться с полной самоотдачей, то есть подчёркивал важность духовно-нравственной составляющей профессионального долголетия.

В процессе непрерывного педагогического образования происходит органичная взаимосвязь и углубление знаний, умений и навыков, освоенных в высшем профессиональном образовательном учреждении со знаниями, которыми педагог овладел в дальнейшей профессиональной деятельности. Происходит более глубокое осознание их необходимости и важности не только в профессиональном плане, но и в личном. Имеющийся опыт практической деятельности, знакомство с трудностями педагогической профессии побуждает педагога к осознанному выбору здоровьесберегающего образа жизни и выработке жизненной стратегии ведущей к профессиональному долголетию. В то же время, часть педагогов не связывают профессиональную деятельность с деятельностью по здоровьесбережению и здоровьесозиданию, не осознают значимости собственной активности в организации здорового образа жизни, в разработке индивидуальных траекторий педагогической деятельности ведущих к профессиональному долголетию. В результате такого отношения может снижаться не только конкурентоспособность педагога на рынке труда, но и преждевременно ухудшаться состояние здоровья, развиваться различные патологические изменения со стороны его организма.

Профессиональное долголетие педагога в системе непрерывного образования мы рассматриваем во взаимосвязи пяти блоков, обеспечивающих единый подход к решению данной проблемы на протяжении всей его активной жизни. Эти блоки

объединены единством целей и задач, которые стоят перед системой непрерывного образования в формировании готовности педагога к профессиональному долголетию.

Первый блок: теоретико-методические основы профессионального долголетия.

Второй блок: здоровьесберегающая среда.

Третий блок: обеспечение педагогическими кадрами компетентными в формировании основ профессионального долголетия педагога.

Четвёртый блок: образовательные программы способствующие формированию системы знаний по проблеме профессионального долголетия педагога и выработке осознанных умений направленных на его достижение.

Пятый: методическое сопровождение педагога на всех этапах непрерывного образования.

В процессе вовлечённости педагога в систему непрерывного образования происходит не только углубление его профессиональных знаний, умений и навыков, но и активизируется восприятие себя. Раскрывается его потенциал и способности в самостоятельном управлении процессами профессионального долголетия, здоровьесбережения и здоровьесозидания. Приобретается опыт в применении полученных знаний, появляется уверенность в собственных силах и возможностях по достижению профессионального долголетия и исключению факторов препятствующих ему. Развивается способность самостоятельно определять направления самосовершенствования и здоровьесозидания, готовность к дальнейшему обучению и самообразованию, потребность в применении изученного, желание строить свою дальнейшую педагогическую деятельность с ориентацией на активное профессиональное долголетие.

Роль непрерывного образования в достижении профессионального долголетия трудно переоценить, но особое значение оно имеет для педагогов среднего и пожилого возраста. Среди представителей данной возрастной группы может наблюдаться как ухудшение психосоматического здоровья, так и снижение интереса к профессиональной деятельности, развитие симптомов профессионального выгорания. Высокие требования к освоению новых технологий, проблемы психологической адаптации к новым условиям, большая уязвимость для многих болезней и более длительный процесс выздоровления в зрелом и пожилом возрасте приводят к развитию хронического стресса и синдрому хронической усталости. Педагогическая деятельность относится к разряду стрессогенных. Для неё характерны такие особенности как быстрота реагирования, высокая ответственность и нервно-эмоциональное напряжение, вероятность развития конфликтных ситуаций, большое количество межличностных контактов. Вследствие этого происходит снижение устойчивости к развитию профессиональных заболеваний, ухудшение физического, психического и социального здоровья педагога.

В рамках концепции «успешного старения», которая разрабатывается социологами, психологами, медиками разных стран, вырабатываются факторы, которые ему сопутствуют. К ним относят: низкую вероятность болезней или инвалидности; потребность в познании нового и высокие возможности в обучении и физической деятельности; активное участие в жизни общества. В большей степени, наличие или отсутствие этих факторов зависит от человека. Целенаправленное их изучение и овладение ими позволяет педагогу оставаться активным и высоко работоспособным долгие годы.

Именно непрерывное образование даёт возможность педагогу рассмотреть эти факторы с позиций профессионального долголетия и выработать стратегию по его

достижению. Профессиональное долголетие достигается путём гармонизации личности педагога, под которой мы понимаем повышение степени согласованности его интегральных характеристик, где направленность рассматривается как стремление педагога к самоактуализации в сфере педагогической деятельности.

В результате освоения дисциплин педагогической и валеологической направленности происходит процесс изучения, сознательного и постепенного преодоления факторов препятствующих профессиональному долголетию. Особое место отводится пониманию здоровья человека, его роли в поддержании активного долголетия. В.А. Сухомлинский в книге «Сердце отдаю детям» настаивал на том, что «забота о человеческом здоровье... — это не просто комплекс санитарно-гигиенических норм и правил, не свод требований к режиму, питанию, труду, отдыху. Это, прежде всего, забота о гармонической полноте всех физических и духовных сил, и венцом этой гармонии является радость творчества» [6, с. 57].

Проведение семинарских и практических занятий по дисциплинам «Педагогическая и профессиональная психология», «Основы медицинских знаний», «Педагогика высшей школы», «Педагогическая этика», «Безопасность жизнедеятельности» включает в себя элементы психопедагогики, психогигиены и психопрофилактики. Изучая данные дисциплины, педагог учится управлять своим психоэмоциональным состоянием, регулировать и экономно расходовать свои энергетические ресурсы. Ему предоставляется возможность разработки индивидуальных здоровьесозидающих траекторий, согласующихся с его возрастными потребностями и возможностями, а также требованиями общества и самой системой непрерывного образования. Рассматривая проблему профессионального долголетия в системе непрерывного образования на учебных занятиях, мы подробно останавливаемся на изучении таких понятий как «здоровье», «болезнь», «профилактика», «творческая активность», «профессиональное долголетие», «оздоровление», «выгорание», «здоровьесозидание», «факторы здоровья» и т. д.

В процессе освоения дисциплины «Педагогическая этика» развивается нравственная сфера личности, формируется система знаний, умений и навыков этического поведения в различных профессиональных ситуациях и профессиональной деятельности в целом, ценностное отношение к окружающему миру, готовность взаимодействия с ним без ущерба для здоровья.

В программу курса «Основы медицинских знаний» включены наиболее распространённые заболевания, как в среде учащихся, так и педагогов. Большое внимание уделяется изучению различных видов неврозов, в том числе, дидактогенного происхождения. Знакомство с данными патологическими состояниями позволяет выработать педагогу превентивные меры по недопущению их развития.

Овладение основами доврачебной медицинской помощи при остро развивающихся отклонениях со стороны здоровья, происходит в рамках курса «Безопасность жизнедеятельности». В учебно-воспитательных заведениях всех уровней велика вероятность возникновения различных травм различной степени тяжести, несчастных случаев. К сожалению, в последнее время, участились чрезвычайные ситуации социального характера.

Основу профессионального долголетия составляет здоровье. Выделяют духовное, социальное, психическое и физическое здоровье. Общепринятым считается утверждение, что здоровье на 50 % зависит от образа жизни человека.

Учитывая, что факторы способствующие «успешному старению» зависят от человека, задачей непрерывного образования в решении проблемы профессионального

долголетия является вовлечение педагогов в адаптационно-регулирующую здоровьесозидающую деятельность, препятствующую процессам старения, на основе полученных знаний и выработанных умений. Соблюдение определённых социальных условий жизни, которые не вредят здоровью, позволяют человеку 50–60 лет осваивать новые специальности, повышать квалификацию, удовлетворять значимую для педагогов любой возрастной группы потребность приносить пользу другим.

Духовно-нравственное старение и оскудение проявляется в противопоставлении системы ценностей поколений, нежелании понимать интересы и вкусы молодёжи, мотивы её поступков, морализировании. Происходит утрата понимания своего высшего предназначения «сеять доброе, вечное...», восприятие своей профессии только как средства существования и материального заработка. Г.С. Сковорода считал, что истинного учителя характеризует, прежде всего, любовь к своему народу, высокая человечность, принципиальность, отсутствие различия между словом и делом. Учитель, по его мнению, должен владеть педагогическим мастерством: умение излагать интересно, наглядно, применять упражнения, работу над книгой, владение голосом [7, с. 124–137]

Духовно-нравственный компонент профессионального долголетия характеризует сложный процесс самоактуализации личности педагога. Он находит своё отражение в отношении педагога не к какому-то отдельному аспекту его деятельности, а выражается во всём что его окружает; это гармония педагога с самим собой и окружающим миром.

Протекание физиологических процессов, психосоматическое старение, которое происходит в организме человека с возрастом, не зависит от его воли и желания. Остановить процесс биологического старения нельзя, но замедлить скорость его протекания возможно. Влияют на него интенсивность режим труда и отдыха, гигиена питания, образ жизни, использование закаливающих процедур, наличие или отсутствие вредных привычек, двигательная активность.

О профессиональном старении можно говорить тогда, когда у педагога проявляются крайне неблагоприятные для его деятельности качества, такие как ригидность, отсутствие гибкости, склонности к компромиссу, заинтересованности жизнью учащихся, равнодушие к педагогическому творчеству, канонизация собственного опыта, невосприимчивость к новому.

Педагог с перечисленными выше признаками духовно-нравственного, психосоматического и профессионального старения не только не может – не имеет права работать в учебном заведении и осуществлять педагогический процесс.

Изучение духовно-нравственного, психосоматического и профессионального старения позволяет наметить пути по его преодолению и принять превентивные меры в системе непрерывного образования. Способность изменяться, готовность осмысливать и относиться с уважением к позиции, не совпадающей с собственной, усваивать ценности и жизненный смысл людей более молодого поколения – необходимое условие преодоления процесса старения и сохранения молодости.

Выделим факторы, которые способствуют профессиональному долголетию в системе непрерывного образования:

- систематическое и целенаправленное обучение и самообразование по вопросам профессионального долголетия;
- изучение механизмов сохранения здоровья и профессионального долголетия с начала выбора профессии и на протяжении всей последующей жизни;

- активная вовлечённость в профессиональную деятельность, осознание её ценности как средства проявления собственного творческого начала и социальной активности;

- удовлетворение потребности в признании социальной значимости профессии педагога и своей востребованности в ней;

- низкая вероятность развития болезней в силу соблюдения выработанной здоровьесозидающей стратегии и тактики безопасного поведения;

- выработка и использование превентивных мер направленных на недопущение развития факторов, которые препятствуют профессиональному долголетию;

- выработка умения управлять процессом старения (духовно-нравственным, психосоматическим, профессиональным), регулирования и экономного расходования своих энергетических ресурсов;

- введение в программу непрерывного образования дисциплин, которые помогут педагогу исключить процессы духовно-нравственного и профессионального старения, а также помогут управлять психосоматическим состоянием и профессиональным долголетием.

Заключение. Достижение профессионального долголетия возможно в результате самостоятельной активной деятельности педагога, основанной на лично значимых знаниях, умениях и приобретённом опыте по здоровьесозиданию в процессе непрерывного образования. В процессе включения педагога в систему непрерывного образования и самообразования раскрывается его потенциал и способности в самостоятельном управлении процессами профессионального долголетия, здоровьесбережения и здоровьесозидания; происходит не только углубление его профессиональных знаний, умений и навыков, но и активизируется процесс самовосприятия и самосовершенствования; приобретается опыт в применении полученных знаний, появляется уверенность в собственных силах и возможностях по достижению профессионального долголетия; развивается способность самостоятельно определять направления самосовершенствования и здоровьесозидания; формируется готовность к дальнейшему обучению и самообразованию, потребность в применении изученного, желание строить свою дальнейшую педагогическую деятельность с ориентацией на активное профессиональное долголетие.

Таким образом, непрерывное образование является необходимым условием достижения профессионального долголетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закон «Об Образовании», ДНР, 19 июня 2015 года
2. Lengrand, P. An Introduction to Lifelong Education / P. Lengrand. – London: doom Helm; Paris: The UNESCO Press, 1975. – 99 p.
3. Хамадаш А. Неформальное образование: концепции, состояние, перспективы / Али Хамадаш // Перспективы (журнал ЮНЕСКО). – 1992. – № 1/2.
4. Калининкова Н. Г. Непрерывное педагогическое образование как парадигма / Н.Г. Калининкова // Знание. Понимание. Умение. – МОСКУ, 2005. – № 3. – С. 186-189.
5. Дубровина И. Психологическое здоровье личности в контексте возрастного развития / И. Дубровина // Развитие личности. – МОСКУ, 2015. – № 2. – С. 67-95.
6. Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям // В. А. Сухомлинский. – Киев: «Радянська школа», 1973. – 154 с.
7. Сковорода, Г.С Убогий жаворонок / Г. С. Сковорода Твори: В 2 т. – К.: А.Т. „Обереги”, 1994. – Т. 2. – С. 124–137.

Поступила в редакцию 19.03.2020 г.

**CONTINUOUS EDUCATION AS A NECESSARY CONDITION FOR ACHIEVING
A PROFESSIONAL LIFE OF A TEACHER**

G.L. Krivosheeva

The article considers lifelong education as a necessary condition for achieving professional longevity of a teacher. It substantiates its capabilities in developing and strengthening the ability to adapt to changing conditions and requirements of professional life, the world around us, in the formation of a humanistic orientation, in affirming the priority of professional longevity and health creation. The factors that contribute to professional longevity in the continuing education system are highlighted.

Key words: continuing education, professional longevity of the teacher, health creation, pedagogical activity.

Кривошеева Галина Леонидовна.

Кандидат педагогических наук, доцент;
доцент кафедры педагогики
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: kafedra-224@mail.ru

Krivosheeva Galina Leonidovna

Candidate of pedagogical sciences, docent;
Associate Professor at the Department of Pedagogy,
SEI HPE «Donetsk National University».
E-mail: kafedra-224@mail.ru

УДК 37.014

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА ПЕДАГОГА КАК ФАКТОР УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ

© 2020. *Г.В. Марченко*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматривается понятие «качество образования» как категория политическая, социальная, управленческая и педагогическая, анализируется степень реализации средств обеспечения качества образования на современном этапе развития системы образования. Предлагаются возможные пути устранения факторов, снижающих качество образования, одним из средств обеспечения качества системы образования представляется повышение качества профессионально-педагогической подготовки, в основу которой должны быть положены идеи служения Отечеству и культуротворческая миссия педагога, что исторически было присуще нашему народу. Предложенная модель мониторинга качества образования включает в себя ресурсную категорию, категорию процесса, категорию результата и категорию контекста.

Ключевые слова: образование, качество образования, культуротворчество, педагогическое образование, мониторинг, ресурсная категория, категория процесса, категория результата, категория контекста.

Проблема качества образования выступает краеугольным камнем реформирования национальных образовательных систем, которое началось в конце XX века и продолжается и сейчас во многих странах мира. Именно качественные показатели развития образования, по мнению экспертов, определяют эффективность общественного развития государств в условиях глобализации мира и повышения их конкурентной борьбы за качество жизни своих граждан. Таким образом, образование сегодня занимает ведущее место в стратегии государственной политики многих стран и должно занять такое же ведущее место и в Донецкой Народной Республики.

Мир признал благосостояние, образование и здоровье человека основными факторами качества его жизни, а качество образования – основной задачей, приоритетом развития общества в XXI веке.

Поэтому обеспечение высококачественного образования на всех его этапах и уровнях, оценка его результативности и управление качеством – одна из основных, современных задач, которая содержит не только педагогический или строго научный контекст, но и социальные, политические и управленческие концепты. Таким образом, проблема качества образования сегодня является проблемой комплексной, включающей в себя целый спектр разнообразных аспектов: от широкого социально-экономического и политического звучания до личностного уровня. Это значит, что в ее решении необходимо участие всех государственных структур, общественности, но главная роль в ее решении отводится учителю, педагогу, от качества подготовки которого в полной мере зависит качество образовательной деятельности в целом.

Поэтому вопросы, связанные с обеспечением и контролем качества педагогического образования, сегодня должны находиться в центре внимания ученых, государственных и общественных деятелей разных стран.

Проблемами качества образования, его мониторинга и управления занимаются специалисты ведущих университетов России и Белоруссии: Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-

Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования, Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, Дагестанского государственного педагогического университета, Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, Северо-Западного государственного медицинского университета имени И.И. Мечникова, Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка, и Донецкого национального университета.

Образование – это стратегический ресурс повышения благосостояния людей, обеспечения национальных и государственных интересов, укрепления авторитета и способности конкурировать на международной арене, а качество образования должно выступать государственным приоритетом и предпосылкой безопасности Республики. Такой государственный подход к качеству образования выдвигает на передний план задачу создания эффективной системы мониторинга образовательной системы в целом и качества педагогического образования в частности, поскольку мониторинг качества образования рассматривается специалистами как основа оценивания государством и обществом образовательной деятельности, равного доступа граждан к получению качественного образования.

Анализ сущности понятия «качество образования», дает возможность рассматривать его с четырех позиций.

Во-первых, как категорию политическую, которая отражает основные подходы государства к определению образовательной политики, ее основных стратегических направлений с учетом региональных особенностей и мировых тенденций.

Во-вторых, как категорию социальную, в которой отражены общественные образовательные идеалы, наиболее общие цели образования, которые определяются государственными документами.

В-третьих, как управленческую категорию, которая определяет стратегии влияния на показатели функционирования образовательной системы и пути и способы их изменения.

И наконец, «качество образования» – это категория педагогическая, и она является квинтэссенцией сущности понятия, процедур диагностики, анализа явлений и свойств субъектов образовательного процесса. В этом смысле она должна соответствовать личностным и общественным целям образования, политической стратегии ее развития в контексте отечественных и мировых тенденций, закономерностям менеджмента образования на разных уровнях управления – государственном, региональном, муниципальном, институциональном (локальном), личностном.

Проанализируем, насколько качество педагогического образования соответствует выше изложенным подходам и определениям. Мы акцентируем внимание именно на профессиональной подготовке педагога потому, что невозможно не согласиться с утверждением профессора Б.С. Гершунского о том, что «Учитель... это человек всегда ощущающий себя на острие общественных проблем, ... осуществляющий важнейшую социальную функцию – обеспечивающий связь времен и преемственность поколений, без чего вообще немислимо прогрессивное развитие рода человеческого» [с. 8]. Педагогическое образование должно обеспечить формирование учителя, который способен развивать личность ребенка, ориентирован на личностное и профессиональное саморазвитие и готов творчески работать в образовательных учреждениях разного типа.

Основной задачей педагогического образования должно стать создание целостной системы непрерывного педагогического образования с учетом отечественного опыта,

отечественных традиций и тенденций развития мировых образовательных систем. Это особенно важно в свете спрогнозированной Б.С. Гершунским тенденции непрерывности образования в течение всей жизни любого человека и «глобальной педагогизации общества, проникновения педагогических идей во все сферы жизни» [с. 9]. Что касается «создания» системы педагогического образования, то она находится в процессе формирования, что же касается учета отечественных традиций и мировых тенденций, то в этом плане предстоит большая работа и государства, и каждого университета, готовящего педагогические кадры.

Донбасс традиционно формировался как поликультурный регион, в освоении и заселении которого принимали участие представители многих этносов. Поэтому, создавая систему качественного педагогического образования, необходимо учитывать этот, на наш взгляд, важный фактор, который сегодня почти не учитывается.

Если же мы определили для себя основной задачей системы образования ее интеграцию в культурно-образовательное пространство России, то необходимо искать пути оптимального сочетания интересов разных этнических групп, населяющих наш регион, и общегосударственных устремлений, что, конечно же, невозможно решить быстро и только административными мерами.

Во многих странах Европейского Союза профессия учителя, преподавателя относится к профессиям достаточно престижным и высоко оплачиваемым, чего, к большому сожалению, невозможно сказать о наших учителях и преподавателях. В России наметилась тенденция к улучшению ситуации, но результаты зависят от того, в каком регионе осуществляются эти процессы. То есть, прежде, чем сравнивать отечественную систему педагогического образования с другими, в частности, западноевропейскими, необходимо создать хотя бы приблизительно похожие условия ее функционирования, на что и должны быть направлены усилия страны и ее властных институций.

Что касается задачи подготовки педагога, способного обеспечить всестороннее развитие человека как личности и высшей ценности общества, и внедрения государственных стандартов педагогического образования, то и эти задачи решаются недостаточно эффективно, на наш взгляд, поскольку в нашем обществе наблюдается крен в сторону крайнего индивидуализма, который присущ значительной части студенчества, о чем свидетельствует наш многолетний опыт общения со студенческой аудиторией.

Традиционно складывалась ситуация, когда профессия учителя, учительство многие годы держалось на энтузиазме отдельных личностей, на их подвижничестве, служении обществу. Снова-таки, к сожалению, идеалы служения Отечеству и обществу не характерны для сегодняшнего учителя, что вызвано соответствующим отношением общества и той социально-экономической ситуацией, в которой мы оказались с 1991 года. Относительно стандартов педагогического образования, то, в их разработке и внедрении мы ориентируемся на Россию, но анализ результатов внедрения стандартов педагогического образования еще ждет своих исследователей.

Обеспечение качества педагогического образования – задача, стоящая перед преподавателем высшей педагогической школы. Работая в высшем педагогическом заведении, преподаватель не может не работать постоянно над повышением своего профессионального мастерства, что предполагает совершенствование содержательной и технологической составляющих его деятельности. Но, несмотря на остроту проблемы, на постоянные дискуссии по этому поводу, изменения в качестве работы преподавателя педагогического вуза происходят слишком медленно. Одна из причин

заключается в постоянном увеличении учебной аудиторной нагрузки преподавателя. Сегодня от него требуется выполнение образовательной, методической, воспитательной, организационной, научной функций, при безусловном доминировании первой, тогда как на остальные остается все меньше и меньше времени. Даже опытный преподаватель, который много лет преподает один и тот же предмет, должен иметь возможность подготовиться к занятиям, будь то лекция или семинар, но после 3-4 проведенных накануне пар о каком качестве этой подготовки может идти речь. Соответственно, качество работы преподавателя не может не сказываться на качестве подготовки будущего учителя.

Кроме того, следует отметить и иные противоречия, влияющие на качество педагогического образования. С одной стороны, мировая и европейская тенденция педагогического образования заключается в наличии весомой практической составляющей профессиональной подготовки будущего учителя, чего от высшей педагогической школы требуют государственные документы, а с другой стороны, многие специалисты отстаивают необходимость фундаментализации педагогического образования. Но это в теории, а на практике многие высшие учебные заведения, готовившие учителей, постоянно и постепенно сокращали количество педагогических практик, а также количество учебных часов для прохождения педагогической практики, что противоречит общемировым подходам к организации системы педагогического образования. Хотелось бы отметить, что сегодня в Республике профессионально-педагогическая составляющая подготовки будущих педагогов стала более существенной по объему, чего от нас требуют Государственные образовательные стандарты.

Еще один важный момент, на который нам бы хотелось обратить внимание, это необходимость прекратить рассматривать систему образования как сферу услуг. У славян воспитание никогда не воспринималось как услуга. Воспитание подрастающего поколения доверялось наиболее опытным, уважаемым, зрелым членам сообщества, которые с большой ответственностью относились к выполнению возложенных на них соплеменниками обязанностей. Если образовательную сферу превратить в средство зарабатывания денег, то она утратит самое главное, чем она всегда отличалась от других сфер жизнедеятельности общества, свою духовную, культуротворческую составляющую. Воспитание, образование – это всегда процесс созидания, творения новой культуры человека и общества, личности и государства. И отсюда органично вытекает культуротворческая миссия педагога, которая полностью отрицает роль педагога как человека, просто предоставляющего образовательную услугу. Пора прекратить воспринимать учителя, педагога как «слугу» ребенка, администрации образовательного учреждения, государства, его миссия в служении Отечеству, личности и обществу. И только реализация культуротворческой по своему характеру педагогической деятельности будет способствовать повышению качества образования на всех его ступенях.

Таким образом, при ближайшем рассмотрении, оказывается, что понятие «качество педагогического образования» как категория политическая и социальная функционируют, но еще недостаточно эффективно. Что касается этого понятия как управленческой и педагогической категории, то они функционируют и разработаны еще весьма слабо.

Говоря о качестве образования в целом, это понятие следует рассматривать как многомерную модель социальных норм и требований к личности, образовательной среде, в которой она развивается, и к системе образования, которая реализует их на определенных этапах обучения человека.

То есть качество образования выступает общественным идеалом образованности человека, результатом его учебной деятельности, процессом организации обучения и воспитания, а также критерием функционирования образовательной системы. Поэтому в сферу системного исследования качества образования специалисты включают определение сущности базовых понятий качества образования (его толкование, структурные компоненты, свойства, критерии и нормы); определение процедур и показателей оценки качества как образовательного процесса, так и его результата и как функциональной системы; проведение мониторинга и принятие управленческих решений для обеспечения качественного образования на всех его уровнях.

Качественный уровень образования обеспечивается во всем мире с помощью соответствующих механизмов, которые называют мониторингом, системой сбора, обработки и распространения информации о деятельности образовательной системы, что обеспечивает непрерывное отслеживание ее состояния и прогнозирование развития. Мировые и европейские тенденции развития мониторинговых исследований свидетельствуют о доминировании комплексного подхода к выбору объектов, которые кроме ресурсов, процесса и результатов должны еще включать и категорию контекста, поскольку любая система образования не функционирует вне влияния сложных социально-исторических факторов и факторов окружающей среды. Контекстная категория предполагает изучение и анализ демографических, социальных, экономических и экологических аспектов. На основе комплексного подхода к объектной модели мониторинга попробуем предложить объектную модель мониторинга качества педагогического образования на локальном уровне (рис. 1).



Рис. 1. Модель мониторинга качества образования на локальном уровне

Локальный уровень функционирования системы мониторинга – это оценивание учебным заведением участников учебно-воспитательного процесса в плане качества образования, достижения ими поставленных задач по реализации требований Государственного стандарта соответствующего уровня образования, коррекция стратегии развития в соответствии с социальными, педагогическими, экономическими и другими показателями.

Результаты наших исследований, проведенных до войны, с первокурсниками факультета английского языка, говорят о том, что только пятая часть студентов первого курса пришли в высшее педагогическое учебное заведение с намерением в будущем работать учителем, что не может не вызывать тревогу не только у преподавателей и руководителей вуза, но и у государственных и общественных деятелей, тем более, что, по данным мониторинга рынка труда, Республика испытывает острую потребность в квалифицированных педагогах.

Проблема заключается в том, чтобы сделать профессию учителя социально привлекательной, уважаемой в обществе, а для этого нужен соответствующим образом подготовленный учитель. Казалось бы, замкнутый круг, но выбираться из него необходимо и вузам, и обществу в целом. По нашему мнению, у истоков решения подобных задач должен все-таки стоять университет, институт, высшее учебное заведение, где сконцентрирован интеллектуальный потенциал страны. И, кроме того, университет обязан думать о завтрашнем дне, если он вообще хочет продолжать свою деятельность.

Другой вопрос, с каким качеством знаний придут будущие выпускники в высшую школу. Наш многолетний опыт работы в области педагогического образования свидетельствует о том, что, к величайшему сожалению, действительно значительная часть выпускников современной школы понятия не имеют о многих вещах, которые для нашего поколения «эпохи застоя», воспитанного советской школой, являлись и являются общеизвестными, причем известными именно со времен школьного обучения. Конечно, одной статьей или конференцией проблему качества образования не решить, но стремиться к этому необходимо, поскольку в высокотехнологическом информационном обществе качество образования является ключевым аргументом в обеспечении такого уровня жизненной и профессиональной компетентности человека, который бы удовлетворял потребности его человеческого развития, а также потребности общества и государства в социально активных гражданах и высококвалифицированных специалистах.

К сожалению, объем статьи не позволяет всесторонне проанализировать систему профессиональной подготовки педагога как решающего фактора обеспечения качества системы образования в целом. Но изложенные в статье соображения призваны привлечь внимание всех заинтересованных лиц к очерченной проблематике. Поэтому вопросы качества профессиональной подготовки будущего педагога не могут утратить своей актуальности для преподавателей университетов особенно в условиях ведущейся против Русского мира информационной войны. Но этот аспект требует отдельного фундаментального исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века (в поисках практико-ориентированных образовательных концепций) / Б.С. Гершунский. – М.: Изд-во «Совершенство», 1998. – 608 с.

Поступила в редакцию 15.02.2020 г.

**TEACHERS' PROFESSIONAL TRAINING AS A FACTOR OF EDUCATION QUALITY
MANAGEMENT**

G.V. Marchenko

The article considers the concept of “quality of education” as a political, social, managerial and pedagogical category, analyzes the degree of implementation of means to ensure the quality of education at the present stage of development of the education system. Possible ways of eliminating factors that reduce the quality of education are proposed, one of the means to ensure the quality of the education system is to improve the quality of professional and pedagogical training, which should be based on ideas of serving the Fatherland and the cultural mission of the teacher, which has historically been inherent in our people. The proposed model for monitoring the quality of education includes a resource category, a process category, a result category, and a context category.

Key words: education, quality of education, cultural creation, teacher education, monitoring, resource category, process category, result category, context category.

Марченко Галина Владимировна

Кандидат педагогических наук, доцент;
декан факультета дополнительного
профессионального образования, зав. кафедрой
дополнительного образования, доцент кафедры
дошкольного и начального образования
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: galna_marchenko@mail.ru

Marchenko Galina Vladimirovna

Candidate of Pedagogical Sciences, Docent;
Dean of faculty of additional professional education,
Head of additional education department, associate
professor of department of preschool and initial
education,
SEI HPE "Donetsk National University"
E-mail: galna_marchenko@mail.ru

УДК 81'374

МЕТОДОЛОГИЯ, ПРИНЦИПЫ И ТЕХНОЛОГИЯ РАЗРАБОТКИ ДВУЯЗЫЧНОГО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ИНТЕГРИРОВАННОГО ТИПА КАК ОПОРНОГО РЕСУРСА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕНИЯ

© 2020. Г.В. Мерхелевич

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена методологии, основным принципам, технологии формирования и разработки двуязычных фразеологических словарей интегрированного типа, принципиально новых по своей структурной организации и качественному составу. Разработка и создание таких словарей вызвана потребностью в межкультурном обмене информацией, излагаемой на разных языках мира, при сохранении стилистических, фразеологических и терминологических особенностей языка перевода. В статье предложены модель и технология разработки словаря как базовой основы нового инструмента формирования информационно-коммуникационной компетентности специалиста в системе международного иноязычного общения. Подходы, применяемые при разработке концептуально-логической модели и технологии разработки словаря, а также практический опыт их использования в процессе внедрения, подтверждают возросшую эффективность процесса овладения иностранным языком, как инструментом обмена, на международном уровне.

Ключевые слова: принципы разработки интегрированных тематических словарей, двуязычный тематический словарь, педагогическая система, перевод, термин, эквивалент

Актуальность исследования определяется необходимостью совершенствования педагогических технологий и инструментов с целью формирования *профессиональной компетентности* в области международной и межличностной коммуникации на иноязычной основе. Решение данной задачи предполагает создание качественно новых инструментов обучения иностранному языку, что позволяет создать условия для приобретения индивидом нового качества, позволяющего интегрировать междисциплинарные знания и умения с социально-личностными качествами специалист, обеспечивающими требуемую эффективность его профессиональной деятельности в современных социально-экономических условиях [7]. Технология разработки *двуязычного фразеологического словаря интегрированного типа* (СФИТ) соответствует современным методологическим требованиям и таким критериям технологичности педагогического процесса, как *концептуальность, системность, управляемость, эффективность, воспроизводимость*, которые определяют структуру технологического процесса разработки словаря СФИТ и позволяют оценить уровень эффективности применяемой педагогической технологии.

Цель исследования – разработка концептуальной модели двуязычного фразеологического словаря интегрированного типа на основе деятельностного, информационного и междисциплинарного подходов.

Концептуально-логическая модель технологического процесса создания словаря СФИТ базируется на научной концепции, междисциплинарных методологических подходах, выражает цели, задачи и средства достижения целей, отражает прогнозируемый результат.

Разработанная модель включает целевую, концептуальную, диагностическую, дидактическую, содержательную и стратегическую компоненты. Предложенная в

исследовании концепция предполагает, что обучение иностранному языку как педагогический процесс должно носить опережающий характер по отношению к начальному этапу профессиональной деятельности индивида и основываться на принципе непрерывности данного педагогического процесса на протяжении всей жизни с целью закрепления и последующего совершенствования приобретаемых навыков владения иностранным языком. Целевая компонента модели отражает стратегическую цель педагогического процесса, которая заключается в формировании у специалиста инновационного мышления и иноязычной профессиональной компетентности, что позволит ему эффективно осуществлять целевую профессиональную коммуникацию в пределах международного информационного пространства на уровне требований мировых стандартов, используя для этой цели словарь СФИТ в качестве информационно-справочного ресурса.

Разработанный словарь является основой для формирования профессиональных компетенций специалиста, независимо от области его профессиональной специализации. Основными принципами, составившими структурную и функциональную основу разрабатываемого словаря СФИТ выступают: фразеологическая основа, терминологическая и синонимическая адекватность, языковая универсальность, вариативность толкований, интерактивность, личностная ориентированность и полиформатность.

Интегрированная структура словаря предполагает сочетание в нем свойств и функций словарей нескольких типов, среди которых: двуязычный, фразеологический, синонимический, а также – толковый словарь иностранного языка и толковый словарь родного языка.

Фразеологическая основа словаря является одной из основных его особенностей, позволяющей избежать ошибочного формирования выражений и конструкций речи, состоящих из стилистически несочетающихся друг с другом языковых единиц. Кроме того, фразеологический подход к формированию словарных статей позволяет (за счет использования устойчивых иноязычных словосочетаний) минимизировать неизбежные стилистические отклонения от норм иностранного языка при его использовании в качестве языка перевода и существенно снизить степень влияния родного языка как языка оригинала на качество перевода средствами иностранного языка.

Терминологическая адекватность словарных статей словаря является одной из его основных особенностей, которая касается семантики содержащихся в словаре лексических единиц, адекватность лексикографической интерпретации лингвокультурного наполнения которых обеспечивается наличием соответствующих дефиниций, предоставляющих возможность аргументированного выбора необходимого содержательно-смыслового эквивалента на языке перевода. При этом следует отметить отсутствие такой возможности при использовании переводчиком существующих двуязычных словарей, структурой которых предусматривается обеспечение пользователя списком иноязычных эквивалентов, предоставляемых в форме синонимического ряда при отсутствии какой-либо описательной информации об их лингвокультурном наполнении.

1. *Многоязычие* – использование в толковании профессиональных терминов двух и более языков (напр., английский, латынь и русский в словарях медицинской тематики).

2. *Вариативность толкования смысловых отношений* между лексемами в родном и иностранном языках, выражающаяся в использовании нескольких вариантов, разъясняющих значение устойчивой фразы или профессионального термина и обусловленная несовпадением объема значения лексем в разных языках.



Результат: реализация на практике принципа опережающего формирования иноязычной профессиональной компетентности индивида; создание информационно-образовательной среды. **Прогноз:** долгосрочный – национальная безопасность страны.

Рис. 1. Концептуально-логическая модель технологического процесса создания словаря СФИТ

3. *Вариативность смысловых эквивалентов на языке перевода* – лексический ресурс, обуславливающий возможность максимально точного перевода или толкования термина с использованием синонимов и антонимов.

4. *Интерактивность* – возможность оперативного дополнения словаря новыми объектами с использованием ресурсов информационно-образовательной среды.

5. *Личностная ориентированность* – наличие профессионально значимой информации, заимствованной из аутентичных текстов, тематика которой относится к области специализации, личностного развития и общекультурных интересов специалиста.

6. *Полиформатность* – возможность использования содержащейся в словаре информации на различных носителях: электронном, бумажном, аудио и видео.

В методологии разработки и творческого использования интегрированных тематических словарей синтезируются следующие подходы:

Андрогогический – учитывает особенности и потребности взрослых людей в процессе обучения: обращение обучающихся к своему личному опыту и стремление реализовать полученные теоретические знания в практическую деятельность [2].

Контекстный – учитывает при организации обучения профессиональный и социальный опыт обучающихся, направленный на формирование для успешного обучения «квазипрофессиональной» среды, построенной с помощью деловых игр и кейс-технологий [1].

Развивающий – направлен на развитие в процессе обучения индивидуальных способностей обучающихся к творчеству, рефлексии, мышлению, профессиональным и общекультурным коммуникациям.

Системный – заключается в том, что при изучении любого объекта, процесса или явления, присутствующего в природе и обществе в первую очередь выявляются и анализируются наиболее характерные для них *информационные аспекты*, которые существенным образом определяют состояние и развитие объекта исследования.

Информационный подход можно рассматривать как дальнейшее развитие методологии *системного* подхода, которое дает ученому новые возможности для исследования сложных объектов, процессов и явлений, которые существуют в природе и обществе, на основе использования общих свойств и закономерностей проявления информационных процессов [8].

Использование словаря СФИТ базируется на различных уровнях познавательных возможностей, связанных с индивидуальными особенностями личности обучающегося:

- уровень знаний о различных объектах и явлениях; на этом уровне обучающимся предлагается различная информация об идеях, теориях и концепциях, относящихся к области его *профессиональных* и *общекультурных* интересов;

- уровень умений позволяет понимать и соотносить полученные знания со своими представлениями, собственным опытом. На этом уровне обучающимся предлагаются задания, связанные с использованием известных типовых алгоритмов, которые позволяют решать задачи профессионального содержания и назначения;

- уровень владения приемами применения полученных знаний для решения нестандартных задач. На этом уровне обучающимся предлагаются принципиально новые (нетривиальные) задачи из предметной области, решение которых требует поиска на основе оригинального контекста изученного массива информации;

- уровень творчества как способности ставить и решать сложные задачи и находить выход из проблемных ситуаций. На этом уровне обучающимся предлагается методом «мозгового штурма» находить решение задач повышенной сложности, тематика которых относится к предметной и смежным областям деятельности специалиста, создавая условия для осознания им себя полноценным участником изучаемого им мира.

Вышеупомянутые уровни обеспечивают условия, способствующие продвижению обучающегося в своем саморазвитии в процессе овладения иностранным языком: от знания через понимание – к творческой деятельности и к развитию универсальных способностей личности, то есть – от получения научных представлений до создания индивидуального профессионального проекта. Представляя собой эффективное средство реализации педагогической технологии, программа овладения иностранным языком на основе ИТЛС, должна отвечать следующим принципам:

- системный подход, который предполагает четкое видение всеми участниками *цели*, выбор средств и *методов* обучения;

- активная *познавательная* деятельность в процессе обучения;

- *практическая* ориентированность, предполагающая возможность адаптации всех изучаемых инновационных педагогических методов к реальным методическим разработкам, создаваемым на *деятельностной* основе;

– *преемственность*, позволяющая специалистам обучаться последовательно, переходя от одного уровня к другому на основе достигнутого уровня владения инновационными технологиями и в соответствии с профессиональными интересами;

– *мониторинг* результатов на текущем этапе с корректировкой форм и методов обучения на последующих этапах;

– принцип *мобильности* и педагогической *гибкости* с ориентацией на деятельностный подход;

– принцип внутренней *мотивации*, предполагающий возможность использования особенностей мотивации в совокупности с профессиональными и личностными интересами специалистов;

– принцип ориентации на *саморазвитие*, предполагающий системность процесса непрерывного образования и самообразования специалиста на осознанной основе, мотивацию потребности профессионального самосовершенствования [4].

Дидактическая компонента технологии разработки и использования ИТЛС включает два вида параметров: 1) статические, определяемые на этапе проектирования словаря СФИТ; 2) динамические показатели, изменяющиеся в процессе формирования словаря.

К *статическим параметрам* модели относятся:

1) *организационная структура* СФИТ (состав и расположение основных и вспомогательных частей словаря, порядок следования единиц описания, расположение, наполнение и оформление словарных статей);

2) *композиция* (выбор состава и расположения основных и вспомогательных частей словаря, определение порядка следования единиц описания);

3) *терминографическая* характеристика (способ организации структуры словаря и размещения в нем элементов специальной лексики);

4) *лексикографическая* характеристика (способ лексикографической интерпретации каждого структурного элемента и функционального явления языка с учетом их экстралингвистических соответствий);

5) *предметная ориентация* (определяется тематикой избранного пласта лексики, востребованной на том или ином этапе подготовки специалиста к научно-практической деятельности).

К *динамическим параметрам* технологии относятся:

1) корпус словаря (совокупность всех словарных статей, количество которых возрастает естественным путем на протяжении всего периода профессиональной деятельности пользователя, являющегося одновременно и его автором);

2) читательский адрес словаря (охват будущих пользователей и состоявшихся специалистов во всех областях практической, научно-исследовательской деятельности при международном характере ее ориентации);

3) словник словаря (совокупность заглавных слов, образующих левую часть словаря. По понятийно-тематическому составу словника определяется степень его универсальности или уровень специализации тематической ориентации, или *аспектности*).

Приведенные выше особенности словарных статей словаря позволили автору организовать различные виды информации, включенной в словарь, в соответствии со своим замыслом, в основе которого лежит обеспечение пользователя инструментом обмена информацией на иноязычной основе как ресурсом, позволяющим его осуществление средствами иностранного языка, качество которого соответствует национальным и международным стандартам.

Информационные и сетевые технологии формирования и использования словаря СФИТ. Повсеместное использование информационных и сетевых технологий позволяет включить данный компонент в технологию создания словаря СФИТ путем подключения через сеть интернета заинтересованных в общем результате пользователей.

Основные преимущества применения сетевой системы:

- использование передового *опыта* в области профессиональной подготовки кадров;
- развитие *коммуникационных* личностных качеств и способности к *адаптации* за счет освоения образовательной программы за пределами своей организации;
- возможность осознанного выбора собственной образовательной траектории за счет расширения *границ* информированности об имеющихся образовательных ресурсах, что повышает мотивацию к учебе;
- осознание *ответственности* за достижение результата; создание и реализация учебных программ, выходящих в их вариативной части за пределы предметной области одного образовательного учреждения и направленных на подготовку специалистов для профессиональной деятельности на стыке различных направлений науки и техники;
- использование в процессе обучения современной материально–технической и методологической базы за счет активизации *обмена* передовым опытом в области подготовки кадров между различными образовательными организациями и предприятиями.

Конечным результатом реализации спроектированной сетевой модели ИТЛС как педагогической системы являются специалисты, профессионально подготовленные к деятельности в условиях международной коммуникации, совместно осуществляющие профессиональную деятельность [3].

К числу основных преимуществ сети как формы организации можно отнести следующие:

- способность оперативного *реагирования* на внешние и внутренние изменения за счет способности к модификации и привлечению новых компонентов сетевого взаимодействия;
- открытость и доступность для *подключения* неограниченного числа участников сетевого взаимодействия [5];
- возможность концентрации материальных и технических ресурсов и деятельности на приоритетных *направлениях* образовательной деятельности, реализуемых в отдельных учреждениях–компонентах сети [6];
- отсутствие *расходов* на содержание традиционного административного аппарата;
- возможность *оптимизации* режима использования трудового потенциала педагогов;
- наличие функции привлечения к корпоративному обучению ведущих ученых и специалистов по отраслям;
- возможность использования передового *опыта* развитых в области дистанционных технологий образовательных учреждений;
- наличие функции получения синергетического эффекта за счет внутрисетевого *обмена* уникальными данными и знаниями [9];
- возможность быстрой смены *топологии* сети.

Выводы:

1. Предложенные модель и технология разработки словаря СФИТ представляют собой базовую основу нового инструмента формирования информационно-

коммуникационной компетентности специалиста в системе международного иноязычного общения.

2. Подходы, применяемые при разработке концептуально-логической модели и технологии разработки словаря СФИТ, а также практический опыт их использования в процессе внедрения, подтверждают возросшую эффективность процесса овладения иностранным языком, как инструментом обмена, на международном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вербицкий, А. А. Инварианты профессионализма: проблемы формирования: монография / А. А. Вербицкий, М. Д. Ильязова. – Москва: Логос, 2011. – 288 с.
2. Всемирная декларация о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры от 09.10.1998. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.e-joe.ru/sod/99/4_99/st180.html. – (Дата обращения : 6.03.2013).
3. Захарова, О. А. Мультимедийные технологии в профессиональном и корпоративном обучении. Актуальные вопросы информатизации образовательного процесса: монография / О. А. Захарова. – Красноярск : Центр информатизации, ЦНИ Монография, 2014. – 220 с.
4. Капица, С. П. Синергетика и прогнозы будущего / С. П. Капица, С. П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий. – 2-е изд. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – 288 с.
5. Кузнецов, А. А. Учебник в составе новой информационно-коммуникационной образовательной среды: метод. пособие / А. А. Кузнецов, С. В. Зенкина. – Москва: [б. и.], 2010. – 66 с.
6. Мелик-Гайказян, И. Моделирование образовательных систем: исследовательская программа / И. Мелик-Гайказян // Высшее образование в России. – 2008. – № 9. – С. 89–93.
7. Мерхелевич Г.В. Русско-английский словарь фраз и словосочетаний для обучающихся на английском языке / Г.В. Мерхелевич – Донецк: ЧП АРПИ, 2009. – 912 с. (Серия «Научно-техническая библиотека АРПИ на иностранных языках»).
8. Прангишвили И.В. Системный подход и общесистемные закономерности. – М.: СИНТЕГ, 2000. – 528 с.
9. Роберт, И. В. Теория и методика информатизации образования : (псих.–пед. и технолог. аспекты) / И. В. Роберт. – Москва : БИНОМ : Лаб. знаний, 2014. – 398 с.

Поступила в редакцию 10.03.2020 г.

METHODOLOGY AND KEY PRINCIPLES OF COMPILING THE NEW-TYPE BILINGUAL DICTIONARY OF PHRASES AND WORD COMBINATIONS AS THE GATE TO INTERNATIONAL COMMUNICATION ENVIRONMENT

G.V. Merkhelevich

This paper deals with methodological approaches to and key principles of creation and structural development of the dual-language combination dictionary of word combinations, which addresses special purposes falling within various professional applications. The dictionary under discussion is intended to meet increasingly growing international demand for the exchange of information available in foreign languages and allows translation-based provision of native-language professional information by means of a higher quality foreign language.

Key words: dictionary development, key principles, dual-language combination dictionary, translation. terminology, meaning equivalent.

Мерхелевич Геннадий Викторович,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры
теории и практики перевода ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет».
E-mail: info@arpi.com.ua

Merkhelevich Gennadii Victorovich,
candidate of pedagogical sciences;
Associate Professor, Translation Theory & Practice
Department, HEI HPE “Donetsk national University”.
E-mail: info@arpi.com.ua

УДК 378.147:512

ОБУЧЕНИЕ ЧИСЛОВЫМ СИСТЕМАМ ПРИ ПОДГОТОВКЕ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ МАТЕМАТИКИ

© 2020. *Л.И. Селякова, Е.О. Садовенко*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье уточнены роль и место теории числовых систем в предметной подготовке будущих учителей математики в классическом университете. Статья дает детальный анализ программы по математике для общеобразовательных организаций с точки зрения изучения числовых систем. Предложен опыт обучения числовым системам будущих учителей математики в ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» в рамках специального курса. Подробно описано новое учебно-методическое пособие, предназначенное для управления самостоятельной работой студентов при обучении числовым системам.

Ключевые слова: числовые системы, подготовка будущих учителей математики.

Современный человек сталкивается с числовыми системами, практически, с самого начала осознанной жизни, когда учится считать. Знакомство с числовыми системами в школе начинается с изучения натуральных чисел, алгебраических операций и отношения «меньше» на них. Ученик младшей школы знакомится с аддитивной коммутативной линейно упорядоченной полугруппой – с системой натуральных чисел. После запоминания таблицы умножения и освоения умножения чисел «в столбик», обучающийся фактически уже имеет дело с мультипликативным коммутативным моноидом натуральных чисел, линейно упорядоченным относительно отношения «меньше». Далее, необходимость обращения операций сложения и умножения влечет расширение множества натуральных чисел до множества целых чисел (возникает аддитивная группа и коммутативное кольцо с единицей), расширение множества целых чисел до множества рациональных чисел (возникает мультипликативная группа обратимых чисел и поле). На этом изучение чисел в школе не заканчивается, а продолжается изучением поля чисел действительных [1].

Чаще всего в школьной математике алгебраические операции и отношения встречаются именно на числовых множествах. Речь, конечно же, об операциях сложения и умножения чисел, об отношении линейного порядка. Школьник постоянно имеет дело с коммутативными и ассоциативными операциями, обладающими нейтральным элементом. Но эта «похожесть» остается незамеченной. Коммутативность и ассоциативность воспринимается как данность и не замечается вовсе. Между нулем и единицей не замечается ничего общего, вопросы обратимости чаще всего сводятся к примитивной фразе «на ноль делить нельзя», без всяких объяснений и аргументации. Тот самый уровень абстракции, который уже давно достигнут человечеством и реализован в математике, и в вопросах алгебры, не достижим пока для большинства школьников и даже многих студентов математических направлений подготовки [1].

Ответственность за формирование знаний обучающихся в большей мере лежит на учителях. От того, как подготовлен учитель математики, зависит и математическое образование школьника. Это является существенным аргументом в пользу необходимости изучения числовых систем студентами, будущими учителями математики.

Так или иначе, с понятием числа связано изучение, фактически, каждого раздела элементарной математики. В частности, знакомство с натуральным рядом происходит в

начальной школе и предполагает счёт предметов; чтение и запись чисел от нуля до миллиона; изучение разрядов; представление многозначных чисел в виде суммы разрядных слагаемых; установление связи между умножением и делением; сравнение и упорядочение чисел; рассмотрение алгоритмов письменного сложения, вычитания, умножения и деления однозначных и многозначных чисел; изучение способов проверки правильности вычислений (обратного действия, оценки достоверности, прикидки результата, вычисления на калькуляторе).

При дальнейшем обучении возникает необходимость расширения натурального ряда и изучения полученных систем целых, рациональных и действительных чисел.

В программе математики в 5-м классе [2] наряду с натуральными числами появляется определение обыкновенной дроби. Сначала, формируются понятия половины, трети и четверти т.д., после – любой дроби.

В 6 классе вводятся отрицательные числа. Определение целых чисел вводится уже как расширение натурального ряда путем присоединения нуля и отрицательных чисел. У многих школьников возникают трудности с операциями над отрицательными числами и их сравнением. Разве может быть что-то меньше чем «ничего» (0)? Как осознать, что $-a+b=b-a$? Школьники изучают свойства этих чисел и учатся правильно выполнять алгебраические операции над ними [2].

В 7 классе новое числовое множество не появляется, но возникает понятие степени с натуральным показателем. От школьников требуется понимание того, что $a^n = \underbrace{a \cdot a \cdot a \cdot \dots \cdot a}_n$, осознание всех свойств степеней с натуральным показателем и умение выполнять действия со степенями.

В 8 классе вводится определение рациональных чисел как чисел вида $\frac{p}{m}$, $p \in Z, m \in N$. Вводится понятие арифметического квадратного корня и его свойства. Тут возникают трудности понимания корня. Появляется множество иррациональных чисел. Расширяется определение степени – с целым и рациональным показателем.

В 9 классе продолжается изучение корней произвольной натуральной степени, а также последовательностей чисел из различных числовых множеств (арифметическая и геометрическая прогрессии). Таким образом, учащиеся выходят за рамки рассмотрения рациональных чисел, переходят к оперированию числами действительными. В старшей школе задания ориентированы на свободное владение системой действительных чисел.

Фактически, каждое задание из учебников основано на знании и умении оперировать числами. При этом изучение числовых множеств ведется по следующим направлениям: ряд натуральных чисел; сравнение чисел; сложение, законы сложения; вычитание чисел; решение текстовых задач с помощью сложения и вычитания; умножение, законы умножения; распределительный закон; сложение и вычитание чисел столбиком; умножение чисел столбиком; степень с натуральным показателем; деление нацело; решение задач с помощью умножения и деления; деление с остатком; числовые выражения; свойства делимости чисел; признаки делимости; простые и составные числа; делители числа; наибольший общий делитель; наименьшее общее кратное; действия с суммами нескольких слагаемых; представление чисел на координатной оси; рациональная степень числа и ее свойства.

Практически все сферы современной человеческой жизни немыслимы без использования чисел. Благодаря тому, что числовые системы пронизывают весь курс школьной математики, начиная с первого класса, по окончанию 11 класса общество получает выпускников, максимально готовых не только к дальнейшему получению

высшего образования, но и к широкому использованию чисел в разных сферах: медицине, биологии, математике, физике, инженерии и др.

При обучении числовым системам необходимо учитывать, с преподаванием какого материала придется столкнуться в профессиональной деятельности, понимание студентами каких разделов нужно обеспечить в предметной подготовке. Исходя из обзора школьной программы с точки зрения изучения чисел понятно, что необходимые знания будущий педагог может получить из основных курсов алгебры, математического анализа, теории чисел, дискретной математики и математической логики в университете. Но этих дисциплин недостаточно. Мы считаем, что полноценная научно-методическая и предметная подготовка будущего учителя математики может продолжаться и завершаться только в системе спецкурсов. На наш взгляд, изучение числовых систем уместно объединить в одном курсе с изучением алгебраических структур. В ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» разработан такой вариативный курс «Алгебраические структуры» для студентов направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (Профиль: математика и информатика). Дисциплина по выбору «Алгебраические структуры» предполагает обучение основным алгебраическим структурам (группы, кольца, поля) и основным числовым системам (натуральный ряд, упорядоченное кольцо целых чисел, поля рациональных, действительных и комплексных чисел). Необходимо обратить внимание на то, что указанная дисциплина в каждой теме ярко иллюстрирует аксиоматическое построение. Теории групп, колец и полей позволяют наглядно и с полными доказательствами представить примеры аксиоматических теорий, являются моделями аксиоматических теорий. Построение теории натуральных чисел начинается с введения первоначальных понятий и аксиом Пеано, на которые опираются доказательства теорем о натуральных числах. Аналогично строятся аксиоматические теории целых, рациональных, действительных и комплексных чисел.

Для управления самостоятельной работой студентов по дисциплине «Алгебраические структуры» было издано учебно-методическое пособие [3]. В результате обобщения опыта работы по обучению числовым системам, подготовлено и издано учебно-методическое пособие «Методика обучения алгебраическим структурам», которое дополнено двумя темами «Система натуральных чисел» и «Система целых чисел» [4].

Мы предлагаем такую структуру учебно-методического пособия по каждой теме:

- методический блок (перечень понятий и фактов, необходимых для изучения темы);
- информационный блок (опорный конспект и примеры решения базовых заданий);
- практический блок (индивидуальные задания);
- блок самоконтроля (контрольные вопросы и дополнительные задачи).

Опишем указанные блоки и этапы работы с пособием.

Приступая к самостоятельной работе над темой, студент изучает материалы лекций. Эта работа начинается в аудитории, на лекции, когда студент слушает объяснения преподавателя и составляет конспект. Для дальнейшей работы законспектированный материал должен быть изучен. Для того чтобы студент имел возможность понимать стратегию изучения темы, в учебно-методическом пособии предлагается перечень понятий, фактов, формулировок теорем и умений, необходимых при изучении темы (методический блок). Приведем пример методического блока по теме «Система натуральных чисел».

В результате изучения темы студент должен знать определения и уметь приводить примеры следующих понятий: натуральный ряд; сложение натуральных

чисел; умножение натуральных чисел; отношение «меньше» на множестве натуральных чисел; отношения «больше», «меньше или равно», «больше или равно» на множестве натуральных чисел; линейно упорядоченное множество.

В результате изучения темы студент должен знать формулировки и уметь доказывать следующие факты: теорема о независимости аксиом Пеано, теоремы математической индукции, теорема существования и единственности сложения натуральных чисел, свойства сложения, теорема существования и единственности умножения натуральных чисел, свойства умножения, свойства отношений на множестве натуральных чисел.

В результате изучения темы студент должен уметь: использовать метод математической индукции; пользуясь определениями, находить сумму и произведение чисел натурального ряда.

Этот перечень даст возможность оценить полноту конспекта и, в случае необходимости, обратиться к учебной литературе, список которой предложен в конце пособия.

Следующий этап работы с пособием – решение базовых задач по теме. Эта работа начинается в аудитории, на практических занятиях. Для актуализации знаний при самостоятельном решении заданий, в пособии составлен краткий опорный конспект по каждой теме и предложены примеры решения задач (информационный блок). Опорный конспект не заменяет конспекта лекций или работу с учебником, а лишь освежает в памяти определения понятий и формулировки теорем, необходимых для решения базовых задач.

Практический блок включает индивидуальные задания для домашней работы в пятнадцати вариантах. Этот блок содержит задания реконструктивно-вариативного уровня, которые можно выполнять по образцу. После актуализации необходимых знаний и изучения примеров решения задач, студент может приступить к решению своего индивидуального задания, фрагмент которого по теме «Система целых чисел» приведен далее.

Задание 1. Доказать методом математической индукции

$$\frac{4}{1 \cdot 2 \cdot 3} + \frac{5}{2 \cdot 3 \cdot 4} + \dots + \frac{n+3}{n(n+1)(n+2)} = \frac{5}{4} - \frac{2n+5}{2(n+1)(n+2)}.$$

Мы относим это к самостоятельной работе репродуктивного и репродуктивно-вариативного уровня.

После решения задач индивидуального задания для подготовки к промежуточному контролю предлагаются контрольные вопросы для самоконтроля усвоения темы и дополнительные задачи «на доказательство», требующие высокого уровня овладения знаниями и творческого подхода к решению задач. Ниже приводятся примеры контрольных вопросов и дополнительных задач по теме «Система целых чисел» (блок самоконтроля).

Контрольные вопросы для самопроверки

Какие условия должны выполняться, чтобы система $\langle K, +, \cdot \rangle$ называлась кольцом?

Во всяком ли кольце сложение обладает свойством сократимости, т.е. из $a+c=b+c$ следует, $a=b$?

Дополнительные задачи и упражнения

Показать, что непустое множество целых чисел, замкнутое в группе Z (замкнутое относительно операций $+$ и $-$), состоит из кратных некоторого фиксированного целого числа.

Задачи повышенной сложности

Выяснить, являются ли подгруппами относительно сложения в аддитивной группе целых чисел следующие множества целых чисел:

- а) множество всех четных чисел;
- б) множество натуральных чисел;
- с) множество нечетных чисел.

Блок самоконтроля содержит задания разных уровней: контрольные вопросы, дополнительные задачи и упражнения и задачи повышенной сложности. практический блок содержит задачи базового уровня. Таким образом, мы охватываем задания разных уровней сложности и обеспечиваем самостоятельную работу, соответствующую разным уровням умственной деятельности:

- самостоятельные работы по образцу;
- реконструктивно-вариативные;
- эвристические (частично-поисковые);
- творчески-исследовательские.

Самостоятельные работы *по образцу* включают решение типовых задач, выполнение упражнений по образцу. Это первый тип умственной деятельности, которая основывается на распознавании объекта, предмета, явления, которые изучаются. Мы предполагаем, что работа с учебником, опорным конспектом и примерами решения задач в методическом пособии относится к самостоятельной работе по образцу.

Реконструктивно-вариативные самостоятельные работы предусматривают необходимость воспроизведения не только функциональной характеристики знаний, но и структуры знаний, привлечение известных знаний для решения задач, проблем, ситуаций. Это второй уровень умственной деятельности, на котором происходит воспроизведение и понимание явлений, которые изучаются. В качестве работы этого уровня предлагается выполнение индивидуальных заданий, содержащие как задачи, решаемые по образцу, так и задачи реконструктивно-вариативного уровня.

Примеры. Докажите, что сумма первых n нечетных натуральных чисел равно n^2 .

Доказать методом математической индукции тождество

$$\frac{4}{1 \cdot 2 \cdot 3} + \frac{5}{2 \cdot 3 \cdot 4} + \dots + \frac{n+3}{n(n+1)(n+2)} = \frac{5}{4} - \frac{2n+5}{2(n+1)(n+2)}.$$

Эвристические самостоятельные работы, связанные с решением отдельных вопросов, проблем, очерченных на лекциях, лабораторных, практических занятиях – это третий тип умственной деятельности, которая предусматривает формирование умений видеть проблему, самостоятельно ее формулировать, разрабатывать план ее решения. На этом уровне осуществляется более глубокое понимание явлений и процессов, начинается творческая деятельность. Именно контрольные вопросы и дополнительные задачи в методическом пособии предназначены для самостоятельной работы, которая носит эвристический характер. *Приведем примеры* заданий такого уровня.

Верно ли, что всякое натуральное число непосредственно следует за некоторым натуральным числом? Обосновать.

Во всяком ли кольце умножение обладает свойством сократимости: $\forall a, b, c \ ((ac = bc) \wedge (c \neq 0) \Rightarrow (a = b))$?

Творчески-исследовательские самостоятельные работы – самые сложные для студентов. Но и для таких видов работ в пособии есть так называемые задачи «на доказательство», они есть в списке задач повышенной сложности, их решение требует творческого подхода и не обязательно для студентов, хотя и желательно. *Приведем примеры.*

Доказать, что любое непустое множество целых чисел, ограниченное сверху (снизу), имеет наибольший (наименьший) элемент.

Доказать, что кольцо Z целых чисел не имеет подколец, отличных от Z .

Доказать методом математической индукции неравенство Бернулли:

$$(1+a)^n > 1+na, \quad a > -1, \quad a \neq 0, \quad n \in N, \quad n > 1.$$

Таким образом, при обучении числовым системам будущих учителей математики определенная роль в этом направлении отводится дисциплинам базовой части – фундаментальным курсам алгебры, теории чисел, математической логики и дискретной математики. В рамках этих дисциплин студенты приобретают базовые знания для изучения числовых систем, накапливают количественно и качественно необходимые примеры для дальнейшего обобщения и иллюстрации, формируют навыки и умения. С таким багажом знаний студентов направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (профиль: математика и информатика) на четвертом курсе есть возможность для преподавания им дисциплины вариативной части «Алгебраические структуры». Эта дисциплина призвана обобщить, систематизировать и углубить имеющиеся у студентов знания по алгебраическим структурам и научно обосновать преподавание будущим учителям математики числовых систем. Учебно-методическое обеспечение этой дисциплины включает разработанные и изданные учебно-методические пособия [3, 4], профессионально ориентированные и предназначенные для организации самостоятельной работы разного уровня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Селякова Л.И. Роль и место алгебраических структур при подготовке будущего учителя математики / Л. И. Селякова // Дидактика математики: проблемы и исследования: международный сборник научных работ. – Вып. 42. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2015. – С.51-57.
2. Математика: 5-6 кл.: программа для общеобразоват. организаций / сост. Скафа Е.И., Федченко Л.Я., Маркина И.А., Руденко О.П.; ДРИДПО. – 2-е изд. – Донецк: Истоки, 2016. – 22 с.
3. Селякова Л.И. Алгебраические структуры в системе фундаментальной подготовки будущего учителя: учебно-методическое пособие / Л.И. Селякова. – Донецк: ДонНУ, 2016. – 69 с.
4. Селякова Л.И. Методика обучения алгебраическим структурам: учебно-методическое пособие / Л. И. Селякова, Е. О. Садовенко. – 2-е изд., исправ. и доп. – Донецк: ДонНУ, 2020. – 100 с.

Поступила в редакцию 18.03.2020 г.

NUMERAL SYSTEMS TEACHING INTO FUTURE MATHEMATICS TEACHER TRAINING

L.I. Selyakova, E.O. Sadovenko

As the title implies the article describes the role and place of the theory of numeral systems in subject training of future mathematic teachers in the classical university. The article gives a detailed analysis of the program in mathematics for educational institutions from the point of view of the study of numerical systems. The experience of teaching numerical systems to future mathematics teachers at the SCE HPE "Donetsk National University" as part of a special course is offered. The new educational-methodical manual is described in detail. It is intended to manage the independent work of students in teaching numerical systems.

Key words: numeral systems, mathematics teacher training.

Селякова Людмила Ивановна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры высшей математики
и методики преподавания математики
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР.
E-mail: l.seliakova@donnu.ru

Садовенко Елена Олеговна
студентка кафедры высшей математики
и методики преподавания математики
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР.
E-mail: nice.sadovenko.rl@gmail.com

Selyakova Lyudmila Ivanovna
Candidate of Pedagogical Sciences,
docent of the Department of Higher Mathematics
and methods of teaching mathematics,
SEI HPE "Donetsk National University",
Donetsk, DPR.
E-mail: l.seliakova@donnu.ru

Sadovenko Elena Olegovna
student of the Department of Higher Mathematics
and methods of teaching mathematics,
SEI HPE "Donetsk National University",
DPR, Donetsk.
E-mail: nice.sadovenko.rl@gmail.com

УДК 378.011.3–051:81'25:791.43

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ У СТУДЕНТОВ ВУЗОВ НАВЫКОВ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФИЛЬМОВ)

© 2020. *Е.В. Чеботарева*

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля»

В статье сделан акцент на особенностях переводческой деятельности в современных условиях. Подчеркнуто, что уровень компетентности переводчиков определяется эффективностью подготовки их в условиях вуза. Обосновано, что одним из эффективных средств формирования навыков перевода, как части переводческой компетенции, является киноискусство. Предложены примеры заданий для студентов, созданных на основе материалов зарубежных художественных фильмов, выполнение которых способствует формированию навыков перевода.

Ключевые слова: будущий переводчик, переводческая компетенция, киноискусство, навыки перевода, студенты, вуз.

Постановка проблемы. Стремительное развитие ряда сфер человеческой деятельности отражается и на специфике профессиональной деятельности переводческих кадров, которая усложняется в соответствии как с социокультурными, экономическими, политическими изменениями в нашем обществе, так и в ходе глобализационных процессов. Именно благодаря переводчикам представители разных культур имеют возможность общаться, генерировать и координировать воплощение совместных идей, создавать и реализовывать проекты, познавать мир другой культуры через приобщение к различным видам искусства и т.д. Уровень подготовки переводчика, его профессиональная компетентность является условием выстраивания диалога как способа познания, понимания и взаимного духовного обогащения представителей разных культур и, соответственно, их сближению для решения проблем от межгосударственного уровня до проблем планетарного масштаба.

Обозначенные особенности переводческой сферы деятельности в современных условиях актуализируют проблему повышения качества подготовки специалистов в этой сфере в условиях высших учебных заведений. В значительной степени повышение качества зависит от эффективности тех подходов, методов, приемов, форм, средств и технологий, которые используются преподавателем высшей школы в процессе организации как аудиторной, так и внеаудиторной деятельности со студентами.

Анализ актуальных исследований. Различные аспекты формирования профессиональной компетентности будущих переводчиков освещаются в работах таких исследователей как Е.В. Аликина, Е.Н. Беседина, В.Н. Комиссаров, А.Ю. Косникова, Ю.П. Котлярова, Н.А. Корнеева, Л.К. Латышев, Н.Н. Швецова, Т.В. Шульженко и др. Использование киноискусства как эффективного средства в работе со студентами – будущими переводчиками отражены в исследованиях И.В. Антоновой, А.-М. Ариас, О.В. Барменковой, И.А. Горовенко, Н.П. Ковалева, В.В. Назаровой, М.Ю. Новикова, И.Б. Смирнова, И.В. Терехова, Л.Д. Цесарского и др.

Цель статьи. Несмотря на наличие ряда работ в данном направлении, остается недостаточно исследованной проблема использования потенциала зарубежных фильмов в процессе формирования у студентов вузов навыков перевода, что и стало целью нашей статьи.

Изложение основного материала. Основная цель переводческой деятельности состоит в том, чтобы максимально приблизить текст перевода по полноте, эффективности и естественности к тексту оригинала [1]. Для профессионального переводчика важно создать такой перевод, который бы вызывал у его получателей реакцию, подобную той, что и у получателей оригинала [2].

Формирование у студентов навыков перевода, как элемента переводческой компетенции, является неременным условием успешной профессиональной деятельности по решению все усложняющихся задач коммуникации в современных динамичных условиях развития социума. В процессе обучения в вузе необходимо уделять формированию как базовой части переводческой компетенции, включающей в себя элементы, задействованные во всех видах перевода, его тематических и стилистических диапазонах – при переводе научных и технических текстов, произведений художественной литературы, юридических документов и т. д., так и ее прагматической части, включающей знания, умения и навыки, не всегда используемые в переводческой деятельности, а только при определенном способе выполнения перевода (письменном или устном, в конкретных его разновидностях: абзацно-фразовом последовательном, зрительно-устном, синхронном), при переводах текстов той или иной тематики, тех или иных стилистических жанров [3].

Профессиональная подготовка переводчика – долгий и сложный процесс, который требует усилий не только самого студента, но и высокого уровня профессионализма преподавателя, поскольку перевод – это «интеллектуальная деятельность, требующая творческого решения проблем в постоянно меняющихся текстовых, социальных и культурных условиях» [4, с. 98]. Это деятельность, в которой переводчик выступает в роли «межкультурного посредника» [2], что делает его ответственным участником межкультурной коммуникации.

Преподавателю высшей школы важно создать для будущих специалистов условия, подобные профессиональным, посредством организации интеллектуальной деятельности помочь найти студентам интересные решения поставленных задач – перевод текста, медиатекста и др., приблизив его к тексту оригинала.

В поисках эффективных средств формирования у студентов навыков перевода мы обратились к киноискусству (зарубежные художественные фильмы). Выбор этого вида искусства обусловлен рядом выявленных нами особенностей:

1. Произведения киноискусства, как и другие его виды, способны влиять на эмоционально-чувственную сферу личности. «Проживание» вместе с героями киноленты определенных жизненных моментов формирует у студентов отношение к событиям, фактам, героям и т.д. Действие киноискусства имеет пролонгированный характер. После просмотра киноленты студенты продолжают размышлять над сюжетом, пытаются ответить на важные жизненные вопросы, возникшие в процессе «погружения» в другой культурный мир. Таким образом, у студентов формируется не просто отношение к увиденному, но и ценностное отношение к человеку, к его качествам, к деятельности и т.д. Под воздействием сюжетов, поступков героев происходит как личностное становление будущего профессионала, так и развитие способности передачи в процессе перевода человеческих переживаний и чувств, позволяющих слушателю, зрителю, читателю воспринимать переводимый текст как аутентичный.

2. Произведения киноискусства дают возможность «погрузить» студентов в мир культуры другого народа, язык которого они изучают, оказаться частично причастными к этой культуре, что способствует пониманию Другого и ощущению инаковости и т.д. Таким образом, «путешествие» в мир другой культуры благодаря произведениям

киноискусства способствует познавательному развитию будущих переводчиков и формированию у них лингво-культурологической и социокультурной компетенций.

3. Поскольку фильм является своеобразным медиатекстом, функционирующим одновременно и по законам медиа, и по законам художественного творчества, студенты одновременно получают порцию информации, содержащейся в медиатексте (образовательная и познавательная функции искусства), удовольствие от просмотра фильма (гедонистическая функция искусства) и заряд мотивации на изучение иностранного языка (мотивационная функция искусства), что способствует в целом профессионально-личностному становлению и развитию будущих переводчиков (воспитывающая функция искусства).

4. Использование аутентичных художественных фильмов на занятиях по иностранному языку способствует формированию языковой компетенции (расширение лексического запаса; развитие и совершенствование навыков аудирования; усвоение интонации и темпа живой разговорной речи, знакомство с живым разговорным языком, идиомами, фразовыми глаголами, с диалектами и социально ограниченной лексикой, с особенностями речевого поведения носителей языка) [5].

Перевод определенных названий книг, фильмов, некоторых высказываний представляет немалую трудность для переводчиков, поскольку их необходимо не просто перевести, но адаптировать и локализовать для носителя другого языка. Точность и адекватность перевода может не только изменить суть и содержание фразы, исказить ее подачу для носителя другого языка, но и стать значимой в истории развития общества. Так, например, многим переводчикам известен случай, когда во время политических встреч с властями США в 1960 году Генеральным секретарём ЦК КПСС Н.С. Хрущёвым была произнесена фраза «Я вам покажу Кузькину мать». Переводчик растерялся, поскольку фраза является частью русского фольклора, а его непросто адаптировать переводом для восприятия представителем другой культуры. Фраза была переведена как «Kuzma's mother», чем привела в недоумение присутствующих [6].

В переводах произведений зарубежного кинематографа можно найти ряд примеров переводческих ошибок, которые не просто затрудняют восприятие и понимание фильма, но и могут полностью исказить его изначальную суть и содержание. Собранный нами материал, содержащий переводческие ошибки, мы используем для формирования у будущих переводчиков навыков профессионального, адекватного перевода. Такой материал дает возможность студентам учиться профессии на чужих ошибках, повышая уровень своей переводческой компетенции. Наше исследование мы осуществляли, опираясь на работы ученых, занимающихся проблемами адекватности перевода и осмысления переводческих ошибок (В.Н. Комиссаров, Л.К. Латышев, Р.К. Миньяр-Белоручев, В.В. Сдобников, А.Л. Семенов, Д.М. Бузаджи, В.Г. Гак, Н.К. Гарбовский и др.).

В рамках дисциплины «Практика перевода», осваиваемой студентами 1 курса магистерской программы **«Перевод в контексте культуры и межкультурной коммуникации»**, мы предлагаем выполнить ряд заданий:

- проанализировать названия ряда зарубежных фильмов, содержащих переводческие ошибки;
- выполнить свой вариант перевода названия фильма;
- просмотреть фрагменты фильмов с целью оценивания будущими переводчиками адекватности выполненного перевода;
- выполнить свой вариант перевода фрагмента фильма.

Мы акцентируем внимание студентов на том, что при выборе адекватного варианта перевода названия фильма специалисты руководствуются не только своими

знаниями и навыками перевода, но и требованиями прокатчиков фильмов. Например, хорошо ли будет смотреться название фильма на постере, насколько естественно оно звучит для русскоговорящего зрителя, и будет ли такое название привлекать его внимание. Как показал анализ перевода названий ряда фильмов, часто он далек от сути. В большинстве случаев это связано с тем, что специалисты выполняют перевод задолго до того, как знакомятся с сюжетом самого фильма.

Примечательны названия таких фильмов как: «Inception» – «Начало» (суть фильма состоит во внедрении идеи в подсознание людей с целью зародить там определенные мысли); «Fair Game» – «Игра без правил» (перевод названия фильма является полностью антонимическим и противоречит самой сути фильма); «Walk the Line» – «Переступить черту» (суть фильма состоит как раз в том, чтобы не переступить черту и держать себя в рамках, благодаря любви; находиться на грани, но не пересекать ее); «Death proof» – «Доказательство смерти» (на самом деле речь в фильме идет о том, что главный герой как раз защищен от смерти); «Skyfall» – «Координаты «Скайфолл» (таким переводом названия фильма была нарушена интрига всего произведения, поскольку изначально никто не знал, что такое Скайфолл); «Silver Linings Playbook» – «Мой парень – псих» (фильм имеет прекрасный и трогательный сюжет, и такой перевод его названия оттолкнул многих зрителей).

Студенты на занятиях предлагали и обосновали свои варианты перевода названий фильмов, мультфильмов и сериалов как вышеупомянутых, так и следующих:

«Some like it hot», «Die hard», «Lost», «The men who stare at goats», «Hangover», «Cinderella man», «No strings attached», «Seeking justice», «Nowhere boy», «The heart is deceitful above all things», «Someone like you», «21 Jump Street», «Over the hedge», «Tower heist», «Shark night», «Moneyball», «Interstellar», «Lawless», «Identity Thief».

Приведем ряд примеров, на основе которых были предложены задания студентам по восприятию оригинала диалогов в фильмах, отдельных фраз с целью анализа их перевода и создания своего варианта. Например, фраза «It's just a piece of cake», которая звучит в фильме «Смертельная битва» («Mortal Combat»). Не имея познаний в сфере английских идиом, фраза была переведена дословно – «Это просто кусок пирога», хотя такой перевод совершенно не подходит под ситуацию, в которой эта фраза была использована (ее следовало бы перевести как «легкое дело; проще некуда»).

В одном из диалогов фильма «Матрица» архитектор объясняет главному герою суть той системы, в которой живут люди и машины, но из-за некорректно выполненного перевода, пытаясь уложиться в хронометраж, часть смысла теряется, из-за чего суть всей трилогии, ее полное понимание, искажается. Звучит ключевая фраза «Choice. The problem is the choice», которую в переводе передали так «Выбор. У людей всегда есть выбор», хотя суть диалога состояла как раз в том, что выбор и есть та проблема, та ошибка в системе, которую нужно было исправить.

В одном из эпизодов сериала «Друзья» герои находятся в ресторане и ведут такой диалог:

Ross: So, five of us is 33.50 \$ a piece. (С каждого по 33,50 \$).

Phoebe: No, no way. Sorry, not gonna happen. (Ни за что. Простите, но нет).
Подразумевается, что она не собирается так делить оплату чека, то есть отказывается).

Chandler: Oh, prom night flashback. (Смысл фразы в том, что он уже ее слышал на выпускном вечере, когда ему отказала девушка).

В итоге фразу Чендлера перевели как «Острая вспышка совести», чем совершенно испортили шутку данного эпизода, приведя зрителя в замешательство.

В другом эпизоде сериала Чендлер читает колонку с некрологами, а одна из главных героинь просит друзей посидеть со своим ребенком и, уходя, описывает все

«прелести» поведения дочери. После этого звучит фраза Чендлера «Suddenly, I wish I was reading my own name» (имеется в виду, что лучше бы он увидел свое имя в некрологе, чем посидел с таким ребенком). В переводе же звучит «Я вернусь к чтению рекламы», что опять искажает смысл и не передает изначально задуманную шутку.

В фильме «Идентификация Борна», главный герой сидит в кафе, и говорит, что запомнил все номера машин, стоящие снаружи, заметил посетителей кафе, кто сколько весит и как они себя ведут. Звучит фраза «The guy is sitting at the counter weighs 215 pounds and knows how to handle himself» – «Парень, сидящий за стойкой, весит около 100 кг и знает, как постоять за себя». Фраза в переводе же звучит «Тот парень весит 105 кг и у него отдышка», что полностью противоречит изначальному смыслу.

Выводы. Таким образом, просмотр зарубежных художественных фильмов, выполнение заданий по анализу оригинала названия и текстов диалогов, их перевода, а также выполнение собственного перевода способствует формированию у студентов навыков перевода как элемента переводческой компетенции и в целом содействует их профессионально-личностному развитию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Латышев Л. К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания : Книга для учителя шк. с углубл. изуч. нем. яз. / Л. К. Латышев. – М. : Просвещение, 1988. – 160 с.
2. Katan D. Translation as intercultural communication / D. Katan // Munday J. The Routledge companion to translation studies. Routledge, 2009.
3. Латышев Л. К. Технология перевода: Учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. / Лев Константинович Латышев; 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Академия, 2005. – 320 с.
4. Вишняускаене Д. Концепция формирования переводческой компетенции при обучении переводу технической литературы / Д. Вишняускаене, Ж. Лечицкая // Studies about language. – 2009. – № 15. – С. 94–103.
5. Ариас А.-М. Художественный фильм как средство формирования лингвосоциокультурной компетенции на занятиях по иностранному языку в вузе / А.-М. Ариас // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. – 2016. – № 8 (138). – С. 7–13.
6. Как Хрущев миру Кузькину мать показывал: стучал ли генсек ботинком по трибуне в ООН? [Электронный ресурс] // Интернет-журнала Культурология.Ру. – Режим доступа: <https://kulturologia.ru/blogs/121016/31753/>.

Поступила в редакцию 10.01.2020 г.

PECULIARITIES OF THE FORMATION OF STUDENTS' TRANSLATION SKILLS (ON THE MATERIAL OF FOREIGN FEATURE FILMS)

E.V. Chebotarivova

The article focuses on the peculiarities of translation activities in modern conditions. It is emphasized that the level of competence of translators is determined by the effectiveness of their preparation in the university. It is proved that one of the effective means of forming translation skills, as part of the translation competence, is cinematography. Examples of tasks for students created on the basis of the material of foreign feature films, the implementation of which contributes to the formation of translation skills, are offered.

Key words: future translator, translation competence, cinematography, translation skills, students, university.

Чеботарева Елена Владимировна

кандидат педагогических наук, доцент;
доцент кафедры теории и практики перевода
германских и романских языков, Луганский
национальный университет имени Владимира
Даля, Луганск, Луганская Народная Республика.
E-mail: tarilencom@mail.ru

Chebotarivova Elena Vladimirovna

candidate of pedagogical sciences, docent;
associate professor of the Chair of Theory and Practice
of Translation of Germanic and Romance Languages
Vladimir Dahl Lugansk National University,
Lugansk, Lugansk People's Republic
E-mail: tarilencom@mail.ru

УДК 378

СТРУКТУРА И ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ САМОРЕГУЛЯЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО АДАПТИВНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

© 2020. *Е.В. Яковлева*

ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени Владимира Даля»

В статье рассмотрена профессиональная саморегуляция специалистов адаптивной физической культуры, исследована ее структура, определены этапы формирования и значение с точки зрения адаптации в профессионально-педагогической среде. Доказано, что игнорирование профессиональной саморегуляции, как важного направления профессионального образования, не может обеспечить целостную качественную подготовку будущих специалистов к продуктивной профессиональной деятельности. Автором предложена концептуальная модель адаптации будущих специалистов к условиям профессиональной деятельности, определено понятие «регуляторный опыт», рассмотрены ресурсы адаптации личности в профессии.

Ключевые слова: саморегуляция, обучение, структура, этапы, адаптация, ресурсы, адаптивная физическая культура.

Введение. Актуальность темы данной статьи обусловлена тем, что в начале XXI века тенденции развития образовательной системы выдвигают на первый план проблему формирования личности специалиста по адаптивной физической культуре, способного к активной профессиональной деятельности, к управлению процессом реабилитации инвалидов, лиц, нуждающихся в восстановлении физических кондиций в различных условиях профессиональной деятельности, стремящегося к постоянному профессиональному росту на основе развития профессионально значимых качеств личности.

Целью данной статьи является исследование структуры и определение этапов формирования и значения профессиональной саморегуляции специалистов адаптивной физической культуры.

Среди этих качеств особенно важна способность к саморегуляции – необходимому качеству плодотворной деятельности специалиста по адаптивной физической культуре. Только при условии эффективной саморегуляции специалистом собственного поведения он сможет достичь значимых результатов профессиональной деятельности, поскольку сама ее специфика требует высокого уровня эмоциональной и психологической устойчивости, постоянного самоконтроля, умений регулирования поведения в стрессовых ситуациях общения с клиентами.

Для осмысления данной проблемы большое значение имеют научные труды, в которых раскрыты различные аспекты саморегуляции личности (К.А. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев, Л. С. Выготский, О.А. Конопкин, Г.С. Костюк, А.Н. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, С.Д. Максименко, Ю. Миславский, В.И. Моросанова, А.К. Осницкий, С. Л. Рубинштейн и др.).

В тоже время, несмотря на то, что в работах исследователей достаточно полно рассмотрены вопросы, связанные с саморегуляцией поведения личности и ее профессионального поведения, проблемы формирования способностей к саморегуляции специалистов по адаптивной физической культуре в условиях профессионального обучения все еще недостаточно раскрыты в научной литературе.

Указанное выше определяет актуальность данной статьи, а также ее цель – исследование профессиональной саморегуляции специалистов по адаптивной физической культуре с точки зрения ее структуры, формирования и возможностей в плане обеспечения процесса вхождения молодого специалиста в профессиональную среду.

Основная часть. Научный анализ любого явления начинается с определения методологических основ исследования. По мнению исследователей, методология представляет собой систему теоретических знаний, которые выполняют роль ведущих принципов научного познания, путей и средств реализации научного исследования. Теоретико-методологическая основа исследования раскрывается на уровне осмысления некоего процесса или явления с точки зрения того или иного научного направления. В результате формируется четко выраженная постановка проблемы, выделяются ее наиболее острые места и предполагаемое решение как в области общей, так и частной методологии [2].

В данном контексте сложность исследования проблемы профессиональной саморегуляции заключается в том, что она является объектом изучения многих наук, то есть имеет междисциплинарный характер.

Работа автора данной статьи с научными источниками показала, что существует более пятидесяти различных определений понятия «саморегуляция деятельности», в которых содержательно описываются самые разные психологические процессы, охватывающие содержательно-смысловые, энергетические, динамические, пространственные и другие аспекты. Основным же в понимании саморегуляции, является подход, в соответствии с которым саморегуляция представляет собой способность к волевому управлению поведенческой активностью человека; сознательное изменение как отдельных психофизиологических функций, так и нервно-психических состояний в целом; целенаправленный сознательный выбор характера и способа действий. С практической точки зрения важно отметить, что у взрослого человека саморегуляция, в основном, зависит от мотивации к управлению собственными эмоциями, чувствами, переживаниями и поведением.

Поскольку профессиональная деятельность человека предполагает высокий уровень активности, основанной на способности к самоконтролю, «самоуправлению», принятию оптимальных профессиональных решений, целесообразно выделить профессиональную саморегуляцию специалиста по адаптивной физической культуре (далее – специалиста) – интегративную профессиональную черту личности, которая предполагает осознание своих действий, чувств, мотивов, своего положения и целесообразность изменения собственного поведения в соответствии с ситуацией [11].

Соответственно, задача подготовки будущих специалистов заключается в том, чтобы сформировать у них готовность в достаточной мере реализовать функции профессиональной саморегуляции.

Сам же процесс формирования у студентов, будущих специалистов по адаптивной физической культуре, умений и навыков профессиональной саморегуляции осуществляется посредством развития механизмов контроля поведения, профессиональной рефлексии [5].

Параллельно происходит усвоение знаний о роли саморегуляции в профессиональной деятельности. Элементы профессиональной саморегуляции специалиста трансформируются в неотъемлемые личностные черты, благодаря чему формируется механизм профессиональной регуляции поведения.

Обращаясь к исследованию данного механизма, следует сказать о том, что ключевой особенностью саморегуляции является ее целостно-системный характер,

пронизывающий фактически все аспекты активности субъекта профессиональной деятельности. В этом смысле каждая отдельная функциональная возможность личности, физический или психологический ресурс, является в той или иной степени структурным компонентом саморегуляции субъекта профессиональной деятельности, в результате чего у субъекта обучения формируется соответствующий регуляторный опыт.

Компонент регуляторной опытности – важнейший элемент саморегуляции, основанный на предыдущем опыте личности, полученном в процессе контроля поведения.

Рассматривая данный компонент, отметим, что сегодня категория «психологический (регуляторный) опыт» не находит серьезного обоснования в общей и возрастной психологии. Изредка данная категория встречается в научных статьях, рассматривается как единство знаний, умений, навыков, эмоций, связанных с осуществлением профессиональной деятельности, как комплекс ценностного опыта (опыта определения предпочтений в профессиональной деятельности) и операционального опыта (опыта развития профессиональной деятельности в соответствии с ее целями) [3].

В тоже время в научных исследованиях широко используются категории «жизненный опыт», «жизненная модель», «опыт поведения».

На наш взгляд, «регуляторный опыт» более рельефно и содержательно раскрывает природу опытности личности в сфере профессиональной деятельности, поскольку он базируется на специфических навыках контроля поведения в типичных (стандартных) ситуациях профессиональной деятельности. Более того, профессиональная деятельность человека базируется на многочисленной совокупности опытов (интеллектуальном, познавательном, апперцептивном, нравственном, эстетическом, культурном, профессиональном и т.д.), которые становятся своеобразными единицами регуляторного опыта.

При этом, сам по себе регуляторный опыт является, с одной стороны, следствием участия субъекта в профессиональной деятельности, а с другой – следствием воспитания, самовоспитания и обучения.

Опираясь на такое понимание регуляторного опыта, его сущность, с точки зрения профессиональной практики, может быть определена как совокупность знаний, умений и навыков, полученных студентом в процессе практической учебно-воспитательной деятельности, позволяющих ему самостоятельно регулировать свое психическое состояние, используя для этого совокупность элементов саморегуляции.

Как показывает анализ литературы, составными частями структуры профессиональной саморегуляции будущих специалистов являются ее компоненты, которые через реализацию соответствующих функций дают возможность задействовать механизмы профессиональной саморегуляции и повышать ее уровень. Что касается определения компонентов структуры профессиональной саморегуляции будущих специалистов, то за основу их выделения взяты исследования Г. А. Качан [1], В. Чайки [7], в которых каждый компонент реализует одну доминантную функцию (табл. 1).

Таблица 1

Структура профессиональной саморегуляции будущих специалистов

Компоненты ПСРП	Доминантные функции
Мотивационный компонент отражает осознанные моральные понятия, общекультурные и профессионально-педагогические ценности, профессиональные требования к личности и деятельности специалиста, которые стимулируют социальную и познавательную активность будущих специалистов, направленную на профессиональную самореализацию	Аксиологическая функция, предполагает осознание общечеловеческих ценностей и ценностей профессиональной профессии, мотивации, формирование идеалов, уровня притязаний, системы социальных убеждений, мировоззрения, самооценки.

Продолжение табл. 1

Рефлексивный компонент предусматривает сравнение учителем своего опыта с опытом коллег, осознание положительных и отрицательных аспектов собственной деятельности, оценку и самооценку, выделение качеств, способствующих повышению профессионального уровня.	Функция планирования и прогноза, которая включает теоретические знания и опыт специалиста и предусматривает моменты целеполагания и моделирования по реализации потребностей, мотивов, интересов, установок, отношений личности учителя
Эмоционально-волевой компонент заключается в умении специалиста проявлять выдержку, эмоционально отвечать на вопросы учащихся, осознавать собственные чувства, регулировать свои отношения и общения	Функция самосубъектного влияния, которая отвечает за выдержку, самообладание и эмпатию
Деятельностный компонент предполагает умение осуществлять самоанализ, самоконтроль, самокоррекцию поведения, личности и деятельности в различных ситуациях, осознавать цель собственных действий, учитывать полученный результат; причем образцы такой деятельности трансформируются в знания, образы, картину мира учителя	Корректирующая функция, которая заключается в умении корректировать, контролировать и оценивать собственную деятельность, анализировать ее эффективность как в привычных, так и в нестандартных условиях, учитывая полученный результат и силу, интенсивность, скорость, пластичность, стабильность своих действий

В результате взаимодействия исследуемых компонентов механизма саморегуляции студент обретает важнейший признак субъектности в профессиональной деятельности, а именно признак адаптации к условиям труда и требованиям профессии.

В этой связи в современной профессиональной науке формируется понимание того, что недостаточным является только вооружение будущего специалиста профессиональными знаниями и умениями на этапе его подготовки в высшем учебном заведении. Необходимо, усиливая преемственность между образовательной и профессиональной средами, разрабатывать новые подходы к решению профессиональных проблем, связанных с вхождением молодого специалиста в профессиональную сферу – адаптации в профессии.

Исследователи рассматривают профессиональную адаптацию как многоуровневый процесс, который начинается с момента начала человеком трудовой деятельности и может продолжаться даже в течение всей его жизни; как взаимное приспособление работника и организации, основывающееся на постепенном включении работника в процесс производства в новых для него профессиональных, психофизиологических, социально-психологических, организационно-административных, экономических, санитарно-гигиенических и бытовых условиях труда и отдыха [6].

Со своей стороны мы можем в структуре адаптации личности к профессиональной деятельности выделить профессиональный, социально-психологический, социально-организационный, культурно-бытовой и психофизические факторы профессиональной адаптации. Все перечисленные структурные факторы профессиональной адаптации тесно взаимосвязаны в едином процессе и в то же время имеют относительную автономность по содержанию, методам и времени хода событий.

Адаптированность человека к профессиональной деятельности проявляется в его реальном поведении, в конкретных показателях трудовой деятельности: эффективности труда, усвоении социальной информации и ее практической реализации, в росте всех видов активности, удовлетворенности различными сторонами трудовой деятельности.

Итак, профессиональная адаптация – это результат личностных изменений в процессе согласования профессиональных намерений, качеств личности и требований к

конкретной профессиональной деятельности по адекватному реагированию на личные изменения, изменения профессиональной деятельности и профессиональной среды под влиянием факторов, которые возникают.

Проведенный анализ содержания адаптации в профессиональной деятельности вызвал потребность ее изучения с позиции детерминации процесса саморегуляции личностными ресурсами, мобилизация которых обеспечивает выполнение программы и стратегий поведения субъекта. Нами предлагается, в этой связи, понятие «личностные ресурсы профессиональной адаптации», которые рассматриваются как индивидуально-психологические свойства личности будущих специалистов, образованные в результате взаимодействия мотивационно-ценностных, регуляторных и эмотивных ресурсов, без чрезмерных психологических затрат, которые способствуют их успешной адаптации к профессиональной деятельности.

В основу концептуальной модели адаптации будущих специалистов к профессиональной деятельности положены такие ресурсы, как социально-психологический, личностный и профессионально-компетентностный, реализуемые через собственный регуляторный потенциал, обеспечивая адаптацию будущих специалистов к профессиональной деятельности (рис. 1).

В приведенной схеме регуляторный потенциал находится в центре механизма профессиональной адаптации, представленный переменными, характеризующими устойчивые стратегии и способы организации поведения и его саморегуляции.

Также, в структуру данного механизма включены иные элементы, формирующие профессиональную субъектность личности.

Так, социально-психологический ресурс характеризуется социально-профессиональной компетентностью, то есть представлениями субъекта о профессии, ее преимуществах, трудностях, проблемах и т.п. Потенциалом реализации профессионально-компетентностного адаптационного ресурса являются профессиональные знания, умения и навыки.

Личностный ресурс адаптации реализуется благодаря ряду мотивационно-ценностных потенциалов, выраженных в самооценке, профессиональной мотивации, ценностях, личностно-профессиональной направленности и профессиональной идентичности, что является своеобразным ориентиром профессиональной самореализации будущего специалиста; а также эмотивного потенциала, выраженного такими свойствами личности, как стрессоустойчивость, эмоциональный интеллект, личностные состояния (тревожность, агрессивность).

Реализуются упомянутые выше потенциалы на индивидуальном, субъектно-деятельностном, личностном уровнях, а также на уровне индивидуальности. Упомянутые структурные компоненты функционируют как целостный процесс, обеспечивая эффективность адаптации и развитие личностной и профессиональной самореализации.

В тоже время, результаты анализа учебных планов, программ, учебников и пособий по психолого-педагогическим дисциплинам, диагностика уровня сформированности знаний и умений будущих специалистов, свидетельствуют о значительном отставании их подготовки от требований современности. Имеет место слабая направленность учебного процесса на формирование ценностных ориентаций будущего специалиста, на развитие навыков контроля поведения, самоанализа, эффективной профессиональной коммуникации.

Наши наблюдения позволяют сделать вывод о том, что технологию формирования способностей студентов к профессиональной саморегуляции целесообразно реализовывать в три этапа:



Рис. 1. Концептуальная модель адаптации будущих специалистов к условиям профессиональной деятельности (составлено автором)

1. Пропедевтический (I курс) предполагает актуализацию и формирование знаний студентов о самовоспитании и саморазвитии, требования к личности специалиста, рекомендации по его саморегуляции, организацию самостоятельной работы.

2. Основной (II, III курсы) содержит актуализацию профессионально – значимых знаний, включение в их систему новых понятий и определений, которые являются элементами теории саморегуляции, а также систематизацию и обобщение последних. Во время проведения практических занятий и выполнения индивидуальных учебно-исследовательских задач (в частности по физической культуре и основам профессионального мастерства) активизируются саморегуляционные процессы будущих специалистов, формируется опыт и механизмы их профессиональной саморегуляции.

3. Коррекционный (IV курс) обеспечивает использование студентами знаний и умений профессиональной саморегуляции и их коррекцию во время прохождения профессиональной практики в «живых» ситуациях учебного процесса, непосредственной профессиональной деятельности. Основная цель подготовки студентов к профессиональной саморегуляции – формирование знаний, умений, навыков и опыта ее осуществления.

В рамках третьего этапа обсуждают результаты применения навыков профессиональной саморегуляции будущих специалистов. Показателем эффективности можно считать комплексную оценку готовности будущих специалистов к профессиональной саморегуляции.

Последнюю диагностируют на основании результатов учебной деятельности студентов, уровня их активности на лекциях, семинарских и лабораторно-практических занятиях, качества выполнения индивидуальных заданий и успешности прохождения профессиональной практики. Таким образом, профессиональная саморегуляция будущего специалиста должна формироваться уже с первых дней обучения в высшем учебном заведении.

При изучении различных учебных предметов трансформируется мировоззрение, углубляется самопознание и гармонизируются отношения с людьми. В этом процессе особенно большое значение имеет накопление собственного опыта осуществления профессиональной деятельности (во время пропедевтических практик, лабораторно-практических занятий, написания курсовых и индивидуально-исследовательских работ, профессиональной практики).

Заключение. Развитие профессиональной саморегуляции специалистов адаптивной физической культуры – многогранная проблема, которая требует от ученых, самих будущих специалистов, руководителей учебных заведений совместных действий, взвешенных решений и творческих поисков. Решение данной проблемы следует рассматривать как важнейшую педагогическую задачу ВУЗов, готовящих кадры для сферы адаптивной физической культуры, поскольку именно развитие профессиональной саморегуляции способствует успешности, профессиональной надежности будущего специалиста, является неотъемлемой частью профессиональной самоорганизации.

Особо важным аспектом решения данной проблемы следует считать формирование у студентов регуляторного опыта и развитие адаптационных механизмов, определяющих успешность вхождения молодого специалиста в профессиональную среду. Актуальность данной проблемы определяет содержание дальнейшего исследования, которое направлено на решение проблемы повышение уровня профессиональной саморегуляции в процессе профессиональной подготовки будущих специалистов адаптивной физической культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Качан Г. А. Развитие навыка осознанного саморегулирования будущих учителей экономики / Г. А. Качан // Сб. трудов межвузовской научно-практической конференции «Современные проблемы

- становления профессионально-педагогической культуры» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rspu.edu.ru/article/index.php?id_article=287&id_page=15 (дата обращения: 16.03.2020).
2. Фролова Т. Н., Шашурина Г. В. Методология научного познания как основа научного творчества / Т. Н. Фролова, Г. В. Шашурина // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 4. – С. 298-301.
 3. Осадчук О. Л. Технология создания в образовательном процессе вуза ситуаций освоения будущим педагогом регуляторного опыта / О. Л. Осадчук // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2018. – № 3 (192). – С. 79-84.
 4. Сафонова Т. О. Уровневые характеристики саморегуляции личности / Т. О. Сафонова, И. С. Морозова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2010. – № 3. – С. 100-107.
 5. Тур Р. И. Педагогическая рефлексия – основа формирования творческого саморазвития личности // Управление школой. – 2014. – № 13. – С. 22-26.
 6. Федяева А. М. Адаптация работников как фактор мотивации // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-rabotnikov-kak-faktor-motivatsii/viewer> (дата обращения: 16.03.2020).
 7. Чайка В. М. Подготовка будущего учителя к саморегуляции педагогической деятельности: монография / под ред. Г. В. Терещука. – Тернополь: ТНПУ, 2006. – 275 с.

Поступила в редакцию 19.03.2020 г.

THE STRUCTURE AND STAGES OF THE FORMATION OF THE REGULATION OF THE PSYCHE IN THE PROFESSIONAL ACTIVITIES OF SPECIALISTS IN ADAPTIVE PHYSICAL EDUCATION

Ye. V. Yakovleva

The article considers the professional self-regulation of specialists in adaptive physical structure, its structure is examined, the stages of formation and the importance from the point of view of adaptation in the professional pedagogical environment are determined. It is proved that ignoring professional self-regulation, as an important area of professional education, cannot provide a comprehensive, quality training for future professionals for productive professional activities. The author proposes a conceptual model of adaptation of future specialists to the conditions of professional activity, defines the concept of “regulatory experience”, considers the resources of personality adaptation in the profession

Key words: self-regulation, training, structure, stages, adaptation, resources, adaptive physical education.

Яковлева Екатерина Викторовна

Кандидат биологических наук, доцент;
Доцент кафедры проблем человека и философии
здоровья
ГОУ ВПО «Луганский национальный
университет имени Владимира Даля».
E-mail yakatyav@gmail.com

Yakovleva Yekaterina Viktorovna

Candidate of biological sciences, associate professor.
Associate Professor, Department of the human problems
and philosophy of the health,
SEI HPE «Lugansk Vladimir Dahl National University».
E-mail yakatyav@gmail.com

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки» принимаются не опубликованные ранее научные работы, содержащие новые результаты исследований в области истории, философии, филологии, педагогики. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, учитывая научную значимость и актуальность представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительна, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статьи авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

2. Рукопись подаётся в одном экземпляре (на русском или английском языках), напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объём рукописи, как правило, не должен превышать 15000 – 20000 знаков, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с рукописью на адрес редколлегии (terkulov@rambler.ru) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD, Office 97-2010). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

Основной текст статьи — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

Текст набирается без автоматической расстановки переносов.

Поля **зеркальные**: верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

Абзацный отступ — 1 см.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей структурной схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);

– Через строчку: копирайт ©, год (без точки), (три пробела), инициалы и фамилия авторов: полужирный, курсив, выравнивание по левому краю без абзацного отступа (полужирный курсив).

– На следующей строке: официальное название организации (курсивом).

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объемом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи

проведенного исследования, а также его основные результаты. *Ключевые слова* (это словосочетание – курсивом) (3–5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 811.161.1'373.611

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ ПОД СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫМ

© 2016. *А. В. Петров*

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

В статье проанализированы глагольные конструкции с предлогом *под*, имеющим сравнительно-уподобительное значение. В глагольных конструкциях исследованы компоненты логической формулы сравнения, их состав и лексическая наполняемость: отнесённость к именам одушевлённым или неодушевлённым, именам нарицательным или собственным, конкретным или абстрактным, арте- или биофактам.

Ключевые слова: глаголы со значением подобия, глагольные конструкции с предлогом под, сравнительно-уподобительное значение предлога под, логическая формула сравнения.

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи в порядке ссылок в тексте (а не в алфавитном порядке) на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю.

Образец

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М. : Наука, 1990. – С. 5–33.

2. Белозерова Е. В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е. В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
3. Леонтьев А. А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А. А. Леонтьев. – Режим доступа: [http : // genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml](http://genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml) (дата обращения: 25.10.2014).
4. Магера Т. С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т. С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.
5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е. С.] – М. : Мысль, 2000. – 347 с.

– Далее приводится текст на английском языке (10 кегль):

○ название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),

○ инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),

○ аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words**: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

Образец.

VERBAL CONSTRUCTIONS WITH THE PREPOSITION ‘UNDER’ IN THE MEANING OF COMPARISON AND SIMILARITY

A.V. Petrov

The study deals with the constructions formed on the pattern «the verb with the meaning of similarity + preposition *under* with the meaning of comparison and similarity + the noun in the Accusative case». The components of the logical formula of comparison have been considered as well as their structure and lexical characteristics. The following lexical features have been revealed: their relatedness to animate or inanimate names, concrete or abstract names, generic names or proper names, artifacts or bio facts.

Key words: verbs with the meaning of similarity, verbal constructions with the preposition *under*, the preposition *under* in the meaning of comparison and similarity, a logical formula of comparison.

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора отдельная таблица):

- Фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (без выделения).
- Должность (без выделения).
- Адрес электронной почты каждого автора.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

<p>Петров Александр Владимирович. Доктор филологических наук, профессор. ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». Заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики. E-mail: liza_nada@mail.ru.</p>	<p>Petrov Alexandr Vladimirovich. Doctor of Philology, Professor. Taurida Academy of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Head of Russian, Slavic and General Linguistics Department. E-mail: liza_nada@mail.ru.</p>
---	---

4. Отдельным файлом подаются сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, учёная степень, учёное звание, место работы, должность, почтовый адрес, телефон, E-mail) – для авторской картотеки «Вестника».

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом

фамилия и инициалы автора набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт).

Образец

Петров А. В. Глагольные конструкции с предлогом под со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition 'under' in the meaning of comparison and similarity

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

9. Контактная информация:

83001, г. Донецк, пр. Гурова, 14, Кафедра философии (ауд. 509, 510).

Ответственный редактор: **Андрienко Елена Владимировна**, д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры философии Донецкого национального университета (E-mail: elena_andrienko8@mail.ru).

Ответственный секретарь: **Разумный Виталий Витальевич**, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры всемирной истории ДонНУ (E-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Б. Гуманитарные науки

Научный журнал

2020. – № 1

На русском, украинском и английском языках

Технический редактор: *М.В. Фоменко*

Свидетельство о регистрации СМИ № 000076 от 21.11.2016 г.

Подписано в печать 29.05.2020 г.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Условн. печ. л. 28,7
Тираж 100 экз. Заказ № 20дек32

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: (062) 302-92-27.

Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.